This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

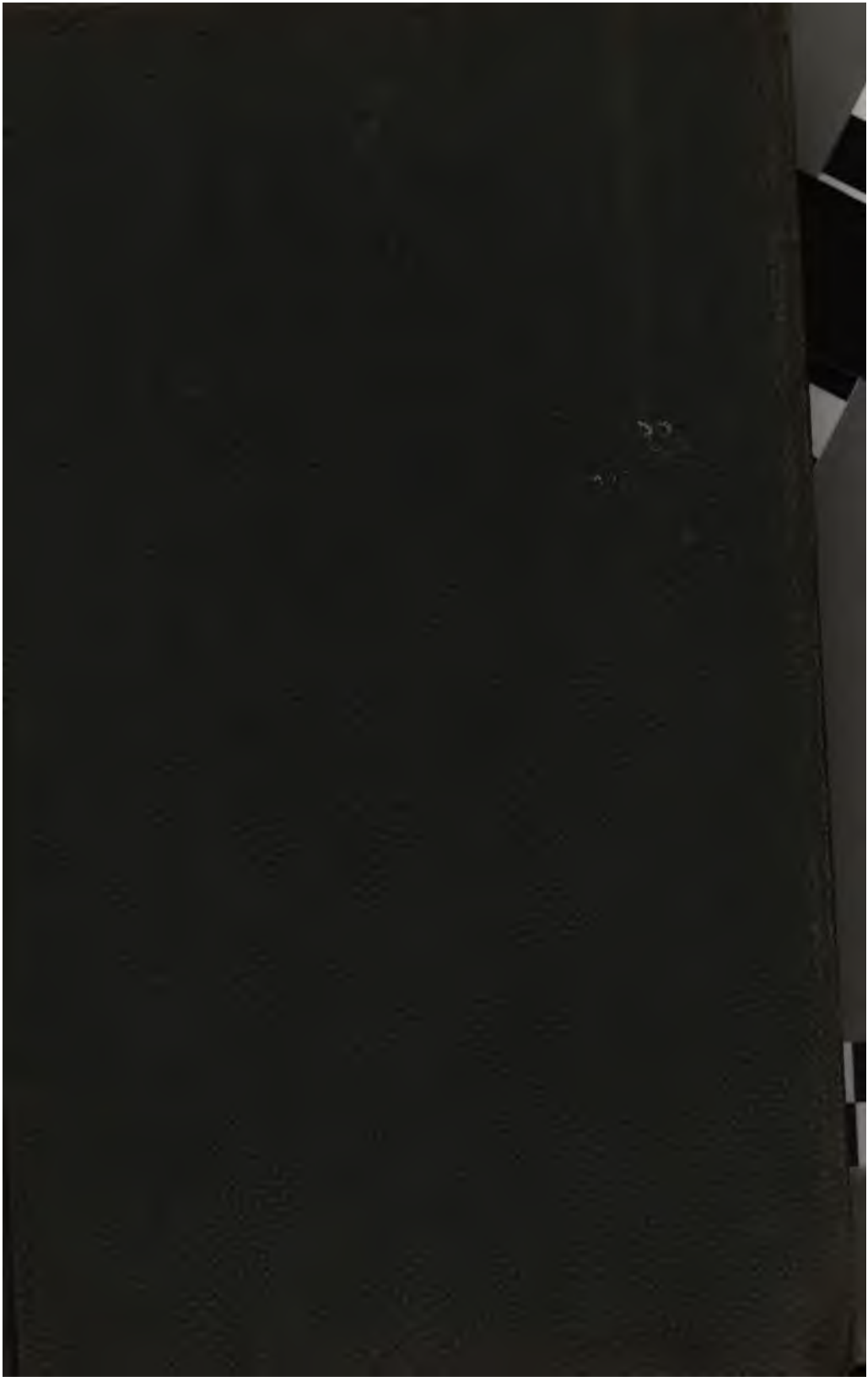
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



EX LIBRIS
Dr. H. Climenko

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

ЕВРЕЙКА.

(Изъ преданій).

Въ былые дни, въ одномъ изъ городовъ
Испаніи, еврейка проживала;
Пріютомъ ей служилъ убогій домъ
Почти въ концѣ пустыннаго предмѣстья.
Жила она совсѣмъ одна; ни съ кѣмъ
Не зналася; единственной отрадой,
Единственнымъ блаженствомъ было ей—
Боготворить ребенка-сына, съ бѣлымъ,
Какъ снѣгъ, лицемъ, глазами, точно бархатъ,
Кудрями мягче шелка...

Жизнь свою
Вела она спокойно, посвящая
Весь день труду. Религія ея
Въ сосѣдствѣ никому не причиняла
Тревогъ и опасеній; съ дня того,
Когда она сюда переселилась
Изъ дальнихъ странъ, тая въ душѣ своей

Святыхъ отцевъ, не торопясь, искусно
Опутывать еврейки домикъ сталъ
Невидимою сѣтью; допытались,
Что тамъ ѣдятъ; узнали, что она
Постилася однажды три дня сряду,
Въ другой-же разъ—о ужасъ!—прѣсный хлѣбъ
Себѣ пекла! Да, прѣсный!.. Ересь, ересь!..
И наконецъ извѣстно стало имъ,
Что никогда она не покупала
Себѣ свиньи!.. Чего-жъ еще? Какихъ
Еще уликъ?..

И вотъ они схватили
Несчастную съ ребенкомъ, и къ судьѣ
Доставили находку... Вѣдь еврейка,
Еврейка настоящая! Какой
Чудесный кладъ!..

Три дня въ темницѣ грязной
Ихъ голодомъ морили. Устремивъ
Взглядъ чудныхъ глазъ безмолвно и печально
На мать свою, ребенокъ будто ей
Хотѣлъ сказать: „да что-же приключилось
Ужаснаго, что голодаю я,
Когда *ты* здѣсь?..“ На дорогаго сына
Страдалица смотрѣла, и въ тоскѣ,
Въ отчаяньи ломала руки... Боже!
Да неужли найдется существо

Столь звѣрское, чтобъ осудить на пытку
Невиннаго младенца?.. Было ей
Однакоже извѣстно, что желая
Не допускать заблудшихся коснѣть
Въ безвѣріи, судилище святое
Охотно отправляло въ небеса
Безгрѣшныя младенческія души...
И, полная невыразимыхъ мукъ,
Несчастная старалась улыбаться
И съ нѣжностью шептала: „Милый сынъ,
Не бойся! мы домой вернемся скоро!“
Но онъ смотрѣлъ съ сомнѣніемъ такимъ
Въ ея глаза, что бодрость пошатнулась
Въ ея душѣ. „Насъ слышать могутъ здѣсь,
За этими стѣнами—прошептала
Она ему;—не будемъ говорить“.
Молчаніе такое было легче
Для матери, чѣмъ лживыя слова,
Сулившія надежду...

Скоро стали
Водить ихъ въ судъ; почтеннымъ судьямъ былъ
Нелегкій трудъ—построить обвиненье,
Какъ слѣдуетъ, на фактахъ; предстоитъ—
Признаніе конечно вызвать пыткой,
А сжечь ее успѣютъ и потомъ!
Но какъ они безмѣрно изумились,
Когда она не стала ничего

Опровергать, и прямо и смиренно
Созналась имъ. Да и къ чему бы ей
Упорствовать? Надежды на спасенье
Нѣтъ никакой; желаніе одно
Въ ея душѣ: освободить отъ смерти
Свое дитя—и умереть самой,
Какъ умерли отецъ, и мужъ, и братья!..
Во всѣхъ грѣхахъ она созналась. Но
Когда судья ей предложилъ отречься
Торжественно отъ вѣры предковъ—въ ней
Проснулись вдругъ энергія и воля.
„Нѣтъ, никогда!—воскликнула она;—
У насъ въ семьѣ всѣ слѣдовали свято
Еврейскому закону; въ немъ и я
Какъ родилась, такъ и умру еврейкой!“
Ну, если такъ, что̀ голову ломать!
Одинъ судья, мужъ опытный и мудрый,
Тотчасъ рѣшилъ: „Волчицу надо сжечь—
И не одну: съ волченкомъ. А иначе
Чрезъ десять лѣтъ опять вѣдь строй костеръ
И для него, поганаго отродья!
Притомъ же онъ покамѣсть разведетъ
Здѣсь въ городѣ и самъ жидовъ проклятыхъ...
Такъ ужъ заразъ не лучше-ль кончить намъ?
Вѣдь чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!“

Согласились
Съ практическимъ рѣшеньемъ судьи всѣ

Почтенные. Еврейка замирала
Отъ ужаса и скорби, взглядъ вперивъ
Въ свое дитя... О, звѣри, неужли-же
Не тронутъ васъ ни эта красота
Небесная, ни этотъ нѣжный возрастъ,
Ни чистота нетронутой души—
Ничто, ничто!..

И вдругъ въ умѣ несчастной
Мелькнула мысль—она спасетъ его,
Онъ будетъ живъ!—„Ребенокъ этотъ, судьи,—
Христіанинъ!“ воскликнула.—„Ты лжешь!
Ты лжешь! Твой сынъ?..“ И медленно, и глухо—
„Онъ мнѣ не сынъ!“ отвѣтила она.

Но страшное сомнѣніе терзало
Страдалицу: „Имѣю-ль право я
Такъ поступить? Имѣю-ль право, Боже,
У твоего закона отымать
Дитя того, кто былъ слугою вѣрнымъ
Религіи и за нее погибъ,
Какъ мученикъ?..“

Была одна минута,
Когда она рѣшилась взять назадъ
Свои слова... Но взоръ ея на сына
Въ тотъ мигъ упалъ... О, Господи! Отдать
Огню костра всю эту нѣжность, прелесть,
Невинность!.. Нѣтъ!.. Крикъ слабости въ себѣ

Убила мать—и судьи слышатъ снова
Холодныя слова: „онъ мнѣ не сынъ!“
„Родимая!—воскликнулъ мальчикъ нѣжно,—
Я твой Мигель, дитя твое!..“ Она-жъ
Отворотясь, но холодно и строго
Показывала судьямъ: „Я его
Похитила въ Севильѣ, въ самомъ раннемъ
Младенчествѣ...“—„Съ какою-жъ цѣлью ты
Похитила ребенка?“ инквизиторъ
Ее спросилъ.—Она смутилась: „Я...
Несчастіе тогда имѣла... сына
Роднаго потерять...“ И по лицу
Украдкою одна слеза скользнула—
И смолкнула несчастная...

Суду
Святая ложь нелегкую работу
Доставила; исторіи такой
Мудренѣйшей повѣрить затруднялись
И самые ретивые... Въ тюрьму
Свели ихъ вновь,—и здѣсь, когда остались
Они вдвоемъ, дитя, припавъ на грудь
Родимую, рыдая, повторяло:
„Мать, я твой сынъ!“

А мученица-мать
Терзаемая страхомъ, не посмѣла
Ему сказать: „дитя мое!“ прижать

Къ своей груди, кудрявую головку
Осыпать поцѣлуями... „Нѣтъ, нѣтъ!—
Съ отчаяннымъ усильемъ повторила
Несчастная;—нѣтъ, я тебѣ не мать...
Мой сынъ... родной... давно, давно ужъ умеръ...
Ты мнѣ чужой... тебя украла я...
Когда ты былъ еще груднымъ ребенкомъ...
Ты сирота... мать умерла твоя...
Но... но, Мигель... когда христіаниномъ
Ты будешь жить... порою вспоминай
И обо мнѣ... вѣдь я тебя любила,
Лелѣяла...“

Ребенокъ все рыдалъ,
И крикъ его: „я сынъ твой, сынъ! я крѣпко
Люблю тебя!“—вонзался въ сердце къ ней
Какъ острый ножъ. Но вынесъ злую пытку
Геройскій духъ—и съ тайною своей
Осталась мать...

Мучительно, жестоко
Тянулась ночь... но вотъ свѣтаетъ... вотъ
У двери шумъ... По долгомъ размышленьи,
Почтенный судъ, признавши, что разсказъ
Невымышленъ, явился въ полномъ блескѣ,
Съ хоругвями, крестами—взять дитя
Изъ гнусныхъ рукъ. „Позвольте мнѣ проститься—
Въ послѣдній разъ поцѣловать его“,

Просила мать.—„Прочь!—крикнулъ инквизиторъ;—
Твое прикосновенье осквернитъ
Спасенную невинность христіанской
Младой души, воскреснувшей для насъ!..
Проклятая жидовка! На колѣни!
И у него за твой великій грѣхъ
Проси, моли прощенья!“

И еврейка
Подвижница, колѣни преклонивъ,
Лишаясь чувствъ, глаза поднявши къ небу,
Произнесла: „прости меня, прости!..“

И двинулись отцы святые съ пѣньемъ
Торжественнымъ; но долго не могло
Оно покрыть отчаянные вопли
Несчастнаго ребенка...

Наступилъ
Желанный день. Костеръ во славу Бога
На площади воздвигнутъ; отъ толпы
Проходу нѣтъ—всѣ жаждутъ видѣть кару
За страшный грѣхъ. А межъ духовныхъ лицъ,
Весь въ бѣлое одѣтый, на почетномъ
Сѣдалищѣ, ребенокъ помѣщенъ,
Вновь церковью святою обрѣтенный...
Такъ странно все, такъ дико для него!
Съ такимъ тупымъ, безмолвнымъ изумленьемъ

Кидаетъ онъ оторопѣлый взглядъ
Вокругъ себя...

Но вотъ заколыхалось
Все сборище—и мальчикъ издали
Увидѣлъ мать... Изнеможеннымъ шагомъ,
Держа въ рукѣ зажженную свѣчу,
Съ веревкою на шеѣ, низко-низко
Склонивъ главу, шла жертва... Онъ вскочилъ.
Какъ раненый, съ ужаснымъ, дикимъ крикомъ
Рванулся къ ней—и въ жилахъ у нея
Застыла кровь... Безчувственные звѣри,
Чудовища! Иль недовольно вамъ
Тѣлесныхъ мукъ? Вамъ хочется и сердце
Въ ней истерзать, заставивши ее
Свое дитя увидѣть *здѣсь*—увидѣть
Свидѣтелемъ ужасной казни!...

Онъ
Все рвался къ ней, отчаянно боролся
Съ преградами... И стало страшно ей.
«Его убьютъ!» мучительно мелькнуло
Въ ея умѣ—и, отвративъ лице,
Она прошла холодная, нѣмая,
Предъ дорогимъ ребенкомъ... Приговоръ
Прочитанъ вслухъ; палачъ, зажженный факелъ
Держа въ рукѣ, приблизился... и тутъ
Поднять глаза страдалица рѣшилась.

Предъ нею сынъ... Не видя и слѣда
Въ ея глазахъ ни материнской скорби,
Ни нѣжности, онъ говорилъ себѣ:
«А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ правда—
Ея слова, и въ самомъ дѣлѣ я
Для ней чужой!»... И тягостнымъ сомнѣньемъ
Подавленный, въ отчаяньи, найти
Старался онъ въ своихъ воспоминаньяхъ
Другую мать... А церковь между тѣмъ
Торжественно привѣтствовала подвигъ
Побѣдный свой!.. И изнемогъ тогда
Геройскій духъ. Въ предсмертной страшной мукѣ
Поднявъ глаза, еврейка позвала
Свое дитя. И въ этомъ взглядѣ правду
Великую прочелъ онъ... «Мать моя!»
Раздался крикъ... А пламя разгоралось
Сильнѣй, сильнѣй... И испустила духъ
Подвижница—съ утѣшенной душою,
Счастливая, забывшая...

Но сынъ
Не позабылъ... Остался онъ евреемъ.

Петръ Вейнбергъ.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ.

(Быль).

Грустная исторія, составляющая предметъ настоящаго очерка, не есть продуктъ творческой фантазіи художника, не авторскій вымыселъ. Это, къ сожалѣнію, правдивое сказаніе, ничего общаго не имѣющее съ беллетристическимъ произведеніемъ. Это—страничка, случайно вырванная изъ длиннаго ряда повѣствованій о мученическомъ житьѣ-бытьѣ страстотерпцевъ, созданныхъ необузданной фантазіей свирѣпаго Аракчеева и его послѣдователей. Это—быль, въ возможность которой наши ближайшіе потомки врядъ-ли повѣрятъ, но тѣмъ не менѣе тяжкая, давящая быль, разсказанная человѣкомъ, вынесшимъ ее на своихъ плечахъ. Простой, безъискусственный разсказъ бывшаго кантониста, непредназначенный для печати, мы передаемъ по возможности полно, насколько память дозволяетъ, со стенографическою точностью.

Если этотъ разсказъ произведетъ на читателя такое же впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на слушателя, то моя задача будетъ вполнѣ достигнута.

I.

Почтовый поѣздъ только что вышелъ изъ мрачныхъ нѣдръ огромнаго столичнаго вокзала. Пассажиры отыскиваютъ свои мѣста, усаживаются, приводятъ въ порядокъ плэды, подушки, ручной багажъ, закуриваютъ папиросы, вынимаютъ газеты и книжки. Въ головѣ еще не улегся шумъ отъ вокзальной суеты, вызванной бѣготней въ кассу, покупкой билета, отыскиваніемъ

подходящаго мѣста, спѣшными прощаніями, лобзаніями, рукопожатіями на ходу. Наконецъ все приведено въ порядокъ, пассажиръ озирается кругомъ, прилаживается къ новой обстановкѣ и начинаетъ внимательно разсматривать пестрый составъ вагонной публики.

На повѣрку выходитъ, что публика все чистая, элегантная, хоть куда. Демократическихъ вагоновъ 3-го класса въ почтовомъ поѣздѣ не полагается. Преобладаютъ вагоны 1-го класса; 2-й классъ обрѣтается въ меньшинствѣ. Поѣздъ заграничный, публика наполовину состоитъ изъ настоящихъ иностранцевъ, наполовину—изъ такъ-называемыхъ «коренныхъ» и полукоренныхъ. Съ приближеніемъ къ каждой новой станціи, русскій элементъ очевидно слабѣетъ, замѣняясь нерусскими путниками. Въ нашемъ вагонѣ, кажется, не было ни одного истаго россіянина. Вотъ рядомъ со мной помѣстился чахлый грекъ, родомъ съ острова Корфу. Онъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ съ разными проектами и розовыми надеждами на быстрое обогащеніе, а теперь возвращается на родину съ отощавшимъ кошелькомъ, несомнѣнными признаками злой чахотки и въ сопровожденіи ревнивой, восьмипудовой Ксантиппы. Онъ ни слова не говоритъ по русски; кромѣ своего роднаго языка, онъ недурно изъясняется по-итальянски, ругательски ругаетъ своихъ соотчичей и единовѣрцевъ — грековъ и кацаповъ — надувавшихъ его на каждомъ шагу въ негостепріимной столицѣ, по его словамъ, кишащей сплошь мазуриками.

— O, Dio mio, quanto ci sono birbanti in questo maladetto Pietroburgo!—постоянно восклицалъ этотъ злосчастный потомокъ Алкивіада.

Вотъ, по другую сторону, усѣлся самодовольный нѣмецъ съ лоснящимся лицомъ, гладко выбритымъ двойнымъ подбородкомъ и неизбѣжной зловонной сигарой. Этотъ не жалуется на Россію, какъ грекъ. Напротивъ, онъ ею очень доволенъ. Его дѣла въ отличномъ положеніи, а самъ онъ лѣзетъ въ ширь. Хотя онъ говоритъ какимъ-то смѣшаннымъ нѣмецко-русскимъ языкомъ, но русскій ругательный лексиконъ онъ изучилъ основательно, повторяетъ его отчетливо и съ видимымъ удовольствіемъ.

Самымъ молчаливымъ пассажиромъ нашего вагона оказался,

къ моему крайнему изумленію, французъ, по виду не то commis voyageur, не то прогорѣвшій содержатель загороднаго кафе-шантана. Но за то шумѣли представители польскаго элемента, обладавшіе такими разнообразными голосовыми средствами, которымъ бы навѣрное позавидовалъ регентъ любаго хора пѣвчихъ. Эти господа все время трещали, какъ сороки, перебивая другъ друга, наполняя вагонъ пѣвучими звуками пріятнаго варшавскаго говора.

— Тшеба пану вѣдзиць, — началъ было одинъ солидный мужчина, но его моментально обрываетъ окрикъ другаго собесѣдника:

— Якъ ци кохамъ, пане Болеславе, же не моге...

— Але, дай панъ покой, коханый пане Зыгмундзе... вмѣшался третій.

— Слухай но, Стасю, чи можешь мнѣ даць... кричалъ четвертый.

— Пане Эдмундзе добродзѣю, повядамъ ци, же то остатній драбъ, надрывался тщедушный брюнетикъ, съ виду похожій на ощипанную курицу.

Странное дѣло! Чѣмъ больше я вслушивался въ этотъ кагальный гомонъ, тѣмъ болѣе закрадывалось сомнѣніе въ принадлежности крикливыхъ пановъ къ потомкамъ сподвижниковъ Яна Собѣсскаго. Нѣтъ, настоящіе «ляхи» говорятъ гораздо тише, медленнѣе, да и вообще ведутъ себя въ незнакомомъ обществѣ несравненно сдержаннѣе. Тутъ что-то не ладно, думалось мнѣ. И тема для разговоровъ совершенно не подходитъ къ извѣстному шаблону панской рѣчи, и развязность собесѣдниковъ какая-то исключительная, невольно бросающаяся въ глаза. Не говорятъ они ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни объ охотѣ, ни о политикѣ, ни даже о женщинахъ. Все больше препираются о хорошихъ сигарахъ, да о какихъ-то невѣдомыхъ дѣятеляхъ конторскаго міра. Зародившееся сомнѣніе въ происхожденіи моихъ шумливыхъ вагонныхъ сосѣдей отъ старо-польской бритоголовой шляхты получило особую силу, когда, въ теченіи разговора, случайно произносились фамиліи спорщиковъ. Оказалось, что фамилія достопочтеннаго «пана Эдмунда добродзѣя» была — панъ Пипернутеръ. Зачѣмъ произносились не менѣе благозвучныя фамиліи, въ родѣ: Лэкехманъ, Яхенфластеръ,

Турттаубъ, Фатермильхъ, Каценштейнъ, Ицекзонъ — словомъ, все несомнѣнные отпрыски чисто-славянскихъ прародителей. И ни одного щедринскаго Свербилло-Пржемпоржецкаго или Кшепшицюльскаго въ этой почтенной компаніи! Съ грустью пришлось мнѣ убѣдиться въ томъ, что ближайшіе предки всѣхъ этихъ «Болеславовъ» и «Зыгмунтовъ» хотя, навѣрное, и брили головы, но щеголяли не въ кунтушахъ и конфедераткахъ, а въ прозаическихъ лапсердакахъ и въ шлепанцахъ.

Лишь одна крупная фигура, сидѣвшая въ самомъ углу, обратила на себя особое вниманіе. Трудно было сказать, къ какой національности принадлежалъ этотъ высокій плечистый здоровякъ. Это былъ типъ западнаго фабриканта, крупнаго промышленника француза-рантьé, терзаемаго лишь одной страстью—получить орденскую ленточку Почетнаго Легіона или попасть въ мэры роднаго города. Словомъ, это былъ настоящій, такъ называемый «сытый буржуа». Именно сытый. Сознаніе этой «сытости», полнѣйшей матеріальной обезпеченности, избавляющей человѣка отъ мучительныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, сказывалось во всей его внѣшности. Онъ не курилъ, а скорѣе смаковалъ хорошую сигару, не то что нѣмецъ, сосавшій свою грошовую Regalia. Все на немъ было точно съ иголочки, цилиндръ, съ которымъ онъ почти не разставался, пальто съ настоящимъ бобровымъ воротникомъ, а не крашеннымъ, массивная золотая цѣпочка часовъ, и эти перстни чуть ли не на каждомъ пальцѣ—все это, казалось, вопіяло о своей принадлежности человѣку, который, въ любую минуту, готовъ былъ засвидѣтельствовать всенародно, что онъ сытъ, по горло сытъ и ни въ комъ не нуждается. Съ перваго раза, онъ своею внѣшностью мнѣ напомнилъ извѣстнаго всему Петербургу желѣзнодорожнаго дѣятеля Саломатова,—этого крестнаго отца всѣхъ русскихъ акціонерныхъ компаній и патентованнаго покровителя лучшихъ иноземныхъ кокотокъ. Но, вглядѣвшись по-пристальнѣе, я замѣтилъ большую разницу между заинтересовавшимъ меня пассажиромъ и типическимъ Саломатовымъ *. Ростъ, фигура, осанка, пожалуй, обликъ, дѣйствительно, напоминаютъ акціонер-

* См. „Дѣльцы“ П. Д. Боборыкина.

наго кумира, но для полноты сходства, моему незнакомцу недоставало самыхъ типическихъ особенностей, характеризующихъ прожорливаго первосвященника Ваала, такъ удачно нарисованнаго русскимъ романистомъ. Нѣтъ у него необъятнаго саломатовскаго чрева, его хищныхъ, кровью налитыхъ глазъ, какъ будто покрытыхъ волосами, нѣтъ у него, наконецъ, этой развязности, ни этого хриплаго рычанія, ни раскатистаго смѣха столичнаго кутилы-мученика, который относится ко всѣмъ явленіямъ окружающей жизни со стереотипнымъ припѣвомъ:

— Начхать!.. Наплевать!.. .

Публика все прибывала, въ вагонахъ стало тѣсно. Надо было подумать объ устройствѣ ночлега—не до наблюденій было. Мало-по-малу, все угомонилось, каждый прикурнулъ, гдѣ могъ. Разговоры сдѣлались вялыми, собесѣдники, полагать надо, порядкомъ надоѣли другъ другу и разбрелись по разнымъ угламъ. Кое-гдѣ раздались знакомые звуки храпа, и скоро нашъ вагонъ обратился въ сонное царство.

— Кто бы, однако, могъ быть этотъ интересный незнакомецъ?—раздумывалъ я, засыпая подъ мѣрную качку поѣзда, мчавшаго почтеннѣйшую публику за границу.

II.

На другой день, проснувшись рано утромъ, я замѣтилъ, что сосѣди значительно порѣдѣли. Отъ вчерашнихъ пассажировъ осталось всего человѣка два-три, въ томъ числѣ мой незнакомецъ со своимъ фактотумомъ. Здоровякъ успѣлъ уже принарядиться. Ни малѣйшаго слѣда помятости или утомленія не было на его лицѣ, точно онъ провелъ ночь у себя въ комфортабельной спальнѣ, а не въ спертомъ воздухѣ жарко-натопленнаго вагона. По временамъ, онъ вытаскивалъ изъ-подъ лавки корзинку съ припасами и винами, и уписывалъ за обѣ жирныя щеки куски жареной утки, такъ что со стороны пріятно было смотрѣть на этотъ завидный аппетитъ здороваго крѣпыша. Такъ умѣютъ устраиваться въ дорогѣ только французы. Я рѣшилъ, что мой незнакомецъ-французъ непремѣнно изъ Мар-

сѣли или, вообще, изъ Южной Франціи. Судя по нѣкоторымъ словамъ, долетавшимъ до меня изъ его разговора со своимъ фактотумомъ, должно быть его прикащикомъ, съ которымъ онъ постоянно довольно сдержанно шептался, мнѣ показалось, что онъ именно изъясняется на мѣстномъ patois, не всегда понятномъ даже людямъ, хорошо знающимъ живой разговорный языкъ глубоко симпатичныхъ сыновъ этой belle France.

Помню, на какой-то большой станціи, гдѣ поѣздъ стоялъ довольно долго, я вернулся изъ буфета, не выждавъ даже перваго звонка. Проходя мимо марсельскаго великана, о чемъ-то горячо споривша со своимъ спутникомъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ нѣкоторыхъ услышанныхъ мною словъ марсельскаго patois съ нашимъ... совѣстно сознаться... жаргономъ!.. Конечно, это вздоръ, мнѣ это могло съ перваго раза такъ показаться. Ну, посудите сами, куда французу, да еще изъ Марсели, знать жидовскій жаргонъ, да какой еще жаргонъ? Самый, что ни на есть, пронзительный. Очевидно, это нелѣпость. Такъ я на этомъ и порѣшилъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Опять продолжительная остановка, большой буфетъ, новыя личности, перемѣна декорацій, скрещиваніе поѣздовъ и все такое, что нѣсколько разнообразитъ одуряющую тоску поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ. По возвращеніи въ свой вагонъ, моимъ глазамъ представилось слѣдующее зрѣлище. Повсюду на лавкахъ разложены жестяныя коробочки, въ родѣ солдатскихъ манерокъ, публика окружаетъ моего француза, объясняющаго ей *по-русски* устройство этихъ жестянокъ на своей фабрикѣ. Но, Боже, какимъ языкомъ онъ говорилъ! Я такъ и ахнулъ... Этотъ французъ, да еще изъ Марсели, сюсюкаетъ ужасающимъ образомъ, говоритъ по-русски немногимъ лучше меламеда изъ Свѣнцянъ или Россіенъ. Просто, совѣстно было слушать его разглагольствія о томъ, что онъ не простой фабрикантъ, а «уцоный маштеръ». Вотъ-те и французъ изъ Марсели! Вся иллюзія мигомъ пропала...

Когда первыя минуты неожиданнаго разочарованія, или вѣрнѣе, конфуза миновали, я съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за его толковыми объясненіями изобрѣтеннаго имъ способа изготовленія жестяныхъ коробочекъ для шоколада, мане-

рокъ для водки, за что онъ удостоился получить медаль на московской выставкѣ. Онъ, дѣйствительно, оказался мастеромъ своего дѣла, говорилъ съ увлеченіемъ о своемъ изобрѣтеніи, глаза у него горѣли, прежняго молчаливаго толстяка нельзя было узнать. Онъ былъ въ своей сферѣ, живо отвѣчалъ на всѣ вопросы, предлагавшіеся ему внимательною аудиторіей, заинтересованною бойкимъ разсказомъ о практическихъ выгодахъ его полезнаго изобрѣтенія.

И такъ, я ошибся только въ его національности, спутавъ французскій Марсель съ литовскими Свѣнцянами, но не ошибся въ его общественномъ положеніи. Онъ, дѣйствительно, былъ крупный фабрикантъ, получающій большіе заказы изъ разныхъ концовъ Россіи, имѣющій собственные дома и заводы въ обѣихъ столицахъ, прокармливающій массу рабочаго люда и самъ живущій всласть. Наружность у него вполнѣ располагающая. Видно парень смышленный, съ головой, безъ пронырства или подхалимства, а настоящій работникъ, знающій цѣну и своему таланту и чужому труду.

Мы разговорились и довольно скоро познакомились. Я выразилъ ему свое удовольствіе познакомиться съ соплеменникомъ, занимающимся такимъ полезнымъ трудомъ, который, къ сожалѣнію, мало развитъ въ средѣ русскаго еврейства. Онъ, какъ человѣкъ бывалый, съ своей стороны, тоже не остался въ долгу. Началась безконечная канитель взаимныхъ любезностей. Не обошлось, конечно, безъ консультаціи, что всегда случается, когда знакомятся съ двумя такими житейскими спеціалистами, какъ медикъ или юристъ. Въ первомъ случаѣ спрашиваютъ совѣты: какое средство употребить противъ зубной боли или геморроя; во второмъ—какъ поступить, чтобы отпарировать кляузу или обрушиться на ближняго съ неожиданной тяжбой. Слово за слово, и мы проболтали эдакимъ манеромъ до сумерекъ.

— Знаете что?—обратился онъ ко мнѣ:—у меня есть къ вамъ одна просьба. Могу я обратиться къ вамъ съ этой просьбой?

— Сдѣлайте одолженіе. Въ чемъ дѣло?

— Изволите видѣть, дѣло нѣсколько щекотливое—замялся

мой собесѣднилъ.—Это такое дѣло, о которомъ я хотѣлъ бы поговорить съ вами съ глазу на глазъ...

— Но, согласитесь, что здѣсь, въ вагонѣ, это нѣсколько затруднительно.

— Ничуть нѣтъ. Мы можемъ это устроить ночью, когда всѣ пассажиры улягутся. Согласны?

— Съ удовольствіемъ.

Не долго пришлось мнѣ ждать наступленія этого собесѣдованія, обставленнаго такою таинственностью. Усталые путники скоро доставили мнѣ возможность узнать, въ чемъ собственно я могу быть полезенъ богатому фабриканту-домовладѣльцу. Когда послѣдній пассажиръ присоединился къ хору «храповицкихъ», огласившихъ вагонъ своими выразительными аріями, фабрикантъ, красный отъ волненія, усѣлся противъ меня и нетвердымъ голосомъ, какъ-то странно смѣшавшись, повелъ такую загадочную рѣчь:

— Извините пожалуйста за нескромный вопросъ. Вы постоянно живете въ Петербургѣ?

— Да, постоянно.

— Вы часто бываете въ судѣ?

— Часто.

— Вотъ видите-ли, тамъ разбиралось одно дѣло... одно дѣло... которое .. ужасно интересуетъ меня.

— Что это за дѣло?

— Какъ бы вамъ сказать? Судили одного отставнаго солдата, изъ евреевъ, за то... за то, что онъ... было принялъ въ дѣтствѣ православіе, а потомъ, когда вышелъ въ отставку, опять перешелъ въ іудейство.... Присяжные его оправдали.... Вы не были при этомъ?

— Къ сожалѣнію, не былъ, но знаю объ этомъ дѣлѣ, слышалъ отъ товарищей и читалъ въ газетахъ.

— Вы не можете себѣ вообразить—оживился онъ — какъ это дѣло меня волновало. Жалко, что я слишкомъ поздно узналъ о немъ. Еслибъ я зналъ раньше, то бросилъ бы всѣ свои дѣла и прискакалъ въ Петербургъ, чтобы быть свидѣтелемъ на судѣ. Помилуйте, это такое дѣло... такое дѣло... что какъ вспомню о немъ, у меня, просто, голова кругомъ идетъ

— Вы, значитъ, хорошо знали подсудимаго?

— Никогда его въ глаза не видалъ... Его-то я не знаю, но дѣло я знаю, какъ свои пять пальцевъ. Вотъ гдѣ это дѣло у меня сидитъ!.. И онъ ткнулъ кулакомъ въ свой обширный затылокъ.

— Не понимаю, какое можетъ быть у васъ отношеніе къ этому дѣлу?

— Какъ, какое у меня можетъ быть отношеніе къ этому дѣлу?—вскрикнулъ онъ, задыхаясь.—Кто же ихъ лучше знаетъ, какъ не я? Вѣдь я—бывшій кантонистъ!

— Вы—кан-то-нистъ? прошепталъ я, совершенно озадаченный этимъ неожиданнымъ признаніемъ.

— Да, кантонистъ... Да знаете ли вы, я такія муки принялъ, что мнѣ подчасъ кажется, будто все это было только во снѣ, а не на яву! Цѣлыя книги можно бы написать о томъ, что я претерпѣвалъ, пока былъ кантонистомъ.

— Какъ же вы спаслись изъ этого ада?

— Самъ не знаю... Богъ спасъ!.. Дѣйствительно я былъ въ аду. Вспомнить страшно.

— Разскажите, пожалуйста,—попросилъ я его, глубоко потрясенный тономъ послѣдней его фразы.

— Извольте. Очень радъ, что вы такъ интересуетесь моимъ прошлымъ. Только позвольте мнѣ говорить съ вами не по-русски, а по нашему. Мнѣ будетъ гораздо легче разсказывать, а то знаете, часто затрудняюсь, пріискивая слова.

— Сдѣлайте одолженіе. Я самъ люблю жаргонъ.

И онъ началъ свою скорбную повѣсть, отъ которой меня по временамъ морозъ по кожѣ подиралъ.

III.

«Я—родомъ изъ Жмуди, недалеко отъ прусской границы. Отца я мало помню. Когда онъ умеръ, я былъ совсѣмъ ребенкомъ. Знаю, что онъ былъ сапожникомъ, и послѣ его смерти мать осталась безъ гроша. Благодаря добрымъ людямъ, она кое-какъ устроилась для прокормленія меня и своего сто-лѣтняго

свекра, т. е. моего дѣда. Надо вамъ сказать, что дѣдъ былъ настоящій праведникъ, святой старецъ, однимъ словомъ. Мать любила меня такъ, какъ обыкновенно любятъ единственнаго сына, и дѣдушка баловалъ меня. Росъ я такимъ образомъ тихо, мальчикъ я былъ смирный, богомольный, учился хорошо, мечталъ сдѣлаться ученымъ раввиномъ, на радость матери и дѣдушкѣ. Когда мнѣ стукнулъ уже 13-й годъ и я удостоился ношенія филектерій, то сталъ серьезно готовиться къ ученію; шутка ли, 13-ти-лѣтній парень, чуть-ли не женихъ!

Вдругъ надъ нами стряслась неожиданная бѣда.

Былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Нашихъ брали тогда не то, что 13-ти лѣтнихъ, а подчасъ 7—8 лѣтнихъ, чтобы не сказать грудныхъ младенцевъ. Десятокъ негодяевъ, обыкновенно ложно присягали, что семилѣтнему младенцу 12 или 13 лѣтъ и—ему забривали лобъ, отправляя въ батальонъ кантонистовъ. Начались всѣ ужасы тогдашней рекрутчины: ловля рекрутовъ, бѣгство, прятки, торгъ людьми. Единственный сынъ, казалось, былъ застрахованъ отъ рекрутчины. Такъ думала матушка, но не такъ думали проклятые «ловцы».

Кому было заступиться за меня? Отца у меня не было, матушка—бѣдная женщина, дѣдъ—100-лѣтній старецъ, полуслѣпой. Меня взяли и сдали въ рекруты, забрили лобъ...

Никогда не забуду сцены прощанія съ дѣдушкою. Онъ рыдалъ какъ ребенокъ, благословляя меня напутственною молитвою. Глубоко врѣзались въ моей памяти послѣднія слова, оказавшіяся пророческими.

— Дорогое дитя, — говорилъ онъ всхлипывая, — оставайся евреемъ. Какъ бы тебя ни мучили, оставайся евреемъ. Ты будешь много терпѣть, но ты перенесешь страданія и будешь счастливъ. Очень счастливъ... Помни это!..

Матушка не пережила этого несчастія. Она буквально выплакала свои глаза, ослѣпла и скоро умерла. За нею послѣдовалъ и дѣдушка. Меня одѣли въ длинную рекрутскую шинель, нахлобучили на глаза черную рекрутскую шапку, безъ козырька, и погнали пѣшкомъ, съ партіей такихъ же несчастныхъ мальчиковъ, какъ я, въ Новгородскую губернію, въ имѣніе Аракчеева, въ военныя поселенія, гдѣ былъ батальонъ кантонистовъ.

Повторяю, цѣлыя книги можно бы написать о томъ, какъ я натерпѣлся всяческаго горя въ дорогѣ, когда насъ гнали пѣшкомъ въ стужу, холодъ и непогоду, изъ Жмуди въ аракчеевское имѣніе. Многіе изъ моихъ товарищей по несчастію умерли въ дорогѣ. Немногіе пришли на мѣсто назначенія, въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Но то, что мы выстрадали въ дорогѣ, было въ сущности, пустяками, въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло впереди. А предстояло много лѣтъ несказанныхъ мукъ.

Напутственныя слова дѣдушки не выходили у меня изъ головы, даромъ что я былъ еще совершенный ребенокъ. Когда меня били въ дорогѣ, я все вспоминалъ эти слова и пріучался къ терпѣнію. Эта выносливость особенно пригодилась въ батальонѣ.

Командиръ нашей роты былъ дикій звѣрь. Насъ сразу начали драть нещадно. Пороли всячески: обыкновенными розгами, розгами, намоченными въ соленой водѣ, наконецъ, когда пучки розогъ обтрепались, то драли окомелкомъ! И всѣ эти истязанія практиковались для того, чтобы заставить насъ креститься...

— Крестись, каналья, не то запорю до смерти!... ревѣлъ ротный, во время и послѣ экзекуціи.

Большинство не выдержало... Кто крѣпился день, кто недѣлю, кто мѣсяцъ, но, въ концѣ концовъ, почти всѣ сдавались. Розга не свой братъ, въ особенности для изнѣженныхъ маменькиныхъ сынковъ. Мало по малу всѣ массами переходили въ православіе, получали другія имена и фамиліи своихъ крестныхъ отцовъ.

По мѣрѣ того, какъ число невольныхъ отщепенцевъ увеличивалось, наше положеніе дѣлалось просто невыносимымъ. Кромѣ ротнаго, фельдфебелей и другаго низшаго начальства, отъ которыхъ мы уже не ожидали ничего, кромѣ тиранства, мы пріобрѣли себѣ новыхъ гонителей, въ лицѣ новокрещенныхъ—нашихъ вчерашнихъ братьевъ, также мало или совсѣмъ не знавшихъ по-русски, какъ мы. Насъ били, между прочимъ, за то, что по незнанію русскаго языка, мы между собою, по неволѣ, изъяснялись по своему. Я долгое время не могъ нау-

читься говорить по русски, хотя понималъ. Не смотря на жестокіе побои, я даже не могъ скоро привыкнуть къ тому, чтобы подъ розгами кричать, по заведенному порядку:

— Ваше благородіе!.. Будьте отецъ родной!.. Ай-ай! Простите, ваше благородіе!.. Не буду, ваше благородіе! Ай-ай! Не буду!..

Чѣмъ больнѣе меня истязали, тѣмъ чаще припоминалъ я образъ дорогой матери и раздирающимъ душу голосомъ вопіялъ по своему:

— Гевалтъ, мамуню! Гевалтъ! Ай-вей!.. Гева-а-алтъ!..

Это вызывало только учащенный свистъ розогъ и грубый хохотъ моихъ мучителей, которые все науськивали:

— Жарь его, пархатаго, жарь больше! Я те задамъ, «гевалтъ», стервецъ!..

Все это были цвѣтки, ягодки предстояли впереди...

IV.

«Положеніе мое становилось съ каждымъ днемъ все ужаснѣе— продолжалъ мой собесѣдникъ, послѣ краткой паузы, очевидно, вызванной воспоминаніемъ о своей матери.—Не смотря на юный возрастъ, когда такъ хорошо спится, въ особенности утомившись отъ дневныхъ занятій, я не могъ спать по цѣлымъ ночамъ. Непрестанныя воспоминанія о напутственныхъ словахъ дѣдушки, о дорогомъ образѣ матери не выходили у меня изъ головы. Днемъ некогда было думать объ этомъ, но за то ночью я только объ нихъ и думалъ, обливаясь горючими слезами, тихо рыдая, чтобы никто не услыхалъ. Когда же я засыпалъ, то меня преслѣдовали страшные сны, я просыпался съ крикомъ—и бывалъ битъ.

Къ довершенію бѣды, я сталъ хирѣть, часто приходилось лежать въ лазаретѣ, гдѣ у меня оказались новые мучители. Это были фельдшера изъ выкрестовъ. Теперь, даже по прошествіи столькихъ лѣтъ, я никакъ не могу объяснить себѣ причину этой затаенной вражды, этихъ утонченныхъ жестокостей, которыя надъ нами продѣлывали вообще выкресты изъ кантонистовъ, въ особенности эти проклятые фельдшера. Была ли это досада на свою безхарактерность, что они, такіе вертлы,

не имѣли настолько мужества, чтобы устоять противъ розогъ и скоро отреклись отъ своей вѣры, порвали всѣ связи съ родными и очутились въ двусмысленномъ положеніи людей, отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому, тогда какъ такая мелюзга, какъ я, напримѣръ, стойко держались, или они дѣйствовали, по приказанію командира—не знаю. Думаю, что тутъ дѣйствовали обѣ причины. Какъ бы тамъ ни было, но мнѣ солоно приходилось отъ этихъ выкрестовъ. Вмѣсто того, чтобы лечить меня, они все время уговаривали меня креститься, говоря, что я одинъ упорствую, тогда какъ всѣ мои товарищи давно поддались. Мнѣ нуженъ былъ покой, а меня били по чемъ попало, стращая невѣроятными пытками, если я буду упорствовать, суля золотыя горы, если соглашусь на ихъ предложеніе.

— Чѣмъ ты лучше другихъ, дрянь ты этакая! Что за цаца, въ самомъ дѣлѣ!

Страшный командиръ, котораго я боялся пуще огня, часто навѣдывался ко мнѣ.

— Ну, что согласенъ? — хрипѣлъ онъ, входя въ палату, гдѣ я лежалъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, — рапортовали фельдшера.

— Чортъ его знаетъ, этого паршивца, что съ нимъ такое творится. Это какой-то заколдованный! Я изъ него выбью эту дурь!—ворчалъ онъ, награждая меня, по пути, затрещиной, отъ которой искры сыпались изъ глазъ.

Такъ за мною и осталась кличка: «заколдованный!»

Долгое время я не вѣрилъ, что они, въ самомъ дѣлѣ, продѣлаютъ со мною то, чѣмъ постоянно стращали. Я полагалъ, что все это говорится только для того, чтобы запугать меня, больнаго мальчика, истощеннаго болѣзнью, побоями, и наконецъ, недостаткомъ питанія. Надо вамъ сказать, что насъ отвратительно кормили. Мы жили впроголодь, питались чуть-ли не однимъ хлѣбомъ, отчасти, по собственному желанію, изъ боязни оскоромиться трефною пищею, которая подавалась выкрестамъ въ корытахъ, какъ поросятамъ. Но прежде чѣмъ выписаться изъ лазарета, я увидѣлъ, что угрозы моихъ мучителей не были

пустыми словами, что эти господа серьезно порѣшили доканать меня, «заколдованнаго», не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Начали съ того, что разъ, послѣ утренняго визита командира, долго шептавшагося съ фельдшерами, меня раздѣли донага, растянувъ во весь мой ростъ на кровати, къ которой привязали руки и ноги. Я сначала подумалъ, что будутъ пороть, но никто меня пальцемъ не тронулъ. Меня облѣпили какимъ-то пластыремъ и только... Сначала мнѣ было даже довольно прохладно. Впослѣдствіи я узналъ, что это была шпанская мушка. Что я перестрадалъ въ этотъ день, этого невозможно выразить. Тѣло вздувалось, я былъ въ жару, оралъ во всю глотку, думалъ, что конецъ мой пришелъ, въ особенности когда стали сдирать эту проклятую мушку. Не помню, сколько времени я пролежалъ въ безпамятствѣ послѣ этой пытки. Но зато догадался, по ругательствамъ и обращенію фельдшеровъ, что это не послѣдній опытъ для того, чтобы сломить мое непонятное упорство. Опять начали приставать:

— Ну, что, согласенъ, стервецъ? Нѣтъ? Смотри, братъ, какъ бы хуже не было.

Я молчалъ. Все равно,—думалъ я,—одинъ конецъ, только бы поскорѣе. Я искренно желалъ смерти, которая избавила бы меня отъ этой проклятой, каторжной доли, которой конца не предвидѣлось. А тутъ неотвязчивыя воспоминанія о матери, о дѣдушкѣ, о близкихъ и дорогихъ людяхъ, которыхъ ужъ больше не увижу, не давали мнѣ минуты покою. Хорошо сдѣлала бѣдная матушка, что умерла, что не увидѣла, какъ мучатъ ея ненаглядное дитя, ея единственнаго сына, котораго она прочила въ ученые раввины.

А кругомъ раздаются зловѣщія хихиканія, совѣщаются о какой-то висѣлицѣ, которая, по ихъ словамъ, удивительно помогаетъ, когда приходится имѣть дѣло съ такими дураками, какъ «заколдованный», не понимающій своей выгоды, самъ подставляющій свою *шею* подъ ножъ, какъ скотина неразумная. Это у нихъ самое дѣйствительное средство противъ «дураковъ». Висѣлица многихъ образумитъ. Они часто употребляютъ это средство и всегда съ успѣхомъ. Самъ командиръ разрѣшилъ.

О какой это «висѣлицѣ» говорятъ фельдшера? Ужъ не меня

ли собираются казнить? Вздоръ, пустяки, — сказалъ я себѣ — это мнѣ такъ пригрезилось, отъ безсонницы. Вѣшаютъ только разбойниковъ, а кого я убилъ или ограбилъ? Я отродясь, кажется, мухи не обидѣлъ. Напротивъ, меня только лѣнивый не бьетъ, не истязаетъ. За что, Господи, эти муки? Когда же я наконецъ отъ нихъ избавлюсь? Силъ моихъ больше нѣтъ, думалъ я, мало по малу тяжело засыпая, измученный и разбитый.

V.

Не долго я спалъ. Здоровый толчокъ въ бокъ мигомъ разбудилъ меня.

— Вставай, прынецъ. Будетъ тебѣ дрыхнуть, собачій сынъ. Ну, въ послѣдній разъ: согласенъ? Нѣтъ? Ну, ступай къ чортовой матери—все готово!

Дѣйствительно, все было готово. Возлѣ печки устроили импровизированную висѣлицу. Изъ полотенецъ свернули петлю и обвили ею мою шею. Не смотря на мои крики и барахтанья, меня быстро подхватили служители и передали двумъ фельдшерамъ, стоявшимъ на табуретахъ у обоихъ концовъ висѣлицы. Когда они стали возиться, продѣвая одинъ конецъ полотенца сквозь кольцо, прикрѣпленное къ крючку, одинъ изъ исполнителей казни выпустилъ меня изъ своихъ рукъ и я грохнулся на полъ. У меня въ глазахъ потемнѣло отъ боли; грудь, казалось, была разбита, я еле дышалъ. Но мнѣ не дали опомниться, съ бранью и побоями опять схватили въ охабку, еще минута, и я бы повисъ на воздухѣ, какъ вдругъ произошло какое-то смятеніе, меня выпустили изъ рукъ и я опять грохнулся на полъ; фельдшера мигомъ соскочили съ табуретокъ.

Оказалось, что въ то время, когда всѣ были заняты приготовленіями къ моей казни, незамѣтно вошелъ въ палату старшій ординаторъ.

— Что вы, разбойники, надѣлали?—загремѣлъ онъ, бросившись поднимать меня:—Господи, да это сущіе изверги!..

«Изверги» молчали, не находя что отвѣчать. Одного взгляда на всю омерзительную обстановку предназначенной для меня пытки было достаточно, чтобы уразумѣть ужасный смыслъ

прерваннаго зрѣлища. Но докторъ, полагать надо, вѣрить не хотѣлъ въ возможность подобной затѣи.

— Разскажи мнѣ, дружокъ, что эти разбойники хотѣли съ тобой дѣлать,—обратился онъ ко мнѣ ласково, гладя меня рукой по коротко-остриженной головѣ:—Говори, не бойся.

Это были первыя ласковыя слова, услышанныя мною, со времени взятія въ рекруты. Отъ волненія, вызваннаго неожиданнымъ появленіемъ моего спасителя, я не могъ проговорить ни одного слова. Слезы душили меня и я, наконецъ, разревѣлся на всю палату.

— Успокойся, мой другъ, не плачь, не бойся, — говорилъ докторъ, продолжая ласкать меня, а у самого, вижу, слезы навертываются на глазахъ.

— Гевалтъ, ваше благородіе!—ревѣлъ я въ отвѣтъ, неистово жестикулируя и разсказалъ ему все, только не по русски, на которомъ я не былъ въ состояніи изъясняться, а на жаргонѣ.

Къ счастію, докторъ понималъ по-нѣмецки и скоро узналъ, въ чемъ дѣло. Онъ былъ страшно возмущенъ.

— Розогъ!—закричалъ онъ:—Каждому изъ этихъ негодяевъ дать по пятидесяти ударовъ. А ты, мой другъ, не бойся. Я этого дѣла такъ не оставлю,—сказалъ онъ уходя.

Обстановка палаты быстро измѣнилась. Изъ всѣхъ угловъ раздались знакомые мнѣ признаки экзекуціи, свистъ розогъ, стоны наказываемыхъ. Только что выдрали моихъ мучителей, какъ вошелъ въ палату—мой страшный командиръ.

— Это что такое? заревѣлъ онъ.

Только что наказанные бросились съ жалобами, выставляя меня доносчикомъ, который, изъ ненависти къ выкрестамъ, чортъ знаетъ что такое наплелъ господину ординатору на нихъ, невинныхъ исполнителей воли начальства. И вотъ, благодаря доносу этого пархатаго жиденка, наказали розгами заслуженныхъ, русскихъ людей, православныхъ христіанъ...

Боже мой, что со мною было въ этотъ злосчастный день! Повѣрите-ли, страшно вспомнить даже теперь. Не понимаю, какъ я остался живъ послѣ этой лупки. Не помню, кто первый бросился на меня, долго ли продолжалась расправа, но помню, что меня топтали ногами, рвали, колотили гдѣ и кто могъ, по

чемъ попало. Съ мѣсяцъ я какъ пластъ лежалъ послѣ этой лупцовки. Удивляюсь до сихъ поръ, какъ я не умеръ подъ этими ударами остервенѣлыхъ людей, какъ я остался живъ. Должно быть, у меня, дѣйствительно, какая-то желѣзная натура. Недаромъ, видно, меня прозвали: «заколдованнымъ!»

VI.

Разсказать вамъ послѣдовательно обо всемъ, что я вынесъ въ батальонѣ, не хватитъ времени. Мы бы просидѣли съ вами не одну ночь напролетъ и все-таки я бы не все припомнилъ. И слава Богу, что не все помню, а то, право, не стоило бы жить. О мелкихъ притѣсненіяхъ, въ родѣ того, что насъ кормили селедками и послѣ загоняли въ баню, не стоитъ и говорить. Повѣрите ли, что на мнѣ не было живаго мѣста, все тѣло было изъязвлено, покрыто рубцами отъ розогъ, лице въ синякахъ, глаза подбиты и вѣчно заплаканные, зубовъ и реберъ навѣрное не хватало, голова въ шишкахъ. Само собою разумѣется, что объ этомъ не стоитъ говорить. Развѣ разсказать вамъ только двѣ памятныя для меня сцены: въ верхнемъ отдѣленіи и въ банѣ.

Заступничество старшаго ординатора послужило мнѣ только во вредъ. Лазаретная прислуга пуще озлобилась на меня. Они не могли мнѣ простить, что изъ-за такого клопа, какъ я, ихъ, заслуженныхъ кровопійцъ, выдрали розгами. И вотъ началось систематическое преслѣдованіе, наушничаніе у командира, не разъ проговаривавшагося, что «заколдованный» надоѣлъ ему, что пора покончить съ этою жидовскою мразью. Результатомъ этихъ инсинуацій была моя прогулка по такъ называемому «верхнему отдѣленію» нашего батальона кантонистовъ.

Не разъ я слыхалъ про существованіе этого страшнаго «отдѣленія», видѣлъ, какъ многіе изъ кантонистовъ блѣднѣли при одномъ напоминаніи о немъ, но никакъ не могъ взять въ толкъ, что за звѣрь это пресловутое отдѣленіе. Скоро, къ сожалѣнію, пришлось испытать на практикѣ, что это не выдумка, а нѣчто дѣйствительное, имѣвшее вполнѣ заслуженное право на подобную репутацію.

Послѣ одной бурной сцены, когда ни побои, ни увѣщанія не оказали на меня желаннаго дѣйствія, было рѣшено отправить меня въ «верхнее отдѣленіе». Не смотря на то, что я еще былъ очень слабъ, съ трудомъ ходилъ по палатѣ, еле передвигая ноги, мнѣ велѣли одѣться въ полную больничную форму, т. е. въ халатъ и колпакъ и потащили въ страшное отдѣленіе, гдѣ жили исключительно русскіе кантонисты и выкресты. Говорю «потащили», потому что я самъ не былъ въ состояіи подняться даже по лѣстницѣ. Но мнѣ помогали пинками сзади и зуботычинами спереди. Шествіе было торжественное—вся команда присутствовала при этомъ. Какъ только я показался на послѣдней ступени, меня впихнули на верхнюю площадку, гдѣ нѣсколько сотъ кантонистовъ, выстроившись шпалерами, радостно приняли меня въ свои объятія.

Вы когда нибудь видали, какъ, въ прежнія времена, гоняли солдатъ сквозь строй? Точь въ точь то же самое происходило въ «верхнемъ отдѣленіи», только съ меньшимъ порядкомъ и большимъ ожесточеніемъ. При наказаніи шпицрутенами, солдатъ обыкновенно ударялъ палкой жертву столько разъ, сколько было приказано, но не дрался, не надругивался, не тиранствовалъ, а, напротивъ, съ крайней неохотой исполнялъ должность невольнаго палача, внутренно жалѣя истязуемаго. Для остервенившихся же кантонистовъ это было не болѣе, какъ пріятное развлеченіе.

Съ гикомъ бросилась на меня орава сорванцовъ, и давай меня мучить и всячески истязать... Мнѣ плевали въ глаза, рвали за уши, щипали, давали щелчки по носу, сжатыми кулаками прохаживались по несчастной башкѣ, показывая, какъ надо ѣхать въ Москву, а сзади били колѣнками, каблуками. Оглушенный, избитый, я упалъ, но удары сыпались и на лежащаго. Меня, впрочемъ, скоро подняли, и процессія пошла при болѣе торжественной обстановкѣ. Начальство прикрикнуло, и возстановился нѣкоторый порядокъ—надо было дать всѣмъ возможность дотронуться до меня. Конечно, я бы не выдержалъ и десятой части предстоявшаго мнѣ испытанія, если бы неожиданное обстоятельство не прекратило этой забавы въ самомъ почти началѣ. Нѣкоторые изъ кантонистовъ не удоволь-

ствовались пощечинами или плевками. Они достали сальные огарки и давай тыкать мнѣ ими въ лицо, въ носъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей болѣе утонченныхъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, принесли блюдо съ растопленнымъ свѣчнымъ саломъ.

— Пей! заорала толпа моихъ палачей.

Понятно, что какъ только я почувствовалъ прикосновеніе въ губамъ горячей тарелки съ растопленнымъ свѣчнымъ саломъ, то по врожденному отвращенію ко всякому салу, тѣмъ болѣе свѣчному, шарахнулся въ сторону...

— А-га, не хочетъ, не вкусно. Заставьте его выпить, ребята, раздались голоса.

Мнѣ насильно открыли ротъ, раздвинули стиснутые зубы и—стали лить...

Создатель, что эта была за пытка! не желаю злѣйшему врагу испытать ее... Я не выдержалъ... Меня вырвало... Кровь хлынула горломъ, я какъ снопъ свалился на землю. Многіе испугались не моей крови, а прихода доктора, который, говорятъ, какъ-то провѣдалъ объ этой исторіи, и меня въ безпамятствѣ, истекающаго кровью, избитаго, исполосованнаго, полумертваго унесли въ лазаретъ.

Да, страшна бываетъ месть кантонистовъ, но еще ужаснѣе ихъ забавы.

VII.

Казалось, что я испыталъ уже всяческую муку, что можно было оставить меня въ покоѣ. Но это только казалось, а на самомъ дѣлѣ начальство кантонистовъ славилось своею миссіонерскою изобрѣтательностью. Меня, дѣйствительно, оставили въ покоѣ, на первыхъ порахъ по выздоровленіи. Мнѣ дали время отдышаться, немножко придти въ себя, чтобы подготовиться къ болѣе жестокимъ истязаніямъ, отъ которыхъ меня и теперь дрожь пронимаетъ.

Выписавшись изъ лазарета, послѣ памятнаго пребыванія въ «верхнемъ отдѣленіи», я сталъ тянуть обычную кантонистскую лямку, наряду со всѣми моими товарищами. Не сладка была

жизнь кантонистовъ, что и говорить. Наши дѣти, пожалуй, и не повѣрятъ, какую школу мы проходили. Но я чувствовалъ себя сравнительно лучше въ новой обстановкѣ, нежели въ прежней, лазаретной. Я быстро усваивалъ всѣ пріемы солдатскаго ученія, оказался гораздо понятливѣе многихъ другихъ и еслибъ мои гонители забыли хоть на время о моемъ, такъ называемомъ «упорствѣ», то я, пожалуй, со свойственнымъ юности легкомыслiемъ, примирился бы со своею долею — на сколько это было возможно. Видя, какъ тиранятъ всѣхъ моихъ сослуживцевъ, я пересталъ роптать на свою судьбу. Чѣмъ это я лучше другихъ? разсуждалъ я самъ съ собою. На людяхъ и смерть красна, говоритъ русская пословица. Слезами горю не поможешь, авось, Богъ дастъ, выдержу я эту каторгу и мнѣ удастся попасть на дѣйствительную службу, въ полкъ. Тамъ, говорили, все таки лучше нежели у насъ, у кантонистовъ.

Надо правду сказать, не сладка была и доля моихъ товарищей изъ выкрестовъ. Ихъ положеніе было едва ли не хуже моего. Принявъ новую вѣру, они, въ простотѣ души, думали, что освободятся отъ службы что ихъ будутъ гладить по головкѣ. Но ихъ драли, какъ сидоровыхъ козъ, за то, что сплоховали на плацу, что не могли говорить по русски, что не свыкнулись со своимъ новымъ положеніемъ, что не такъ скоро отставали отъ своихъ жидовскихъ привычекъ. И за каждую бездѣлицу драли; драли не на животъ, а на смерть. Эти несчастные куражились только надъ такими, какъ я, а сами терпѣли отъ офицеровъ, фельдфебелей, своихъ дядекъ и, наконецъ, отъ своего же брата кантониста—русскихъ товарищей по несчастью. Травля начиналась съ самаго утра, во время переклички. Кантонисты, недавно окрещенные, долго не могли освоиться со своими новыми христіанскими именами и фамиліями. Тогда еще дозволялось выкресту носить новую фамилію своего крестнаго отца. Всѣ эти Хаимы, Шмельки, Шахны, Авнеры мигомъ превращались въ Ивановъ, Прохоровъ, Сидоровъ, Поликарповъ. Начинается перекличка въ присутствіи командира.

— Иванъ Трофимовъ!

Молчаніе.

— Да что, ты оглохъ, собачій сынъ? Иванъ Трофимовъ

здѣсь?—спрашиваетъ начальство, провѣряя ряды.—Тебя какъ зовутъ? обращается оно къ тщедушному кантонисту.

— Хаимъ Тетельбаумъ...

— Какъ? какъ? что ты сказалъ, анафема?

— Хаимъ Тет...

Бацъ! разъ, другой, третій. Звонкія пощечины не даютъ ему договорить свою прежнюю фамилію. Кровь струится изъ носу, а начальникъ все лупитъ, раскровянивъ все лицо:

Розогъ!—оретъ онъ во всю глотку:—розогъ поскорѣе! Сколько разъ я тебѣ толковалъ, каналья, что ты больше не Хаимъ Тетельбаумъ, а Иванъ Трофимовъ. Смерти на васъ нѣтъ, подлецы вы этакіе, жидовское отродье! Ну, теперь будете знать, какъ васъ зовутъ по-русски.

И такимъ манеромъ, путемъ неоднократной порки, Хаимъ Тетельбаумъ подъ конецъ убѣдился, что онъ отнынѣ больше не Хаимъ, а Иванъ Трофимовъ; Шмельке Глузманъ увидѣлъ, воочію, что онъ Прохоръ Пантелѣевъ, а Шахна Фуксъ и Авнеръ Крамаръ зарубили себѣ на носу, что перваго зовутъ ужъ Сидоромъ Кирилловымъ, а втораго—Поликарпомъ Кузнецовымъ.

Не разъ эти несчастные жаловались мнѣ тайкомъ, что они жалѣютъ о томъ, что оказались такими безхарактерными, что имъ во сто разъ было бы лучше страдать подобно мнѣ, но, по крайней мѣрѣ, знать за что, нежели выносить проклятіе своихъ и презрѣніе чужихъ, не быть ни павой, ни вороной...

Но большинство изъ нихъ вымещало на насъ свои обиды, окружало насъ шпіонствомъ, не давало намъ дохнуть спокойно. Этимъ негодямъ я обязанъ многими тяжкими мученіями. Благодаря ихъ-то соглядатайству, я не достигъ того, чего такъ пламенно желалъ — быть забытымъ. Нѣтъ, они меня отлично помнили, точно мое существованіе кололо глаза этимъ безстыжимъ людямъ, съ которыми судьба привела долго тянуть тяжелую лямку, завивать горе веревочкой и «ѣсть начальника глазами».

Нашъ командиръ хотѣлъ въ послѣдній разъ убѣдиться, дѣйствительно ли я все тотъ же «заколдованный» или это, не болѣе, какъ жидовская блажь, отъ которой надо отучить будущаго воина побѣдоносной арміи.

VIII.

Въ батальонѣ прошелъ зловѣщій слухъ, что вышло распоряженіе покончить съ упорствующими жиденятами. Этотъ слухъ съ особеннымъ усердіемъ распускали выкресты, которымъ вторили и остальные кантонисты. Выдавали за достовѣрное, что командиръ получилъ выговоръ отъ начальства, за то, что эта часть у него не такъ успѣшно идетъ, какъ въ другихъ батальонахъ, гдѣ жиденята повывелись. Разсказывали, что нашъ ротный выразился довольно опредѣленно, что пора положить конецъ этимъ безобразіямъ.

Что этотъ слухъ не былъ лишенъ нѣкотораго основанія, это я заключилъ отъ того факта, что за меня опять принялись съ особенною настойчивостью. Ни поведеніе, ни успѣхи во фрунтовой наукѣ не спасали меня отъ карцера, колотушекъ и розогъ. Изъ меня то и дѣло «выколачивали» жидовство, какъ лѣтомъ предохраняютъ мѣховую шубу отъ молеѣдины.

Я опять сталъ частенько навѣдываться въ лазаретъ, гдѣ у меня было много пріятелей, выдранныхъ изъ-за меня, по приказанію благоволившаго ко мнѣ старшаго ординатора. Лежа на койкѣ, я явственно слышалъ, что мнѣ не долго осталось жить, что если я еще буду такъ дурацки вести себя, то мнѣ будетъ «карачунъ».

— Помилуйте, это чортъ знаетъ что такое!—говорили вокругъ меня громко, такъ чтобы я не проронилъ ни одного слова: — вся жидова перешла въ нашу вѣру, а вотъ только этотъ пархъ остался при своей дурости. Еще смѣетъ фордыбачить, этакій смердящій пащенокъ!.. Ну, да теперь онъ живо скапутится... Бросятъ его въ печь, такъ заоретъ, въ послѣдній разъ: «Гевалтъ, вай-миръ!...»

Какую ночь я провелъ послѣ этого разговора, трудно себѣ вообразить. Я ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ. Повторялъ всѣ отрывки непозабытыхъ молитвъ, взывалъ къ памяти дорогой матери, прося ея заступничества, припоминалъ бесѣды съ дѣдушкой, его послѣднія слова, его слезы, и самъ заливался слезами. Должно быть, я метался цѣлую ночь, громко рыдалъ, потому что обратилъ на себя вниманіе дежурнаго солдата, до-

браго старика, который заговорилъ со мною довольно мягко, очевидно, желая утѣшить меня.

— Жаль мнѣ тебя, паренекъ, жаль! Да ничего не подѣлаешь. Самъ виноватъ. Ну, къ чему дурить? Откажись отъ своей дурости и—шабашъ! Охота тебѣ жариться въ пеклѣ. Ахъ, грѣхи, грѣхи! закончилъ онъ свою рѣчь, понюхавъ табачку.

Рано утромъ, меня въ послѣдній разъ опрашивали, согласенъ ли я на предложеніе, или остаюсь при прежнемъ упорствѣ? При этомъ заявили, что я одинъ остался въ цѣломъ батальонѣ, своимъ примѣромъ портящій остальныхъ, а потому рѣшено: паршивую овцу изъ стада вонъ!

— Маршъ къ дьяволу на закуску!.. были послѣднія напутственныя слова моего кроткаго начальства.

Меня повели на казнь.

IX.

Утренній холодъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Измученный безсонницей, обезсиленный долгимъ лежаніемъ въ лазаретѣ, дрожа при мысли объ ожидаемой казни, я зашатался, не могъ двигать ногами, такъ что конвойные взяли меня подъ руки и повели черезъ огромный дворъ. Меня пугало сознаніе, что я погибаю одинокій, не видѣ я передъ смертью ни одного роднаго или близкаго лица, посреди чужихъ и вдобавокъ мучителей, отравившихъ мои молодые годы. Я беззвучно читалъ молитвы, которымъ меня выучилъ покойный дѣдушка, и тихо плакалъ.

Вдругъ, на поворотѣ, я вскрикнулъ. Вижу, что съ разныхъ концовъ втораго двора, ведутъ подъ конвоемъ пятерыхъ моихъ товарищей-евреевъ, по направленію къ тому же мѣсту, куда шелъ и я. Слава Богу, прошепталъ я съ умиленіемъ, значитъ, я не одинъ погибаю. Насъ шесть человѣкъ, готовыхъ принять мученическую смерть. Вѣрите-ли, я такъ обрадовался этому свиданію, точно мнѣ предстояло нивѣсть какое счастье. Мы скоро сошлись вмѣстѣ и заговорили другъ съ другомъ, по своему, не взирая на запретъ конвойныхъ. Чего ихъ бояться, въ самомъ дѣлѣ—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

Теперь меня сталъ занимать вотъ какой вопросъ: кого перваго изъ насъ бросятъ въ огонь и гдѣ мѣсто казни? Не видать ни разведеннаго костра, ни натопленной печи. Вмѣсто ожидаемаго костра, мы очутились въ предбанникѣ, гдѣ насъ скоро раздѣли и впихнули въ самую средину жарко натопленной бани. Я оглянулся, все смотрѣлъ, гдѣ эта огненная печь, куда насъ должны были бросить. Ея не оказалось. Значитъ, все набрехали солдатики, все это вздоръ и одно запугиваніе.

Увы, это не было вздоромъ, а оказалось одною изъ самыхъ страшныхъ мукъ, когда либо испытанныхъ мною въ моей многострадальной жизни. Насъ погнали на самый верхній полокъ и раздались приказанія:

— Поддавай на каменку, поддавай, еще, еще!.. Жарь ихъ, поросятъ!..

Густой паръ повалилъ изъ каменки, застилая все передъ глазами. Потъ лилъ ручьемъ, тѣло мое горѣло, я буквально задыхался, бросился внизъ. Но этотъ случай былъ предусмотрѣнъ. У послѣдней скамьи выстроились рядовые съ пучками розогъ въ рукахъ и зорко слѣдили за нами. Чуть кто попытается сбѣжать внизъ, или просто скатывается кубаремъ, его начинаютъ сѣчь до тѣхъ поръ, пока онъ, окровавленный, съ воплемъ бросится назадъ на верхній полокъ, избѣгая этихъ страшныхъ розогъ, рѣзавшихъ распаренное тѣло какъ бритва. Боже мой, что это была за пытка, такъ это уму непостижимо. Кругомъ паръ, крики, вопли, стоны, экзекуція, кровь льется, голыя дѣти скатываются внизъ головами, зацѣпляя другихъ своимъ паденіемъ и въ темнотѣ, а тамъ внизу сѣкутъ безъ пощады. Это былъ адъ кромѣшный. Только и слышишь охрипшіе крики:

— Поддавай, поддавай, жарь, жарь ихъ больше! Что согласны, собачьи дѣти?..

Ужъ лучше было бы, если бы сразу бросили меня въ печь, нежели эта мучительная смерть. Я уже не былъ въ состояніи кричать, духъ захватывало. Спереди усатые звѣри съ розгами, сзади горячія стѣны, не штукатуренныя, каждый кирпичъ горитъ, жжетъ. Я ужъ рѣшился треснуться головой объ стѣну, чтобы разомъ покончить эту нечеловѣческую пытку. Ощупы-

вая удобное мѣсто въ стѣнѣ, гдѣ бы я могъ привести въ исполненіе свой планъ, незамѣтно отъ моихъ палачей, я наткнулся на оконце. Боже, какъ я обрадовался. Однимъ ударомъ я вышибъ раму, высунулъ голову, свѣжая струя воздуха хлынула въ баню. Наши крики привлекли проходящихъ, между прочимъ благодѣтеля доктора, случайно проходившаго по двору. Я былъ весь въ крови, стекло отъ разбитаго окна врѣзалось мнѣ въ шею, въ лицо, въ руки. Больше ничего не помню, потому что потерялъ сознаніе... Меня снесли въ лазаретъ, какъ кладь...

X.

Я вынесъ жестокую болѣзнь. Благодаря заботамъ моего благодѣтеля доктора, я выздоровѣлъ, хотя очень медленно. Слухъ о нашей послѣдней пыткѣ достигъ до лицъ, власть имущихъ. Времена тогда наступили иныя—былъ конецъ крымской кампаніи, когда на подобныя продѣлки стали довольно косо посматривать. Жестокій командиръ былъ вскорѣ смѣщенъ, и еще черезъ нѣсколько времени докторъ сообщилъ мнѣ радостную вѣсть, что я выхожу изъ батальона, съ переводомъ въ Петербургъ, въ одну изъ рабочихъ командъ. Эти двѣ радости помогли мнѣ лучше всякихъ лекарствъ.

Передъ отправленіемъ въ столицу, нѣкоторые евреи-солдаты,—которые знали всѣ подробности моего пребыванія въ батальонѣ—квартировавшіе въ сосѣднемъ городѣ, выпросили у начальства позволеніе, чтобы я провелъ праздники въ ихъ средѣ. Новое начальство безъ труда согласилось, и я отправился къ своимъ незнакомымъ друзьямъ.

Когда я вошелъ въ солдатскую моленную, я чуть не лишился чувствъ, отъ волненія. Шутка-ли, сколько лѣтъ я провелъ во враждебной средѣ, не встрѣчая ни одного привѣтливаго лица, ни одной вещи, которая бы мнѣ напомнила далекую родину, исчезнувшую семью и безвозвратное дѣтство. Я истерически разрыдался какъ ребенокъ, я буквально омочилъ слезами всѣ листки молитвенника, котораго такъ давно не держалъ въ рукахъ, изъ за котораго столько настрадался. Мало по малу, рыданіе сдѣлалось всеобщимъ—это плакали ста-

рые Николаевскіе солдаты, глядя на меня. Даю вамъ слово, что такого плача не услышишь нынѣ нигдѣ, даже въ судный день. Старослуживые многострадальные ветераны, съ шевронами и медалями, съ умиленіемъ смотрѣли на меня, какъ на мученика, какъ на человѣка какого-то особеннаго, передъ страданіями котораго они, эти старики, спасовали.

Затѣмъ, мой собесѣдникъ началъ разсказывать свои дальнѣйшія похожденія въ Петербургѣ, исторію своей женитьбы, необыкновенно курьезную, свои постоянные успѣхи въ сферѣ промышленности и, наконецъ, настоящее, можно сказать, блестящее положеніе этого человѣка, дѣйствительно, прошедшаго огонь и воду и мѣдныя трубы. Когда нибудь, въ другой разъ, мы подѣлимся съ читателями подробностями второй части его біографіи, ничуть не похожей на первую, полную самаго мрачнаго драматизма. Вторая, напротивъ, изобилуетъ массою курьезовъ и пикантныхъ совпаденій, вѣрно рисующихъ выдающіяся черты національнаго характера русскаго еврейства. Объ этомъ— когда нибудь, въ другой разъ.

— Ну что вы часто вспоминаете эту страшную эпоху своей жизни? обратился я къ нему, выслушавъ до конца его разсказъ, произведшій на меня необыкновенно подавляющее впечатлѣніе.

— Постоянно думаю, никогда не забываю. Да развѣ можно забыть нѣчто подобное? Я теперь живу въ роскоши, у меня большая семья, богатая обстановка, отличныя лошади, живу въ свое удовольствіе и часто разсказываю дѣтямъ эпизоды изъ моей жизни кантониста. Не только у себя въ гостиной, но на загородныхъ гуляньяхъ, развалясь въ изящномъ ландо, я забываю окружающую меня роскошь и переношусь мыслью туда, гдѣ меня такъ долго мучили.

— Такъ что лихомъ поминаете кантонистовъ?

— Напротивъ. Отставной солдатъ или бывшій кантонистъ всегда находитъ во мнѣ самаго щедраго покровителя. Да что кантонисты! Посмотрѣли бы вы, какъ я обращаюсь со своими рабочими! А у меня, батенька, въ обѣихъ фабрикахъ, масса рус-

скихъ рабочихъ. Да они за меня готовы горой постоять, лучше иныхъ родственниковъ, которыхъ никогда не удовлетворишь. Знаете, кто самъ терпѣлъ нужду и горе, тотъ умѣетъ цѣнить чужой трудъ и помогать чужому горю.

Я съ чувствомъ пожалъ руку этому человѣку, подкупившему меня отсутствіемъ противныхъ чертъ, характеризующихъ выскочекъ, которые постоянно стремятся утаивать свое прошлое. Нѣтъ, это не выскочка, это хорошій человѣкъ, полезный гражданинъ, достойный всякаго уваженія и симпатіи.

— Станція такая-то!—прервалъ нашу бесѣду вошедшій оберъ-кондукторъ:—поѣздъ стоитъ полчаса.

Мы разстались.

П. Левенсонъ.

С.-Петербургъ.
Декабрь 1883 г.

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ІЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(*Продолженіе*).

XI.

Любовная буря.

Елисавета, прежде чѣмъ возвратиться въ Іерусалимъ, открыла Бенъ-Адиру тайну женитьбы Симона на Эсѳири и поручила ему сообщить объ этомъ своей госпожѣ, когда онъ сочтетъ то удобнымъ.

Случай къ тому не заставилъ долго ждать себя.

Уже нѣсколько времени молчаніе Симона стало безпокоить Ревекку, и въ ея сердцѣ порою даже возникали подозрѣнія; но это были лишь мимолетныя облачка, которыя скоро разсѣивались. Но на этотъ разъ подозрѣніе исчезло не столь быстро, и, такъ какъ страстная натура Ревекки была чужда всякой умѣренности, то оно не замедлило пустить глубокіе корни въ ея сердцѣ. Передъ нею рушился цѣлый, дорогой для нея міръ. Вѣра ея въ Симона не только была поколеблена, но даже разомъ рухнула; мѣсто ея заняла безусловная, глубокая увѣренность въ измѣнѣ его. Пальма пустыни не только была вырвана съ корнемъ, но и унесена вихремъ,

---

* См. „Восходъ“ кн. 6.

сломана, превращена въ щепы. На той почвѣ, на которой она росла, не осталось даже и обломка корня ея, чтобы засвидѣтельствовать о ея мощи.

Переворотъ этотъ совершился въ умѣ ея съ быстротою молніи; когда же она получила возможность разсуждать, она еще болѣе укрѣпилась въ этомъ убѣжденіи. Какимъ образомъ можно было объяснить такое его молчаніе иначе, какъ измѣной? Она нарочно послала къ нему Бенъ-Адира, чтобы возвѣстить ему свое возвращеніе, чтобъ отдать себя въ распоряженіе его; а онъ не нашелъ ничего лучшаго передать ей, кромѣ того, чтобъ она не пріѣзжала въ Іерусалимъ! Ни единаго воспоминанія, ни единаго слова надежды, ни одного намека на свои обѣщанія! Онъ нарочно посылалъ ей вѣстницу, надежную, преданную, опытную и умную женщину, а между тѣмъ сердце его оставалось нѣмо! Короткое, сухое, чистодѣловое письмо — вотъ все, чего она дождалась отъ возлюбленнаго своего сердца!

— Быть можетъ,—говорила она сама себѣ,—онъ приведетъ въ видѣ извиненія военныя заботы, тѣ сверхъ-человѣческія усилія, которыя онъ вынужденъ дѣлать каждый день, страшную отвѣтственность, лежащую на немъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Но какое же онъ послѣ этого составилъ себѣ мнѣніе обо мнѣ и о моей любви. Развѣ я требовала отъ него, чтобъ онъ назначалъ день нашего брака, чтобъ онъ заказывалъ свадебный вѣнецъ, чтобъ онъ созвалъ своихъ друзей, чтобъ онъ заказалъ семидневное свадебное пиршество, чтобъ онъ приготовилъ миртовыя и пальмовыя вѣтви, чтобъ онъ пригласилъ музыкантовъ? Тутъ не до веселья, когда Іерусалимъ страждетъ и когда непріятель окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Развѣ сердца человѣческія не могутъ сближаться въ часъ печали, подобно тому, какъ смоковница и виноградная лоза плотнѣе прижимаются другъ къ другу, чтобы лучше противустоять бурѣ? О, неужели же я

надѣялась опереться на такую слабую руку? Неужели же я бросила сѣмя въ такую безплодную пустыню?

Ревекка, однако, не всегда витала въ этой ясной и чистой выси страстей, въ которой душа сохраняетъ еще, не смотря на свирѣпствующую бурю, нѣкоторую твердость, если не полную ясность. Увѣренность въ несчастіи своемъ заставила проснуться въ ея сердцѣ змѣю ревности, которая терзала, кусала, разрывала на части это бѣдное сердце. На нее находили минуты, въ которыя ею овладѣвала ярость, въ которыя кровь кипѣла въ ней, въ которыя чаша стыдливости, такъ сказать, выпадала изъ рукъ ея и наполнялась какою-то огненной жидкостью, въ которыя ея дѣвственное воображеніе, еще совсѣмъ непорочное, видѣвшее любовь только сквозь воспоминанія изъ священныхъ книгъ, но тѣмъ не менѣе пылкое и сосредоточенное, неудержимо кидалось во всевозможныя крайности. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ, благодаря пылкости своего воображенія, она съумѣла поставить себя въ положеніе Суламиѳи и съ какой необыкновенной правдоподобностью она съиграла роль невѣсты, ожидающей своего возлюбленнаго. Подобная же галлюцинація овладѣла ею послѣ первыхъ воплей души ея, которые мы только что слышали; но только эта галлюцинація была, такъ сказать, въ обратномъ направленіи: два дня тому назадъ она видѣла саму себя въ тѣхъ любовныхъ сценахъ, которыя представлялись ея воображенію, теперь же Суламиѳью была Эсфирь. Тотъ же Симонъ покрывалъ лобзаніями своими уста своей возлюбленной; но эта возлюбленная — это уже не была она! Она видѣла Суламиѳь, одѣтую въ брачную одежду, расхаживающую среди стадъ и разъискивающую своего возлюбленнаго супруга, и эта Суламиѳь была — Эсѳирь! Онъ былъ прекрасенъ, ея возлюбленный, прекрасенъ среди молодыхъ людей такъ же, какъ прекрасна яблоня среди деревьевъ, съ смоченными росою волосами; онъ перепрыгивалъ долы и рѣки съ быстротою и ловкостью молодаго оленя, ищущаго лань;

онъ рвалъ по пути миртъ и кинамонъ, онъ входилъ въ залу пиршества съ сіяющимъ отъ радости лицомъ. Сидя на скамейкѣ изъ дерна, онъ клалъ свою усталую голову на грудь своей возлюбленной,—и эта возлюбленная была Эсѳирь!

Затѣмъ мысли ея снова возвращались къ дѣйствительности. Она видѣла Симона, возвращающагося изъ битвы, покрытаго пылью и кровью, а возлюбленная его встрѣчала его похвалами за его храбрость, старалась утѣшить его въ его неудачахъ; они взаимно ласкали другъ друга. Эти мысли особенно приводили ее въ ярость. Она отказывалась понимать, какъ, среди обрушивающихся на священный городъ бѣдствій, душѣ человѣческой были доступны чувства и любовные помыслы, и какимъ образомъ въ ней могли находить мѣсто иныя чувства, кромѣ чувства патріотизма, состраданія, ужаса. Въ ея глазахъ было преступленіемъ, святотатствомъ, измѣной, если человѣкъ обращалъ взоры свои въ какую-либо иную сторону, кромѣ какъ къ Богу и къ священному храму. И при этомъ она сама не замѣчала, что сама же только что погружена была въ тѣ самыя мысли, которыя теперь возбуждали гнѣвъ ея. И всѣ эти образы носились передъ нею въ огненныхъ очертаніяхъ, и она была какъ бы окружена моремъ пламени.

Оставшись одна по удаленіи Елисаветы, она тотчасъ же, въ изнеможеніи и въ отчаяніи кинулась на софу, и провела на ней цѣлую ночь среди тѣхъ горькихъ, жгучихъ, сильныхъ ощущеній, которыя мы только что описали. По временамъ она вставала утомленная, разбитая, и выходила на террасу, чтобы подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ. Взоры ея невольно обращались къ Іерусалиму, воспоминаніе о Симонѣ представлялось ея уму; тѣ же раздражающія картины носились передъ ея взорами, и вся въ бреду, съ трудомъ переводя дыханіе, истомленная, она бросалась на горячее ложе свое обливая его слезами своими и кусая зубами подушки. Тотъ, кто могъ бы видѣть ее въ эту минуту, былъ бы и пораженъ, и въ то же время испуганъ ея красотою. Волосы ея были распущены,

шея открыта, ея большіе, черные глаза блестѣли яркимъ огнемъ, поднимавшимся изъ груди ея, какъ изъ нѣдръ волкана; щеки ея горѣли, губы дрожали, руки были сжаты,— словомъ, это была настоящая тигрица во всей ея страшной красотѣ, охваченная пыломъ возбужденной, но неудовлетворенной страсти.

Несчастная Ревекка дѣйствительно находилась въ ужасномъ положеніи. Она напоминала собою дикаго звѣря, на котораго въ то время, когда онъ менѣе всего того ожидаетъ, напала кровожадная свора и который издыхаетъ отъ сотни нанесенныхъ ему ранъ, не имѣя даже того утѣшенія, что онъ можетъ крикомъ выразить свою боль и возвѣстить о ней близкому существу.

Наканунѣ, когда она плескалась еще въ прозрачныхъ волнахъ надежды, которой еще не коснулось подозрѣніе, она, въ какомъ-то странномъ приливѣ откровенности, подумывала было о томъ, чтобъ открыться Елисаветѣ и сообщить ей тайну своего сердца. Сердце ея радостно забилось, когда старуха заговорила съ нею о Симонѣ и стала восхвалять его мужество и подвиги его. Въ то время она походила на озеро, поверхность котораго, отъ притока водъ съ горъ и изъ долинъ, внезапно приходитъ въ движеніе, поднимается и, наконецъ, разливается. Но ее въ то время удержали отъ этого извѣстная стыдливость, извѣстное сознаніе своего достоинства. А теперь, къ кому ей было обращаться съ своими признаніями? Вереника была не такого рода женщина, чтобы понять такую любовь и сочувствовать ей. Неужели она могла рисковать тѣмъ, что ей придется покраснѣть передъ этой честолюбивой и легкомысленной царевной, которая въ состояніи была понять любовь лишь въ смыслѣ наслажденій и удовлетворенія своихъ страстей. Впрочемъ сожалѣніе о томъ, что ей не передъ кѣмъ излиться, лишь мелькнуло въ ея умѣ. Гордыя и сильныя души еще могутъ порою чувствовать потребность излиться на-

ружу; несчастіе же уходитъ само въ себя, оно внушаетъ человѣку желаніе укрыться отъ всѣхъ посторонннихъ взоровъ.

Какъ только разсвѣло, Ревекка, которая не могла сомкнуть глазъ во всю эту тревожную ночь, вышла изъ павильона, какъ будто ее что-то толкало на свѣжій воздухъ. Она задыхалась въ той удушливой атмосферѣ, которую она сама такъ нагрѣла огнемъ своей страсти и своихъ страданій. Не то, чтобъ она надѣялась уйти отъ послѣднихъ, найти облегченіе своему горю или успокоеніе отъ снѣдавшей ее внутренней тревоги. Она въ эту минуту ни о чемъ не думала. Она дошла до того состоянія душевной апатіи, въ которомъ душа повинуется лишь тѣмъ слѣпымъ силамъ, которыя остаются въ ней какъ бы въ видѣ ироніи послѣ затемнѣнія разсудка. Она просто желала уйти на другое мѣсто, какъ-бы въ надеждѣ уйти отъ своихъ мрачныхъ мыслей, сама хорошенько не отдавая себѣ отчета въ томъ, чего собственно она желаетъ. Такъ раненый въ своемъ логовищѣ левъ выходитъ изъ него, глядя на свою рану, чтобы втянуть нѣсколько свѣжихъ струй воздуха въ больной и воспаленный организмъ свой.

Но гордыя души обладаютъ той печальной привиллегіей, что, еслибы даже они и желали того, онѣ не въ состояніи, разъ страсть овладѣла существомъ ихъ, совершенно отдѣлаться отъ нея. Вселившійся въ нихъ демонъ привязывается къ нимъ, какъ къ давно ожидаемой добычѣ, и онъ не даетъ имъ ни одной минуты вздохнуть свободно. Ревекка на удачу бродила по садамъ виллы и на каждомъ шагу наталкивалась на что нибудь такое, что разрывало ее сердце и бередило ея рану. Посреди этихъ чудесъ, придуманныхъ или собранныхъ вмѣстѣ женщиною, вся жизнь которой наполнена была любовью, все говорило о любви, все напоминало, олицетворяло ее. Тутъ не было ни одной группы, ни одной статуи, которыя не приводили бы на умъ опьяненіе или истому, радости и огорченія, наслажденія или страданія пожиравшей ее страсти, и въ которыхъ она не видѣла бы человѣка, котораго она любила, или

женщину, которую она ненавидѣла. Глаза ея и всѣ ея чувства встрѣчали на каждомъ шагу, подъ самыми разнообразными формами, радости, на которыя она надѣялась, мечты, которыя тысячи разъ убаюкивали ее. Самыя деревья, зелень, цвѣты, птицы, распѣвавшія подъ свѣжею сѣнью, плескъ фонтановъ, дуновеніе вѣтра среди благоухающихъ куртинъ, словомъ—вся эта чудная природа, невольно пробуждавшая въ ея душѣ мысль о счастіи,—все это только растравляло ея рану: вѣдь въ этихъ самыхъ мѣстахъ она въ теченіи цѣлаго мѣсяца не переставала носиться съ своими мыслями о счастіи, съ своими надеждами! Контрастъ между прежнимъ и настоящимъ былъ слишкомъ чувствителенъ для ея израненнаго сердца! Вдругъ опять передъ нею мелькнетъ лучъ вѣры и надежды.

— Нѣтъ,—говорила она сама себѣ,—не можетъ быть, чтобы такой благородный и возвышенный человѣкъ, какъ Симонъ, герой борьбы за нашу независимость, былъ способенъ на такое непостоянство и на такую измѣну! На это способны только низкія души. Я слишкомъ поторопилась, осуждая его; любовь моя наклеветала на него.

И ей сдѣлалось стыдно и совѣстно за свое малодушіе и за свою недовѣрчивость. Но въ эту самую минуту взоры ея упали на статую, изображавшую покинутую Аріадну, и глазамъ ея вновь предстала ужасная дѣйствительность. Мелькнувшая было въ умѣ ея надежда была ничто иное, какъ зарница, блеснувшая среди непроглядной тьмы, и душа ея снова погрузилась въ глубокій мракъ.

Совершенно машинально она пошла по направленію къ Мертвому морю. Печальная картина, открывавшаяся съ этой стороны передъ ея взорами, болѣе гармонировала съ настроеніемъ души ея; она послужила новой пищей для глодавшаго сердце ея горя. Въ ея умѣ внезапно возникло сравненіе между ея теперешнимъ положеніемъ и той обстановкой, среди которой она жила.

— Моя любовь,—сказала она сама себѣ,—скрашивавшая

все мое существованіе, наполнявшая всѣ мои помыслы, оканчивается, подобно этому саду, пропастью. Садъ этотъ начинается у прелестныхъ береговъ Генесаретскаго озера и оканчивается близь Мертваго моря; онъ теряется въ безднѣ, поглотившей преступные города. Неужели же столь же преступна была и любовь моя, порожденная чувствомъ благоговѣнія, тѣсно связанная въ сердцѣ моемъ съ судьбами Іерусалима, выразившаяся только однажды, въ невинномъ вздохѣ, въ наивной вспышкѣ переполненнаго сердца, поручавшаго счастіе свое Іеговѣ и неизвѣстности далекаго будущаго?

Образъ Іерусалима, возникшій въ умѣ ея во время ея глубокой, сердечной скорби, явился, какъ бы счастливой диверсіей и успокоилъ на время ту бурю отчаянія, которая бушевала въ сердцѣ молодой дѣвушки. Мысль о священномъ городѣ, объ угрожавшихъ ему опасностяхъ, о его страданіяхъ, о его будущемъ, воспоминаніе объ отцѣ и о матери ея, находившихся въ осажденномъ городѣ, которымъ ежеминутно угрожала опасность подпасть подъ власть неумолимаго врага, и терпящихъ всѣ муки и лишенія голода, смягчила нѣсколько ея уязвленное сердце и на сухихъ глазахъ ея выступили слезы. Даже самая мысль о ея личномъ несчастіи вышла изъ ея головы и затерялась въ темной тучѣ, надвинувшейся надъ цѣлымъ городомъ, надъ цѣлымъ народомъ. Она даже покраснѣла при мысли о своемъ эгоизмѣ и вознегодовала сама на себя. Не то, чтобъ она совсѣмъ забыла о своемъ личномъ горѣ, но только послѣднее во всемъ ея существѣ замѣнилось другомъ ощущеніемъ и она перестала устремлять свои взоры на собственную свою рану.

Подъ вліяніемъ этого новаго чувства, она, бросивъ еще одинъ послѣдній взглядъ на Мертвое море, подернутое теперь, точно крепомъ, густымъ туманомъ, собралась было вернуться домой, какъ вдругъ неожиданный случай снова поднялъ улегшуюся было бурю.

То, что Елисавета сказала Бенъ-Адиру, заставило его по-

нять все, происходящее вокругъ него, и, начиная съ этой минуты, онъ не переставалъ слѣдить за Ревеккой. Онъ провелъ почти всю ночь возлѣ ея спальни, сдерживая дыханіе, внимательно прислушиваясь ко всякому шуму, ко всякому происходившему въ этой комнатѣ движенію. Онъ слышалъ сдавленные стоны ея, ея зубовный скрежетъ, словомъ, всѣ признаки гнѣва, которые она проявляла въ полной увѣренности, что она совершенно одна. Онъ слышалъ, какъ диванъ трещалъ отъ порывистыхъ движеній тѣла, тщетно искавшаго на немъ покоя. Для него не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что госпожа его чѣмъ-то сильно озабочена, и что виновникъ ея огорченія—Симонъ.

Когда наступилъ день, безпокойство и предчувствія его еще усилились. Ревекка, какъ только что разсвѣло, вышла изъ своей комнаты, и, пройдя по садамъ Береники, направилась къ Мертвому морю. Онъ слѣдилъ за нею сперва глазами, а затѣмъ рѣшился пойти вслѣдъ за нею. Угрожала-ли ей какая-нибудь опасность? Направлялась-ли она въ пустыню или въ Іерусалимъ? Онъ этого не зналъ, да даже и не хотѣлъ знать. Онъ зналъ только, что Ревекка страдаетъ, что страданія эти не даютъ ей покоя, и онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею. Онъ слѣдовалъ за нею, потому что любилъ ее, потому что не могъ оторвать свою душу отъ ея души.

Бенъ-Адиръ взялъ съ собою собаку свою Азель, которая рѣдко покидала его. Считая болѣе благоразумнымъ и приличнымъ держаться самому въ возможно большемъ отдаленіи отъ Ревекки, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы она замѣтила его, онъ знаками далъ понять Азелю, чтобъ онъ бѣжалъ впередъ, разсчитывая, что, когда Ревекка будетъ возвращаться, собака, подбѣжавъ къ нему раньше, чѣмъ она приблизится, дастъ ему возможность заблаговременно укрыться отъ ея взоровъ. Умный и вѣрный песъ уже давно былъ пріученъ къ подобнаго рода службѣ. Хозяинъ его заставлялъ его бѣжать впереди себя на большое разстояніе, и собака, ни разу не обманывая возла-

гавшихся на нее надеждъ, увѣдомляла его о томъ, что онъ желалъ знать, особаго рода лаемъ, въ родѣ того лая, съ которымъ онъ когда-то пригонялъ обратно къ стаду отбившуюся отъ него овцу.

Ревекка дошла до Мертваго моря и остановилась надъ нимъ въ задумчивости, свѣсивъ голову на грудь, опустивъ руки. Глаза ея блуждали по черно-синимъ волнамъ этого мрачнаго озера, которымъ первые лучи восходящаго солнца кое-гдѣ придавали сѣроватый оттѣнокъ. Замѣтивъ ее издали, Азель залаялъ; она вздрогнула и быстро обернулась. Узнавъ собаку, она подозвала ее къ себѣ: она очень любила этого вѣрнаго товарища Бенъ-Адира самого по себѣ, а, быть можетъ, также отчасти какъ бы въ награду за ту страстную, но почтительную любовь, которую питалъ къ ней хозяинъ собаки. Азель кинулся къ ней со всѣхъ ногъ, когда она подозвала его. Какъ только онъ подбѣжалъ къ ней, она нагнулась къ нему, чтобы погладить его, обняла его и поцѣловала. Ей почему-то стало даже легче и веселѣе на сердцѣ. Но вдругъ, по какой-то странной ассоціаціи идей, мысль ея перенеслась отъ собаки къ хозяину ея; она мигомъ вспомнила все, что Бенъ-Адиръ разсказывалъ ей о своемъ путешествіи въ Іерусалимъ; при этомъ ей пришелъ на умъ пророкъ Зеведей, а затѣмъ и его племянница. Это заставило ее, въ свою очередь, обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое прежде прошло для нея незамѣченнымъ, и въ ея сердцѣ снова забушевала буря.

— Бенъ-Адиръ видѣлъ Зеведея,—сказала она сама себѣ;— значитъ, онъ видѣлъ и его племянницу. Но почему же онъ не говорилъ мнѣ объ этомъ? Почему же онъ не позаботился узнать о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали, безъ сомнѣнія, уже тогда между нею и Бенъ-Гіорой? Онъ, значитъ, не видѣлъ того, что происходило въ душѣ моей, онъ не понялъ того, что для меня было важнѣе всего въ томъ порученіи, которое я возложила на него! Нужно его сейчасъ же раз-

спросить обо всемъ, что онъ видѣлъ, что онъ слышалъ, и о чемъ онъ забылъ тогда же передать мнѣ.

И она тотчасъ же направилась къ виллѣ, желая удовлетворить свое любопытство, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Красива-ли Эсѳирь? Дѣйствительно-ли она можетъ внушить сильную любовь?

Подъ этимъ новымъ наплывомъ страсти она совершенно забыла объ Азелѣ, который побѣжалъ впередъ и подалъ сигналъ своему хозяину. Какъ только она вернулась въ свой павильонъ, она позвала къ себѣ Бенъ-Адира.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, — сказала она ему, какъ только онъ вошелъ,—и поговорить обстоятельно. Поднимись на Титову башню, на которой, безъ сомнѣнія, въ эту минуту никого нѣтъ.

Еслибъ даже Бенъ-Адиру ничего не было извѣстно о томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ находилась Ревекка, о ея волненіи и ея тревогѣ, то ему не трудно было понять все по выраженію ея лица, по звуку ея голосу, по тому раздраженному тону, которымъ произнесены были эти слова. Волоса ея были растрепаны, взоръ ея блуждалъ, голосъ ея былъ суровъ и отрывистъ, щеки ея горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Бенъ-Адиръ послѣдовалъ за нею молча, самъ чувствуя какую-то тревогу и волненіе. Онъ смутно предчувствовалъ, что предстоящая бесѣда ихъ къ добру не поведетъ.

Когда они вышли изъ сада, Ревекка сказала ему:

— Нѣтъ, мы не пойдемъ на Титову башню. Ноги мои подкашиваются и я чувствую, что не въ состояніи буду подняться такъ высоко.

И она пошла по направленію къ Мертвому морю. Тѣмъ временемъ солнце уже довольно высоко поднялось на горизонтѣ. Воздухъ становился удушливъ, такъ какъ они уже вышли изъ цвѣтущаго района долины; они шли по сухой, каменистой почвѣ. Изъ-за сѣраго тумана, разстилавшагося надъ озеромъ, нельзя было разглядѣть горизонта. Ревекка, опустивъ голову,

шла быстрымъ шагомъ, точно ее подгоняла какая-то фурія, точно въ тѣло ея вошелъ одинъ изъ тѣхъ бѣсовъ, которые, какъ тогда безусловно вѣрили, часто входятъ въ тѣло человѣка. Когда они удалились уже на довольно значительное разстояніе отъ виллы и достигли совершенно безлюднаго мѣста, Ревекка остановилась и сказала, обращаясь къ своему спутнику:

— Слушай, Бенъ-Адиръ, я сердита на тебя: ты мнѣ передалъ не обо всемъ, что ты видѣлъ и о чемъ ты слышалъ въ Іерусалимѣ.

Бенъ-Адиръ, ничего не отвѣчая ей, поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на нее грустнымъ, и въ то же время пристальнымъ и почти безсмысленнымъ взглядомъ, точно упрекъ этотъ удивилъ его, точно онъ въ немъ ничего не понялъ. Онъ не хотѣлъ подать Ревеккѣ вида, что онъ проникъ въ ея тайну, которую она, какъ можно было предполагать, желаетъ скрыть отъ всѣхъ. Бѣдный рабъ этотъ обладалъ нѣжной и чуткой душою.

— Ну что же, ты не понимаешь меня?—спросила Ревекка рѣзкимъ, почти угрожающимъ голосомъ.

— Я передалъ тебѣ все, что, какъ мнѣ казалось, должно было интересовать тебя, — отвѣтилъ Бенъ-Адиръ спокойнымъ, почти равнодушнымъ голосомъ. — Я пересказалъ тебѣ почти дословно все, что говорилъ Симонъ въ моемъ присутствіи, и на моихъ глазахъ не случилось въ Іерусалимѣ ни одного, даже самаго мельчайшаго факта, котораго я не передалъ бы тебѣ во всѣхъ подробностяхъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ не разсказалъ всего, что ты видѣлъ и слышалъ въ пещерѣ Зеведея.

Эти слова произнесены были быстрымъ, прерывающимся голосомъ; затѣмъ она на мгновеніе остановилась, какъ бы колеблясь произнести послѣдующія слова, какъ будто ее удерживало чувство стыдливости или сознаніе своего достоинства. Бенъ-Адиръ тоже молчалъ. Наконецъ она продолжала:

— Развѣ ты не видѣлъ въ пещерѣ Зеведея племянницы его Эсепри?

— Какъ же, видѣлъ, — совершенно спокойно отвѣтилъ Бенъ-Адиръ.

— Ты, значитъ, видѣлъ эту назареянку, — ибо она назареянка; она принадлежитъ къ этой слабой, извѣженной и трусливой сектѣ, которая старается парализовать мужество защитниковъ Іерусалима и которая видитъ въ несчастіяхъ, обрушивающихся на Іерусалимъ, лишь осуществленіе ея пустыхъ пророчествъ. Ты видѣлъ ее, не такъ ли?

— Да, видѣлъ.

— Такъ почему же ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Потому что я не думалъ, чтобъ это могло интересовать тебя, Ревекка.

Отвѣтъ этотъ нѣсколько смутилъ-было Ревекку, такъ какъ она не приготовилась къ нему. Она прошла нѣсколько шаговъ по направленію къ Мертвому морю, храня мрачное молчаніе. Ее мучила одна мысль, которую, однако, она не рѣшалась высказать.

— Что-жъ она, красива? — спросила она наконецъ какимъ-то, точно сдавленнымъ, голосомъ.

Бенъ-Адиръ отвѣтилъ уклончиво.

— Я хочу знать всю истину, Бенъ-Адиръ! Неужели ты думаешь, что я ревную эту женщину?

Вопросъ этотъ и то выраженіе голоса, съ которымъ онъ былъ сдѣланъ, обнаруживали всю силу и всю глубину того чувства, которое наполняло сердце Ревекки. Съ этими словами пали всѣ преграды: вся застѣнчивость молодой дѣвушки, всѣ колебанія женщины исчезли подъ напоромъ вырвавшейся изъ глубины сердца сильной страсти. Бенъ-Адиръ, не смотря на то, что онъ по природѣ своей въ состояніи былъ понимать страсти, даже тѣ, которыхъ онъ не испыталъ, былъ пораженъ этой вспышкой.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—племянница Зеведея красива; но она гораздо менѣе красива, чѣмъ ты.

Онъ желалъ смягчить выраженіемъ мнѣнія, которое было въ немъ совершенно искренне, то что могло быть непріятнаго въ его словахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доставлялъ самому себѣ удовольствіе высказать наконецъ то, что такъ часто готово было вылиться изъ его сердца. Но это ни къ чему не повело.

— Дѣло не во мнѣ, — произнесла Ревекка сухо и въ голосѣ ея слышалось даже раздраженіе; — я спрашиваю тебя о племянницѣ Зеведея. Такъ ты говоришь, что женщина эта красива?

— Да; всѣ женщины красивы, когда ихъ любятъ.

Она молчала, продолжая идти быстрымъ шагомъ. Венъ-Адиръ слѣдовалъ за нею.

Вдругъ она остановилась и сказала болѣе мягкимъ голосомъ Венъ-Адиру, не спускавшему съ нея глазъ:

— Послушай! Знаешь-ли, почему Симонъ покровительствуетъ Зеведею, который ничто иное, какъ лже-пророкъ, и который, подобно черному ворону, носится по улицамъ, предрекая гибель Іерусалиму?

— Нѣтъ, я этого не знаю, Ревекка.

— Ты лжешь, ты знаешь это! Симонъ покровительствуетъ Зеведею, потому что любитъ его племянницу. И тебѣ это было извѣстно, слуга невѣрный! Почему ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ съ перваго же дня? Отъ сколькихъ пытокъ ты бы избавилъ меня этимъ!

Слезы выступили на прекрасныхъ глазахъ молодой дѣвушки; грудь ея тяжело вздымалась отъ усилій, которыя она дѣлала для того, чтобы сдержать свои рыданія. Голосъ ея дрожалъ отъ овладѣвшаго ею снова волненія. Но чувство злобы начинало смѣняться въ ней болѣе нѣжнымъ чувствомъ.

Оба они прошли, молча, еще нѣсколько шаговъ. Вдругъ Ревекка остановилась и вздрогнула. Она стала ломать себѣ руки, какъ-бы желая сдѣлать надъ собою послѣднее усиліе съ

цѣлью преодолѣть и прогнать отъ себя только что вынесенный ею припадокъ слабости и снова найти въ душѣ своей всю энергію ненависти, въ которой у нея не было недостатка.

Бенъ-Адиръ, слѣдившій за нею и угадывавшій съ какою-то удивительной проницательностью происходившую въ ея сердцѣ борьбу, пожелалъ, такъ сказать, прійти къ ней на помощь и довести дѣло до той конечной развязки, которую онъ предчувствовалъ.

— Не отправиться-ли намъ вмѣстѣ съ тобою въ Іерусалимъ? вдругъ спросилъ онъ.

И, при этихъ словахъ, глаза его загорѣлись какимъ-то страшнымъ огнемъ, который далъ Ревеккѣ возможность заглянуть въ глубину души его. Она поняла его. Однако, потому-ли, что она не хотѣла останавливаться мыслью на томъ, что она поняла, или по какой либо другой причинѣ, она спросила, опустивъ глаза:

— А зачѣмъ же намъ отправляться въ Іерусалимъ?

— Чтобъ избавить тебя отъ племянницы Зеведея и... отъ другаго.—Онъ не рѣшился назвать Симона.

— Симонъ женился на Эсѳири. Я это знаю. Мнѣ вотъ тутъ что-то говоритъ объ этомъ,—сказала она, кладя руку на свое сердце.—Елисавета сообщила тебѣ о томъ, не такъ-ли?

— Да, совершенно спокойно отвѣтилъ Бенъ-Адиръ.

Ревекка остановилась и зашаталась.

Бенъ-Адиръ поддержалъ ее, но она скоро оправилась.

— Пойдемъ домой,—сказала она довольно спокойнымъ голосомъ.—Нужно принять какое нибудь рѣшеніе. Отправляйся въ пустыню и постарайся розыскать Іоханана. Іерусалимъ въ немъ нуждается. Онъ найдетъ меня тамъ — у царя Исая. Ты возвратишься вмѣстѣ съ нимъ и проводишь его ко мнѣ. Богъ найдетъ средства, чтобы раскрыть передъ вами, равно какъ и передо мною, ворота священнаго города.

Графиня Марія Ратацци.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

Осмотръ колоній и результаты этого осмотра.

Объ отводѣ, для желавшихъ переселиться, земель, ежегодно, какъ мы помянули выше, публиковалось въ губернскихъ вѣдомостяхъ. То же самое предполагалось сдѣлать и на 1850 г., при чемъ земель этихъ насчитывалось въ губерніяхъ: Херсонской — 30617 дес. и Екатеринославской — 27552 дес., всего 58169 дес., а на этомъ пространствѣ свободно поселились бы до 1447 семействъ. Сдѣлать это сразу представлялось невозможнымъ, потому что въ Херсонской губерніи надлежало предварительно вырыть колодцы и устроить плотины. Масса прибывавшихъ евреевъ, обязывавшихся поселиться на свой счетъ, — въ дѣйствительности оказывались нищими и имъ нельзя было не помочь, а за ними слѣдовало наблюдать, а подрядная постройка для нихъ домовъ вызывала опасеніе за ихъ доброкачественность. Колоніальное управленіе, привлекшее самихъ евреевъ къ участію въ постройкахъ и къ надзору за матеріалами,—успѣло, правда, возвести «превосходнѣйшіе дома, стоившіе несравненно дешевле, нежели екатеринославской палатѣ», а евреи, слѣдившіе за постройкою, — размѣщались въ нихъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ благонадежности и прочности, но такіе дома не могли быть возведены ни на многихъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, ни для

* См. „Восходъ“, кн. 6.

значительнаго числа поселенцевъ: въ ожиданіи домовъ, они должны были квартировать въ ближайшихъ отъ мѣстъ ихъ водворенія селеніяхъ, къ «крайнему неудовольствію жителей христіанъ, тяготившихся продовольствовать евреевъ хлѣбомъ по займу». Во избѣжаніе перечисленныхъ затрудненій, Киселевъ потребовалъ отъ Комитета объясненіе о томъ, какое именно число евреевъ могло быть, въ теченіи 1850 г., поселено въ южномъ краѣ, а до того пріостановился даже указаніемъ свободныхъ земель.

Комитетъ отозвался, что изъ свободныхъ, для водворенія евреевъ, земель онъ отдѣлилъ для поселенія въ 1850 г. при селеніяхъ Камянкѣ и Излучистой 8072 дес., а для зашедшихъ въ прежнее время, которые впослѣдствіи будутъ приведены въ извѣстность и приняты въ земледѣльцы—14127 дес., въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Херсонской—6991 дес., а Екатеринославской—7136 дес. По этому количеству земли Комитетъ считалъ возможнымъ поселить въ 1850 г. 353 семейства: въ Херсонской губерніи—175 и Екатеринославской—178 семействъ.

Введенное въ дополнительныхъ правилахъ 1847 г. соединеніе разныхъ семействъ въ одно, для составленія опредѣленнаго числа рабочихъ, тяготило какъ евреевъ, такъ и ихъ начальство. Относительно помянутыхъ выше 24 семействъ Киселевъ, какъ мы указали, дозволилъ отступить отъ правилъ. Оттого Комитетъ рѣшился добиться совершенной отмѣны этого пункта правилъ. Съ этою цѣлію онъ уже прямо возсталъ противъ соединенія нѣсколькихъ семействъ, совершенно чуждыхъ между собою, въ одно, а также противъ присоединенія къ семействамъ такъ называемыхъ приписниковъ. Для пользы самихъ евреевъ, пояснялъ Комитетъ, а равно для вѣрнѣйшаго достиженія успѣха въ упроченіи ихъ хозяйственнаго и домашняго быта,—«слѣдовало допускать къ поселенію исключительно семейства, которыя сами, безъ соединенія съ другими, имѣли бы въ составѣ своемъ узаконенное число работниковъ, ибо отъ соединенія семействъ происходилъ только вредъ: безпрестанныя распри между этими семействами, *обязательно* живущими вмѣстѣ, отвлекаютъ ихъ отъ прямыхъ занятій земледѣльцевъ, порождаютъ вражду между ними и каждое семейство, отдѣльно

старясь только о своихъ выгодахъ, — вовсе не радѣетъ о пользѣ общаго хозяйства». Подобное соединеніе, по словамъ Комитета, было причиною того, что «нѣкоторыя семейства, по прибытіи уже на мѣсто, впослѣдствіи отказывались отъ водворенія и возвращались на прежнее мѣсто жительства; мѣстное же начальство колоній, будучи обременяемо разборомъ безпрестанныхъ жалобъ,—не рѣдко отвлекалось отъ исправленія болѣе важныхъ обязанностей».

Оставивъ открытымъ общій вопросъ о прекращеніи соединенія семействъ,—первый департаментъ, касательно принятія, въ 1850 г., новыхъ поселенцевъ, заключилъ, что если предоставить начальникамъ губерній высылать изъ каждой по 100 семействъ, то масса переселенцевъ составила-бы 1600 семействъ, или около 25000 душъ, «лишенныхъ, большею частію, всякихъ средствъ къ существованію»; что для прокормленія такого числа душъ въ теченіи, по крайней мѣрѣ, цѣлаго года, пришлось бы истощить всѣ мѣстные общественные запасы, или употребить весьма значительный капиталъ; что размѣщеніе 1600 семействъ и одновременное устройство для нихъ домовъ сопряжено съ такими чрезвычайными затрудненіями, преодолѣть которыя не приняло бы на себя ни одно мѣстное начальство; что хотя въ вѣдѣніе колоніальнаго начальства и передано достаточное, для надѣленія 1600 семействъ, пространство свободной земли, но она ни по качеству, ни по расположенію не могла бы быть вся одновременно назначена подъ заселеніе: одни участки находились въ такомъ отдаленіи отъ еврейскихъ поселеній и другъ отъ друга, что мѣстное начальство не имѣло-бы никакой возможности слѣдить за постройкою на нихъ домовъ и за водвореніемъ евреевъ, а другіе участки требовали предварительнаго устройства на нихъ плотинъ и колодцевъ; наконецъ, что водвореніе евреевъ шло бы успѣшнѣе только при соблюденіи возможной постепенности. По всѣмъ перечисленнымъ основаніямъ, департаментъ находилъ нужнымъ въ 1850 г. ограничить поселеніе евреевъ тѣмъ числомъ семействъ, которое указано Комитетомъ, и на тѣхъ участкахъ, которые онъ для нихъ избралъ.

Киселевъ же разрѣшилъ: а) переселить изъ каждой изъ 9

западныхъ губерній отъ 3-хъ до 40 семействъ, если губернаторы предварительно доставятъ комитету по 170 р. на каждое семейство, и б) къ самому поселенію допускать только такія семейства, въ которыхъ, безъ всякаго соединенія съ другими, будетъ заключаться число рабочихъ, предусмотрѣнныхъ 5 п. правилъ 1845 г. Объ этомъ онъ извѣстилъ циркулярно генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ.

И такъ, въ интересахъ евреевъ и искренно и энергически стремясь обратить большее число ихъ въ земледѣльцевъ,—министръ Киселевъ не стѣснился даже отмѣнить законъ собственною властію. Тѣмъ сильнѣе былъ онъ озадаченъ дошедшимъ до него «слухомъ, что евреи сами не занимаются земледѣліемъ, а отведенныя имъ земли отдаютъ другимъ въ аренду». На его запросъ—«какія противъ этого сдѣланы распоряженія?» ему доложили, что по дополнительнымъ правиламъ 1847 г. опредѣленъ размѣръ хозяйственныхъ занятій евреевъ на другой, на 4-й и въ 6-й годъ поселенія, при чемъ пояснено: что «кто не выполнитъ сего размѣра, — того брать подъ надзоръ, а кто въ 6 лѣтъ не учредитъ хозяйства по особому инвентарю, тѣ исключаются изъ земледѣльцевъ и всѣ способные въ этихъ семействахъ люди—отдаются въ солдаты; въ силу этого закона, преподаны инструкція о мѣрахъ надзора за евреями и инвентари о хозяйственныхъ принадлежностяхъ, которыя евреи должны имѣть на 6 годъ водворенія, слѣдовательно, противъ евреевъ-земледѣльцевъ, уклонявшихся отъ земледѣлія, приняты достаточныя и весьма строгія мѣры». Тогда Киселевъ приказалъ департаментамъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ мѣръ и доводить обо всемъ до его свѣдѣнія. А чтобы наблюденіе было дѣйствительнѣе, Киселевъ рѣшительно отвергъ ходатайство Комитета о предоставленіи нѣмцамъ—сельскимъ начальникамъ еврейскихъ селеній—въ награду за наиболѣе полезную дѣятельность, отъ 2-хъ до 3-хъ десятинъ общественной земли, съ тѣмъ, чтобы сѣменами этихъ начальниковъ ее обработывали евреи, одновременно съ обработкою ими общественной запашки. Первый департаментъ даже напомнилъ Комитету, что при назначеніи сельскихъ начальниковъ въ еврейскія селенія предусматривалось устраненіе ихъ отъ заведе-

нія собственнаго хозяйства и отъ пользованія общественною землею, дабы они «безусловно могли посвящать весь свой досугъ служебнымъ обязанностямъ, за которыя имъ присвоены огромное жалованье и другія преимущества».

Многократно поднимавшійся вопросъ о томъ, сколько именно было казеннаго долга на всѣхъ евреяхъ, перешедшихъ въ земледѣльцы съ 1807 г., не только не выяснялся, но все дальше затягивался. На этотъ разъ по собраннымъ справкамъ оказалось, что до передачи колоній въ вѣдѣніе новороссійскаго генералъ-губернатора, на колонистахъ числилось долга казнѣ 126,085 р. 58¼ к., а съ 1838 до поступленія ихъ въ вѣдомство государственныхъ имуществъ—1845 г., на нихъ насчитано было херсонскимъ губернаторомъ 315,261 р. 77 к., т. е. въ сложности 441,347 р. 35¼ к., тогда какъ выводили, что они должны были къ 1846 г.: Карцовъ—413,000 р., а херсонская казенная палата только—249,795 р. 99½ к. Генералъ-губернаторъ настаивалъ на томъ, что взыскивать съ колонистовъ ничего не слѣдовало, ибо въ первоначальныхъ правилахъ о переселеніи евреевъ въ земледѣльцы не говорилось, чтобы опредѣленное имъ пособіе отъ казны было впослѣдствіи съ нихъ взыскано, а, по позднѣйшему положенію, переходившимъ въ земледѣльцы пособіе выдавалось изъ коробочныхъ сборовъ также безвозвратно. Федоровъ же совѣтывалъ также сложить со счетовъ и суммы, употребленныя съ 1838 г., на помощь евреямъ, по случаю неурожая, на продовольствіе, покупку и прокормленіе скота, взамѣнъ павшаго, и на прекращеніе повальныхъ болѣзней. Херсонская казенная палата утверждала, что въ недоимку за евреями не записаны: отпущенные управлявшему колоніями на водвореніе и продовольствіе переселявшихся евреевъ: въ 1837 г. — 201,049 р. 13¼ к., на издержки по водворенію евреевъ, прибывшихъ для поселенія на собственномъ иждивеніи, но оказавшихся безъ средствъ, въ 1841 г. — 7142 р. 85 к., на покупку сѣна для скота и на отопленіе домовъ въ 1842 г. — 8,104 р. 28 к., зачислены въ недоимку; на продовольствіе евреевъ до урожая въ 1843 г. — 43,000 р. тоже не показаны были подлежавшими ко взысканію. Изъ этихъ 43,000 р. отпущено было собственно

на продовольствіе евреевъ 25,785 р. 2½ к., и на покупку для нихъ домовъ 3,000 р. Казенная палата и не знала занести-ли въ недоимку за евреями 28,785 р. 2½ к., или принять ихъ на счетъ казны. Наконецъ остатокъ отъ 44,000 р.—9,660 р. употребленъ былъ на покупку для евреевъ-земледѣльцевъ 322 паръ воловъ, также взамѣнъ павшихъ.

Общее присутствіе перваго департамента заключило, что объ издержкахъ, сдѣланныхъ казною на водвореніе евреевъ прежняго поселенія, — касаться на слѣдовало, такъ какъ онѣ уже поставлены долгомъ на тѣхъ евреевъ, со взысканіемъ съ нихъ по 1 р. 42⁶/₇ к., въ годъ, а относительно издержекъ на вновь поселенныхъ евреевъ (по счету казенной палаты 245,081 р. 30 к.) присутствіе согласилось съ палатою, что 8,104 р. 28⁴/₇ к. составляли недоимку, а изъ остальныхъ 236,977 руб. 1½ к. 201,049 р. 13¼ к.—возврату не подлежали, ибо по Высочайше утвержденнымъ 27 октября 1836 г. правиламъ о переселеніи евреевъ въ Сибирскія губерніи—предписывалось на счетъ казны довольствовать переселенцевъ въ продолженіи пути, снабдить ихъ по прибытіи на мѣсто водворенія земледѣльческими орудіями, рабочимъ скотомъ и прочими домашними вещами; 7,142 р. 85⁵/₇ к.—слѣдовало взыскать, такъ какъ Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1841 г. положеніемъ комитета министровъ, новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору разрѣшалось всѣ еврейскія семейства, которыя прибыли въ Херсонскую губернію для поселенія на собственномъ иждивеніи, но не имѣли къ тому средствъ, — водворить съ заимообразнымъ пособіемъ отъ казны и продовольствовать ихъ до новаго урожая; наконецъ, 28,785 р. 2½ к. возврату не подлежали, потому что министръ финансовъ, по удостовѣренію министра государственныхъ имуществъ, о невозможности отнести 43,000 р. на сумму, назначенную ежегодно по росписанію для пособій вообще переселенцамъ,—согласился принять эту сумму на счетъ государственнаго казначейства, а въ Высочайше утвержденномъ 19 января 1843 г. положеніи комитета министровъ объ отпускѣ этихъ 43,000 р. — о возвратѣ ихъ ничего не было сказано. Такимъ образомъ присутствіе признало, что изъ 245,081 р. 30 к. взысканію подлежали толь-

ко 15,247 р. 14¼ к., а остальныя 229,834 р. 15¾ к. составляли безвозвратный расходъ казны; взысканіе же 15,247 р. 4½ к. полагало начать, по прежнему примѣру, только по окончаніи назначенной еврейскимъ поселенцамъ 25-ти лѣтней льготы отъ податей. Министръ финансовъ нашелъ правильными приведенные доводы, почему они и были исполнены.

Такимъ образомъ, къ благополучію евреевъ разрѣшился и споръ о ихъ долгахъ казнѣ. Въ то же время Киселевъ, желая дознаться—достойны-ли евреи оказанной имъ новой, весьма существенной милости, — потребовалъ объясненія Комитета о томъ, въ какомъ положеніи ихъ занятія и исправны-ли ихъ дома? Комитетъ отозвался, что въ теченіи 1850 г. въ Херсонской губерніи на двухъ участкахъ при Камянкѣ и Излучистой построено 27 домовъ (19 — о двухъ половинахъ, въ которыхъ размѣщены 20 семействъ, изъ числа зашедшихъ въ 1845 и 1846 гг., и 8 — одинокихъ, для 22 семействъ ковенскихъ и 4 семействъ одесскихъ евреевъ), а въ Екатеринославской губерніи построено домовъ: 13 — о двухъ половинахъ, для 26 семействъ ковенскихъ евреевъ; свободной земли для водворенія новыхъ поселенцевъ, начиная съ 1851 г., считалось въ губерніяхъ: Херсонской до 26.185 дес. 654 саж., и въ Екатеринославской—до 27.847 дес. удобной земли. Комитетъ при этомъ присовокупилъ, что при всемъ стараніи устроить помѣщенія для всѣхъ вообще еврейскихъ семействъ, которыхъ предстояло водворить въ 1849 и 1850 г. — онъ не могъ этого доттигнуть: нельзя было пріобрѣсть въ достаточномъ количествѣ половы— необходимаго матеріала при дѣланіи кирпича, соломы и камыша, для покрытія крышъ, вслѣдствіе чрезвычайно скуднаго урожая.

Незначительный успѣхъ обращенія евреевъ въ земледѣльцы до того безпокоилъ Киселева, что, обозрѣвъ дѣло о нихъ, онъ нашелъ, что «Департаменты не исполняли въ надлежащей степени правилъ 1847 г.», а потому предписалъ имъ «обратить строгое вниманіе на ходъ этого дѣла и наблюдать, чтобъ поселеніе евреевъ было отнюдь не мнимое, но дѣйствительнымъ образомъ совершающееся», что и оставлялъ «на отвѣтственности департаментовъ». Ганъ, въ качествѣ директора одного изъ департаментовъ, въ свое оправданіе, между прочимъ, изло-

жилъ, что медленность въ водвореніи евреевъ, кромѣ трудности этого дѣла, относилась главнѣе всего къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, устраненіе которыхъ не зависѣло отъ распорядительности мѣстныхъ начальниковъ: Херсонская и въ особенности Екатеринославская губерніи третій годъ сряду (1848—1850 г.) испытывали неурожаи, а бѣдствіе это, съ одной стороны — препятствовало пріобрѣтенію матеріаловъ, необходимыхъ для устройства домовъ, а съ другой — возбуждало опасенія на счетъ обезпеченія продовольствія евреевъ, которые, съ перваго дня прибытія на мѣсто водворенія, должны были содержаться ссудами хлѣба, а этого нельзя было исполнить безъ затрудненія и излишнихъ расходовъ въ мѣстахъ, гдѣ поселенныхъ уже евреевъ нужно было кормить покупнымъ хлѣбомъ. Тѣмъ не менѣе, Киселевъ, признавъ небходимымъ произвести осмотръ еврейскихъ поселеній, дабы имѣть свѣдѣніе о ихъ положеніи *, — командировалъ на мѣсто своего секретаря, коллежскаго ассесора Ислявина, которому поручилъ удостовѣриться: а) соотвѣтствуютъ ли постройки и обзаведенія потребностямъ хозяйства и суммѣ, на это израсходованной; б) въ какомъ состояніи находятся евреи, т. е. занимаются ли земледѣліемъ и имѣется ли за ними надлежащій надзоръ; в) если евреи хлѣбопашествомъ не занимаются, то сколько такихъ, почему они отъ этого уклоняются и какое дѣлаютъ употребленіе изъ отведенной имъ земли; г) возможно ли обратить ихъ къ хлѣбопашеству и какія нужны для этого мѣры?

Отправка Ислявина не остановила, разумѣется, обычнаго теченія и разрѣшенія дѣла. Такъ, въ Херсонскихъ колоніяхъ Романовкѣ и Новополтавкѣ понадобилось вновь построить 113, да исправить — 68 домовъ, но денегъ на все это Комитетъ имѣлъ только 5,710 р., когда при наличности кое-какого матеріала требовалось наименьшее 8,586 р. 93¼ к. Чтобы выдти изъ затрудненія, Комитетъ рѣшилъ образовать изъ евреевъ

* По документамъ отъ 31 января, 11, 17 и 28 марта; 16 апрѣля; 10 и 27 мая; 11, 13, 17, 30 и 31 іюня; 21 и 22 іюля; 21 августа; 3 сентября; 29 октября; 8, 10 и 29 ноября и 31 декабря 1849 г.; 23 и 26 января; 8, 9, 22 и 28 февраля; 10, 14 и 28 марта; 6 и 27 апрѣля; 29 мая; 5, 16 и 27 сентября; 20 и 26 октября; 17, 28, 30 и 31 декабря 1850 г.

этихъ колоній партіи каменьщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ и печниковъ, которыхъ подъ надзоромъ попечителя и руководствомъ наемныхъ мастеровъ и заставить работать, платя только наибѣднѣйшимъ изъ нихъ поденно, сообразно состоянію кассы. Киселевъ одобрилъ эту мѣру, но съ тѣмъ, чтобы евреевъ, дома которыхъ были въ удовлетворительномъ положеніи, — къ работамъ не привлекали.

По истеченіи семи мѣсяцевъ и Ислявинъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, представилъ Киселеву отчетъ, къ содержанію котораго мы и переходимъ.

По донесенію г. Ислявина, изъ 5,090 еврейскихъ семействъ, просившихся въ земледѣльцы съ 1844—1851 г., получили на это разрѣшеніе лишь 205 семействъ. Причины малочисленности переселенцевъ заключались, по мнѣнію г. Ислявина, въ томъ, что а) евреи помнили плохой пріемъ, сдѣланный на мѣстахъ поселенія ихъ соплеменникамъ въ прежнее время; б) въ новороссійскомъ краѣ были въ 1848 и 1849 г. неурожаи, и в) семейства, нерасполагавшія деньгами на путевыя издержки, до 1849 г. не отпускались на поселеніе, а потому пріискивали себѣ занятія на родинѣ или обращались въ земледѣльцы въ самомъ западномъ краѣ. Переходя къ колоніямъ, г. Ислявинъ нашелъ существовавшія съ 1807 г. такъ запущеными, что устроенныя въ 1847—1852 г. находились «въ гораздо лучшемъ видѣ и представляли меньше затрудненій къ введенію въ нихъ порядка, чѣмъ давнія, которыя, если бы оставались при прежней системѣ управленія,—чрезъ 10 лѣтъ носили бы только названіе колоній: дома всѣ бы разрушились, евреи бы всѣ разбрелись, а земля отдана бы была за ничто въ аренду или осталась бы невоздѣланною». Такимъ образомъ г. Ислявинъ выводилъ, что «эпохою возрожденія колоній слѣдовало считать 1847 г.,—когда онѣ поступили въ вѣдѣніе Комитета, издано было новое положеніе, а такожъ—начертаны были новыя правила, приняты были благоразумныя и дѣятельныя мѣры для управленія колоніями».

По отчету г. Ислявина было: въ 15 старыхъ Херсонскихъ поселеніяхъ семействъ 1,588, а въ нихъ душъ: ревизскихъ мужскихъ—6,428, женскихъ 5,794; наличныхъ: муж.—6,570,

жен. 5,837; въ 10 вновь устроенныхъ Херсонскихъ же поселеніяхъ: семействъ—136; а въ нихъ душъ: ревизскихъ: муж. 690, жен. 119; наличныхъ: муж.—690, жен.—619; въ Екатеринославскихъ колоніяхъ 346 семействъ, а въ нихъ душъ: ревизскихъ: муж.—1,907, жен.—1,573; наличныхъ: муж.—1,896, жен.—1,536; итого во всѣхъ 25 поселеніяхъ было 2,070 семействъ, а въ нихъ душъ: ревизскихъ: муж.—9,025. жен. 7,986; наличныхъ: муж.—9,156, а жен. 7,992. На льготѣ состояло семействъ по губерніямъ: Херсонской—615, Екатеринославской—346; итого 961. Вышло изъ льготы: по Херсонской—1,109 семействъ. Самовольно зашедшихъ для поступленія въ земледѣльцы, но не перечисленныхъ еще казенными палатами: по Херсонской губерніи—66 семействъ. Перешли въ христіанскую вѣру: по Екатеринославской губерніи—4 семейства. Возвратились на родину, по случаю смерти рабочихъ душъ, по преслѣдованіямъ полиціи за неперечисленіе ихъ изъ прежняго званія и по несклонности къ земледѣлію: по Херсонской губерніи—47 семействъ. Подъ поселеніе евреевъ отдѣлено было земли въ губерніяхъ: Херсонской—108,861 дес. 2,290 саж., а въ Екатеринославской 46,670 дес., всего 155,531 дес. 2,290 саж.; изъ этого числа занято было подъ поселеніями: въ Херсонской—77,593 дес. 2,237 саж. и Екатеринославской 16,345 дес. 1,200 саж., итого 93,939 дес. 1,037 саж.; изъ остальныхъ незаселенныхъ земель находилось въ оброчныхъ содержаніи у разныхъ лицъ: въ Херсонской—29,619 дес. 2,333 саж. и въ Екатеринославской—28,888 дес., итого 53,507 дес. 2,333 саж. Свободной для водворенія земли считалось: въ Херсонской губерніи—1,648 дес. 120 саж., въ Екатеринославской—6,436 дес. 1,200 саж., итого 8,084 дес. 1,320 саж.; эта земля, по окончаніи срока оброчнаго содержанія во время неурожайныхъ 1848 и 1849 годовъ, по неявкѣ желающихъ, не была отдана въ оброкъ, а оставалась въ хозяйственномъ управленіи и приносила въ годъ среднимъ числомъ по 30 к. за десятину. Всѣ земли были хорошаго качества, но многія не имѣли проточныхъ рѣкъ и прѣсной воды. Въ колоніяхъ состояло на лицо домовъ: общественныхъ: въ Херсонскихъ—59, въ Екатеринославскихъ—2, итого 61; частныхъ: въ Херсонскихъ—1,569, въ Екатеринославскихъ—269,

итого 1,838; на каждый домъ проживавшихъ въ нихъ душъ евреевъ въ Херсонскихъ приходилось до 9, въ Екатеринославскихъ до 10; изъ числа частныхъ домовъ было: каменныхъ въ Херсонскихъ—731, въ Екатеринославскихъ—1, итого 732; чамурныхъ: въ Херсонскихъ—638; плетневыхъ: въ Херсонскихъ—134, въ Екатеринославскихъ—189, итого 323; изъ земляна́го кирпича на каменномъ фундаментѣ: въ Херсонскихъ—68, въ Екатеринославскихъ—79, итого 147; сараевъ и конюшень для скота: въ Херсонскихъ—52, въ Екатеринославскихъ—только что начинали строиться; мельницъ: въ Херсонскихъ—24.

Со времени принятія колоній въ вѣдѣніе Комитета успѣхъ построекъ оказался слѣдующій: по Херсонской губерніи принято было разрушенныхъ 59, ветхихъ 156, раскрытыхъ 213, полураскрытыхъ 194, всего 622 дома; изъ нихъ исправлено и укрыто 458; осталось неисправленныхъ 164, требовавшихъ совершенной передѣлки и исправленія 105, безъ крышъ 59; исправленные 458 домовъ могли, при поддержкѣ колонистовъ и при надзорѣ начальства, служить 5 и даже болѣе лѣтъ. Потомъ 164 дома, оставшіеся неисправленными, принадлежали земледѣльцамъ, находившимся въ бродяжествѣ, или людямъ, которые по бѣдности, въ особенности отъ бывшихъ неурожаевъ и болѣзней, не могли привести ихъ въ порядокъ, а общества по тѣмъ же причинамъ не были въ состояніи оказать имъ пособія. Вспомоществованіе со стороны казны, хотя по 20 р. на домъ, оказывалось необходимымъ, въ особенности для Израилевки, Камянки и Излучистой. Съ 1847 г. вновь построено: земледѣльцами на собственный счетъ 46 домовъ, а на суммы, отпущенныя казною и изъ коробочныхъ сборовъ: въ Романовкѣ и Новополтавкѣ каменныхъ домовъ 25; двойныхъ 54, одинокихъ 14. Новый способъ постройки оказался весьма выгоднымъ и прочнымъ. Кромѣ указанныхъ построекъ съ 1847 г. средствами самихъ поселенцевъ: выведены фронтоны на 95 домовъ; устроены каменные палисадники при домахъ 642, построено мельницъ 9, сараевъ и конюшень 52, а на счетъ общественныхъ суммъ вновь построено: домовъ для сельскихъ начальниковъ 5, молитвенныхъ 5. На сумму, отпущенную Коми-

тетомъ: домовъ для попечителя и его помощника 2, лечебница 1, сараевъ для сохраненія рабочихъ орудій и конюшень для лошадей и плуговой упряжи—9. Перестроено на счетъ общественныхъ суммъ: молитвенныхъ домовъ 5, домовъ для сельскихъ начальниковъ 1, для приказовъ 2, бань 2. Дома, построенные по распоряженію управляющаго палатою (189), плетневые, мазанковые, обшитые дранью, обошлись въ 100 р. каждый, но строились зимою и къ спѣху, почему построены небрежно и непрочно съ соблюденіемъ только плановаго вида. Все, что вначалѣ 1850 г. доносилъ Струковъ о жалкомъ состояніи этихъ домовъ, г. Ислявину представлялось еще въ худшемъ видѣ. Поселенцы жили въ нихъ только лѣтомъ, ибо дома склонялись на сторону отъ сильнаго вѣтра, а при наступленіи холодовъ г. Ислявинъ былъ свидѣтелемъ, какъ евреи перебирались къ сосѣдямъ, за плату въ 3 и даже 5 р. въ зиму; въ устроенные землебитные дома, или семейства по 3, по 4 стѣснялись въ тѣхъ плетневыхъ мазанкахъ, которыя были попрочнѣе другихъ, а нѣкоторые даже соглашались жить въ землянкахъ, которыя были безопаснѣе. Попечитель колоній баронъ Штемпель, при заботливости и опытности, довелъ постройки до совершенства: ничего лучшаго по отпущеннымъ средствамъ нельзя было и желать: дома, устроены были на двѣ половины, поставлены къ улицѣ широкой стороною, раздѣлены капитальной стѣной и имѣли для каждаго семейства по два выхода: на улицу и на дворъ. Это не было соблюдено въ другихъ поселеніяхъ, въ которыхъ у одного семейства окна и выходъ были на улицу, а у другаго на дворъ, отчего происходили между жильцами ссоры въ кухнѣ и сѣняхъ и жалобами евреи безпрестанно затрудняли начальство.

Херсонскія колоніи существовали 45 лѣтъ, а потому слѣдовало, по словамъ г. Ислявина, ожидать, что въ «новомъ поколѣніи евреи уже привыкли къ сельскому хозяйству, оставили прежніе свои обычаи и хотя нѣсколько обзавелись въ земледѣльческомъ быту». Но ничего этого не находилъ г. Ислявинъ въ Новороссійскихъ колоніяхъ, а состояніе ихъ представилось ему «въ томъ точно видѣ, какъ и состояніе новыхъ поселеній

въ западныхъ губерніяхъ». Происходило же это, по мнѣнію г. Ислявина, оттого, что «прежнее начальство нимало о евреяхъ *не заботилось*, а, напротивъ, какъ бы покровительствовало бродяжеству, охотно выдавало каждому, разумѣется, за незаконную плату, паспорты на отлучку, а въ отсутствіе хозяина и взрослыхъ сыновей семейство не радѣло о хозяйствѣ, дома приходили въ разрушеніе, рабочій скотъ не существовалъ или продавался, земля оставалась невоздѣланною или отдавалась въ содержаніе за ничтожную плату».

Одобряя дѣйствія сельскихъ начальниковъ, г. Ислявинъ усмотрѣлъ, что они располагали слишкомъ ограниченною властью надъ поселенцами. Правилами, изданными для сельскихъ начальниковъ, на нихъ возложены были всѣ обязанности, относившіяся до благосостоянія и благоустройства колоній, а между тѣмъ они имѣли право «руководить поселенцевъ одними лишь совѣтами и наставленіями; когда же требовалась власть,—они обязывались предварительно представить на разрѣшеніе попечителя. Это замедляло дѣло, вело къ излишней перепискѣ, ослабляло мѣру взысканія съ виновнаго, а главное—отнимало у сельскаго начальника вѣсъ и уваженіе между поселенцами. Еврей, случалось, упорствовалъ исполнить приказаніе сельскаго начальника во время полевыхъ работъ и легкое наказаніе на мѣстѣ проступка послужило бы примѣромъ для другихъ на будущее время и возвысило бы власть сельскаго начальника въ глазахъ евреевъ, но это подлежало обсужденію въ еврейскомъ приказѣ, гдѣ начальствующія лица изъ евреевъ всегда принимали сторону единовѣрца, или доводили до свѣдѣнія попечительства, которое, по истеченіи нѣкотораго времени, опредѣляло наказаніе, а иногда даже, убѣждаемое ложными представленіями евреевъ,—вовсе не приводило наказанія въ исполненіе». Поэтому г. Ислявинъ полагалъ полезнымъ «даровать нѣсколько болѣе власти сельскимъ начальникамъ, предоставивъ имъ даже нѣкоторую мѣру наказанія, съ тѣмъ, чтобы доносили попечительству по приведеніи уже наказанія въ дѣйствіе».

Рабочая упряжь устраивалась, по словамъ г. Ислявина, тамъ, гдѣ былъ сельскій начальникъ и гдѣ предвидѣлась на-

добность приписать къ нимъ евреевъ, уклонявшихся отъ полевыхъ работъ по несостоятельности, или подъ предлогомъ несостоятельности; имѣвшихъ рабочій скотъ, но замѣченныхъ въ нерадѣніи—и по мѣрѣ исправленія, евреи, приписанные къ упряжи, возвращались къ своему хозяйству; были даже примѣры, что, пробывъ при ней годъ, они собственными средствами обзаводились рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями.

При включеніи евреевъ въ разряды принимались, по справкамъ г. Ислабина, въ руководство слѣдующія соображенія: Въ 1-й разрядъ включались хозяева, занимавшіеся земледѣліемъ, болѣе по наставленіямъ, чѣмъ по принужденію или страху, содержали въ исправности дома и хозяйство, имѣли болѣе одной пары рабочаго скота или трехъ лошадей и всѣ земледѣльческія орудія, дѣлали посѣвъ болѣе 6 десятинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняли хорошую нравственность. Такихъ хозяевъ въ Херсонскихъ колоніяхъ г. Ислабинъ нашелъ 188, а въ Екатеринославскихъ 58, итого 246. Во 2-й разрядъ назначались сохранявшіе въ порядкѣ дома, имѣвшіе не менѣе одной пары рабочаго скота или двухъ лошадей, сѣяли отъ 4 до 6 дес. и были хорошаго поведенія. Такихъ хозяевъ было въ Херсонскихъ поселеніяхъ 411, а въ Екатеринославской 188, итого 599. Къ 3-му разряду причислялись: имѣвшіе по одной лошади и сѣявшіе отъ 3 до 4 десятинъ. Этотъ разрядъ существовалъ только въ Херсонскихъ колоніяхъ и состоялъ изъ 384 хозяевъ. Въ 4-й разрядъ по Херсонской губерніи, а въ 3-й по Екатеринославской вписывались хозяева, не только не имѣвшіе рабочаго скота, нерадивые и уклонявшіеся отъ занятій, но и дурной нравственности и лишь мѣрами строгости принуждавшіеся къ хозяйственнымъ работамъ, всего 714 хозяевъ.

Земля, находившаяся подъ поселеніями, съ 1847 г. раздѣлена была на семейные участки: въ Херсонской губерніи въ 5 колоніяхъ—17,107 дес. 2,264 дес., а въ Екатеринославской—въ 5 колоніяхъ 9,689 дес. 1,200 саж.; въ 10 колоніяхъ 26,797 дес. 1,064 саж., такъ, что оставалось еще разбить на участки

въ 13 колоніяхъ Херсонскихъ до 60,486 дес. и въ 2 колоніяхъ Екатеринославскихъ 6,656 дес., въ 15 колоніяхъ 67,142 дес. Нѣкотсрые еврейскіе хозяева, слѣдуя примѣру нѣмецкихъ колонистовъ, приняли ихъ способъ обработки полей, посѣва, съемки и уборки хлѣба, употребляли нѣмецкіе земледѣльческія орудія, а воловъ замѣнили лошадьми, занимались огородничествомъ и начинали заводить для скота помѣщенія. Такъ, впрочемъ, поступало, по удостовѣренію г. Ислявина, самое незначительное число еврейскихъ поселенцевъ; «большая же часть ихъ показывала явное отвращеніе къ земледѣлію и старалась исполнить требованія начальства для того только, чтобы получить потомъ паспортъ на отлучку, для посторонних заработковъ. Трудно убѣдить еврейскихъ поселенцевъ въ пользѣ хлѣбопашества, много земли они оставляли въ залежи, воздѣлывали землю по клочкамъ, гдѣ кому вздумается, и обыкновенно за полевыя работы предоставляли третью или четвертую часть урожая сосѣднимъ или приходившимъ изъ другихъ губерній крестьянамъ, а остальное, если могли, старались продать, сами же оставались безъ хлѣба на пропитаніе семействъ и обсѣмененіе полей,—имъ бы только выручить чистыя деньги». Оттого въ еврейскихъ поселеніяхъ, особенно въ Херсонскихъ, г. Ислявинъ нигдѣ не видалъ достаточныхъ запасовъ хлѣба и хотя это и «приписывалось неурожаямъ; но въ 1851 г. урожай былъ весьма посредственный, а запасовъ было довольно у сосѣднихъ помѣщиковъ, въ ближнихъ военныхъ поселеніяхъ и даже у приселенныхъ къ евреямъ нѣмецкихъ колонистовъ». Въ Херсонскихъ колоніяхъ всего хлѣба было въ ссудѣ 1,428$^{3}/_{8}$ четв., на лицо 586$^{3}/_{8}$ четв., на каждую наличную душу: въ ссудѣ—до 7 гарнцевъ, на лицо—до 3 гарнцевъ.

Состояніе скотоводства въ колоніяхъ, въ сравненіи съ количествомъ скота, принятымъ колоніальнымъ начальствомъ въ 1847 г., представляло слѣдующій результатъ:

	Въ 1847 году было.		Въ 1851 году на лицо.		Противъ прежняго прибыло.	Противъ прежняго убыло.
	Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонской.	
Рабочихъ воловъ	2580	Но новости колоній сей-дней этихъ быть не мо-жетъ.	1205	—	—	1303
Лошадей	587		997	449	410	—
Коровъ и гулеваго скота	3193		4062	788	869	—
Овецъ.	3752		1343	—	—	2407
Итого . . .	10040	—	7607	1245	1279	3712

Уменьшеніе рабочаго скота и овецъ произошло, впрочемъ, по удостовѣренію г. Ислявина, отъ бывшихъ въ 1848 и 1849 гг. падежей, неурожаевъ и малаго усердія евреевъ къ хлѣбопашеству; по принятіи-же въ 1851 г. болѣе строгихъ, противъ нихъ, мѣръ,—начали увеличивать скотоводство. Овецъ, со времени послѣдняго падежа, евреи неохотно разводили, а для полевыхъ работъ вмѣсто рогатаго скота, который нѣмецкими колонистами признано невыгоднымъ держать, какъ болѣе подверженнаго эпидеміямъ и не столь удобнаго и быстраго въ земледѣліи,—евреи въ новыхъ колоніяхъ начали замѣнять лошадьми; поэтому и число лошадей противъ прежняго увеличилось; но въ еврейскихъ поселеніяхъ болѣе всего подвергалъ скотъ разнымъ болѣзнямъ дурной за ними уходъ: рѣдко у какого поселенца было помѣщеніе для скота. Вообще г. Ислявинъ убѣдился, что евреи слишкомъ небрежно обходились со скотиной, и «пока они не переймутъ отъ нѣмцевъ ихъ способа обращенія,—скотоводство будетъ находиться въ жалкомъ положеніи». Замѣнъ рогатаго скота для полевыхъ работъ лошадьми, или заведеніе коровъ нѣмецкой породы, столь много оказавшіе пользы нѣмецкимъ колонистамъ,—евреямъ «служили только во вредъ: они

лошадей загонивали въ ѣздѣ и мало кормили, особенно въ шабашные дни, въ которые ни до чего не дотрогивались; а нѣмецкихъ коровъ не доили каждый день въ одно время, а оставляли безъ защиты, отчего нѣмецкая корова, будучи нѣжнѣй русской,—переставала давать молока».

О состояніи земледѣльческихъ орудій г. Ислявинъ также доставилъ сравнительную таблицу, изъ которой видно:

		Въ 1849 году было.		Въ 1851 году на лицо.		Противъ прежняго прибыло.	Противъ прежняго убыло.
		Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонск.	Въ Екатер.	Въ Херсонской.	
Плуговъ	малороссійск.	301	По новости поселеній, этихъ свѣдѣній быть не можетъ.	226	50	—	75
	нѣмецкихъ. .	—		155	130	155	—
Боронъ	малороссійск.	530		664	—	—	—
	нѣмецкихъ. .	—		105	187	105	—
Ралъ малороссійск.		282		311	—	29	—
Возовъ	простыхъ. .	1428		1269	—	—	159
	нѣмецкихъ. .	—		93	300	93	—
Косъ, желѣзныхъ лопатъ, вилъ и граблей		Не показано въ вѣдомостяхъ.		—	2724	—	—

Сверхъ показанныхъ для Херсонскихъ поселенцевъ изготовлено было еще 15 нѣмецкихъ плуговъ, 38 боронъ и 14 возовъ, которыми колонисты не были надѣлены. Все это составляло пропорцію земледѣльческихъ орудій къ числу ревизскихъ мужскаго пола душъ.

	1 плугъ.	1 борона.	1 возъ.
По Херсонской губ. на . . .	19 душъ	9	5
» Екатеринославск. губ. на .	11 »	10	6

Огородовъ у евреевъ г. Ислявинъ нашелъ мало, какъ по несклонности ихъ къ земледѣлію, такъ и потому, что этою

отраслью въ большихъ размѣрахъ занимались въ военныхъ поселеніяхъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, отчего овощи обходились дешевле покупкою, чѣмъ собственнымъ производствомъ. Для распространенія между евреями огородничества и для занятія женщинъ и дѣтей, которые ничего не дѣлали «отъ религіозныхъ предразсудковъ и отъ лѣни»,—полезно было, по мнѣнію г. Ислявина, отдѣлить при каждомъ поселеніи небольшой участокъ подъ общественный огородъ, гдѣ занимать и тѣхъ евреевъ, которые присуждены къ работѣ за нерадѣніе или за какой либо проступокъ, какъ это уже и дѣлалось при разведеніи лѣсныхъ плантацій, которыя, впрочемъ, большею частію худо удались отъ сильныхъ жаровъ, вѣтровъ, засухъ лѣтомъ и безснѣжья зимою; незначительная часть деревъ осталась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотя изрѣдка перепадали дожди. Евреи и «за плантаціи неохотно принимались, при чемъ въ бытность г. Ислявина въ колоніи Новополтавкѣ, евреи, зная, что онъ будетъ осматривать лѣсную школу,—умышленно обрѣзали вполовину довольно высокую уже поросль, которою гордился сельскій начальникъ». При нѣкоторыхъ домахъ, особенно въ новыхъ поселеніяхъ Екатеринославской губерніи посажены деревья, а въ Херсонскихъ поселеніяхъ разведено было до 13,443 штукъ деревъ, въ Екатеринославскихъ до 5,214 фруктовыхъ деревъ и 1,886 штукъ бѣлыхъ и черныхъ тополей. Всего лучше принимались тополь, тутовое дерево, табакъ и виноградная лоза, а потому г. Ислявинъ считалъ полезнымъ и выгоднымъ ввести въ колоніяхъ шелковичное и табачное производства и винодѣліе въ болѣе обширномъ размѣрѣ.

Причины неустройства еврейскихъ поселеній заключались, по мнѣнію г. Ислявина, всего болѣе въ «несклонности евреевъ къ труднымъ полевымъ работамъ, въ ихъ частыхъ отлучкахъ для заработковъ, въ обычаяхъ, происходившихъ отъ религіознаго фанатизма и предразсудковъ, а отчасти и отъ упорства противъ законныхъ требованій начальства: еврей-поселенецъ, когда только могъ,—старался уйти на промыселъ, даже въ самое нужное для хозяйства время и для невѣрнаго оборота готовъ былъ покинуть всякій начатый трудъ. Самовольныя отлучки случались безпрестанно. Большая часть евреевъ, отпущенныхъ по паспортамъ, бродяжничали; поэтому Штемпель не

иначе давалъ паспорты, какъ съ обязательствомъ по возвращеніи внести въ попечительство опредѣленную сумму, а этимъ способомъ онъ на вырученныя съ 1847 г.—3,348 р. исправилъ нѣкоторые дома и улучшилъ хозяйства. Кто первый разъ не исполнялъ обѣщанія—второй не получалъ вида». Слишкомъ слабое взысканіе было, по словамъ г. Ислявина, главною причиною самовольныхъ отлучекъ поселенцевъ: за каждый просроченный день взыскивалось только по 1 коп., а «еврей готовъ заплатить и болѣе, лишь бы ему дозволили заниматься легкимъ трудомъ и оборотами. Онъ изъ вырученныхъ на промыслѣ денегъ отдавалъ 3 р. 65 к. за годовую отлучку, а при первомъ случаѣ—снова уходилъ бродяжничать». Это слабое наказаніе г. Ислявинъ считалъ нужнымъ замѣнить болѣе строгимъ и дѣйствительнымъ: присужденіемъ къ тяжелымъ полевымъ работамъ по одному дню за каждый просроченный день на общественной плантаціи или огородѣ, добыванію камня для разныхъ хозяйственныхъ построекъ и т. п.

Въ 25 еврейскихъ колоніяхъ г. Ислявинъ насчиталъ духовныхъ лицъ: въ Херсонскихъ 69, а въ Екатеринославскихъ 37, итого 106; синагогъ и молитвенныхъ домовъ: въ Херсонскихъ 21, въ Екатеринославскихъ 3—24. Раввины и рѣзники получали жалованья отъ обществъ въ годъ: въ Херсонскихъ колоніяхъ 1,380 р. 13 к., въ Екатеринославскихъ одни раввины 203 р.—1,583 р. 13 к. Въ Екатеринославскихъ колоніяхъ рѣзники получаютъ по договору отъ обществъ отъ каждой примѣрно: отъ птицъ по 2 к., отъ скота малаго 15 к. и отъ крупнаго 20—25 к. Такимъ образомъ въ колоніяхъ приходилось по одному духовному лицу на каждыя 85 душъ муж. пола. Лица эти, по удостовѣренію г. Ислявина, останавливали развитіе поселеній: «поддерживали своихъ единовѣрцевъ въ мысли, что они, какъ народъ избранный,—не предназначены судьбой на тяжкій трудъ земледѣльца, ибо это горькій удѣлъ гоя (иновѣрца), и старались сохранить талмудъ во всей его полнотѣ, а съ нимъ и вкоренившіеся издревле обычаи и предразсудки». Слишкомъ частое моленіе и многочисленные праздники также вредили евреямъ, которые по обыкновенію поздно вставали, употребляли часъ на утреннюю молитву и выходили на работу, когда солнце было высоко уже на небѣ; потомъ вечерняя мо-

литва, частыя сборища въ бесъ-медрашахъ (молитвенныхъ домахъ), шабашъ съ пятницы по захожденіи солнца до утра воскресенія,—все это отнимало много времени въ ихъ хозяйствѣ; всего же болѣе вреда приносили евреямъ весенніе и осенніе слишкомъ долгіе праздники въ самое нужное для посѣва время: въ силу талмуда, евреи въ это время не прикасались къ сохѣ, а между тѣмъ дозволяли себѣ разнаго рода плутни и обороты. Религіозный ихъ педантизмъ доходилъ до того, что если кто умиралъ въ домѣ,—все семейство садилось на полъ и цѣлую недѣлю оставалось безъ занятій!.. Въ праздничные и шабашные дни евреи слишкомъ много тратились, а употребленіе богатыхъ одѣяній и кошернаго мяса—еще болѣе увеличивали ихъ расходы. Свадьбы въ особенности справлялись роскошно, даже и тѣми, которые не обзавелись никакимъ хозяйствомъ, и если сельскій начальникъ настаивалъ, чтобы женихъ пріобрѣлъ по крайней мѣрѣ пару воловъ, то еврей занималъ ихъ на время у сосѣда, а всѣ старались помочь ему обмануть сельскаго начальника. Иногда они и вѣнчались безъ позволенія и безъ раввина. Евреи вообще слишкомъ рано вѣнчались, а ихъ родители всячески старались показать дѣтей своихъ старше, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого пагубнаго обычая, издавна существовавшаго между евреями,—народъ этотъ до того обезсилѣлъ, что если не принять мѣръ противъ раннихъ браковъ и не заставлять брачащихся обзаводиться полнымъ хозяйствомъ, то евреи *никогда не будутъ земледѣльцами*. Женщины ничего не умѣли дѣлать, а дѣтей совсѣмъ не пріучали къ хозяйству до самаго вступленія въ бракъ, въ томъ предположеніи, что они ослабѣютъ отъ тяжкихъ работъ. Это ложное мнѣніе поддержиралось ученіемъ меламдовъ (частныхъ учителей, а число безполезнаго и даже вреднаго класса людей простиралось въ Херсонскихъ колоніяхъ до 81, а въ Екатеринославскихъ до 99 человѣкъ. На каждаго меламда приходилось учащихся: въ Херсонскихъ колоніяхъ 8, въ Екатеринославскихъ 10. Меламды получали содержаніе отъ родителей въ годъ: въ Херсонскихъ колоніяхъ—3,004 р. 40 к., а въ Екатеринославскихъ до 4,905 р. за половину года. Для ослабленія фанатизма г. Ислявинъ предлагалъ отъ каждаго поселенія посылать на общественный счетъ по одному мальчику въ

одесское еврейское училище съ платою по 60 р. въ годъ, для образованія учителей, взамѣнъ меламдовъ и писарей, въ еврейскіе приказы, что казалось г. Ислявину даже необходимымъ, ибо онъ большую часть писарей еврейскихъ приказовъ считалъ ненадежными и неспособными, а замѣстить ихъ было некѣмъ.

Приговоры, какъ г. Ислявинъ видѣлъ, еврейскія общества постановляли пристрастные: за бродяжество, ослушаніе, грубости начальству и т. п. присуждали ко внесенію 1 ф. свѣчей въ пользу молитвеннаго дома. Дѣлопроизводство г. Ислявинъ нашелъ тоже не въ порядкѣ. Общественное управленіе міромъ—для колоній, показалось г. Ислявину, преждевременнымъ. Евреи не хотѣли слѣдовать намѣренію правительства—сдѣлаться хлѣбопашцами и не понимали выгодъ новаго своего положенія; оттого ихъ надо было вести, какъ малолѣтнихъ, поручить ближайшему руководству и надзору сельскихъ начальниковъ, усиливъ ихъ исполнительную власть по хозяйственной части.

Независимо Херсонскихъ и Екатеринославскихъ колоній, г. Ислявинъ нашелъ такія же поселенія и въ Таврической губерніи. Именно съ 1842 г. Евпаторійскаго уѣзда при имѣніи Донузлавъ 25 еврейскихъ семействъ изъ Карасу-Базара основали колонію Рогатлыкой. Евреи эти приняли татарскіе обычаи, жили въ маленькихъ, но чистыхъ каменныхъ домикахъ, вымазанныхъ извнутри, для обработки земли нанимали сосѣднихъ татаръ, держали мало скота, а сами ходили по городамъ на заработки. Точно также и Бессарабской области, Бендерскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Новые Каушаны 129, а въ мѣст. Чимшиліи 4, итого 133 семейства, проживавшія тамъ со времени присоединенія Бессарабіи къ Россіи. Они жили вмѣстѣ съ христіанами тѣхъ мѣстечекъ и отбывали всѣ повинности наравнѣ съ государственными крестьянами.

Министерство наиболѣе интересовалось Екатеринославскими колоніями, какъ собственнымъ созданіемъ; оттого и г. Ислявинъ, для лучшаго о ихъ преуспѣяніи сужденія, составилъ особую вѣдомость, характеризовавшую ихъ дѣйствительную дѣятельность за все время ихъ существованія. Вотъ эта любопытная вѣдомость—о числѣ душъ евреевъ земледѣльцевъ, вообще, ревизскихъ, наличныхъ, рабочихъ, нерабочихъ, разрядовъ, земледѣльческихъ орудій, десятинъ посѣяннаго ими озимаго и яроваго хлѣбовъ и скотоводства съ 1847 по 1852 годъ:

	НАИМЕНОВАНІЕ КОЛОНІЙ.	Число семействъ.	Число душъ. Вообще. Мужескихъ.	Вообще. Женскихъ.	Ревизскихъ. Мужескихъ.	Ревизскихъ. Женскихъ.	Наличныхъ. Мужескихъ.	Наличныхъ. Женскихъ.	Рабочихъ. Мужескихъ.	Рабочихъ. Женскихъ.	Нерабочихъ. Мужескихъ.	Нерабочихъ. Женскихъ.	Разряды. 1-го.	2-го.	3-го.
1.	Новый Златополь.	100	610	475	586	462	570	445	345	285	225	160	20	50	3
2.	Веселая	42	222	176	213	170	214	163	125	85	89	78	4	25	1
3.	Красноселка . . .	50	307	256	294	246	305	255	168	141	137	114	11	29	1
4.	Межирѣчь	50	259	233	247	224	250	225	164	135	86	90	5	30	1
5.	Трудолюбовка. . .	44	240	196	233	193	240	196	138	93	102	103	7	19	1
6.	Нечаевка.	32	193	168	188	166	180	152	104	75	76	77	4	18	1
7.	Колонія № 7. . . .	28	143	105	146	112	137	100	82	56	62	55	7	17	
	Итого. . . .	346	1974	1609	1907	1573	1896	1536	1126	870	777	677	58	188	10

	НАИМЕНОВАНІЕ КОЛОНІЙ.	Число семействъ.	Земледѣльческихъ орудій. Плуговъ. Нѣмецкихъ.	Плуговъ. Литовскихъ.	Повозокъ.	Боронъ.	Косъ.	Жатвенныхъ лопатъ.	Вилъ.	Грабель.	Число десятинъ посѣяннаго хлѣба. Въ 1847 г. Озимаго.	Въ 1847 г. Ярового.	Въ 1848 г. Озимаго.	Въ 1848 г. Ярового.
1.	Новый Златополь	100	38	15	75	50	308	138	198	203	177½	225½	177½	42
2.	Веселая.	42	14	8	31	21	128	74	64	72	66½	40	71	18
3.	Красноселка. .	50	21	5	43	25	142	92	189	182	89	115	89	26
4.	Межирѣчь . .	50	18	10	48	25	160	86	66	69	89	120	89	22
5.	Трудолюбовка .	44	15	2	42	22	102	35	41	40	58½	24	58½	29
6.	Нечаевка . . .	32	11	5	30	16	75	21	39	42	41	37	41	12
7.	Колонія № 7. .	28	13	5	31	28	56	28	35	39	—	—	—	—
	Итого . . .	346	130	50	300	187	971	474	632	647	521½	561½	526	152

Именованіе колоній.	Число семействъ.	Число десятинъ посѣяннаго хлѣба.								
		Въ 1849 г.		Въ 1850 г.		Въ 1851 г.		Озимаго на 1852 г.	Итого.	
		Озимаго.	Ярового.	Озимаго.	Ярового.	Озимаго.	Ярового.		Озимаго.	Ярового.
ай Златополь	100	177½	365	151	275	177½	259	185	1046	1551½
лая	42	74½	142	21	80	74½	118½	65½	373	567½
носелка . .	50	89	201½	81½	237	89	152	88	525½	969½
рѣчь . . .	50	89	188½	73	156½	89	121½	85	514	813½
олюбовка . .	44	53	161½	37	232	53	120	72½	332½	833½
евка. . . .	32	39	144	32	160	42½	110½	53	248½	579½
нія № 7. . .	28	21	101	26½	128	39	81½	51	137½	310½
Итого. . . .	346	543	1303½	422	1268½	564½	963	600	3177	5625½

Именованіе колоній.	Число семействъ.	Скотоводство.						
		При вступленіи въ земледѣльцы въ 1847 году.	Прибыло въ 1848 г.	Прибыло въ 1849 г.	Прибыло въ 1850 г.	Прибыло въ 1851 г.	Итого.	
							При поступленіи въ земледѣльцы въ 1847 году.	Прибывшіе по нынѣ.
й Златополь .	100	229	170	128	67	138	224	503
лая	42	91	73	51	9	7	91	140
носелка . . .	50	117	129	70	5	49	117	253
рѣчь	50	114	124	67	10	16	114	217
олюбовка . .	44	84	149	36	—	—	84	185
евка. . . .	32	53	57	18	22	14	53	111
нія № 7. . .	28	—	—	61	4	49	—	114
Итого . . .	346	688	702	431	117	273	688	1523

Киселевъ прочиталъ весь докладъ г. Ислявина (17 густо исписанныхъ листовъ), на поляхъ сдѣлалъ много разныхъ частныхъ отмѣтокъ, а въ концѣ отчета благодарилъ г. Ислявина «за отчетливое и по многимъ предметамъ правильное донесеніе» и прибавилъ: «засимъ, по разбору предметовъ и соглашеніи съ принятыми началами,—передать, по принадлежности, въ департаменты, для дальнѣйшихъ распоряженій и исправленія недостатковъ, имѣя въ виду, что *чѣмъ дѣло труднѣе, — тѣмъ болѣе имѣть должно настойчивости и не обезохочиваться первыми неудачными пріемами*».

В. Никитинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГИРЦЕЛЬ ЛЕВИ,

ЖЕРТВА РЕЛИГІОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ.

Изъ судебной хроники прошлаго вѣка.

Матеріаломъ для нижеслѣдующаго очерка послужили слѣдующіе документы:

1) Современное изложеніе этого дѣла, написанное эльзасскимъ еврейско-нѣмецкимъ жаргономъ; рукописная тетрадь въ 28 страницъ. Ему предпослано было введеніе, которое не дошло до насъ.

2) Рукопись въ полторы страницы, написанная тѣмъ же жаргономъ и озаглавленная: „*Помощь Всевѣчнаго*“. Она содержитъ въ себѣ очень краткое изложеніе фактовъ и похожа на циркуляръ, который, быть можетъ, былъ разосланъ еврейскимъ общинамъ въ Эльзасѣ.

3) Печатная записка, озаглавленная: „*Записка по дѣлу о Авраамѣ-Гирцелѣ Леви и о его сестрѣ Фрилѣ*“. Представлена Ханной, женой Гирцеля Бруншвика, еврея, за себя и по уполномочію дѣтей и зятя покойнаго Гирцеля Леви, еврея, а равно и Моисеемъ Лангомъ и Менехекомъ Леви; также евреями, живущими въ Верхнемъ Эльзасѣ, которые всѣ просятъ о пересмотрѣ двухъ рѣшеній верхне-эльзасскаго уголовнаго суда. Печатано въ типографіи Гранже, въ Пергаментской улицѣ, въ Парижѣ, 1755 г. 12 стр. in-folio.

4) Постановленіе Мецскаго парламента, которымъ объявляется невиннымъ покойный *Гирцель Леви*, еврей, приговоренный 23-го декабря 1754 г. къ четвертованію судьей Рибопьера, каковой приговоръ былъ утвержденъ Кольмарскимъ высшимъ судомъ 30-го числа того

же мѣсяца и года, и которымъ возстановляется доброе имя означеннаго Гирцеля Леви, казненнаго по приговору суда, и возвращаются всѣ ихъ гражданскія права наслѣдникамъ его; а *Моисей Лангъ* и *Менехемъ Леви* признаются невиновными въ взведенномъ на нихъ обвиненіи, освобождаются отъ наказаній, къ которымъ они присуждены и получаютъ свободу, причемъ имена ихъ должны быть вычеркнуты изъ арестантскихъ списковъ и т. д. 24-го сентября 1755 г. Мецъ, у Франсуа Антуана, типографа его королевскаго величества и господъ парламента; 14 стр. in 4o. (Собраніе постановленій Мецскаго парламента, въ Парижской національной библіотекѣ) *.

5) *Сборникъ новѣйшихъ выдающихся уголовныхъ дѣлъ, Дез-Эссара*, Т. I, Парижъ, 1785 г. „Возстановленіе доброй памяти несчастнаго Гирцеля Леви, невинно казненнаго посредствомъ колесованія. Стр. 117—168.

6) „*Маленькая Судебная Газета*“, издававшаяся де-Нейреманомъ (1-й годъ). Кольмаръ, 1859. № 8 стр. 113. № 9, стр. 129.

7) Различные другіе документы, которые будутъ цитированы при самомъ изложеніи дѣла.

I.

31-го декабря 1754 г. на плахѣ въ Кольмарѣ (въ Эльзасѣ) испустилъ духъ еврей, уроженецъ Ведельсгейма **, по имени Гирцель Леви, невинная жертва судебной ошибки, въ которой религіозная нетерпимость играетъ не послѣднюю роль.

Недалеко отъ Кольмара находится небольшая деревушка, называющаяся Гауценъ (или, какъ выговариваютъ французы, Гуссенъ) и входящая въ составъ округа Рибопьеръ (нынѣ Рибовилье).

Въ понедѣльникъ 25-го кислева (въ ночь съ 9-го на 10-е декабря 1754-го года) было сдѣлано нападеніе на домъ вдовы бывшаго стар-

* Сообщеніемъ этого документа мы обязаны г. Аврааму Кагену.

** Нынѣ Виттольсгеймъ. Въ приговорѣ Мецскаго парламента эта мѣстность названа „Веттельсгеймъ“.

шины этого селенія, Мадлэны Кафинъ (или Кафенъ) *. Вдова эта утверждала, будто между 11-ю и 12-ю часами ночи злоумышленники проникли въ ея домъ и украли у нея „12 луидоровъ изъ комнаты нижняго этажа и 50 луидоровъ изъ комнаты верхняго этажа, и кромѣ того испанскій дублонъ и разной серебряной монеты, всего приблизительно 3,000 ливровъ, не считая другихъ награбленныхъ ими вещей", какъ-то окороки, коптившіеся въ кухонной трубѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время въ Эльзасѣ.

Во время нападенія разбойниковъ въ домѣ вдовы Кафинъ была только одна служанка, Катерина Штрутманъ **. Она подняла страшный крикъ, все селеніе проснулось, и сынъ Мадлэны, исполнявшій въ то время должность старшины, разослалъ крестьянъ по всѣмъ направленіямъ, но они не нашли положительно ни малѣйшихъ слѣдовъ преступниковъ.

Христіанскимъ населеніемъ Эльзаса овладѣло сильное волненіе, когда оно узнало какъ объ этомъ преступленіи, такъ и о томъ, что въ немъ обвиняютъ евреевъ. Слѣды этого волненія можно отыскать даже въ тогдашнихъ хроникахъ ***. Извѣстіе объ этомъ преступленіи распространилось по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ и во время рождественскихъ посидѣлокъ о немъ передавались разныя, болѣе или менѣе фантастическія и неправдоподобныя подробности. Разсказывали, будто на слѣдующій день вдова старшины, на разспросы своего сына, объяснила, что злоумышленниковъ было четверо, что лица ихъ были замаскированы или вымазаны сажей, что они жестоко истязали ее и жгли ей ноги раскаленнымъ желѣзомъ или горящей головней (она хорошенько не помнитъ), чтобы заставить ее сказать, гдѣ хранились ея деньги. При этомъ вдова Кафинъ самымъ положительнымъ образомъ утверждала, что пре-

---

* Въ приговорѣ Мецскаго парламента она названа «Коппе, вдова Іоанна Георгія Кіэлена».

** Въ приговорѣ Мецскаго парламента она названа «Шрауманъ».

*** Между прочимъ, въ одной нѣмецкой хроникѣ, обнародованной г. Жюльеномъ Зеэ, въ его собраніи эльзасскихъ хроникъ: «Hausbuch von Dominicus Schmutz», Кольмаръ, 1878 г., стр. 28.

ступленіе это совершено евреями. Она увѣряла (и всѣ повторяли за нею), что евреи говорили между собою на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ, употреблявшемся въ Эльзасѣ *, и что, кромѣ того, одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ одинъ изъ тѣхъ большихъ ножей, которыми, согласно еврейскому обычаю, зарѣзывается скотъ.

На слѣдующее же утро, 10-го декабря, по требованію сына, вдова Кафинъ, рибопьерскіе судья и прокуроръ прибыли въ Гауценъ, чтобы произвести слѣдствіе на мѣстѣ, причемъ судья жилъ и продовольствовался у сына потерпѣвшей. Съ своей стороны начальникъ земской стражи прислалъ въ тотъ же день одного коннаго стражника, чтобъ освѣдомиться о томъ, какимъ образомъ совершенъ былъ разбой. Наконецъ, опять-таки въ этотъ же день, бригадиръ земской стражи и одинъ изъ стражниковъ, совершавшіе объѣздъ, узнали случайно о грабежѣ и отправились въ Гауценъ, для того, чтобы разспросить вдову.

Изъ составленнаго земскимъ стражникомъ протокола видно, что Мадлэна обвинила въ совершеніи преступленія трехъ нижеслѣдующихъ евреевъ: Гирцеля Леви, изъ Ведельсгейма, Менехека ** Леви, изъ Ведельсгейма же, и Моисея Ланга, изъ Рибовиля. Въ протоколѣ же бригадира земской стражи значится, напротивъ, что потерпѣвшая объявила, что злоумышленники не были ей лично извѣстны, но что, *какъ ей кажется*, это должны были непремѣнно быть три вышепоименованные евреи. Судя по тому же протоколу, служанка вдовы объявила, что она узнала только одного изъ разбойниковъ, а именно Гирцеля Леви, изъ Ведельсгейма, который связалъ одной веревкой ее, служанку, и вдову старшины.

Всѣ трое обвиняемыхъ, и кромѣ того еще четвертый еврей, по имени

---

* Эта подробность не лишена историческаго значенія. Теперь несомнѣнно доказано, что шайки разбойниковъ, собиравшіяся въ ту эпоху на берегахъ Рейна, ввели въ свой тарабарскій языкъ много словъ изъ еврейско-нѣмецкаго жаргона. Этотъ воровской языкъ назывался даже языкомъ „посвященныхъ“.

** Имя это пишется на различныя манеры: Менехекъ, Менге (въ приговорѣ), Менке (въ нѣмецкомъ отчетѣ). Мы останавливаемся на этомъ послѣднемъ произношеніи, употребляемомъ и понынѣ въ Эльзасѣ.

Фейссъ *, почти ежедневно приходили въ Гауценъ (въ этомъ селеніи не было евреевъ), всѣ любили и уважали ихъ и даже дѣти ихъ знали. Настоящія имена ихъ были: Гиршъ-бенъ-Итцигъ (Исаакъ) Леви; Менке-бенъ-Барухъ Леви; Моше (Моисей)-бенъ-Итцигъ Лангъ, и наконецъ Фейссъ-бенъ-Самсонъ, изъ Груссенгейма. Гирцель былъ, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ богатымъ и хорошо-поставленнымъ изъ всѣхъ четверыхъ, и это-то обстоятельство и доставило ему печальную привиллегію спеціальнаго прослѣдованія со стороны обвиненія. Менке, по ремеслу своему, былъ еврейскій рѣзникъ, и поэтому его въ Гауценѣ такъ и звали „Менке-рѣзникъ“ **; Моисея Ланга, изъ Рибовиля, называли Моисеемъ Длиннымъ (der Lange; lang—по-нѣмецки означаетъ длинный).

Все обвиненіе основывалось лишь на показаніяхъ вдовы и служанки, т. е. на показаніяхъ заинтересованной стороны. Тому могло подать поводъ слѣдующее обстоятельство: въ то время у проживающихъ въ Эльзасѣ евреевъ былъ обычай дѣлать съ осени запасы копченаго мяса на зиму. За недѣлю до совершенія преступленія Гирцель купилъ въ этихъ видахъ у вдовы старшины штуку скота и поручилъ рѣзнику Менке зарѣзать ее на дворѣ у продавщицы; Моисей Лангъ, который въ этотъ же день поручилъ тому же Менке зарѣзать принадлежащую ему штуку скота въ Гауценѣ, помогалъ Гирцелю выводить купленную послѣднимъ скотину изъ стойла. Это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ посѣтилъ домъ вдовы Кафинъ. Въ протоколѣ, составленномъ бригадиромъ земской стражи, значится, что потерпѣвшая изъявила подозрѣніе на трехъ обвиняемыхъ, потому что наканунѣ они проходили къ ней торговать корову.

II.

Этихъ показаній было достаточно для задавшихся предвзятою мыслью властей. Сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи троихъ

* Въ приговорѣ суда онъ названъ «Фестъ», у Дез-Эссара—Фери Гресмаръ (вмѣсто Гейсмаръ).

** Въ приговорѣ суда ошибочно «Schalter» (вмѣсто «Schächter»—рѣзникъ).

обвиняемыхъ Гирцеля, Менке и Ланга, и въ тотъ же день двое послѣднихъ были задержаны и заключены въ Гауценскую тюрьму. Что касается до третьяго, Гирцеля, то когда къ нему въ тотъ же день пришли, чтобъ арестовать его, его не застали дома и потому ограничились тѣмъ, что опечатали его движимость. Фейссъ, въ свою очередь, былъ задержанъ 12-го декабря и отправленъ въ Гауценъ.

Гирцель же въ это время былъ въ Сиренцѣ, возлѣ Базеля, нисколько не подозрѣвая, что противъ него направлено такое страшное обвиненіе. Онъ отправился туда, чтобы навѣстить жившую тамъ сестру свою и утѣшить ее по случаю смерти замужней ея дочери. Онъ выбралъ именно это время, потому что это было время празднованія Хануки (возстановленія храма Маккавеевъ); евреи празднуютъ этотъ праздникъ цѣлую недѣлю и во все это время не занимаются дѣлами. Но эта радость не замедлила превратиться въ печаль. Пріятели Гирцеля послали въ Сиренцъ нарочнаго, чтобъ извѣстить его о томъ, что творится въ Гауценѣ, хотя никто и не предполагалъ, что ему угрожаетъ серьезная опасность, до того хорошей репутаціей онъ пользовался во всемъ околоткѣ. Онъ могъ бы бѣжать въ Швейцарію (Сиренцъ былъ всего въ двухъ часахъ ходьбы отъ швейцарской границы), или за Рейнъ, находившійся всего въ получасовомъ разстояніи отъ Сиренца. Но совѣсть его была совершенно спокойна, и къ тому же сознаніе своего достоинства и отвѣтственности своей по отношенію къ другимъ обвиняемымъ и по отношенію ко всему іудаизму не позволили ему сдѣлать этого, такъ какъ его бѣгство могло бы скомпрометировать другихъ. Поэтому Гирцель не послушался настоятельныхъ просьбъ своихъ родныхъ и друзей. Въ сознаніи своей правоты, онъ отравился въ Ведельсгеймъ въ первый день новолунія тебета (въ воскресенье, 15-го декабря), вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, Исаакомъ Дрейфюссомъ, и въ тотъ же вечеръ онъ явился къ старшинѣ этого мѣстечка. Такъ какъ послѣдній не получилъ никакого распоряженія относительно заарестованія его, то Гирцель отправился на слѣдующій день, 2-го тебета (16-го декабря) въ Гауценъ. По дорогѣ туда онъ проходилъ черезъ Кольмаръ и навѣстилъ тамъ одного купца, по имени Ми-

зель, у котораго онъ встрѣтилъ нѣкую госпожу Рокенбахъ. Какъ только послѣдняя увидѣла его, она вскрикнула и убѣждала его бѣжать за Рейнъ. Жена Мизеля, приходившаяся сестрой почтмейстеру, обѣщала достать ему почтовыхъ лошадей. Но Гирцель остался непоколебимъ.

Трое остальныхъ подсудимыхъ были допрошены уже 12-го декабря. Судья Рибовилля допросилъ Гирцеля въ самый день заарестованія послѣдняго. И на этотъ разъ судья опять жилъ и продовольствовался у сына вдовы старшины, чего никогда прежде не дѣлалось. Онъ отказался занести въ составленный имъ протоколъ указаніе Гиршеля на свое „alibi“, подъ тѣмъ предлогомъ, что это „alibi“ ничѣмъ не доказано. Доводы, приводимые въ свою защиту остальными тремя подсудимыми, равнымъ образомъ были отклонены имъ и онъ даже не упомянулъ о нихъ въ протоколѣ о снятыхъ имъ показаніяхъ. Такой образъ дѣйствій судьи былъ тѣмъ болѣе преступенъ, что тѣмъ временемъ прокуроръ успѣлъ уже получить отъ одного христіанина изъ Сиренца, нѣкоего Гаммеля, съ которымъ мы еще встрѣтимся ниже, письмо, въ которомъ подтверждались слова Гирцеля и которое было доставлено этимъ должностнымъ лицомъ судьѣ. Обвиняемые брались доказать, что прокуроръ прочелъ это письмо судьѣ вслухъ, въ присутствіи ихъ и приведшей ихъ стражи.

17-го декабря судья приступилъ къ новому, дополнительному слѣдствію; 18-го декабря подсудимымъ были прочитаны сдѣланныя ими прежде показанія и дана имъ очная ставка со свидѣтелями; 23-го декабря Гирцель, Менке и Лангъ были допрошены подъ пыткой.

Въ тотъ же день, 23-го декабря (вторникъ, 26-го кислевъ) судья объявилъ свой приговоръ. Онъ оказался жестокимъ. Гирцель, Менке и Лангъ были признаны изобличенными въ грабежѣ и они приговорены, въ случаѣ несознанія въ своей винѣ, къ четвертованію и колесованію. „Они были присуждены“,—сказано въ постановленіи парламента,— къ четвертованію, т. е., къ отрубленію обѣихъ рукъ и ногъ, на эшафотѣ, а затѣмъ къ тому, чтобы быть привязанными къ колесу, лицомъ кверху, на которомъ они и должны покончить жизнь свою; предвари-

тельно же исполненія надъ ними казни они должны быть подвергнуты „допросу съ пристрастіемъ“, въ тѣхъ видахъ, чтобъ они назвали сообщниковъ своихъ, и кромѣ того каждый изъ нихъ къ штрафу въ 100 ливровъ, и всѣ четверо, съ круговой порукой одинъ за другаго, къ уплатѣ судебныхъ издержекъ въ размѣрѣ 506 ливровъ 9 су“. Что касается Фейсса, котораго вдова старшины даже и не обвиняла, то долженъ былъ остаться еще въ теченіи четырехъ недѣль въ тюрьмѣ, и затѣмъ, если возникшее относительно него подозрѣніе не подтвердится, выпущенъ на свободу.

Трудно описать волненіе и печаль эльзасскихъ евреевъ. Процессъ этотъ принималъ тревожные размѣры. Въ глазахъ мѣстныхъ крестьянъ, обвиненіе падало на всѣхъ евреевъ; оно пробуждало всюду предразсудки и чувства религіозной нетерпимости. Евреи не рѣшались заниматься своими дѣлами, ни даже показываться въ деревняхъ.

Четверо гауценскихъ осужденныхъ, будучи вполнѣ увѣрены въ безпристрастіи эльзасскаго высшаго суда, подали апелляцію на рѣшеніе мѣстнаго судьи, и вслѣдствіе этого 9-го тебетъ (23-го декабря), наканунѣ Рождественскаго сочельника, были препровождены въ кольмарскую тюрьму. Высшій судъ раздѣленъ былъ на два отдѣленія: гражданское и уголовное; но во время праздничныхъ вакацій, второе отдѣленіе не засѣдало и первое разсматривало и уголовныя дѣла. Такъ какъ дѣло поступило въ судъ 23-го декабря, то его разсматривало гражданское отдѣленіе, которое и не замедлило постановить свое рѣшеніе. Уже 16-го тебетъ (30-го декабря) оно объявило слѣдующую резолюцію:

1) Приговоръ судьи относительно Фейсса утверждается.

2) Разсмотрѣніе дѣла Менке и Ланга отлагается до первыхъ чиселъ января, въ виду того, что до тѣхъ поръ главный подсудимый Гирцель, во время пытки, еще можетъ сдѣлать показанія относительно виновности.

3) Приговоръ судьи относительно Гирцеля утверждается.

И такъ, несчастный Гирцель безповоротно былъ осужденъ къ тому, чтобъ умереть самой ужасной смертью, комбинированной съ варварской утонченностью. Страшная казнь, къ которой онъ былъ приговоренъ,

заключалась въ слѣдующемъ: сначала палачъ желѣзной полосой разбивалъ ему кости рукъ и ногъ; затѣмъ переломленныя ноги страдальца выгибались назадъ, до тѣхъ поръ пока ступни соприкасались съ головой; въ такомъ положеніи его привязывали къ колесу, лицомъ къ верху, и онъ долженъ былъ пробыть на колесѣ цѣлыхъ 18 часовъ; если онъ не умиралъ отъ этихъ страшныхъ истязаній раньше, то палачь, по истеченіи 18 часовъ, наносилъ ему смертельный ударъ. Иногда, въ видѣ особой милости, судъ постановлялъ, чтобы смертельный ударъ былъ нанесенъ казнимому тотчасъ же по привязаніи его къ колесу, но на этотъ разъ этого не было сдѣлано. Кромѣ того, въ самый день казни, онъ долженъ былъ еще подвергнуться предварительной пыткѣ для дачи чистосердечныхъ признаній (Эти послѣднія подробности извлечены изъ нѣмецкаго донесенія).

III.

Несправедливость этого ужаснаго приговора еще ярче бросится въ глаза, если мы взглянемъ на то, какія средства защиты были предоставлены въ то время обвиняемымъ.

Во-первыхъ, остановимся на шаткости и на противорѣчіи обвиненія и на неправильностяхъ судебной процедуры.

Ничто въ тѣхъ документахъ, которые мы имѣли подъ глазами, не доказываетъ, чтобы правосудіе прежде всего озаботилось удостовѣриться въ самомъ существованіи преступленія. Дѣйствительно-ли вдова Кафинъ была связана, ограблена, подверглась насилію? Доказала-ли она, что у нея въ то время дѣйствительно была значительная денежная сумма? Дѣйствительно-ли она была изувѣчена? Куда дѣлись вещи, которыя будто-бы похитили воры, и розыскивали-ли ихъ у обвиняемыхъ или въ иныхъ мѣстахъ? Повидимому, судебныя власти и не подумали останавливаться на этихъ вопросахъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ вдова формально обвинила передъ своимъ сыномъ, старшиной, трехъ подсудимыхъ: Гирцеля, Менке и Ланга; она повторила то же самое стражнику, но бригадиру земской

стражи она говоритъ уже, что не узнала грабителей въ лицо, но *полагаетъ*, что это были трое обвиняемыхъ. Наконецъ, когда ей была дана очная ставка съ подсудимыми въ присутствіи судьи, она объявила, что такъ поражена и перепугана случившимся, что не въ состояніи узнать ни одного изъ подсудимыхъ; она въ эту минуту даже готова была бы взять назадъ свою жалобу, если бы судья, совершенно неумѣстно вмѣшавшись въ дѣло, не предъупредилъ ее, что въ такомъ случаѣ ей придется заплатить всѣ судебныя издержки, а, быть можетъ, еще и удовлетворить гражданскій искъ лицъ, невинно-обвиненныхъ ею, а также и штрафъ. Къ тому же, если дѣйствительно, какъ увѣряетъ вдова, грабители были замаскированы, то, спрашивается, какимъ образомъ она могла узнать ихъ. Впрочемъ, эту подробность слѣдуетъ, быть можетъ, отнести къ легендѣ преступленія.

Показаніе служанки въ одномъ существенномъ пунктѣ разнится съ показаніемъ госпожи ея. Послѣдняя увѣряетъ, будто Гирцель былъ главный виновникъ совершенныхъ надъ нею насилій, между тѣмъ какъ по словамъ первой Гирцель все время находился возлѣ нея, держа ее за руки и заставляя ее молчать, между тѣмъ какъ сообщники его истязали вдову и совершали грабежъ. Кромѣ того, служанка увѣряетъ, будто ее и госпожу ея связали одной веревкой; г-жа же Кафинъ ничего объ этомъ не упоминаетъ. Наконецъ, возникаетъ и слѣдующій вопросъ: если обѣ женщины были связаны разбойниками, то кто же развязалъ ихъ и возвратилъ имъ свободу движеній. А между тѣмъ ни мѣстный судья, ни высшій судъ даже и не потрудились поставить себѣ этотъ вопросъ. „Слишкомъ часто встрѣчаются люди, —говоритъ Дез-Эссаръ, — которые, побуждаемые фанатизмомъ, противнымъ христіанской религіи, нимало не задумаются содѣйствовать недозволенными средствами разворенію и даже смерти еврея, подвергшагося ложному обвиненію“.

Съ помощью очень живой въ подобныхъ случаяхъ народной фантазіи подъискано было еще нѣсколько свидѣтелей въ пользу обвиненія. Такъ, какая-то женщина изъ Ведельсгейма, по имени Марія Келлеръ, приговоренная когда-то саверискимъ судомъ за кражу къ наложенію

клейма и къ пятилѣтнему изгнанію, объявила, что жена Менке предлагала ей деньги съ тѣмъ, чтобъ она показала, что видѣла Менке въ Ведельсгеймѣ, въ ночь съ 25-го на 26-е кислевъ (съ 9-го на 10-е декабря). Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, подобное свидѣтельское показаніе было бы вполнѣ согласно съ истиной.

Нѣкто Петръ Байеръ изъ Рибовилля, равнымъ образомъ приговоренный высшимъ судомъ 12-го сентября 1753 года къ пятилѣтнему изгнанію, показалъ, что 10-го декабря, рано утромъ, между 5-ю и 6-ю часами, онъ встрѣтилъ между Рибовиллемъ и Остгеймомъ какого-то человѣка, которому онъ пожелалъ добраго утра и который отвѣтилъ ему, и ему показалось, что это былъ голосъ Ланга. Стражъ у городскихъ воротъ Рибовилля показалъ, что онъ видѣлъ, какъ Лангъ вышелъ изъ города 9-го декабря, въ 10 часовъ утра, и что онъ не замѣтилъ, чтобъ онъ въ тотъ же день возвратился въ городъ.

Наконецъ, двое крестьянъ, посланныхъ 10-го декабря утромъ въ Кольмаръ гауценскимъ старшиною, чтобъ извѣстить о случившемся земскую стражу, показали, что между 4-мя и 5-ю часами утра они встрѣтили по дорогѣ въ Шоппенвиръ двухъ человѣкъ, которые при приближеніи ихъ немедленно свернули въ сторону; они утверждали, будто узнали въ этихъ двухъ лицахъ Гирцеля и Менке (не смотря на то, что въ декабрѣ въ этотъ ранній часъ бываетъ еще совершенно темно, а луны также не было, такъ какъ только два дня спустя наступило новолуніе). Третій крестьянинъ изъ Гауцена утверждалъ, что онъ 9-го декабря, въ 4 часа по-полудни, видѣлъ Гирцеля въ Гауценѣ *.

Все это, въ дѣйствительности, ничто иное, какъ вовсе не существенныя подробности, которыя совершенно исчезаютъ въ виду „alibi“, которое всѣ три подсудимыхъ брались доказать и которое не могло оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно полнѣйшей ихъ невинности.

---

* По нѣмецкому отчету, свидѣтель этотъ шелъ вмѣстѣ съ обоими другими и, напротивъ, объявилъ, что никого не узналъ.

Для того, чтобы хорошенько понять все нижеизложенное, нужно постоянно имѣть въ виду, что преступленіе было совершено въ ночь съ 9-го на 10-е декабря, между 11-ю и 12-ю часами.

Леви Менке, рѣзникъ изъ Ведельсгейма, вызвался доказать, что въ эту самую ночь онъ зарѣзалъ двухъ козъ на улицѣ, въ Ведельсгеймѣ, въ 9 часовъ вечера; что при этомъ присутствовали жена Антона Гейцера и еще другая сосѣдка, христіанка, и что послѣдняя даже держала сосудъ, въ который стекала кровь зарѣзанныхъ козъ; что тутъ же были и Доминикъ Перзобургеръ и Петеръ Петерли, старшина Ведельсгейма; что затѣмъ онъ зарѣзалъ еще корову въ собственномъ своемъ домѣ; что въ 11 часовъ вечера къ нему пришли два еврея, Юдель и Р. Гассанъ (послѣдній раввинъ) и что первый просилъ его размѣнять ему талеръ; наконецъ, что на другой день, въ 6 часовъ утра, его видѣла жена совѣтника Фрейбургера и двѣ другія женщины-христіанки, когда онъ продавалъ мясо убитой имъ наканунѣ коровы. Между тѣмъ Ведельсгеймъ находится въ добрыхъ трехъ часахъ пути отъ Гауцена; значитъ, если Менке былъ въ Ведельсгеймѣ въ 10 и 11 часовъ вечера, то онъ никоимъ образомъ не могъ быть въ Гауценѣ въ 11 часовъ вечера, когда совершено было преступленіе; если онъ былъ въ Ведельсгеймѣ же въ 6 часовъ утра, то его никоимъ образомъ не могли встрѣтить по дорогѣ въ Кольмаръ между 4-мя и 5-ю часами утра.

Доказательства „alibi“ Моисея Ланга, изъ Рибовилля, были не менѣе вѣски. 9-го декабря онъ продалъ вино въ Рибовиллѣ одному швейцарцу, и совѣтникъ Гангвольфъ уплатилъ ему деньги за это вино въ 5 часовъ вечера. Около того же часа его видѣли въ Рибовиллѣ прокуроръ Христіанъ Ульрихъ и сынъ Христіана. Въ 6 часовъ вечера дочь вдовы Христины Гербахъ приходила къ нему, чтобы купить неньки, и оставалась у него до 7 часовъ. Съ 7 до 8 часовъ вечера онъ ужиналъ. Въ 8 часовъ онъ отправился въ домъ раввина Вейля, у котораго собрались нѣсколько человѣкъ по случаю праздника Хануки, и оставался тамъ до 11 часовъ. Въ числѣ лицъ, видѣвшихъ его въ этомъ домѣ, онъ назвалъ Зекеле Мутцига, Зальмана Шпейера, Авраама, сына Липмана

Верхгейма и Герсона Кобленца. Послѣ 11 часовъ, возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ на улицѣ ночнаго сторожа, Дибольдта Гесса, и жену его. На другое утро въ 6 часовъ утра, его видѣли Гансъ Іергъ и нѣкая Бауманъ; въ 7 часовъ его видѣли Бальдивекъ и Мартинъ Байеръ. Если даже допустить, что показанія евреевъ, видѣвшихъ его въ Рибовиллѣ отъ 8 до 11 часовъ вечера, могутъ подлежать сомнѣнію, и что показанія тѣхъ двухъ лицъ, которыя встрѣтили его на улицѣ послѣ 11 часовъ вечера тоже не особенно достовѣрны, потому что темнота позволила имъ узнать его только по голосу, то во всякомъ случаѣ остальныхъ доказательствъ „alibi“ Ланга нельзя не признать вполнѣ достаточными. Дѣйствительно, въ то время Рибовилль былъ укрѣпленный городъ, ворота котораго запирались вечеромъ и отпирались только съ разсвѣтомъ; значитъ, въ декабрѣ, во время длинныхъ ночей, ворота оставались запертыми съ 5-ти часовъ вечера до 7-ми часовъ утра, и никто не могъ ни выйти изъ города, ни войти въ него, не будучи замѣченъ стражей. А между тѣмъ многія лица видѣли Ланга въ городѣ 9-го числа, въ 6 и 7 часовъ вечера, а равнымъ образомъ и 10-го числа въ 6 часовъ утра, т. е., до открытія городскихъ воротъ; никто изъ караульныхъ у воротъ не видѣлъ его ни выходящимъ изъ города, ни входящимъ въ него за этотъ промежутокъ времени. Слѣдовательно, было очевидно, что онъ провелъ всю ночь съ 9-го на 10 декабря въ Рибовилѣ.

Наконецъ „alibi“ Гирцеля должно было быть еще болѣе очевиднымъ для судей. Трудно представить себѣ болѣе цѣльную и стройную совокупность доказательствъ. Въ теченіе всего дня 9-го числа и вечеръ этого же дня до 11 часовъ, а равно и въ слѣдующее утро, можно прослѣдить за каждымъ шагомъ Гирцеля, не теряя его изъ виду ни на одну минуту.

Мы уже говорили выше, что онъ отправился въ Сиренцъ навѣстить свою сестру и своего зятя Исаака. Онъ пустился въ путь 8-го числа утромъ, направившись прежде всего въ Кольмаръ, гдѣ его видѣли нѣсколько человѣкъ, между прочимъ и купецъ Эдкоферъ, которому онъ сказалъ, что отправляется въ Сиренцъ. Въ тотъ же день онъ прибылъ

въ Регисгеймъ, гдѣ онъ пообѣдалъ въ еврейской харчевнѣ и переночевалъ у Зелигмана Рексгейма. На слѣдующее утро, 9-го числа, онъ отправился въ синагогу и совершилъ молитву вмѣстѣ съ еврейскими обитателями этого селенія.

Между 7-го и 8-го часами утра онъ пустился въ дальнѣйшій путь и, по дорогѣ изъ Регисгейма въ Энсисгеймъ, встрѣтилъ работника майенгеймскаго старшины, отправлявшагося за дровами въ лѣсъ; онъ подсѣлъ къ нему на возъ, съ котораго онъ слѣзъ только въ селеніи Баттенгеймъ, близь Гартскаго лѣса. Въ полдень онъ пообѣдалъ въ Габсгеймѣ, у Соломона Гааса. Въ полумилѣ не доходя Сиренца онъ встрѣтилъ извозчика Якова Шаллера. Еще ближе къ Сиренцу онъ встрѣтилъ г. Вальднера, сиренцскаго дворянина, ѣхавшаго съ большимъ обществомъ въ двухъ коляскахъ; въ числѣ ѣхавшихъ онъ узналъ г. Шпеббаха (или Шпехта), офицера въ швейцарскомъ полку, г. Гаммеля, воспитателя сына г. Вальднера, и нѣсколькихъ слугъ. Всѣ они знали его лично и узнали его. Еще нѣсколько дальше онъ встрѣтилъ извозчика Шлегли; въ то время было около четырехъ часовъ по полудни.

Многіе видѣли, какъ онъ вошелъ въ Сиренцъ. По дорогѣ онъ говорилъ со многими лицами, между прочимъ съ хозяиномъ гостинницы „Звѣзда“.

Въ домѣ его зятя его видѣли слѣдующія лица:

До восьми часовъ вечера швея, по имени Катерина, работавшая поденно у его зятя. Приблизительно до десяти часовъ вечера Яковъ Суттеръ и два еврея, Нотаніэль Дрейфуссъ и Іосель Ульмо. Въ десять часовъ садовникъ г-жи Вальднеръ приходилъ покупать свѣчи и Гирцель предложилъ ему стаканъ вина. Такъ какъ г-жа Вальднеръ по возвращеніи садовника стала бранить его за то, что онъ проходилъ за покупкой цѣлый часъ, онъ привелъ въ свое оправданіе то, что его заставили долго прождать у Исаака, такъ какъ послѣдній занимался бесѣдой съ Гирцелемъ и Суттеромъ. Въ одиннадцать часовъ еврейка, служанка его зятя, видѣла его въ то время, когда онъ собирался идти спать.

На слѣдующее утро въ 6 часовъ швея Катерина видѣла его одѣ-

вающимся. Въ $6^1|_2$ часовъ Іосифъ Шлицъ и жена его приходили къ Исааку и видѣли Гирцеля. Въ 7 часовъ онъ отправился въ синагогу. Между 7 и 8 часами онъ былъ съ своимъ зятемъ у содержателя гостиницы „Корона“; тамъ его видѣли очень многіе, а жена мѣстнаго бургомистра видѣла его около того же времени проходящимъ мимо ея дома. Въ нѣмецкой „Запискѣ“ сказано, что жена бургомистра видѣла его у Исаака около 6 часовъ утра, когда онъ пилъ кофе. Когда затѣмъ онъ отправился къ г-жѣ Вальднеръ, онъ сказазъ ей: „А вы, сударыня, пьете кофе не такъ, какъ Исаакъ, ибо онъ пьетъ его съ хлѣбомъ“. Наконецъ, между 7-ю и 8-ю часами Гирцель отправился съ Исаакомъ въ замокъ г. Вальднера, гдѣ его видѣли молодой Вальднеръ и его гувернеръ. Въ ожиданіи того, пока встанетъ г. Вальднеръ-отецъ, они продали садовнику куній мѣхъ для теплой шапки.

Въ пятницу, 11-го декабря, Гирцель узналъ въ Сиренцѣ печальную вѣсть о грабежѣ и о вызванныхъ имъ арестахъ. Онъ немедленно отправился бы въ Ведельсгеймъ, если бы въ этотъ день какъ разъ не была пятница, а онъ не желалъ, вопреки еврейскому закону, путешествовать въ субботу. Но въ воскресенье утромъ онъ пустился въ путь, не смотря на настоянія и просьбы своихъ друзей.

Трудно представить себѣ лучшее „alibi“. Сиренцъ отстоитъ отъ Гауцена на 12 миль *. Въ то время, понятно, еще и помину не было о желѣзныхъ дорогахъ, а въ каретѣ, во всю лошадиную скачь, Гирцель не могъ бы перенестись изъ Сиренца въ Гауценъ въ какой-нибудь часъ, не говоря уже о томъ, что она непремѣнно было бы замѣчена.

Но что еще важнѣе и что еще лучше характеризуетъ образъ дѣйствій судей, такъ это то, что, не смотря на отказъ ихъ дозволить Гирцелю подтвердить свои показанія, имъ все же не удалось совершенно устранить свидѣтельства въ его пользу. Аппеляціонный судъ командировалъ какъ разъ около этого времени въ Базель по другому дѣлу ком-

* Здѣсь слѣдуетъ разумѣть 12 нѣмецкихъ миль (такъ какъ документъ — нѣмецкій, слѣдовательно 18 французскихъ).

мисію, составленную изъ г. Мадамэ, члена этого суда, товарища прокурора и секретаря. Лица эти остановились 18-го декабря въ Сиренцѣ у г. Бальднера; тамъ они узнали изъ „единогласныхъ и нимало не подлежавшихъ сомнѣнію“ какъ хозяевъ, такъ и всѣхъ обитателей замка, что все, сказанное Гирцелемъ относительно пребыванія его въ Сиренцѣ въ ту ночь, въ которую совершилось преступленіе, было вѣрно. Очень взволнованный этими показаніями, г. Мадамэ написалъ на слѣдующее же утро, 29-го декабря, старшему предсѣдателю суда письмо, которое тотъ получилъ 30-го числа утромъ и прочелъ судьямъ передъ самымъ произнесеніемъ приговора. Но судьи остались и нѣмы, и слѣпы.

IV.

Гирцель мужественно перенесъ обыкновенную и чрезвычайную пытку *. Для пытанія его была устроена особая машина, въ видѣ желѣзнаго кольца, которое накладывалось на его голову **. По мѣрѣ того, какъ кольцо это съуживалось съ помощью винта, кровь выступала у него изъ глазъ и изъ ушей.

30-го декабря, вечеромъ, его полуживаго бросили въ его тюремную келью. Онъ еще ничего не зналъ объ утвержденіи произнесеннаго надъ нимъ приговора, а между тѣмъ на торговой площади уже возводился эшафотъ и слухъ о его присужденіи къ смерти распространился уже по всему городу и повергъ въ уныніе всѣхъ кольмарскихъ евреевъ. Многіе изъ нихъ отправились къ несчастной жертвѣ на слѣдующее утро, во вторникъ, 31-го декабря, — день, назначенный для приведенія въ исполненіе приговора, — чтобы приготовить его къ смерти. Гирцель спокойно выслушалъ ужасную вѣсть. Онъ сѣлъ на кровать и сталъ чи-

---

* Его пытали въ самый день его осужденія, 30-го декабря, съ 2-хъ до 6-ти часовъ по полудни. Авторъ нѣмецкаго описанія этого дѣла говоритъ, что если онъ не захотѣлъ сократить свои муки ложными признаніями, то сдѣлалъ это ради своихъ товарищей по обвиненію, которыхъ такія признанія погубили бы.

** О томъ, что машина эта была вновь изобрѣтена по этому случаю, говоритъ нѣмецкое донесеніе.

тать покаянную молитву (Виддуй), между тѣмъ какъ всѣ присутствующіе разразились плачемъ и рыданіями. Затѣмъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ единственнаго сына своего, Авраама, мальчика лѣтъ 15 или 16, далъ ему послѣднія житейскія наставленія, и между прочимъ приказалъ ему аккуратно читать молитву за умершихъ (Каддишъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ твердую надежду, что невинность его современемъ обнаружится и доброе имя его будетъ возстановлено. Капуцинскіе монахи не побоялись надоѣдать ему въ эту послѣднюю, страшную минуту, убѣждая его окреститься. Но онъ спокойно отклонилъ ихъ предложеніе и попросилъ ихъ только передать его семейству, чтобъ оно уплатило какой-то женщинѣ изъ Кольмара 12 талеровъ, которые онъ былъ ей долженъ и которые не были занесены въ его долговую книгу.

Наконецъ, наступилъ страшный часъ. Въ 3 часа пополудни Гирцеля привели на эшафотъ. Вся площадь была покрыта народомъ, сбѣжавшимся изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, чтобы насладиться этимъ зрѣлищемъ и полюбоваться страданіями жида. Десять евреевъ (какъ разъ число, необходимое для совершенія молитвъ (миніанъ), помѣстились въ сосѣднемъ домѣ, вмѣстѣ съ Авраамомъ, сыномъ Гирцеля, и все время не переставали читать молитвы и каддишъ. Гирцель мужественно взошелъ на эшафотъ.

Затѣмъ палачъ принялся за исполненіе своего ужаснаго дѣла. Перебивъ предварительно кости Гирцелю, онъ привязалъ его къ колесу. При этомъ (какъ показываютъ всѣ свидѣтельства по этому дѣлу) онъ, изъ рафинированной жестокости, нарочно велѣлъ сдѣлать колесо нѣсколько меньшихъ размѣровъ, такъ что голова несчастнаго не могла упираться на колесо и свѣшивалась черезъ край его. Въ теченіи всего дня и части ночи онъ испускалъ душу-раздирающіе крики. Въ 9 часовъ вечера онъ умолялъ палача дать ему пить, но этотъ извергъ не захотѣлъ дать ему воды, а предложилъ ему вина, котораго несчастный не могъ пить изъ религіозныхъ соображеній. Крики его слышны были отовсюду. Изъ состраданія-ли, или же потому, что эти крики надоѣдали имъ, но только обыватели упрашивали власти положить конецъ мученіямъ не-

счастнаго *. Смертельный ударъ былъ нанесенъ ему въ 10 часовъ утра, и „невинная душа его отлетѣла къ небу“. Тотчасъ же послѣ того его тѣло, вмѣстѣ съ колесомъ, къ которому оно было привязано, было повѣшено на висѣлицу, на большой дорогѣ въ Гауценъ **,—какъ блестящее свидѣтельство справедливости и безпристрастія суда ***.

Эльзасскіе евреи были повержены въ ужасъ. Фанатизмъ крестьянъ былъ возбужденъ до послѣдней степени; они ликовали по поводу осуж-

---

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ (между прочимъ судя по „Малой Судебной Газетѣ“) Гирцель оставался привязаннымъ къ колесу въ теченіи 18 часовъ, испуская ужасные крики, которые слышны были въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ города. Г. Нейреманъ засталъ еще въ живыхъ одного старика, который помнилъ, что слышалъ эти вопли въ значительномъ разстояніи отъ мѣста казни. Часы мы обозначили по нѣмецкому донесенію.

** Близъ Розенкранца, въ вершинѣ треугольника, гдѣ стоитъ нынѣ Меглинскій крестъ („Мал. Суд. Газ.“).

*** Значительная доля отвѣтственности за эту судебную ошибку падаетъ, безъ сомнѣнія, на старшаго предсѣдателя высшаго суда, который обыкновенно предсѣдательствовалъ въ первомъ отдѣленіи его. Должность старшаго предсѣдателя занималъ въ то время Криштофъ фонъ-Клинглинъ, человѣкъ не глупый и съ сильнымъ характеромъ, но дѣйствовавшій всегда подъ вліяніемъ страстей, склонный къ крайностямъ, не симпатичный товарищамъ своимъ (Ср. Пило и Нейреманъ, „Исторія высшаго суда въ Эльзасѣ“, Парижъ, 1860, стр. 382 и 548). Предсѣдателемъ другаго отдѣленія былъ въ то время Этьенъ Саломонъ, который, однако, не счелъ для себя возможнымъ принятьсся за пересмотръ дѣла послѣ праздничныхъ вакацій. Старшій предсѣдатель былъ другомъ іезуитовъ и онъ имѣлъ мужество, къ великому неудовольствію суда, протестовать противъ изгнанія ихъ. Отецъ его былъ градоначальникомъ въ Страсбургѣ, и тоже, подобно сыну своему, отличался непріятнымъ характеромъ, надѣлалъ себѣ множество враговъ, навлекъ на себя обвиненіе въ разныхъ злоупотребленіяхъ, и въ 1752 году, въ силу произведеннаго слѣдствія, былъ заключенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей. Въ числѣ обвинителей его явились и два страсбургскіе еврея, Рафаилъ Леви и сынъ его Михаилъ Леви, давшіе ему значительныя суммы денегъ для полученія разныхъ льготъ. Весьма возможно, что этотъ процессъ Клинглина-отца оставилъ въ сердцѣ его сына извѣстную злобу, жертвой которой и сдѣлался Гирцель. Мы извлекаемъ эти подробности о Клинглинѣ-отцѣ изъ „Записки“, напечатанной въ Греноблѣ въ 1753 году и составленной тѣмъ его сыномъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ замѣшанъ въ процессѣ. Значительная часть этой „Записки“ посвящена опроверженію обвиненій, взведенныхъ на Клинглина-отца означенными двумя страсбургскими евреями. Администраторъ Блэнъ, который фигурируетъ въ нашемъ разсказѣ, названъ въ ней (стр. 240) Моисей Блізнъ, „еврей очень почтенный и очень уважаемый своими единовѣрцами“.

денія Гирцеля, какъ будто оно распространялось на все еврейство. Евреи не смѣли болѣе показываться на улицахъ: ихъ преслѣдовали оскорбленіями, имъ напѣвали на уши жалобную пѣснь, сложенную ими по случаю смерти Гирцеля. Они жили въ постоянной тревогѣ, дрожа за жизнь остальныхъ двухъ обвиненныхъ и за свою собственную, а эшафотъ оставался воздвигнутымъ на Кольмарской торговой площади въ видѣ постоянной угрозы.

Но ихъ не покидала вѣра во Всемогущаго Бога и они находили утѣшеніе въ религіи. По утрамъ и по вечерамъ въ синагогахъ читались особо сочиненныя по этому случаю молитвы, псалмы, „селихотъ“, „бакашотъ“, „піутимъ“. Раввинатъ установилъ шесть новыхъ дней поста (въ томъ числѣ два „scheni vahamischi scheni“); старцы свыше 70-лѣтняго, дѣти, моложе 12-лѣтняго возраста, а также хворые и больные, вмѣсто соблюденія поста, должны были класть по 18 су въ кружку для бѣдныхъ, и эта милостыня раздавалась въ самый день поста. И Богъ услышалъ ихъ молитвы и сотворилъ въ пользу ихъ чудо.

Въ высшемъ судѣ практиковалось довольно странное правило относительно уголовныхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ, въ видѣ исключенія, въ вакаціонное время, гражданскимъ отдѣленіемъ суда, а именно дѣла, разъ начатыя этимъ отдѣленіемъ, должны были быть окончены во время вакаціоннаго времени тѣмъ же составомъ суда. Между тѣмъ случилось, что одному изъ членовъ суда, осудившаго Гирцеля, понадобилось уѣхать изъ Кольмара, такъ что оказалось невозможнымъ разсмотрѣть до истеченія вакаціоннаго времени дѣла остальныхъ двухъ подсудимыхъ, Менке и Ланга по окончаніи вакаціоннаго времени, предсѣдатель гражданскаго отдѣленія суда, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ему судебными уставами, отказался отъ участія въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этого дѣла, и поэтому, на основаніи тѣхъ же уставовъ, дальнѣйшій ходъ этого дѣла надлежало пріостановить до ближайшаго вакаціоннаго времени, съ тѣмъ, чтобъ оно въ то время было разсмотрѣно при томъ же составѣ суда. А такъ какъ ближайшее вакаціонное время должно

было наступить по случаю праздниковъ Пасхи, то евреи имѣли передъ собою цѣлыхъ три мѣсяца отсрочки.

Это обстоятельство явилось для нихъ какъ-бы небеснымъ знаменіемъ и они нашли нужнымъ принять рѣшительныя мѣры. Старѣйшины евреевъ и раввины со всего Эльзаса собрались и рѣшили отправить въ Парижъ депутацію, для того, чтобы хлопотать о кассаціи приговора. Это было довольно смѣлое рѣшеніе. Авторъ написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ отчета объ этомъ дѣлѣ говоритъ, что до сихъ поръ во Франціи не бывало еще ни одного случая кассаціи приговора по уголовному дѣлу. Но оставалось еще впереди три мѣсяца времени и евреи, не смотря на всѣ вынесенныя ими страданія, знали по опыту, что никогда ни въ чемъ не слѣдуетъ отчаяваться.

Въ находящемся въ нашихъ рукахъ нѣмецкомъ документѣ сохранились имена тѣхъ самоотверженныхъ людей, которые, съ немалымъ ущербомъ для своихъ личныхъ интересовъ, бросили свои семьи и отправились въ Парижъ. Это были: Ааронъ Мутцигъ, Лейме Росгеймъ, Мендель Гальфанъ (онъ же Гальфенъ)—всѣ трое изъ Нанси, и Моисей Блэнъ, изъ Страсбурга; — всѣ четверо — старѣйшины и „парнассимъ“; вѣроятно также „парнассъ“ Гекель Вейль, изъ Оберна, и другіе *. Всѣ они отправились въ путь 12-го января 1755 года, за исключеніемъ Блэна, который уѣхалъ раньше. Вмѣстѣ съ ними поѣхалъ зять Леви Гирцеля, вышеупомянутый Исаакъ, изъ Сиренца.

Имъ сразу же удалось добиться отъ тогдашняго перваго министра распоряженія, которое можно было принять за хорошее предзнаменованіе: 3-го или 4-го января ** въ Кольмаръ прибылъ королевскій курьеръ съ приказаніемъ—немедленно выслать въ Парижъ всѣ документы по этому дѣлу въ оригиналѣ. Это распоряженіе произвело извѣстное впечатлѣніе, и первымъ результатомъ его было то, что старшій предсѣда-

---

* Въ имѣющемся у насъ подъ руками экземплярѣ въ этомъ спискѣ встрѣчаются пробѣлы, обозначенные точками.

** Въ „Запискѣ“ сказано „*понедѣльникъ*“, 23-го шебатъ; но 23-й шебатъ въ томъ году приходился на вторникъ.

тель суда велѣлъ немедленно убрать плаху, стоявшую съ 31-го декабря на городской площади. Эльзасскіе евреи съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣли исчезновеніе этого ужаснаго сооруженія.

Семейство Леви Гирцеля (сынъ его Авраамъ и дочери его—Ханна, жена Гирцеля Бруншвика *, и Фейля, незамужняя), а также двое подсудимыхъ, содержавшихся еще въ тюрьмѣ, Леви Менке и Моисей Лангъ, составили записку по этому дѣлу. Въ нашихъ рукахъ находится экземпляръ этой записки, подъ которой находится слѣдующая помѣтка (печатными буквами): „Кассаціонный судъ, адвокатъ Реньяръ". Она, несомнѣнно, была подана только послѣ апрѣля мѣсяца, ибо въ ней упоминается о приговорѣ 2-го апрѣля 1775 года, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

По разсмотрѣніи представленныхъ ему документовъ, королевскій судъ потребовалъ отъ кольмарскаго суда скорѣйшаго разсмотрѣнія дѣла Менке и Ланга, въ тѣхъ видахъ, чтобъ оно могло быть пересмотрѣно вмѣстѣ съ дѣломъ Гирцеля, но въ то же время предписывая пріостановиться приведеніемъ въ исполненіе приговора, который будетъ постановленъ.

Для разсмотрѣнія дѣла, какъ объяснено было выше, пришлось дождаться пасхальныхъ вакацій. 2-го апрѣля 1755 года оба подсудимые приговорены были первымъ отдѣленіемъ суда, въ виду недостаточности уликъ, къ „допросу съ пристрастіемъ", т. е. къ пыткѣ.

Еще цѣлыхъ $2^1/_2$ мѣсяца еврейскимъ уполномоченнымъ пришлось въ величайшей тревогѣ ожидать рѣшенія королевскаго суда. Но за то оно оказалось вполнѣ благопріятнымъ: постановленіемъ 16-го іюня королевскій судъ отмѣнилъ приговоръ кольмарскаго суда, какъ по отношенію къ Гирцелю, такъ и по отношенію къ Менке и Лангу. Приводимъ текстъ этой резолюціи **:

---

* Ея мужъ, уполномочившій ее на подачу кассаціонной жалобы, по всей вѣроятности, умеръ вскорѣ послѣ того, ибо, судя по нѣмецкому отчету, она была вдова.

** Національный архивъ, V в, 984.

„Королевскій судъ, разсмотрѣвъ 5-го мая 1755 года кассаціонную жалобу, поданную Авраамомъ-Леви-Гирцелемъ и сестрой его Фейлой, Ханной, женой Гирцеля Брунсвика, еврея, по надлежащему его уполномочію,—т. е. дѣтьми и зятемъ еврея Леви Гирцеля, а равно и евреями Моисеемъ Лангомъ и Менехекомъ Леви, изъ Верхняго Эльзаса, причемъ означенные просители просятъ въ своей жалобѣ, дабы его величеству благоугодно было поручить Мецскому парламенту, или иному судебному учрежденію, по усмотрѣнію его величества, пересмотрѣть уголовное дѣло, рѣшенное высшимъ судомъ Эльзаса 30-го декабря 1754 года и 2-го апрѣля 1855 года по отношенію къ вышеозначеннымъ Леви Гирцелю, Менехеку Леви и Моисею Лангу и постановить новое рѣшеніе, и въ этихъ видахъ дать возможность Мецскому парламенту или тому суду, которому его величество пожелаетъ передать дѣло, ознакомиться со всѣми относящимися къ этому дѣлу документами, для чего и препроводить ему все слѣдственное и судебное производство по этому дѣлу, а равнымъ образомъ перевести Менехека Леви и Моисея Ланга изъ кольмарской тюрьмы въ мецскую или въ тюрьму того города, который благоугодно будетъ назначить его величеству для пересмотра дѣла. По представленіи вышеозначенной резолюціи отъ 5-го мая на благоусмотрѣніе его королевскаго величества, его величество, соизволивъ утвердить ее, повелѣлъ, чтобы дѣла 30-го декабря 1754-го и 2-го апрѣля 1755 года, были доставлены не позже, какъ въ двухъ-мѣсячный срокъ, подъ личной отвѣтственностью секретарей означенныхъ судовъ, въ тотъ судъ, которому поручено будетъ пересмотрѣть дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству благоугодно было повелѣть, чтобы приведеніе въ исполненіе приговоровъ кольмарскаго высшаго суда отъ 30-го декабря 1754 и 2-го апрѣля 1755 гг. было пріостановлено впредь до дальнѣйшаго распоряженія его величества.

„Затѣмъ, по доставленіи всѣхъ документовъ по этому дѣлу въ комиссію прошеній, предсѣдатель означенной коммисіи, г. Фонтанье, препроводилъ ихъ, по занесеніи въ реэстръ, 30-го того же мая въ королевскій судъ, а 12-го іюня представилъ свое заключеніе по этому дѣлу.

„Выслушавъ заключеніе вышеназваннаго г. Фонтанье, кавалера и королевскаго совѣтника, и разсмотрѣвъ всѣ документы по этому дѣлу,

„Королевскій судъ, именемъ его величества короля, постановилъ:

„Согласно заключенію г. предсѣдателя коммисіи прошеній передать резолюціи кольмарскаго высшаго суда по вышеупомянутымъ уголовнымъ дѣламъ, состоявшіяся 30-го декабря 1754 и 2-го апрѣля 1755 гг. въ мецскій парламентъ, для постановленія, въ случаѣ, если то окажется необходимымъ, новаго приговора, и въ этихъ видахъ передать ему же всѣ относящіяся къ этимъ дѣламъ документы слѣдственнаго и судебнаго производства, подъ страхомъ личной отвѣтственности секретарей означенныхъ судовъ". (Подписано): *Де-Ла-Муаньонъ, Машо, Фонтанье.*—Версаль, іюня шестнадцатаго дня, 1755 года.

Эта резолюція возбудила живѣйшую радость среди эльзасскихъ евреевъ и преисполнила ихъ надежды.

VI.

Мецскій парламентъ не тратилъ по-напрасну времени: уже 6-го аба (14-го іюля) отправленный имъ въ Кольмаръ приставъ прибылъ туда для того, чтобы перевести арестантовъ въ Мецъ. При этомъ оказалось нѣчто невѣроятное: тотъ самый обвиняемый Фейссъ, изъ Груссенгейма, противъ котораго не было никакихъ уликъ и котораго, даже по столь жестокому относительно другихъ подсудимыхъ приговору отъ 30-го декабря, надлежало освободить по прошествіи четырехъ недѣль, если до тѣхъ поръ не явится никакихъ новыхъ уликъ соучастія его въ дѣлѣ,—этотъ самый Фейссъ оказался еще содержащимся въ тюрьмѣ. Приставъ хотѣлъ было захватить и его съ собою, но такъ какъ объ немъ ничего не упоминалось въ привезенныхъ имъ съ собою инструкціяхъ, то бѣднягѣ пришлось еще остаться въ кольмарской тюрьмѣ.

Весь городъ собрался смотрѣть, какъ увозили Ланга и Менке, и обнаруживалъ величайшее относительно нихъ любопытство. Приставу не безъ труда удалось проложить себѣ и обоимъ арестантамъ дорогу сквозь

толпу любопытныхъ. Изъ Кольмара они выѣхали въ телѣгѣ, но въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города приставъ нанялъ почтовую карету и они прибыли въ Мецъ 8-го аба (15-го іюля), за нѣсколько секундъ до закрытія городскихъ воротъ.

Въ понедѣльникъ, 21-го іюля, адвокатъ семейства Гирцеля, Менке и Ланга подалъ парламенту прошеніе, заключавшее въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) чтобы допущено было представленіе доказательствъ „alibi“ Гирцеля и двухъ остальныхъ подсудимыхъ; 2) если эти доказательства будутъ признаны заслуживающими уваженія, возстановить доброе имя Гирцеля, возвратить его тѣло семейству его и предоставить послѣднему право предъявить, къ кому слѣдуетъ, гражданскій искъ; 3) освободить отъ тюремнаго заключенія Менке и Ланга.

Постановленіемъ своимъ отъ 26-го іюля, парламентъ разрѣшилъ подсудимымъ представлять доказательства своего „alibi“, а во вторникъ, 29-го іюля, онъ назначилъ особую коммисію, состоявшую изъ одного члена парламента, товарища прокурора, секретаря, переводчика и пристава, которой поручено было отправиться въ Эльзасъ и снять показанія со свидѣтелей. Затя Гирцеля, Исаака, прибывшаго въ Мецъ для того, чтобы слѣдить за ходомъ процесса, парламентъ назначилъ представителемъ интересовъ покойнаго и его семейства.

Коммисія эта, выѣхавъ изъ Меца 30-го іюля, прибыла въ Сиренцъ 9-го августа, въ Ведельсгеймъ—21-го августа, и въ Рибовиль—29 августа, и выслушала показанія всѣхъ свидѣтелей, на которыхъ указывали ей Исаакъ, Менке и Лангъ. 11-го сентября она, совершивъ переѣздъ изъ Рибовиля въ Мецъ въ три дня, возвратилась въ этотъ послѣдній городъ, а 24-го сентября мецкій парламентъ объявилъ свою резолюцію, заключавшую въ себѣ блистательное оправданіе евреевъ.

Приговоръ кольмарскаго суда отмѣнялся, равно какъ и самое постановленіе о преданіи обвиняемыхъ суду; Менке и Лангъ были объявлены по суду оправданными и освобождались изъ тюрьмы; доброе имя Гирцеля было возстановлено, а тѣло его велѣно было отдать его семейству; имена Менехека и Ланга исключались изъ списка арестантовъ,

сданныхъ въ кольмарскую тюрьму; равнымъ образомъ изъ списка дѣлъ, рѣшенныхъ рибовильскимъ судьей, вычеркивалось настоящее дѣло, съ тѣмъ, чтобы на поляхъ было занесено настоящее постановленіе парламента. Наконецъ, семейству Гирцеля предоставлялось право предъявлять гражданскій искъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ оно считаетъ виновными въ смерти невинно-осужденнаго главы своего.

Далѣе въ резолюціи заключается ссылки на постановленіе государственнаго совѣта отъ 16-го іюня 1755 года, на грамату мецскаго парламента отъ 29-го іюня 1755 года, на постановленіе того же парламента отъ 10-го іюля того же года о занесеніи этой граматы въ реэстръ, на другое постановленіе, отъ 11-го іюля, уголовнаго отдѣленія мецскаго парламента о подсудности себѣ этого дѣла, на дознаніе рибовильскаго судьи отъ 11-го декабря 1754 года и на постановленіе его о заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу, на протоколъ перваго допроса Менке и Ланге 12-го декабря и перваго же допроса Гирцеля 16-го декабря, на дополнительный допросъ 17-го декабря, на постановленіе 18-го декабря относительно свидѣтелей со стороны обвиняемыхъ, на допросъ 23-го декабря трехъ обвиняемыхъ—Гирцеля, Ланга и Менке и на постановленный въ тотъ же день судьею приговоръ; на протоколъ спроса Гирцеля подъ пристрастіемъ 30-го декабря и на состоявшійся относительно его въ тотъ же день приговоръ; подписанные членомъ-докладчикомъ кольмарскаго высшаго суда Жаномъ-Андре Гольбери *; на жалобу, поданную парламенту Авраамомъ Гирцелемъ и семействомъ его, а также двумя обвиняемыми, Менке и Лангомъ; на постановленіе парламента отъ 26-го іюля; на протоколъ о спросѣ свидѣтелей указанныхъ защитой; на разслѣдованіе, произведенное парламентской коммисіей и сообщенное генералъ-прокурору парламента постановленіемъ отъ 20-го августа 1755 года; на протоколъ, составленный въ тотъ же день, по поводу отсутствія одного изъ свидѣтелей, вызванныхъ Исаакомъ Дрей-

* При новомъ распредѣленіи членовъ высшаго суда по отдѣленіямъ, состоявшемся 5-го марта 1755 года, Гольбери вошелъ въ составъ втораго отдѣленія равно какъ и Мадамэ, товарищъ предсѣдателя суда.

фусомъ, попечителемъ памяти Леви Гирцеля, и наконецъ на заключеніе прокурора. Затѣмъ въ резолюціи сказано:

„И по выслушаніи и допросѣ парламентомъ попечителя Исаака Дрейфюса въ качествѣ повѣреннаго семейства Гирцеля, а Моисея Ланга и Менехека Леви, по прозванію Рѣзникъ, въ качествѣ подсудимыхъ, при участіи г. Рюзье, переводчика при судѣ съ нѣмецкаго языка, по приведеніи ихъ къ присягѣ, по еврейскому обычаю, Исаакомъ Заемъ, уроженцемъ Кобленца, однимъ изъ раввиновъ города Меца *, и принявъ все это въ соображеніе:

„*Судъ*, разсмотрѣвъ кассаціонную жалобу, пришелъ къ заключенію, что настоящее дѣло было неправильно рѣшено рибовильскимъ судьею 23-го декабря, что существуютъ достаточные поводы къ кассаціи, исправляя вышеозначенное рѣшеніе — *постановляетъ*: считать означенныхъ Менехека Леви, по прозванію Рѣзникъ, и Моисея Ланга, оправданными отъ взведеннаго противъ нихъ обвиненія, отмѣняетъ состоявшіеся относительно нихъ приговоры и предписываетъ освободить ихъ изъ тюремнаго заключенія; что же касается покойнаго Леви Гирцеля, то судъ объявляетъ доброе имя его возстановленнымъ, предписываетъ считать его умершимъ безъ предварительнаго лишенія правъ состоянія и постановляетъ, что въ силу того наслѣдники его имѣютъ право пользоваться всѣмъ его имуществомъ; предписываетъ возвратить тѣло его, его семейству для преданія землѣ по еврейскимъ обрядамъ, а имена вышеназванныхъ обвиняемыхъ вычеркнуть изъ арестантскихъ списковъ тѣхъ тюремъ, въ которыхъ они содержались, съ пометкой о томъ на поляхъ какъ этихъ списковъ, такъ и приговора рибовильскаго судьи; предоставляетъ вышеназваннымъ Менехеку Леви и Моисею Лангу, а равно и Аврааму Гирцелю отыскивать установленнымъ порядкомъ протори и убытки съ тѣхъ лицъ, которыя причинили имъ ущербъ, и

---

* О мецскихъ раввинахъ смотри «Israelitichse Annalen», 1839 г., стр. 380 и 389; 1840 г., стр. 61 и слѣд. О нѣкоемъ Бернарѣ Заѣ, авторѣ гимна въ честь Наполеона I, упоминается въ «Revue Orientale», II, стр. 30.

кромѣ того дозволяетъ имъ печатать и аффишировать этотъ приговоръ всюду, гдѣ они сочтутъ то нужнымъ.

„Предписываемъ старшему приставу нашего суда привести этотъ нашъ приговоръ въ надлежащее исполненіе.

„Сіе постановлено уголовнымъ отдѣленіемъ мецскаго парламента 24-го сентября 1755 года, въ царствованіе же наше сорокъ первое. *Подписано*: *Лакруа*. Съ подлиннымъ вѣрно: *Маркъ*. Скрѣплено: *Кюни*. За членовъ суда: *Галлуа*, *Амильонъ-де-Жуи*. Приложеніе большой печати суда засвидѣтельствовано тѣмъ же членомъ его *Галлуа*.

Тотчасъ по произнесеніи этого приговора, Авраамъ, сынъ Гирцеля, все это время находившійся въ Мецѣ, отправился обратно въ Эльзасъ, чтобы сообщить своимъ согражданамъ-единовѣрцамъ радостную вѣсть. На слѣдующій же день, 25-го сентября, онъ прибылъ въ Рибовиль. Былъ какъ разъ канунъ Гошанны-Раббы, и евреи собрались, по обыкновенію, въ синагогѣ для богослуженія. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ была принята ими радостная вѣсть.

На слѣдующій день, въ пятницу, въ седьмой день Суккота, долженъ былъ прибыть приставъ суда съ оффиціальной резолюціей парламента. Но, не дожидаясь его прибытія, евреи пожелали было немедленно же торжественно похоронить тѣло Гирцеля, въ виду наступавшихъ двухъ праздничныхъ дней (суббота и воскресенье, послѣдніе дни Суккота). Съ ранняго утра пятницы всѣ мѣстные евреи собрались вокругъ колеса, къ которому все еще было привязано тѣло несчастнаго Гирцеля, въ надеждѣ, что имъ позволено будетъ снять и похоронить его. Тутъ же собралось и немало христіанъ, смотрѣвшихъ на все это частью благосклонными частью неблагосклонными взорами. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали прибытія пристава, но онъ не являлся. Опечаленные этимъ разочарованіемъ, они возвратились домой, такъ какъ наступало предвечеріе праздника. Впрочемъ, по ихъ просьбѣ, къ тѣлу былъ приставленъ караулъ изъ солдатъ изъ земскихъ стражниковъ, что было далеко нелиш-

нимъ, ибо безъ этой предосторожности тѣло, безъ сомнѣнія, исчезло бы.

Наконецъ пріѣхалъ и приставъ. Онъ промѣшкалъ вслѣдствіе того, что пожелалъ привезти съ собою печатные экземпляры резолюціи парламента. Онъ прибылъ въ Рибовиль въ субботу. Слѣдующій день, день Симхатъ-Торы, былъ двойнымъ праздникомъ для евреевъ. Приставъ въ тотъ же день отправился въ Кольмаръ для исполненія необходимыхъ формальностей и рѣшено было, что погребеніе тѣла Гирцеля послѣдуетъ утромъ въ понедѣльникъ, 29-го сентября.

Въ этотъ день евреи снова собрались въ значительномъ числѣ на большой дорогѣ, гдѣ было выставлено тѣло; и на этотъ разъ тутъ же было немало и христіанъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пристава. Наконецъ онъ явился, развернулъ бумагу, громко прочелъ ее по-французски, и затѣмъ велѣлъ перевести его на нѣмецкій языкъ. Едва успѣлъ переводчикъ произнести послѣднія слова, какъ евреи, сгорая нетерпѣніемъ, въ одну секунду взобрались по лѣстницамъ на плаху, отвязали отъ колеса тѣло и спустили его внизъ на бѣлой простынѣ. Картина была въ высшей степени трогательна. Увѣряютъ, будто тѣло, не смотря на то, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ пробыло на колесѣ, отлично сохранилось и будто даже птицы его не тронули. Только волосы на головѣ и въ бородѣ Гирцеля, бывшіе черными при его жизни, какъ будто отросли и совершенно побѣлѣли. Лицо трудно было узнать.

Смертные останки Гирцеля были завернуты въ саванъ и положены въ гробъ; на тѣло было положена обычная покойницкая одежда и затѣмъ гробъ поставленъ былъ на повозку. Затѣмъ колесо и позорный столбъ разломаны были на мелкіе куски, которые положены были на другую телѣгу. Погребальное шествіе направилось къ Юнгхольцу, близъ Сульца, гдѣ въ то время было общее кладбище для всѣхъ евреевъ Верхняго Эльзаса. Надъ могилой приставъ еще разъ прочелъ резолюцію парламента, а затѣмъ могильщики приступили къ своему дѣлу, между тѣмъ

какъ всѣ присутствующіе евреи молились *, и земля, наконецъ, приняла въ свои нѣдра для вѣчнаго успокоенія это бѣдное тѣло, столь долгое время выставленное на пожраніе хищнымъ птицамъ, на оскорбленіе прохожимъ и на переимѣнчивость погоды.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой печальной церемоніи, мецскій приставъ велѣлъ прибить ко всѣмъ воротамъ Сиренца, Ведельсгейма, Гауцена и Рибовиля, а командующій войсками въ Эльзасѣ велѣлъ помѣстить въ приказѣ по войскамъ—запрещеніе христіанамъ, по всей вѣроятности, находившимся еще въ очень возбужденномъ состояніи,—оскорблять евреевъ, по поводу-ли дѣла Гирцеля, или по какому-либо другому поводу, а въ особенности распѣвать шутовскую пѣснь, сочиненную кѣмъ-то по случаю смерти Гирцеля. Въ то же время герцогъ Рибовильскій (Рибопьеръ) отрѣшилъ отъ должности рибовильскаго судью Фукса, произнесшаго первый приговоръ относительно Гирцеля и его товарищей по обвиненію, и который съ самаго начала игралъ въ этомъ дѣлѣ какую-то двусмысленную роль. Благодаря всѣмъ этимъ разумнымъ и справедливымъ мѣрамъ, спокойствіе въ провинціи мало по малу возстановилось **.

Менке и Лангъ давно уже были выпущены на свободу, и наконецъ кольмарскій судъ, такъ долго и такъ несправедливо державшій въ заключеніи Фейсса, изъ Груссенгейма, рѣшился выпустить и его на свободу. Но среди эльзасскихъ евреевъ, на зимнихъ посидѣлкахъ, еще долгое время передавалась изъ устъ въ уста исторія несчастнаго Кадоша †. Она сдѣлалась предметомъ популярныхъ разсказовъ на еврейско-нѣ-

---

* Куски разломанныхъ колеса и позорнаго столба тоже были, по всей вѣроятности, брошены въ могилу.

** Какому-то христіанину изъ Герлисхейма, близъ Кольмара, вскорѣ послѣ вышеописаннаго событія, пришла на умъ странная фантазія: въ пятницу вечеромъ, 4-го октября, онъ повѣсилъ на воротахъ одного еврея, Моисея-бенъ-Тодероса, телѣжное колесо, къ которому была привязана дохлая собака. Это неприличное глумленіе не осталось, однако же, безъ должнаго возмездія.

† Человѣка, умершаго насильственною смертью.

мецкомъ жаргонѣ, одинъ экземпляръ которыхъ мы имѣли въ рукахъ при писаніи этой статьи; по деревнямъ ходили по рукамъ рукописныя копіи этихъ разсказовъ, которыя читались вслухъ и вызывали у слушателей обильныя слезы. А на Юнгхольцскомъ кладбищѣ памятникъ, на которомъ было высѣчено имя Гирцеля, давно уже обвалился и засыпанъ землею, и не осталось никакихъ вещественныхъ слѣдовъ, напоминающихъ память этого несчастнаго мученика.

Исидоръ Лебъ.

ПѢСНИ ДНЯ.

1.

Суета суетъ.

„Слышалъ, дѣдушка? Мы снова
Ждемъ съ тревогой старыхъ бѣдъ“...
И насупившись сурово:
„Пусть ихъ“,—мнѣ отвѣтилъ дѣдъ.

„Боже мой! опять газеты
Подымаютъ вой и лай...
Что-то будетъ?“... Нѣтъ отвѣта.
„Слышишь?“—„Ну ихъ всѣхъ. Пускай“...

„А! Прочти—я здѣсь отмѣтилъ—
Возвращенье въ край святой...“
Дѣдъ, пожавъ плечомъ, отвѣтилъ:
„Полно. Пусть ихъ, дорогой!“...

Такъ, въ „ученье“ погруженный
День и ночь, мой старый дѣдъ
Мнѣ на гнѣвъ, и смѣхъ, и стоны
Все одинъ даетъ отвѣтъ.

Разъ съ печальною улыбкой
Посмотрѣлъ онъ на меня:
„Хочешь знать, гдѣ въ жизни зыбкой
Я нашелъ устой, дитя?“

Подпершись щеку рукою,
Фоліантъ раскрылъ мой дѣдъ,
Тихо, медленно, съ тоскою
Началъ: „Суета суетъ.

„Гдѣ подъ солнцемъ миръ находитъ
Средь волненій человѣкъ?
Родъ приходитъ, родъ проходитъ,
А земля все та-жъ во вѣкъ;

„Каждый день на путь лазури
Возвращаются лучи,
И кружатъ, и мчатся бури,
И текутъ къ морямъ ключи...

„И словамъ внимаетъ ухо—
Все же скажетъ кто изъ насъ?—
Не наполнить звукомъ слуха,
Не насытить зрѣньемъ глазъ“...

Раздавалось старца слово
Все внятнѣе, все грознѣй:
„И что было—будетъ снова:
Нѣтъ подъ солнцемъ новостей“.

Положивъ на книгу руки,
Продолжалъ онъ: „Вотъ гдѣ свѣтъ.
Что враги, гоненья, муки?—
Пусть ихъ: суета суетъ.

„И пусть насъ враги не любятъ,
Пусть шипятъ, какъ стая змѣй,—
Знай: вѣка еврея губятъ,
Все же не погибъ еврей.

„Не погибнемъ мы, доколѣ
Живъ на небѣ Адойшэмъ;
Страждемъ мы—страдали болѣ
И еще страдать намъ всѣмъ;

„Но настанетъ часъ блаженный“,
Дѣдъ въ восторгѣ восклицалъ:
„Часъ разбиться ковамъ плѣна,
Какъ Господь намъ обѣщалъ.

„И придетъ Мессія славный,
И вернетъ намъ мощь и честь,
Онъ придетъ, владыкамъ равный,
Чтобъ насъ въ край отцовъ отвесть“.

Смолкъ старикъ. Но взглядъ, пылая,
Долго вдаль еще взиралъ,
Точно въ вѣчность проникая,
Онъ Іегову созерцалъ...

И тогда вздохнулъ невольно
Я, завидуя ему:
Сердцу было трудно, больно
И не вѣрилось уму...

„Ну, а *ваша* Іудея“,
Онъ сказалъ, очнувшись, вдругъ:
„Лишь грѣховная затѣя,
Такъ я думаю, мой другъ.

„Предвосхитить Божье чудо...
Нѣтъ“, шепталъ, вздыхая, дѣдъ:
„Худо будетъ... будетъ худо.
Впрочемъ: суета суетъ...“

М. Абрамовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова.

Источники: Ambros. Geschichte der Musik. Die Hebräer. Forkel. Allgemeine Geschichte der Musik. De la Molette. Traité sur la poésie et la musique des Hébreux. Schilling. Enziclopedie der gesammten musikalischen Wissenschaften oder Uniwersallexikon der Tonkunst. Hebräische Musik. Fetis. Historie universelle de la musique et biographies des musiciens.

Введеніе.

Исторія музыки занимается изученіемъ хода развитія этого искусства отъ самаго отдаленнаго времени до ближайшей эпохи. Всѣ измѣненія, которымъ постоянно подвергается музыка, зависятъ, кромѣ теченія времени, также и отъ народностей. Люди, живущіе при различныхъ географическихъ условіяхъ, естественно разнятся между собою въ формѣ культуры; эти различія, въ видѣ отдѣльныхъ характеристическихъ чертъ каждаго народа, неизбѣжно кладутъ свой отпечатокъ на музыку, какъ на искусство, происходящее отъ постояннаго стремленія людей звуками выражать свои чувства.

Происхожденіе музыки лежитъ въ самомъ человѣкѣ. Ребенокъ издаетъ только отрывочные музыкальные звуки, которыми онъ старается выразить свои ощущенія; крики эти съ возрастомъ переходятъ въ едва понятный лепетъ, который, становясь постепенно яснѣе и понятнѣе, доводитъ ребенка до полнаго умѣнья владѣть измѣняющеюся, членораздѣльной рѣчью. Первобытные люди, такъ-же какъ и дѣти, прибѣгаютъ къ мускульнымъ напряженіямъ для выраженія своихъ чувствъ; ихъ разговоръ изобилуетъ восклицаніями, вскрикиваніями и жестами. По мѣрѣ развитія внутренняго міра человѣка, его чувства и впечатлѣнія формируются рѣзче и опре-

дѣленнѣе и принимаютъ болѣе сложный характеръ; соразмѣрно съ увеличеніемъ потребности, увеличиваются и средства къ выраженію этихъ ощущеній. Такимъ образомъ, развиваясь послѣдовательно, отрывочныя слова переходятъ въ гармоническую плавную рѣчь, восклицанія—въ музыкальныя фразы и мелодіи, движенія и жесты — въ пляску и мимику.

Музыкальные инструменты изобрѣтаются очень легко. Всего раньше появляются разныя трещотки и колотушки, такъ какъ шумъ и стукъ легче извлекаются изъ внѣшнихъ предметовъ, чѣмъ музыкальный тонъ; далѣе, идя постепенно впередъ, первобытный человѣкъ доходитъ до изобрѣтенія духовыхъ инструментовъ, а затѣмъ и струнныхъ. Раковина, найденная имъ и нечаянно приложенная къ уху, свистъ воздуха, проходящаго черезъ щель или какое нибудь отверстіе, обращаютъ его вниманіе и даютъ направленіе его изобрѣтательности, въ результатѣ дѣятельности которой являются дудки, свистульки, трубы и рога. Такимъ же способомъ, путемъ опыта и изслѣдованія, человѣкъ доходитъ до изготовленія какого-нибудь примитивнаго струннаго инструмента. Есть предположеніе, что тетива лука, издававшая звуки различной высоты при большемъ или меньшемъ натягиваніи, навела на мысль воспользоваться струною для полученія тоновъ. Человѣкъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи какіе нибудь инструменты, можетъ разнообразить извлекаемые изъ нихъ звуки соотвѣтственно своему вкусу и желанію. Его ритмическое чувство указываетъ, что можно постоянно варьировать чередованіе звуковъ, пользуясь различною продолжительностью тоновъ и промежутками между ними, т. е. паузами. Сообразно съ наклонностями и обстоятельствами каждаго народа, музыка его получаетъ его индивидуальныя черты, которыя навсегда дѣлаютъ ее отличною отъ музыкъ другихъ націй.

Съ самаго древняго времени замѣчается близкая связь между музыкой и религіознымъ чувствомъ народа; религія пользуется музыкой для усиленія впечатлѣнія, для большей грандіозности богослуженія и для особенной торжественности обстановки празднествъ всякаго рода. Съ своей стороны, музыка, кромѣ смягчающаго и облагораживающаго дѣйствія на нравы, какъ отдѣльныхъ лицъ. такъ и общихъ массъ, усиливаетъ набожность и даетъ способъ красивыми созвучіями выражать движенія души.

Древніе евреи были именно такимъ народомъ, у котораго богослуженіе никогда не обходилось безъ музыки, а музыка очень долгое время фигурировала исключительно только въ храмѣ.

Изъ всѣхъ семитическихъ народовъ, выдающееся мѣсто занимаютъ евреи, какъ народъ чрезвычайно даровитый и способный, но въ развитіи пластическихъ искусствъ они не создали ничего самостоятельнаго и выдающагося. Соломонъ, желая построить свой храмъ, долженъ былъ пригласить иностраннаго архитектора Гирама Абифа. За то еврейская поэзія оставила намъ сокровища, цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ смыслѣ религіозности воодушевленія, глубины созерцанія, высоты и величія — еврейская поэзія не имѣетъ себѣ равной и превосходитъ греческую, хотя въ ясности и пластичности уступаетъ послѣдней. Но эти обѣ поэзіи, принадлежащія древнему классическому міру — еврейская и греческая, на столько разнятся между собою по характеру, направленію и способу выраженія, что сравнивать ихъ нѣтъ никакой возможности.

Въ то же время у евреевъ тѣсно, даже можно сказать, неразлучно, съ поэзіей была связана музыка. Она, такъ-же какъ и поэзія, вся была направлена къ общей священной цѣли — къ болѣе достойному прославленію Промысла Божія. Не смотря на то однако, что евреи славились какъ хорошіе пѣвцы и музыканты между своими современниками, и что Библія восторженно относится къ ея пышному примѣненію при богослуженіи, мы теперь, спустя нѣсколько тысячелѣтій, находимся въ полнѣйшей невозможности составить себѣ ясное понятіе о ней. Музыка, какъ и языкъ, есть живое отраженіе жизни народа въ извѣстный моментъ. Со смертью народа умираютъ его языкъ и музыка, ничто не можетъ задержать ихъ; даже видимые знаки, которыми люди всячески стараются ихъ оставить для себя и для потомства, исполняютъ свое назначеніе только на столько, на сколько этотъ живой духъ умершаго народа существуетъ въ данное время. Если же духъ времени измѣнился въ корень, то письменный знакъ есть только тѣнь того, что онъ долженъ означать. Со знаками языковъ мы все-таки гораздо счастливѣе, чѣмъ со знаками музыки; если настоящее произношеніе и истинный звукъ словъ теряется съ теченіемъ времени, (что мы видимъ на древнихъ языкахъ, такъ какъ мы не знаемъ, какъ слова выговаривались и звучали), то все-таки письменные знаки удерживаютъ внутренній смыслъ языка, и такимъ образомъ мы уже можемъ, хотя далеко не въ совершенствѣ, составить себѣ понятіе о его особенностяхъ и качествѣ. Но музыка имѣетъ своимъ матерьяломъ только звукъ; звукъ прозвучалъ, исчезъ—съ нимъ исчезла и музыка. Слѣдовательно, если даже и существуютъ какія нибудь, сохранившіяся до сихъ поръ правила и музыкальные знаки, при посредствѣ которыхъ мы бы могли воспроизвести теперь

древне-еврейскую музыку, то судить о ея впечатлѣніи мы все-таки не могли бы, такъ какъ съ теченіемъ времени и развитіемъ цивилизаціи, вкуса, знаній и т. д. неизбѣжно измѣнилась точка зрѣнія на все безъ исключенія; а исходя изъ различныхъ вкусовъ, мы бы навѣрно нашли нелѣпымъ, уродливымъ и некрасивымъ то, что древніе люди находили безподобнымъ.

Мы уже сказали, что въ высшей степени трудно себѣ представить что либо о древней музыкѣ народа, который оставилъ письменные знаки; можно судить поэтому, на сколько еще труднѣе этого достигнуть тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, ни указаній, и гдѣ приходится довольствоваться только предположеніями и догадками.

Къ несчастію, мы находимся именно въ такомъ положеніи относительно столь восхваляемой музыки древнихъ евреевъ. У насъ нѣтъ ни нотъ, ни пьесъ, ничего ровно, изъ чего бы мы могли заключить о ея дѣйствительномъ достоинствѣ. Библія, историческое писаніе, старѣйшее изъ всѣхъ, относящихся къ этому предмету, служащее основаніемъ для позднѣйшихъ сочиненій этого рода, есть самый важный источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ свѣдѣнія о интересующей насъ древне-еврейской музыкѣ. Но какъ Библія, такъ и всѣ древніе писатели ограничиваются только восторженными похвалами и не говорятъ ничего, кромѣ того, что эта музыка была, великолѣпна, выразительна и превосходна. Если мы, строго придерживаясь Библіи, не оставимъ безъ вниманья вѣчно справедливой аксіомы, что сущность музыки тождественна съ идеей или сущностью разговора, то найдемъ, что все-таки есть возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о еврейской музыкѣ и ея качествахъ, по крайней мѣрѣ узнать, какъ, когда, гдѣ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ она употреблялась.

Мало мальски доказаннаго исторически начала всей музыки у евреевъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе, ни въ какомъ случаѣ нельзя предполагать, что весь періодъ времени отъ сотворенія міра до Ноя былъ совершенно лишенъ всякой музыки. На самомъ дѣлѣ, онъ безъ музыки не могъ бы существовать, какъ и безъ рѣчи. Несомнѣнно, что люди того времени имѣли свою музыку, хотя такую же мало развитую и безъискусственную, какъ и они сами. Можно смѣло утверждать, что съ сотвореніемъ перваго человѣка сотворилась и музыка, потому что побудительная причина къ этому, иначе сказать, естественное влеченіе къ ней, лежало какъ въ немъ, такъ и внѣ его. Въ немъ—это былъ напоръ желаній и чувствъ, который безсознательно выражался въ движеніяхъ, звукахъ и знакахъ. Внѣ его—это было

существованіе нѣкоторой музыки вездѣ, во всей окружающей его природѣ. Перенесясь мысленно въ дѣтскій возрастъ, мы ясно увидимъ начало возникновенія музыки. Способность ребенка издавать звуки, соотвѣтствующіе его ощущеніямъ, развивается у взрослаго въ способность владѣть рѣчью. Кстати нельзя не замѣтить, что этотъ же фактъ служитъ доказательствомъ того, что вокальная музыка по происхожденію древнѣе инструментальной. Если вмѣстѣ съ рѣчью одновременно образовалась музыка, то нужно полагать, что и въ дальнѣйшемъ развитіи народа они шли рука объ руку; слѣдовательно, тѣ причины, которыя мы принимаемъ за главныхъ факторовъ развитія рѣчи, мы точно также можемъ принять за главныхъ факторовъ развитія музыки, именно — расширеніе, разнообразіе и укрѣпленіе чувствъ и представленій людей, изъ котораго необходимо должно было произойти стремленіе выражать эти чувства какимъ-нибудь пріятнымъ для уха образомъ.

Въ I книгѣ Моисея, глава IV, ст. 21, Іувалъ, изъ рода Каина (600 лѣтъ послѣ сотворенія міра), называется «отцомъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли»; такое названіе дало поводъ думать, что Іувалъ былъ изобрѣтателемъ инструментальной музыки. Но возможно-ли, чтобы люди могли прожить 600 лѣтъ, безъ того, чтобы имъ пришла мысль свистульками изъ камыша подражать голосамъ животныхъ, свистанью и пѣнью птицъ? Допустить подобную недогадливость положительно невозможно, и навѣрно евреи съумѣли воспользоваться такимъ продолжительнымъ промежуткомъ времени, чтобы сдѣлать немало попытокъ и опытовъ, которые привезли ихъ къ обладанію самыми примитивными музыкальными инструментами. Что же касается Іувала и приписываемаго ему изобрѣтенія, то эта замѣтка, по всей вѣроятности, попала въ книгу Бытія просто изъ желанія видѣть въ одномъ изъ своихъ предковъ основателя искусства, которое впослѣдствіи времени сдѣлалось уважаемымъ и священнымъ.—Chardin въ своемъ путешествіи по Аравіи (ч. V, стр. 69) говоритъ, что и теперь еще тамъ музыкантовъ зовутъ «Каинэ» (Каунѐ), т. е. происходящими отъ Каина; но даже и это обстоятельство не говоритъ ничего въ пользу Іувала; изобрѣтателемъ музыкальныхъ инструментовъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть потомокъ Каина, вслѣдствіе того, что Авель остался безъ потомства; но вѣдь до Іувала жили еще Енохъ, Ирахъ, Мехіаель, Маеусаилъ и Ламехъ.

Все, что говорится о древне-еврейскихъ инструментахъ, ихъ объемѣ и употребленіи, представляетъ собою нѣчто, изъ чего можно извлечь нѣ-

сколько вѣроятныхъ свѣдѣній, которыя много помогутъ намъ въ дѣлѣ приблизительнаго понятія о характерѣ и качествѣ музыки древнихъ евреевъ. При тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми окружено изученіе еврейской музыки, не остается ничего другаго, какъ только собрать извѣстія, находящіяся частью въ немногихъ свѣтскихъ древнихъ историческихъ книгахъ и произведеніяхъ, частью у авторовъ нашихъ священныхъ книгъ, и изъ набраннаго такимъ образомъ матеріала, вывести свои сужденія и заключенія на счетъ всего, близко касающагося изучаемой музыки. Дальше такихъ сужденій и заключеній никто въ этомъ дѣлѣ не пошелъ, да и не пойдетъ, за отсутствіемъ всякихъ данныхъ. Историки музыки должны придерживаться оставленныхъ имъ очень немногихъ и крайне неточныхъ свѣдѣній, они должны имѣть дѣло съ мертвыми буквами, послѣ того какъ время изгладило и унесло съ собою живую сущность, духъ музыки. Все, что въ этомъ дѣлѣ одинъ можетъ сдѣлать лучше другаго—это то немногое, что онъ такъ распредѣлитъ и сопоставитъ существующія извѣстія, такъ ихъ изслѣдуетъ и разсмотритъ по характеру вещей, людей, временъ и нравовъ, что легчайшимъ способомъ получитъ вытекающія изъ нихъ заключенія, которыя будутъ, если не абсолютно вѣрны, то во всякомъ случаѣ весьма вѣроятны.

Наши познанія и искусства зависятъ почти совершенно отъ свойства нашего положенія и образа жизни на земномъ шарѣ; они на столько носятъ на себѣ отпечатокъ обычаевъ и нравовъ, происшедшихъ отъ этого положенія и образа жизни, что мы никогда не узнаемъ настоящаго качества какого-нибудь искусства, не обративъ сначала должнаго вниманія на исторію его развитія.—Народъ еврейскій представляется намъ въ исторіи въ весьма различныхъ видахъ. Сначала, въ продолженіи половины тысячелѣтія, именно отъ Авраама до Моисея, мы находимъ евреевъ номадами, кочующими по Палестинѣ, Египту и Аравіи. Въ продолженіи тоже почти половины тысячелѣтія, отъ Моисея до Саула, они управлялись демократически. Дальше, въ слѣдующемъ пятисотлѣтіи, мы видимъ у нихъ правленіе монархическое; ихъ цари, отъ Саула и до Седекіи, правятъ всѣми 12-ю колѣнами, сначала соединенными въ одинъ народъ, а потомъ раздѣленными на два царства—Израиль и Іуду. Затѣмъ, евреи, потерявъ независимость, стали платить подати ассирійцамъ и египтянамъ, послѣ чего были плѣнены халдеями, отведены въ Вавилонъ и принуждены долгое время считать свое царство провинціей другихъ державъ, пока наконецъ, какъ изгнанникамъ, имъ не пришлось разсѣяться по земному шару.—Изъ всѣхъ

видовъ правленія, какіе пришлось пережить евреямъ, періодъ монархическій былъ, безъ сомнѣнія, самымъ благопріятнымъ для культуры музыки; это такъ и было, и мы видимъ, что музыка, какую употребляли въ то время при богослуженіи и въ частныхъ случаяхъ другіе, болѣе или менѣе просвѣщенные народы, была далеко оставлена за собой еврейскою музыкой, въ особенности за время царствованія Давида и Соломона.

Знакомство съ древне-еврейскими музыкальными инструментами, а также знаніе различныхъ выраженій, встрѣчающихся особенно часто въ псалмахъ Давида, чрезвычайно важно и необходимо; вслѣдствіе этого мы постараемся воспользоваться всякимъ малѣйшимъ извѣстіемъ, бросающимъ свѣтъ на этотъ почти совсѣмъ незнакомый предметъ.

I.

Объ инструментахъ.

Евреи, какъ вообще всѣ народы востока, имѣли очень много музыкальныхъ инструментовъ; свѣдѣнія о нихъ и названія ихъ мы можемъ почерпнуть отчасти изъ книгъ Ветхаго Завѣта, отчасти изъ различныхъ раввинскихъ рукописей. Ученые XVII и XVIII столѣтій посвятили много трудовъ и силъ для научныхъ изслѣдованій всего, касающагося древнихъ инструментовъ. Своею запутанностью этотъ предметъ представлялъ обширное поле для глубокихъ научныхъ изысканій, не говоря уже о томъ, что вообще данныхъ мало и они разбросаны безъ всякой системы кое-гдѣ въ рукописяхъ и древнихъ книгахъ; особенное затрудненіе представляли рѣзкія противорѣчія между замѣтками разныхъ авторовъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Эти противорѣчія и разногласія всего болѣе происходили оттого, что древніе писатели, говоря о какомъ нибудь инструментѣ, писали не въ смыслѣ науки, а только при случаѣ вскользь упоминали о его существованіи, причемъ совершенно не старались выражаться вполнѣ ясно и точно. Въ книгѣ Шильте-Гаггиборимъ (соч. раввина Авраама бенъ-Давида-Аріэля, изданная въ Мантуѣ въ 1612 году) число музыкальныхъ инструментовъ, извѣстныхъ во времена царствованій Давида и Соломона, доходитъ до тридцати шести, но въ Библіи мы насчитываемъ всего шестнадцать; весьма можетъ быть, что Библія говоритъ исключительно только о тѣхъ инструментахъ, которые были употребляемы для богослужебной музыки.—Въ пятикнижіи Моисея упоминается семь различныхъ инструментовъ, въ книгахъ Судей, Царствъ, Паралипоменонъ и Пророковъ упоми-

наются еще четыре, а въ книгѣ пророка Даніила еще пять. Въ псалмахъ Давида называются почти всѣ шестнадцать инструментовъ.—Одинаково какъ въ наше, такъ и въ то отдаленное время, инструменты дѣлились на три группы, различая ихъ по способу добыванія звуковъ, на струнные, духовые и ударные. Первая группа, къ которой принадлежатъ всѣ струнные инструменты, состояла изъ: 1) Кинноръ, также Китара или Цитара, 2) Небель или Псалтырь, 3) Азоръ или Квитросъ, 4) Миннимъ, 5) Махоль и 6) Шалишимъ.—Ко второй группѣ, т. е. къ духовымъ инструментамъ относятся: 1) Угабъ, 2) Керенъ, 3) Халиль, 4) Некабгимъ, 5) Хатцоцеротъ, 6) Шофаръ или Такоа, 7) Сумфонея, 8) Машрокита и 9) Магрефа. Къ группѣ ударныхъ инструментовъ причисляются: 1) Адуфа или Топъ, 2) Маанимъ, 3) Тельтселимъ и 4) Метсилотъ.—Всѣ струнные инструменты назывались однимъ общимъ именемъ «Негиноть», и по своему внѣшнему виду раздѣлялись на три отдѣла: a) Кинноръ, b) Небель и Азоръ и c) Миннимъ, Махоль и Шалишимъ.—Духовые инструменты, также по виду и свойствамъ, имѣли пять подраздѣленій: a) Халиль и Некабгимъ—флейты, b) Шофаръ или Такоа и Керенъ — рога, c) Хатцоцеротъ—труба съ различными видоизмѣненіями, d) Сумфонея и e) Машрокита и Магрефа.—Ударные инструменты были двоякаго рода: a) Адуфа или Топъ и Маанимъ съ ихъ различными видоизмѣненіями, b) Тельтселимъ—бубенчатые кимвалы и Метсилотъ—колокольчатые кимвалы.

Честь изобрѣтенія музыкальныхъ инструментовъ евреямъ не принадлежитъ. Еще задолго до Авраама, въ Египтѣ уже были въ употребленіи свои роды арфъ, были дудки, флейты и другіе инструменты.

Еврейское названіе арфы «кинноръ» финикійскаго происхожденія; изъ Финикіи кинноръ перешелъ въ Египетъ, а оттуда уже былъ заимствованъ евреями. Въ книгѣ Бытія «кинноръ» упоминается какъ изобрѣтеніе Іувала, но, къ сожалѣнію, приводится тамъ безъ описанія; тамъ онъ названъ какъ представитель струнныхъ инструментовъ вообще, что ясно можно видѣть изъ сопоставленія «кинноръ и угабъ», т. е. арфы и дудки.—Давидъ игралъ передъ Сауломъ на «киннорѣ» (I кн. Царствъ, гл. 16); въ псалмѣ Давида 136-мъ «кинноры» были повѣшены скорбящими евреями на лозахъ Вавилона. «Кинноръ» или вѣрнѣе «киннооръ», въ Септуагинтѣ: «киннура», можетъ справедливо назваться самымъ древнимъ инструментомъ евреевъ; онъ соотвѣтствуетъ нашей арфѣ; форма его обыкновенно трехъугольная, иногда четырехъугольная. У левитовъ трехъугольный кинноръ былъ наиболѣе распространеннымъ. — Св. Іеронимъ, въ одномъ своемъ

письмѣ къ Дардану, говоритъ, что у евреевъ употреблялась особеннаго рода арфа, формою похожая на греческую букву дельта (Δ), съ 24-мя натянутыми струнами, но св. Іеронимъ называетъ ее «китарою». Іосифъ Флавій называетъ этотъ инструментъ Κινυρα (киныра) и утверждаетъ, что на немъ играли плекторомъ * (Antiq. Jud. VII, 10), судя же потому, что, перейдя изъ Финикіи въ Грецію, этотъ инструментъ получилъ тамъ названіе «Тригононъ», т. е. трехъугольникъ, можно положительно думать, что онъ былъ въ большинствѣ случаевъ трехъугольной формы. Что же касается «цитары» или «китары», то предполагается, что она была чрезвычайно схожа или даже совершенно тождественна съ киннороиъ, такъ какъ. по описанію признаковъ, числа струнъ и качествъ звука, она не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только древнееврейской арфой. Были предположенія, что цитара и небель одно и то же, но въ псалмѣ 91, ст. 4, и въ книгѣ Маккавеевъ (I Macca\). XIII, 51), упоминаются оба инструмента, какъ совсѣмъ различные между собой. Кирхеръ въ своей «Музургіи», изданной въ Римѣ въ 1650 г., даетъ весьма подробное описаніе киннора, сдѣланное по древнему рисунку; тамъ говорится, что струны натягивались поперегъ инструмента, слѣдовательно параллельно землѣ, но за достовѣрность извѣстій Кирхера не всегда можно ручаться. Въ Септуагинтѣ, по всей вѣроятности, инструментъ этотъ не назывался бы китарой, если бы въ самомъ дѣлѣ кинноръ не былъ совершенно похожъ на обыкновенную въ Греціи китару. Съ теченіемъ времени эта греческая китара измѣнила отчасти свой наружный видъ, сдѣлавшись похожею на лиру съ черепахообразнымъ резонансовымъ тѣломъ; о ней говоритъ св. Августинъ въ его объясненіи къ 149 псалму.—Флавій Іосифъ утверждаетъ, что число струнъ бываетъ различно, чаще 24, но бываетъ и 10, а Шильте Гаггиборимъ придерживается того мнѣнія, что ихъ бываетъ даже до 32.—На киннорѣ играли плектромъ, но держали его при этомъ стойня, такъ какъ инструментъ не имѣлъ грифа; есть, однако, извѣстія, что и на киннорѣ играли пальцами безъ посредства плектра. Къ струнамъ прикасались ближе къ нижнему окончанію инструмента, чѣмъ посреди его, потому что резонансовый ящикъ находился внизу. Рама киннора, на которую натягивали струны, дѣлалась обыкновенно изъ чернаго дерева или изъ ливанской ели и роскошно отдѣлывалась различными украшеніями. Въ храмѣ при

* Плектръ (Плектрумъ, также Плектронъ)—тонкая палочка, сдѣланная изъ дерева или слоновой кости, посредствомъ которой древніе играли на струнныхъ инструментахъ.

богослуженіи допускалось не менѣе девяти киннировъ, но болѣе этого числа—сколько угодно. Киннры были очень легкіе, удобопереносимые инструменты, это легко можно замѣтить изъ того, что плѣнные евреи при рѣкахъ Вавилонскихъ вѣшали свои инструменты на вербы и лозы.—Шильте-Гаггиборимъ говоритъ, что Давидъ имѣлъ привычку вѣшать свой киннръ около кровати, и ночью сквозной вѣтеръ, дотрогиваясь до струнъ, заставлялъ ихъ звучать; отсюда, по всей вѣроятности, взяли свое начало современныя эоловы арфы.

«Небель» или «Набель», по-еврейски тоже «Невель», по-гречески Набля или «Науля», по-латынѣ «Набліумъ» или «Наблумъ», древній струнный инструментъ, который греки унаслѣдовали отъ сирійцевъ и финикіянъ, а евреи подучили отъ Давида, который ввелъ этотъ инструментъ въ составъ оркестра храма, для акомпонированія пѣнія левитовъ. О качествѣ и устройствѣ этого инструмента, упоминаемаго почти единственно въ Библіи и у Флавія Іосифа, древніе историіографы не согласны между собою. Въ переводѣ семидесяти, инструментъ этотъ названъ просто «музыкальнымъ инструментомъ», гдѣ же требуется для него болѣе опредѣленное выраженіе, тамъ онъ называется «Псалтыремъ». Гиляріусъ тоже того мнѣнія, что псалтырь и небель одно и то же.—По описаніямъ Шильте-Гаггиборима, небель представляется въ видѣ дудки съ кожанымъ мѣхомъ, круглымъ по формѣ и съ тонкой шейкой, между тѣмъ въ извѣстіяхъ церковныхъ отцовъ, небель упоминается какъ струнный инструментъ, въ подтвержденіе чего можно указать на LXX псалмъ, ст. 20, и нѣкоторые другіе, гдѣ ясно говорится, что это былъ струнный инструментъ. «И я буду славить Тебя на псалтыри, Твою истину, Богъ мой; буду воспѣвать Тебя на гуслях, Святый Израилевъ».—Струнные инструменты считались благородными и наиболѣе годными для прославленія Бога.—Св. Августинъ находитъ, что псалтырь и китара имѣютъ много общаго въ своемъ наружномъ видѣ, но полагаетъ разницу между первымъ и второю въ томъ, что у китары резонансовое тѣло находится внизу, а у псалтыря помѣщается вверху. То же самое подтверждаетъ и св. Іеронимъ, говоря, что отличіе псалтыря отъ китары, т. е. киннора, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что на первомъ играютъ на верхней части инструмента, а на второмъ, наоборотъ, на нижней. Дальше св. Іеронимъ замѣчаетъ, что псалтырь былъ четырехъугольной формы: онъ даже усматриваетъ тутъ аллегорію; четыре угла инструмента соотвѣтствуютъ числу евангелистовъ, а десять струнъ — десяти заповѣдямъ (Epist. ad Dardanum). Названіе «Polyphtongon», много-

звучный, указываетъ на сравнительно богатыя средства инструмента. Еще въ другихъ источникахъ, напр., у Варроонъ, небель называется «orthopsallium», т. е. инструментомъ, на которомъ играютъ поставивши его перпендикулярно; въ Пизѣ, въ Santo Campo есть одна картина Орканья, которая изображаетъ играющую даму, держащую инструментъ вышесказаннымъ образомъ. Св. Іеронимъ даетъ описаніе небеля или псалтыря; онъ говоритъ, что небель состоитъ изъ четырехъ досчечекъ рамкою, на которую натянуто 10 струнъ, безъ резонаснаго ящика; трудно предположить, чтобы это было вполнѣ вѣрное описаніе, скорѣе можно подумать, что св. Іеронимъ говоритъ здѣсь о какомъ-нибудь другомъ инструментѣ, о греческомъ «Магадисъ» и «Эпигоніонъ», которые скорѣе подходятъ подъ это описаніе.—Судя по названію псалтыря—многозвучный, можно думать, что кромѣ обширности регистра онъ отличался также и силою звука; эта догадка наводила ученыхъ на мысль, что рама, которую описывалъ св. Іеронимъ, была не рама, а ящикъ, нарисованный не перспективно, а только съ одной стороны; ящикъ этотъ и служилъ для отраженія звуковъ, такъ какъ безъ него звукъ однихъ струнъ былъ бы сухъ, слабъ и тонокъ. Въ III кн. Царствъ, гл. X, ст. 12, показано изъ какого дерева приготовлялись псалтыри: «И сдѣлалъ царь изъ сего краснаго дерева гусли и псалтыри для пѣвцовъ».—Если мы сравнимъ между собой все то, что про этотъ инструментъ писали древніе историки, то почти нельзя сомнѣваться, что онъ былъ двухъ видовъ, большой и малый. Малый, по всей вѣроятности, имѣлъ только три струны, на которыхъ, однако же, посредствомъ нажиманія можно было произвести 12 (цѣлыхъ) тоновъ, именно, на каждой струнѣ по четыре; струны же между собой строились по квинтамъ. Большой небель, имѣвшій 10 струнъ, только видомъ отличался отъ древней арфы-киннора и азора. Іосифъ Флавій говоритъ, что на немъ играли плектромъ, но достовѣрно извѣстно, что обыкновенно принято было приводить струны въ колебаніе, прикасаясь къ нимъ пальцами. Овидій называетъ этотъ инструментъ «возбуждающимъ веселье». Въ I книгѣ Паралипоменонъ (гл. XV, ст. 19, 20 и 21) говорится, что часто играли вмѣстѣ на небеляхъ обоихъ видовъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ господствующимъ, а другой служилъ для гармоническаго аккомпанимента первому. Въ средніе вѣка псалтырь, нѣсколько измѣненный, былъ очень обыкновеннымъ инструментомъ на западѣ Европы; почти до половины XV-го вѣка онъ употреблялся въ оркестрахъ, гдѣ на немъ играли колотя по струнамъ палочками вмѣсто пальцевъ. Въ настоящее время онъ, подъ

именемъ «Сантуръ», принадлежитъ арабской музыкѣ, а подъ именемъ «Гуслей», «Кимвалъ» и «Цымбалъ» употребляется у музыкальныхъ горцевъ, венгерскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ.

«Азоръ», вѣрнѣе Азооръ, также Газуръ, Небель-Нассоръ, по гречески Квитросъ,—можно разсматривать, какъ видоизмѣненіе небеля. Это струнный инструментъ древнихъ евреевъ, въ видѣ продолговатаго четырехъугольника, который очень часто употреблялся левитами для акомпанированія ихъ храмоваго пѣнія. Въ Септуагинтѣ этотъ инструментъ называется просто «десятиструннымъ». Въ псалмѣ CXLIII, ст. 9, упоминается азоръ такимъ же образомъ: «Боже, новую пѣснь воспою Тебѣ, на десятиструнной и псалтыри воспою Тебѣ». Въ псалмѣ XCI, ст. 4, тоже упоминается десятиструнный азоръ: «На десятиструнномъ и псалтыри, съ пѣснью на гуслях». Утверждаютъ также, что азоръ имѣлъ 6 струнъ только, но навряд-ли это справедливо, такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ нигдѣ не упоминается о шестиструнномъ азорѣ. I кн. Царствъ, гл. X, ст. 5, и I кн. Паралипоменонъ даютъ понять, что азоръ былъ очень удобный инструментъ, такъ какъ на немъ можно было играть на ходу или стоя, между тѣмъ какъ арфы и псалтыри требуютъ непремѣнно сидячаго положенія. Существуетъ предположеніе, что азоръ собственно есть видоизмѣненная лютня, что десять струнъ ея, это пять паръ струнъ лютни, натянутыхъ въ унисонъ для возможно большаго усиленія звука. Что касается силы звука этого инструмента, то по извѣстіямъ пророковъ Ездры и Амоса, азоръ употреблялся также въ шумныхъ празднествахъ и при громкихъ пѣснопѣніяхъ. Играли-ли на немъ пальцами или плектромъ, трудно рѣшить, не имѣя данныхъ, на которыя можно бы было опереться; нѣкоторые даже думаютъ, что на немъ играли перышкомъ, задѣвая струны (Blanchinus, De trib. instr. generibus, p. 35), но Шиллингъ находитъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ, на немъ играли просто пальцами. Іосифъ Флавій замѣчаетъ что при игрѣ на азорѣ обыкновенно старались извлекать звуки, прикасаясь къ струнамъ ближе къ нижнему концу инструмента. Соломонъ дѣлалъ азоръ, также кинноръ и небель, для употребленія въ храмѣ, изъ благовоннаго сандальнаго дерева, которое привозилось изъ страны Офиръ. Въ книгѣ Іосифа Флавія говорится, что эти инструменты дѣлались изъ электрона (Antiq. VIII., 2) и что подъ электрономъ древніе разумѣли или янтарь, или-же извѣстный сплавъ изъ серебра и золота, но Шиллингъ утверждаетъ, что о первомъ не можетъ быть и рѣчи, второе же болѣе чѣмъ сомнительно.

«Миннимъ», древне-еврейскій струнный инструментъ; о формѣ и способѣ употребленія его нигдѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ, что-же касается до предположеній и догадокъ на этотъ счетъ, то онѣ до такой степени сбивчивы и противоположны однѣ другимъ, что положительно нѣтъ возможности выйти изъ области гипотезъ. По мнѣнію Арухина, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя считать за достовѣрное, миннимъ долженъ былъ быть малою скрипкой, на которой играли смычкомъ; но не смотря на самыя точныя и тщательныя изысканія, никакія древнія рукописи не даютъ возможности предполагать существованія смычка въ то время. Кирхеръ, въ своей Musurgia, томъ I., стр. 48, изображаетъ миннимъ шестиструнной лютней. По Шильте-Гаггиборимъ, это былъ узкій и длинный ящикъ, съ натянутыми на немъ стальными струнами, которыя накручивались на желѣзные колышки; играли на немъ посредствомъ клавишей, имѣвшихъ непосредственное сношеніе со струнами; Шильте-Гаггиборимъ говоритъ здѣсь безъ основанія, и это описаніе миннима можно считать тоже невѣрнымъ. Названіе «Миннимъ» встрѣчается только въ псалмѣ CL, ст. 4: «Хвалите Господа бубнами и хорами, хвалите его миннимомъ и дудками»; какъ видно, миннимъ упоминается здѣсь какъ представитель группы струнныхъ инструментовъ.

«Махоль» или Магголь, тоже Михоль, инструментъ со струнами; но какой именно онъ былъ, ровно ничего опредѣленнаго не извѣстно. Кирхеръ, въ Musurgia * изображаетъ ее, безъ всякихъ разсужденій и доказательствъ чѣмъ-то въ родѣ скрипки или гитары. Другой историкъ, Бартолоччи (De mus. hebr. XXXII p. 32) объясняетъ, что махоль совсѣмъ даже не инструментъ, а хоръ людскихъ голосовъ. Шильте-Гаггиборимъ тоже совершенно произвольно и бездоказательно описываетъ махоль какъ металлическій, иногда серебрянный, иногда золотой обручъ, шириною въ три пальца, на внутренней сторонѣ котораго были прикрѣплены маленькіе колокольчики.

«Шалишимъ». Мнѣнія, касающіяся этого инструмента, тоже чрезвычайно разнообразны. Шильте-Гаггиборимъ осторожно замѣчаетъ, что, можетъ быть, это былъ инструментъ, на которомъ играли смычкомъ. Бар-

* Cheli maiori, quam vulgo viola gamba vocant haud absimice—т. е. большою лютней, которая была похожа на обыкновенно называемую «Viola di gamba» (колѣнная скрипка, т. е. такая, которую при игрѣ придерживали колѣнами. Послѣднимъ виртуозомъ на гамбѣ былъ Абель, 1725—1787, жившій въ Германіи; со смертію его, гамба совершенно изчезла.

толоччи увѣряетъ (De mus. instr. Hebr. in Ugolini Thesaurus., vol. XXXII., pag. 470), что шалишимъ не инструментъ, а общее названіе, присущее всей серіи трехструнныхъ инструментовъ евреевъ. Еще есть мнѣніе, что это былъ деревянный инструментъ съ тремя кишечными струнами. Положительнаго о шалишимѣ сказать ничего не возможно, тѣмъ болѣе, что въ библіи онъ совсѣмъ не упоминается. Во всякомъ случаѣ, это былъ инструментъ, употреблявшійся только въ народѣ, но не въ храмѣ.

«Угабъ» или Гуггабъ, самый древній изъ еврейскихъ духовыхъ инструментовъ, изобрѣтеніе котораго приписывается Іувалу (кн. Бытія, гл. IV, ст. 21). Описаній угаба привести нельзя, такъ какъ кромѣ того, что это былъ флейтообразный инструментъ, о немъ ничего не говорится. Нѣкоторые исторіографы предполагаютъ, что „угабъ"—это было названіе, обозначавшее цѣлый классъ флейтообразныхъ инструментовъ; нѣкоторые берутъ это слово въ еще болѣе общемъ смыслѣ, и понимаютъ подъ нимъ совокупность всѣхъ духовыхъ инструментовъ.

«Керенъ», древній духовой инструментъ, который легко можно себѣ представить, такъ какъ это былъ рогъ. Онъ имѣлъ форму нашего охотничьяго рожка, но дѣлался не изъ дерева и не изъ металла, а изъ бараньяго рога. Такъ какъ керенъ издавалъ одинъ, или самое большее два тона, то онъ преимущественно употреблялся для сигналовъ, возвѣщая начало богослуженія.

«Халиль» и «Некабгимъ»—флейты; халиль — малая, накабгимъ - такого же устройства, но больше размѣромъ. Въ Септуагинтѣ названіе халиль переведено αυλος, агилосъ. Изъ пѣсней Деборры видно, что въ древнія времена Судей, флейты были въ употребленіи у пастуховъ. Деборра восклицаетъ, обращаясь къ племени Рувима: «что остались вы при вашихъ стадахъ, чтобы слушать флейты пастуховъ?» Оба эти инструмента дѣлались изъ тростника и имѣли нѣжный и пріятный звукъ. Самые лучшіе халили и некабгимы приготовлялись въ мѣстности Орхоменонъ, потому что именно здѣсь произросталъ видъ тростника, самый лучшій для этого дѣла. Буксдорфъ предполагаетъ, что халиль и свирѣль совершенно одно и то же; это очень возможно, такъ какъ оба инструмента дѣлались изъ одного и того же матерьяла, и некабгимъ имѣетъ даже такую же форму какъ и свирѣль. При храмовой службѣ инструменты эти употреблялись только два раза въ годъ, именно, въ первый день Пасхи и цѣлыхъ восемь дней на праздникъ кущей. На халилѣ и некабгимѣ исполнялась

пѣснь „Галлель“ (аллилуя), притомъ не допускалось меньше двухъ и больше 12-ти инструментовъ.

«Хатцотцеротъ», собственно Хатцоотцеротъ, пишется также Асофа или Хасофа, духовой инструментъ въ видѣ прямой трубы. По мнѣнію Іосифа Флавія это была труба, сдѣланная изъ серебра, длиною въ $^3/_4$ аршина. Труба эта была конусообразная, съ узкимъ концомъ кверху, къ которому придѣлывался полукруглый мундштукъ, а широкій нижній конецъ заканчивался воронкообразнымъ раструбомъ, который назывался „кодонъ“ (κώδων) или колоколъ. На тріумфальныхъ воротахъ Веспасіана есть изображеніе хатцотцерота, которое во всемъ согласуется съ описаніемъ. Въ Александрійскомъ переводѣ Библіи, труба эта называется «Сальпинксъ» (σαλπιγγας), а Поллуксъ (кн. IV, гл. 9) утверждаетъ, что она дѣлалась изъ мѣди и желѣза, но противъ этого мнѣнія говорятъ не только всѣ къ этому относящіеся мѣста Ветхаго Завѣта, но Плиній (кн. XVI, гл. 36) а также и Моисей (кн. IV, гл. 10), который говоритъ, что серебро для этой цѣли ковалось, слѣдовательно хатцотцеротъ выковывался изъ цѣльнаго куска серебра. При богослуженіи число трубъ отъ двухъ простирается до ста двадцати. Трубачи, игравшіе на хатцотцеротѣ должны были быть священниками изъ рода Аарона; въ храмѣ они занимали мѣсто на ступеняхъ алтаря, а не на пѣвческой эстрадѣ, гдѣ могли стоять только левиты. Инструменты эти хранились не въ храмѣ, а въ одномъ изъ дворовъ его, потому что хатцотцеротъ употреблялся не исключительно при богослуженіи, но и при свѣтскихъ собраніяхъ. При выходѣ Израиля изъ пустыни аравійской, хатцотцеротъ, какъ разсказываетъ Шиллингъ, употреблялся слѣдующимъ образомъ: одинъ протяжный звукъ служилъ сигналомъ для сбора начальниковъ отдѣльныхъ племенъ; два протяжныхъ звука собирали весь народъ; одинъ короткій звукъ обозначалъ продолженіе шествія послѣ отдыха; два короткихъ звука служили знакомъ для приготовленія къ нападенію на непріятеля. По прибытіи въ землю Ханаанскую сигналы эти болѣе не были нужны, и хатцотцеротъ сталъ употребляться только на войнѣ, при провозглашеніи кого-либо царемъ, и также при какомъ нибудь особенно торжественномъ событіи. Главное же употребленіе этой трубы было при отправленіи богослуженія. Въ обыкновенные дни при богослуженіи на хатцотцеротѣ трубили 7 разъ: 1 разъ утромъ при открытіи воротъ двора храма, 3 раза во время утренняго богослуженія, въ паузахъ между пѣніемъ, и 3 раза при вечернемъ богослуженіи, тоже такимъ же образомъ. Въ день субботній и въ великіе

праздники трубили гораздо чаще. Если трубили послѣ окончанія какой-нибудь цѣлой пѣсни, то это было знакомъ, что молитва, заключающаяся въ этой пѣснѣ, благосклонно выслушана Господомъ Богомъ.

„Шофаръ“ или „Такоа“, въ переводѣ „кривой рогъ“, былъ духовой инструментъ въ видѣ сильно загнутаго рога; употреблялся въ храмѣ и внѣ его при большихъ празднествахъ. (Кн. Іисуса Навина, гл. VI, ст. 3, 4: „Когда затрубитъ юбилейный рогъ, когда услышите звуки трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія, и весь народъ пойдетъ въ городъ, устремившись со всѣхъ сторонъ“.—Ст. 5: „И призвалъ Іисусъ, сынъ Навинъ, священниковъ израилевыхъ и сказалъ имъ: несите ковчегъ завѣта, а семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ предъ ковчегомъ Господнимъ“.—III кн. Царствъ, гл. I, ст. 34. „И да помажетъ его тамъ священникъ Садокъ и Наеанъ пророкъ въ царя надъ Израилемъ и затрубите трубою и возгласите: да живетъ царь Соломонъ“.—II кн. Царствъ, гл. XV, ст. 10: „И разослалъ Авессаломъ лазутчиковъ во всѣ колѣна Израилевы, сказавъ: Когда вы услышите звукъ трубы, то говорите: Авессаломъ воцарился въ Хевронѣ“. — Псалмъ XLVI, ст. 6: „Восшелъ Богъ при восклицаніяхъ, Господь при звукѣ трубномъ“.

Древніе евреи предполагали, что даже самъ Господь Богъ говорилъ слова заповѣдей на горѣ Синаѣ подъ звуки Шофара (II кн. Моисея, гл. XIX ст. 13: „Рука да не прикоснется къ нему, а пусть побьютъ его камнями или застрѣлятъ стрѣлою; скотъ ли это или человѣкъ, да не останется въ живыхъ. Во время протяжнаго трубнаго звука, когда облако отойдетъ отъ горы, могутъ они взойти на гору. Про употребленіе Шофара въ храмѣ много упоминается въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Наприм. III кн. Моисея, гл. XXV, ст. 9: «И вострубите трубою въ седьмый мѣсяцъ: въ десятый день мѣсяца, въ день очищенія вострубите трубою по всей землѣ вашей“. Псаломъ LXXX, ст. 4: „Трубите въ новомѣсячіе трубою, въ опредѣленное время, въ день праздника нашего“. Псаломъ XCVII, ст. 6: При звукѣ трубъ и рога торжествуйте предъ царемъ Господомъ“. II кн. Паралипоменомъ, гл. XV, ст. 14: „И клялись Господу громогласно, и съ восклицаніемъ, и при звукѣ трубъ и роговъ“, и т. д.

„Сумфонеа“—родъ духоваго инструмента въ видѣ дудки съ мѣхомъ, какъ наша волынка. Шильте-Гагиборимъ называетъ его „Самфонія“, и говоритъ, что это былъ флейтообразный, состоящій изъ двухъ трубочекъ, инструментъ. Обѣ эти трубочки вставлялись въ кожаный мѣшокъ, такимъ

образомъ, какъ будто бы одна была продолженіемъ другой. Если дуть въ верхнюю трубку, то мѣшокъ сильно раздувается отъ вгоняемаго воздуха, если же его надавить, то сжатый воздухъ старается скорѣе выйти черезъ нижнюю трубку, производя музыкальный тонъ. Изъ этого инструмента извлекали нѣсколько звуковъ, перебирая пальцами по дыркамъ, находящимся на нижней трубкѣ. Въ томъ же трактатѣ говорится, что звукъ сумфоніи былъ рѣзкій и кричащій, въ родѣ нашихъ волынокъ, съ тою разницею, что тоны сумфоніи были такъ сильны и пронзительно остры, что уши слушателей теряли способность различать одновременно звуки другихъ инструментовъ.

«Матрокита»—флейтообразный инструментъ, упомянутый у пророка Даніила. Предполагаютъ, что это была двойная флейта ассирійско-вавилонскаго происхожденія. Въ Египтѣ она тоже употреблялась, оттуда перешла къ евреямъ. Книга Шильте-Гаггиборимъ называетъ этотъ инструментъ «Мастрахита» и сравниваетъ ее съ флейтою Пана или съ гребнемъ, потому что дудочки были прикрѣплены стойми къ длинному ящику, обтянутому кожею.

«Магрефа»—настоящее чудо, которое представляется фантазіи талмудистовъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Если вѣрить книгѣ Арухина, то это былъ органъ, который издавалъ 100 звуковъ, хотя имѣлъ всего только 10 трубъ; каждое углубленіе или труба издавала 10 звуковъ. Его слышно было на протяженіи 10 миль, и когда на немъ играли, идущіе по улицамъ Іерусалима не могли понимать и слышать другъ друга; не смотря на все это однако, магрефа, это чудо міра, была такъ мала и легка, что силъ одного левита было совершенно достаточно, чтобы принести ее и поставить между алтаремъ и дворомъ: вся длина этого органа, по мнѣнію Арухина, не превосходила $^3/_4$ аршина. Св. Іеронимъ пишетъ о магрефѣ, что звукъ ея былъ слышенъ на Масличной горѣ.—Однако существуютъ сильныя сомнѣнія, не подразумѣвается ли подъ вышеизложенными описаніями большая угольная лопата, которая тоже называлась магрефой; такая лопата имѣла какъ разъ $^3/_4$ аршина въ длину и, послѣ употребленія въ храмѣ, бросалась на землю между алтаремъ и дворомъ, причемъ издавала сильный, слышный по Іерусалиму, металлическій звонъ; также ничего удивительнаго не будетъ, если допустить, что звонъ ея былъ слышенъ на Масличной горѣ, такъ какъ послѣдняя отдѣлена отъ Іерусалима только узкой долиною Кидрона.—Пфейфферъ, въ своей книгѣ о еврейскихъ инструментахъ, изданной въ 1779 году, увѣряетъ, что ма-

грефа совсѣмъ не органъ и не угольная лопата, а просто большой барабанъ, съ очень громкимъ звукомъ.

«Адуфа» или «Топъ», ударный инструментъ; это ручные бубны, которые употреблялись женскимъ хоромъ. Въ Египтѣ тоже существовали эти бубны и были весьма распространены, такъ какъ осталось много изображеній ихъ.

«Маанимъ», въ pendant къ магрефѣ, про которую въ концѣ концовъ все-таки неизвѣстно, что это такое—органъ, лопата или барабанъ, маанимъ тоже на столько загадоченъ, что невозможно рѣшить, какой именно былъ онъ инструментъ. Нѣкоторые говорятъ, что это прототипъ нашей скрипки, слѣдовательно струнный инструментъ; другіе того мнѣнія, что это духовой инструментъ, именно труба небольшихъ размѣровъ; третьи же причисляютъ маанимъ къ ударной группѣ и считаютъ его за инструментъ съ колокольчиками. Какое изъ предположеній вѣрно, сказать рѣшительно нельзя, такъ какъ о немъ негдѣ почерпнуть достовѣрныхъ свѣдѣній.

«Тельтселимъ» состоялъ изъ серебрянаго или мѣднаго обруча, къ которому было прикрѣплено множество бубенчиковъ; приводились они въ сотрясеніе ударами молотка. Бубенчикъ—это металлическое, пустое внутри, шарообразное тѣло, въ которомъ помѣщается маленькій кусочекъ какого нибудь металла или просто маленькій камушекъ; при сотрясеніи бубенчика, кусочекъ этотъ или камушекъ ударялся о стѣнки шарика и такимъ образомъ издавалъ звѣнящій тонъ.—«Метсилотъ» былъ видоизмѣненіемъ тельтселима и отличался отъ него только тѣмъ, что, вмѣсто бубенчиковъ, къ обручу были прикрѣплены небольшіе колокольчики.

По свѣдѣніямъ «Мишны» полный храмовой оркестръ составлялся изъ 12-ти инструментовъ, при этомъ должны были пѣть 12 пѣвцовъ. Самое малое число инструментовъ, допускавшееся для состава оркестра, было девять, больше же, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, можно сколько-угодно, доходя до невѣроятно большихъ цифръ.

М. Т. Лабунская.

(Продолженіе будетъ).

ПОѢЗДКА ВЪ ОБѢТОВАННУЮ ЗЕМЛЮ.

Въ небольшой комнатѣ за круглымъ столомъ, на которомъ шипѣлъ, потухая, самоваръ, сидѣло человѣкъ десять молодыхъ людей. Густой табачный дымъ наполнялъ почти всю комнату, такъ что углы ея почти совсѣмъ терялись во мракѣ, не смотря на то, что единственное окно комнаты было открыто. Молодые люди бесѣдовали, переходя съ предмета на предметъ, и въ концѣ концовъ свернули на давнымъ-давно всѣмъ надоѣвшій еврейскій вопросъ. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. И не хотѣлось бы говорить, и радъ былъ бы, еслибъ можно было забыть, что онъ существуетъ, но не проходитъ мѣсяца, чтобы какой-нибудь городъ Россійской имперіи не вспомнилъ, что онъ еще не рѣшалъ, или началъ рѣшать, но не рѣшилъ этого вопроса.

Сколько умовъ, столько и мнѣній. Изъ десятка споривших почти не было двухъ согласныхъ мнѣній: одни стояли за эмиграцію, другіе противъ; были тутъ палестинцы, американцы и т. д., и т. д. Большинство однако соглашалось, что есть надежда на улучшеніе нашего положенія въ Россіи. Много-ли нужно еврею для возбужденія въ немъ радужныхъ надеждъ? Нѣсколько теплыхъ статей въ «Русскомъ Курьерѣ», записка члена коммисіи, князя Санъ-Донато—и довольно. Едва-ли какой народъ такъ легко, такъ скоро и такъ неосновательно надѣется на лучшее будущее, какъ евреи. Я помню, многіе высоко подняли головы, когда гр. Игнатьевъ принялъ бразды «внутренней политики». На что вы уповаете? спрашивалъ я. «Какъ на что?» отвѣчали мнѣ: «Игнатьевъ—пхэ! У него земли арендуютъ евреи, значитъ онъ имѣетъ сношенія съ евреями, а

разъ евреи имѣютъ къ нему доступъ, то... понимаете?» Я ничего не понималъ и смѣялся. Но евреи были увѣрены, что именно при гр. Игнатьевѣ они получатъ если не равноправіе, то покрайней мѣрѣ значительныя облегченія, а погромы ни въ какомъ случаѣ не повторятся. Балта и законъ 3-го мая, кажется, могли бы охладить всякаго, а вотъ, подите-же, опять надѣятся. Помилуйте, такое-то высокопоставленное лицо сказало то-то, такая-то газета написала то-то! Нѣтъ, столько вытерпѣть, продолжать терпѣть, и все-таки не терять надежды—на это способенъ только еврей. И этимъ-то, по моему, объясняется живучесть нашего народа.

— Гриша, ты чего же не присоединишься къ намъ? Сѣлъ себѣ въ сторонѣ и молчитъ,—обратился хозяинъ куда-то въ уголъ.

Собесѣдники обернулись и тутъ только замѣтили въ углу, у комода, черноволосаго молодаго человѣка, лѣтъ двадцати шести, вставшаго на приглашеніе хозяина, причемъ онъ обнаружилъ свой высокій ростъ. Онъ неуклюже подошелъ къ столу, придвинулъ стулъ, неловко сѣлъ, причемъ наступилъ сосѣду на ногу, извинился, покраснѣлъ, растерялся и началъ крутить папироску вспотѣвшими руками.

— Господа, рекомендую. Мой землякъ и школьный товарищъ. Въ городѣ Х, гдѣ я родился, мы учились въ одномъ хедерѣ. Я его случайно встрѣтилъ на улицѣ и узналъ, что онъ былъ въ Палестинѣ.

— Да? Это интересно. Вамъ по праву принадлежитъ первое слово въ нашей бесѣдѣ.

— Вы вотъ что: разскажите намъ свои впечатлѣнія, и это лучше будетъ, чѣмъ всѣ споры. Одинъ разсказъ лучше десяти трактатовъ, говоритъ кто-то, гдѣ-то.

— Тургеневъ, повѣсть «Необыкновенный человѣкъ», томъ второй, замѣтилъ блѣднолицый юноша, въ очкахъ, ходячая справочная книга.

Гриша успѣлъ оправиться, собраться съ духомъ.

— Господа, я право не умѣю разсказывать; мнѣ не приходилось бывать въ такомъ большомъ обществѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не стѣсняйтесь, вы не должны лишить—

насъ удовольствія. Вѣдь мы ничего не слыхали вѣрнаго о Палестинѣ—все слухи, да слухи. Мы ужъ васъ не отпустимъ.

— Если такъ настаиваете, извольте: заснете, тогда пеняйте на себя,—сказалъ Гриша, потянулъ два раза папироску, ближе придвинулъ къ столу свой стулъ, утеръ платкомъ вспотѣвшее лицо и началъ свою эпопею.

— Господа! Я отставной солдатъ. Еврейскіе безпорядки застали меня на службѣ. Я и одинъ сослуживецъ мой, человѣкъ состоятельный, рѣшились уѣхать изъ Россіи. Разъ я на это рѣшился, мнѣ нужно было научиться какому-нибудь ремеслу. Я познакомился съ фельдфебелемъ полковой мастерской, угостилъ его нѣсколько разъ, и онъ разрѣшилъ мнѣ заниматься. Въ свободное отъ строевыхъ занятій время я ходилъ въ мастерскую, научился столярному ремеслу, узналъ кое-что и по кузнечно-слесарному. Въ ноябрѣ я вышелъ изъ службы, а въ апрѣлѣ 1882 г. я, въ компаніи еще съ тремя молодыми людьми изъ нашего же города, выѣхалъ въ Одессу, чтобы оттуда отправиться въ Палестину.

— Зачѣмъ же непремѣнно въ Палестину?—спросилъ блѣднолицый юноша, ярый противникъ палестинцевъ.

— Видите-ли, первоначально я хотѣлъ-было уѣхать въ Америку, тѣмъ болѣе, что мой сослуживецъ приглашалъ меня письмомъ туда. Онъ раньше моего выѣхалъ, еще находясь на службѣ. Но у него было много денегъ, а мой капиталъ наличный и имѣвшійся въ виду не превышалъ 36 рублей. Могъ-ли я на эти деньги пробраться въ Америку? Но это причина второстепенная. Земляки мои, съ которыми я потомъ выѣхалъ, непремѣнно хотѣли въ Палестину. Ихъ подбилъ туда ѣхать какой-то писарь Давидка, не то еврей, не то выкрестъ, но несомнѣнно изъ польскихъ евреевъ. Этотъ Давидка сулилъ намъ въ Палестинѣ горы золотыя: и комитетъ образцовый есть для эмигрантовъ, и колонія образуется, а если комитетъ въ Яффѣ не поможетъ, то тутъ же недалеко какой-то баронъ, благодѣтель рода человѣческаго, живетъ, а у барона главно-управляющимъ служитъ его, Давидки, другъ, нѣкій Морицъ Галь, къ которому онъ намъ далъ письмо. Но что болѣе всего насъ прельщало, такъ это Неттеровское земледѣльческое училище,

которое будто-бы съ удовольствіемъ насъ пріиметъ. Объ Америкѣ же мы никакихъ свѣдѣній не имѣли, потому что изъ нашего уѣзда мы были первые эмигранты: Богъ какимъ-то чудомъ пронесъ мимо насъ собравшуюся-было грозу. Въ Америку ѣхать значило-бы ѣхать на-авось, а безъ денегъ это положительно невозможно. Да, такъ на чемъ-же я остановился? Господа, вы пожалуйста не перебивайте меня, а то я запутаюсь...

— Вы пріѣхали въ Одессу.

— Вотъ! Въ Одессѣ, пока изготовили наши документы, мы прожили три дня. О насъ узнали, и мѣстный богачъ В. Р. пригласилъ насъ къ себѣ, выразилъ намъ свое сочувствіе, далъ намъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Мы хотѣли-было намекнуть ему, что лучше было бы вмѣсто писемъ немного денегъ намъ дать, но неловко стало: нужно умѣть просить. Изъ Одессы къ намъ присоединился еще одинъ молодой человѣкъ. Мы стояли на палубѣ, вглядываясь въ удалявшійся отъ насъ берегъ, быть можетъ, навсегда. Вдругъ, откуда ни возьмись, баркасъ съ молодыми людьми, студентами, должно быть, и гимназистами. Они махали шапками, кричали «ура!» Это русское «ура» еврейскимъ эмигрантамъ разсмѣшило насъ, и мы развеселились, а то, признаться, гдѣ-то далеко-далеко въ глубинѣ души что-то защемило-было, когда пароходъ тронулся. Пріѣхали въ Константинополь, за $^1/_2$ франка освободились отъ таможеннаго осмотра, хотя одинъ изъ насъ все-таки лишился басенъ Крылова, которыхъ оставили для цензуры. Остановились въ гостинницѣ, съ платой по франку въ день съ человѣка, со столомъ конечно. Бросились въ аптеку доктора Шварца, — мы къ нему имѣли рекомендательное письмо. Его не оказалось тамъ, мы оставили свой адресъ, и онъ былъ настолько любезенъ, что самъ пришелъ къ намъ. Конечно, разспросилъ насъ, откуда, съ какою цѣлью и т. д. Мы его спросили о Неттеровскомъ училищѣ, но онъ свѣдѣній никакихъ дать не могъ, а обѣщалъ дать письмо къ какому-то александрійскому доктору: тотъ всѣ подробности знаетъ. Эти письма мнѣ надоѣли уже.

— Докторъ,—сказалъ я ему,—у насъ почти денегъ нѣтъ. Поддержите, мы слыхали, что здѣсь есть комитетъ, и вы...

— Комитетъ еще не вполнѣ сформированъ, и денегъ еще нѣтъ. Да еслибъ и были деньги, то едва-ли комитетъ могъ бы вамъ помочь: у него другія цѣли. А вы вотъ что: подождите пріѣзда сэра Олифанта, онъ вамъ навѣрное поможетъ.

— А скоро онъ пріѣдетъ?

— Этого я ужъ не знаю.

Мы ждали два дня. Наши франки все уменьшались въ количествѣ.

— Господа,—сказалъ я своимъ товарищамъ,—этакъ мы и выѣхать не сможемъ. Поѣдемъ дальше. Что будетъ, то будетъ. На нихъ положиться нельзя.

Въ тотъ же вечеръ мы были на пароходѣ, не имѣя даже разрѣшенія на выѣздъ изъ Константинополя — оно стоило бы дорого, а мы нашли фактора-еврея, который за два франка все устроилъ: чиновнику онъ далъ нѣсколько серебряныхъ мелкихъ монетъ, и тотъ даже не посмотрѣлъ на насъ—взяточничество въ большомъ ходу въ Турціи. Присоединившійся-было къ намъ изъ Одессы молодчикъ остался въ Константинополѣ, какъ мы узнали потомъ, для того, чтобы протереть тамъ глаза отцовскимъ деньгамъ, которыхъ у него было болѣе, чѣмъ достаточно. Наша компанія однако значительно увеличилась. Къ намъ присоединилось нѣсколько семействъ, такъ что всѣхъ переселенцевъ насъ было человѣкъ тридцать. Капитанъ парохода, русскій — мы ѣхали на пароходѣ «Одесса» — былъ на столько любезенъ, что отвелъ намъ отдѣльное помѣщеніе въ трюмѣ, гдѣ мы забарикадировались нашими вещами. Палубу занимала рота турецкихъ солдатъ, подъ предводительствомъ офицера, должно быть, изъ нѣмцевъ: ужъ очень чисто изъяснялся онъ по-нѣмецки. Не успѣли мы тронуться съ берега, какъ полилъ дождь, и офицеръ перебрался въ трюмъ, позвалъ деньщика, приказалъ ему вымести полъ. Деньщикъ бросилъ соръ къ намъ, мы возвратили ему его подарокъ съ процентами, вышло недоразумѣніе, пришлось обратиться къ капитану, который принялъ нашу сторону, попросилъ офицера удалиться къ солдатамъ на палубу. Разъяренный офицеръ, уходя, погрозилъ намъ:

— Стойте вы, жиды! Вамъ это даромъ не пройдетъ. Мало,

что ихъ принимаютъ подъ свою защиту въ чужое государство, они еще дерзости дѣлаютъ! Погодите-же...

Рѣчи своей онъ не закончилъ: нѣсколько дюжихъ молодцовъ изъ нашей компаніи уже приближались къ нему съ угрожающими минами, и онъ нашелъ болѣе удобнымъ отретироваться. Эта маленькая стычка опечалила насъ. Наша мечта о томъ, что наконецъ-то насъ признаютъ людьми, не будутъ съ нами безцеремонно обращаться, такъ и осталась неосуществимой мечтой. Неутѣшительныя вѣсти о Палестинѣ и въ особенности о Неттеровскомъ училищѣ, которыя мы получили отъ доктора въ Александріи, а затѣмъ, когда въ Портъ-Саидѣ у наиболѣе экономнаго изъ насъ всего оказалось въ карманѣ 10 франковъ, а у остальныхъ по пяти-шести, — все это не могло поднять упавшее расположеніе духа нашего, и мы далеко не радостные стали на рейдѣ у Яффы. Нужно добавить, что отъ Александріи до Яффы мы питались однимъ хлѣбомъ.

На пароходѣ насъ встрѣтили два содержателя гостинницъ— Розенталь и Беккеръ, нѣкій Шульманъ и г. Левонтинъ, который отрекомендовался президентомъ комитета для колонизаціи Палестины; остальные, какъ мы узнали потомъ, были члены-сотрудники этого комитета. Они предложили намъ своихъ лодочниковъ для переправы на берегъ: комитетъ имѣлъ собственную артель, которая брала по франку съ человѣка за переправу, въ то время, какъ остальные лодочники требовали по пяти, а иногда и по десяти франковъ съ человѣка: постоянная зыбь дѣлаетъ переправу чрезвычайно затруднительной. Заѣхали мы къ Розенталю, къ которому мы имѣли рекомендательныя письма. Свободныхъ комнатъ въ гостинницѣ не оказалось, и мы сами состроили себѣ шалашъ, гдѣ и поселились. На другой день зашли въ комитетъ разузнать о томъ, что̀ насъ можетъ ожидать впереди. Первый вопросъ нашъ былъ о колонизаціи; намъ отвѣтили, что земля хотя еще не куплена, но въ виду имѣется хорошая, что если мы хотимъ вступить въ число колонистовъ, то должны предварительно заплатить по 10 франковъ, и насъ запишутъ. Мы сказали, что у насъ у всѣхъ едва-ли наберется десять франковъ.

— Мы разсчитывали именно на васъ, на вашу поддержку, пока мы такъ или иначе не устроимся.

— Никакъ невозможно, никакъ невозможно,—быстро забарабанилъ рыжій господинъ, какъ потомъ узнали — румынскій еврей, Бреннеръ, второй президентъ;—въ кассѣ у насъ совсѣмъ денегъ нѣтъ, а расходы между тѣмъ громадные: переписка, разъѣзды, содержаніе драгомана, секретаря — все это денегъ стоитъ.

— Что-же намъ дѣлать? Пока вѣдь ѣсть нужно, жить гдѣ нибудь...

Бреннеръ задумался.

— Съ какой цѣлью вы пріѣхали?

— Намъ говорили, что здѣсь есть земледѣльческая школа, къ директору ея мы имѣемъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

— Ну вотъ, и отлично. Хотя такихъ взрослыхъ училище не принимаетъ, но... мы будемъ ходатайствовать.

Мы отправились къ г. Неттеру. Онъ внимательно прочелъ наши письма, но отъ пріема насъ въ число учениковъ на-отрѣзъ отказался: старше 14 лѣтъ онъ не имѣетъ права принимать. Мы однако не теряли надежды поступить въ училище, помня обѣщаніе Бреннера ходатайствовать. Пока же мы старались собрать возможно больше свѣдѣній объ училищѣ отъ учениковъ, рабочихъ посторонннихъ людей. Устроило его «Alliance; имѣетъ оно обширное пахатное поле, громадный садъ, дающіе столько доходовъ, что одни они были бы достаточны на содержаніе образцовой земледѣльческой школы. Земля обрабатывается учениками и рабочими, по преимуществу арабами. Кромѣ доходовъ отъ земли, школа получаетъ ежегодно до 50,000 франковъ. Не смотря на такое блестящее матеріальное положеніе этого училища, преподаваніе ниже всякой критики, а содержаніе учениковъ — около 60 мальчиковъ—возмутительное. Учатъ одному французскому языку—больше ничему; земледѣліе проходится только практически, т. е. ученики помогаютъ арабамъ-рабочимъ и, какъ они, послѣ работы спятъ подъ открытымъ небомъ; мясная пища дается только по субботамъ; въ будни на завтракъ — огурцы, на обѣдъ — кабачки и карто-

фель; закупленная для учениковъ въ Одессѣ одежда лежитъ безъ употребленія, а ученики носятъ отрепья. Рабочимъ евреямъ директоръ не симпатизируетъ, боится, навѣрное, жалобъ, и всѣми средствами старается замѣнять ихъ арабами.

На третій день по пріѣздѣ комитетъ обязательно сообщилъ намъ, что онъ выхлопоталъ намъ право поступить въ число рабочихъ Неттеровскаго училища. Послѣ всего того, что мы узнали объ этомъ училищѣ, намъ ничего другаго не оставалось, какъ отказаться отъ этого благодѣянія, но за то намъ отказали и отъ нами же устроенной квартиры, за которую все-таки потребовали плату: мы отдали послѣднее, что имѣли. У меня осталась одна монета въ $3^1/_2$ копѣйки.

Мы очутились подъ открытымъ небомъ, безъ денегъ, безъ знакомыхъ, не зная даже, что придумать. Тутъ-то мы вспомнили Давидку, его разсказы о благодѣтельномъ баронѣ. Мы разспросили о немъ и узнали, что въ двухъ верстахъ отъ города устроена ремесленная колонія барона. Одинъ изъ насъ, разспросивъ дорогу, немедленно отправился туда и скоро вернулся, съ радостью объявилъ намъ, что нашелъ Морица Галя, вручилъ ему письмо отъ Давидки, и что Морицъ Галь проситъ насъ къ себѣ. Мы взвалили свои вещи на плечи и пошли въ колонію. Была уже ночь, когда мы вошли въ приготовленную для насъ комнату, гдѣ насъ уже ждали четыре постели, а арабъ слуга сейчасъ принесъ намъ чай, двѣ коробки сардинокъ, хлѣбъ. Давно ужъ мы такъ роскошно не пили и не ѣли. Пріятная истома разлилась по нашему тѣлу, когда мы разлеглись на постеляхъ и закурили папироски. Вошелъ хозяинъ; мы хотѣли было подняться, но онъ просилъ насъ продолжать лежать, подошелъ къ каждому изъ насъ, отдалъ «шолемъ» и сѣлъ у стола. Мы разговорились. Зашла рѣчь о комитетѣ.

— Комитетъ, гмъ! Кто тамъ у нихъ? Левонтинъ, Розенталь? Да, порядочные молодые люди, искренно желающіе устроить колонію. А остальные? Мошенникъ на мошенникѣ. Обираютъ только Левонтина и Розенталя и вертятъ ими, какъ пѣшками. Этотъ комитетъ только вредитъ дѣлу. Земля, напримѣръ, прежде куда дешевле была, а теперь и приступиться къ ней нельзя. Почему? Потому что всѣмъ орудуетъ факторъ

Горвицъ—онъ у нихъ членъ и драгоманъ. Они думаютъ вотъ такъ и устроить колонію. Да будь они даже всѣ честные, порядочные люди, все-таки колоніи не устроятъ. Не такъ задѣло взялись. Вотъ нѣмецкая колонія — та благоденствуетъ. Потому, что капиталы у нихъ большіе были, и всѣ сразу цѣлой массой переѣхали, еще дома организовали планъ компаніи, прежде изучили все. А эти? Ни денегъ, ни людей, ни знанія, а тутъ еще и честности нѣтъ...

— Вы приводите насъ въ отчаяніе. Безъ колоніи что мы здѣсь дѣлать можемъ?

— Да, ваше положеніе очень и очень затруднительное. И сколько еще молодыхъ, честныхъ, пылкихъ и рѣшительныхъ юношей они привлекутъ сюда на голодную смерть! Вы первые, но вы не послѣдніе.

— Странно! Вашъ другъ Давидъ говорилъ совсѣмъ другое. Онъ уговаривалъ насъ ѣхать...

— Ко мнѣ?

— Да, и къ вамъ, между прочимъ. На васъ онъ указывалъ, какъ на крайнее средство, когда ни комитетъ, ни училище намъ не помогутъ.

— Тогда я вамъ помогу, господа,—сказалъ Галь, вставая:— по христіанскому долгу своему помогу. А теперь спокойной ночи, вы устали, вамъ нужно отдохнуть.

Моритъ Галь вышелъ, и мы скоро заснули: мы дѣйствительно ужъ очень устали. Страннымъ мнѣ показался этотъ Галь: типъ чисто еврейскій, говоритъ то по-нѣмецки, то на чистомъ жаргонѣ. Вспомнилось мнѣ, что на столѣ я замѣтилъ приготовленныя очевидно для насъ библію, пророковъ, исторію, на древне-еврейскомъ языкѣ, лондонскаго изданія. Мнѣ вспомнились обыкновенныя уловки миссіонеровъ, съ которыми я былъ нѣсколько знакомъ: Галя я причислилъ къ нимъ.

Утромъ, за завтракомъ, когда мы спросили хозяина, что онъ намъ посовѣтуетъ, Галь отвѣтилъ намъ:

— Вы, господа, люди молодые, вамъ еще учиться не мѣшаетъ. Въ Іерусалимѣ есть такая школа — правда, христіанская, но туда принимаютъ безъ различія исповѣданія. Вы туда поступите, вамъ дадутъ полное содержаніе. А если кто

захочетъ придерживаться каширной кухни, ему на обѣдъ деньги будутъ выдавать на руки.

— Ну, а дальше?

— А дальше училище васъ не оставитъ.

Сомнѣнія нѣтъ, онъ миссіонеръ.

— Господинъ Галь,—обратился я къ нему, когда онъ по окончаніи завтрака выходилъ изъ комнаты, — скажите пожалуйста, гдѣ вы научились такъ ловко говорить на жаргонѣ?

— Я жилъ въ Варшавѣ.

— Вы тогда были евреемъ?

— Да.

— А!

Галь нѣкоторое время пристально смотрѣлъ на меня и вышелъ.

— Господа, знаете ли вы, къ кому мы попали? обратился я къ товарищамъ.

— Къ кому?

— Къ миссіонеру.

— Ну, такъ что же?

— Какъ такъ что же? Развѣ вы не понимаете, чего онъ потребуетъ за свои благодѣянія?

— Мало-ли чего онъ потребуетъ! Какое намъ дѣло? Пока мы имѣемъ гдѣ голову преклонить, а дальше, что Богъ дастъ.

— Положимъ, такъ. Боюсь я, вотъ что.

— Э, пустяки.

Мы отправились осматривать окрестности и были восхищены тѣмъ, что увидѣли: въ первый разъ передъ нами такая роскошная растительность; деревья гнутся подъ тяжестью плодовъ; на камнѣ мы нашли маслиничное дерево и такое громадное, густое, что подъ его тѣнью легко могли бы укрыться десять человѣкъ; на поляхъ колосья насъ поразили своею полнотой, а стебли вышиной: у насъ только арнаутка достигаетъ такой вышины. За то и работы, видно, не мало требуется: искусственное орошеніе доведено до nec plus ultra, вездѣ искусственное удобреніе почвы, многопольная система. Да, правъ Галь: большихъ трудовъ, большихъ капиталовъ нужно затратить прежде, чѣмъ вырвать у земли тотъ медъ и то млеко, о кото-

рыхъ вездѣ кричатъ, что въ Палестинѣ они сами собою текутъ. Нѣтъ, не сами собою. Энергія, массовый трудъ, знаніе, капиталъ — вотъ что нужно. Пожалуй, энергія у насъ есть, желаніе трудиться также, но гдѣ взять капиталъ и знаніе? Если спеціально для того устроенные комитетъ и училище намъ не дали ничего, то гдѣ-же мы возьмемъ знаніе и капиталъ?

Съ этими грустными мыслями вернулись мы къ нашему гостепріимному хозяину и столкнулись у него съ уходившимъ Левонтиномъ. На столѣ стояла недопитая бутылка вина. Левонтинъ удивленно на насъ посмотрѣлъ.

— Вы, конечно, еще будете въ комитетѣ?

Я его понялъ. «Испугался, братъ», подумалъ я.

— Буду, завтра же буду, отвѣтилъ я.

У Галя мы застали еще одного молодаго человѣка, земляка,—Хаимкой его всѣ звали. Его присутствіе насъ покоробило: онъ пользовался дурной репутаціей шулера и пьяницы. Его также прислалъ Давидка, съ рекомендательнымъ письмомъ. Потомъ уже мы узнали, что онъ уѣхалъ изъ Х. спеціально затѣмъ, чтобы поступить въ миссіонерскую школу, но все-таки успѣлъ по дорогѣ выманивать у разныхъ членовъ различныхъ комитетовъ пособія, которыя онъ сейчасъ же и прокучивалъ. Такимъ-то пособія всегда даются: они умѣютъ просить, а гдѣ нужно—нахально требовать.

— Завтра вы ѣдете въ Іерусалимъ, заявилъ Галь Хаимкѣ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтилъ Хаимка.

— А вы, господа? обратился Галь къ намъ.

— Что же? И мы поѣдемъ. Намъ все равно, здѣсь-ли жить, тамъ-ли, отвѣтили мои три товарища.

— Ну, а вы? обратился Галь ко мнѣ, такъ какъ я молчалъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше здѣсь останусь.

— Почему же вамъ не поѣхать?

— Послушайте, г. Галь, вы вѣдь умный человѣкъ, а не хотите понять, что еслибъ я хотѣлъ выгодно креститься, я бы могъ это сдѣлать и въ Россіи. Я вамъ могу сообщить по секрету, что въ Москвѣ я знаю нѣкоего пастора Фельтина, ко-

торый не отказался бы меня окрестить и прилично вознаградилъ бы меня за принятіе «новой вѣры». Подобнаго-же господина я знаю въ Одессѣ—нѣкій докторъ Бенъ-Ціонъ,—все ваши друзья, не правда-ли? Вѣдь у васъ обыкновеніе такъ выражаться: «мой другъ такой-то» — это значитъ миссіонеръ такой-то. Видите, мнѣ вовсе не было надобности ѣхать такъ далеко, столько вытерпѣть, столько лишеній перенести, чтобы имѣть честь быть окрещеннымъ именно вами.

— Чего вы злитесь, чего вы горячитесь, молодой человѣкъ? Не бойтесь, насильно васъ не окрестятъ.

— Этого я и не боюсь. Да я морочить васъ не хочу, не хочу, чтобы у васъ была даже маленькая надежда на меня.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ.

— Говорить не о чемъ.

Когда онъ ушелъ, я принялся ругать своихъ товарищей.

— Смѣшной ты, право, не креститься же ѣдемъ, а жить какъ нибудь.

— Кто же вамъ мѣшалъ здѣсь жить? Если ужъ на то пошло, вы бы хоть не такъ скоро подались, а заставили бы его нѣсколько недѣль уговаривать васъ.

— То же самое мы можемъ тамъ сдѣлать.

— Не думаю. Не такіе они дураки. Слушайте, братья, не дай вамъ Богъ перемѣнить религію. Вы опозорите себя, а родныхъ убьете. Не ставьте себя въ комичное положеніе страдальца за вѣру, которой измѣняешь.

— Экій ты словоохотливый! Еще ничего нѣтъ, а онъ уже проповѣди читаетъ. Даемъ тебѣ честное слово, что мы останемся въ Іерусалимѣ только до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что отъ насъ требуютъ какихъ нибудь религіозныхъ уступокъ.

На другой день мои товарищи и Хаимка уѣхали, а я, проводивъ ихъ, вернулся въ комнату; хотѣлъ-было взять вещи, чтобы тоже уйти куда нибудь: оставаться долѣе у Галя становилось невозможнымъ. Чья-то рука опустилась на мое плечо, я обернулся: предо мною стоялъ Галь.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ,—у меня правило: голоднымъ никого не выпускать изъ своего дома. Пообѣдайте со мною.

Я не отказался. Сытный обѣдъ и стаканъ вина были очень кстати. Завтра Богъ вѣсть, будетъ ли у меня что ѣсть: я уходилъ, имѣя въ карманѣ монету въ $3^1/_2$ копѣйки, о которой я выше говорилъ.

Слуга принесъ двѣ чашки кофе, Галь предложилъ мнѣ сигару, и мы предались послѣ-обѣденному кейфу. Говорили о разныхъ предметахъ. Между прочимъ, Галь сказалъ мнѣ:

— Послушайте, вы мнѣ очень нравитесь, у васъ, я вижу, есть убѣжденія, стойкость. Жаль, чтобы такіе люди пропадали.

— Я не прочь, чтобы вы мнѣ помогли, но какъ человѣкъ, а не какъ миссіонеръ.

— Странно, вы атеистъ, а обращаете вниманіе на такія мелочи.

— Во первыхъ, я не атеистъ; если я не придерживаюсь нѣкоторыхъ обрядовъ, это еще не доказательство. Но допустимъ даже, что я атеистъ, и тогда перемѣна религіи не мелочь

— Для атеиста-то?

— Да, для атеиста, для фетишиста, для кого хотите.

— Не понимаю.

— Извольте, я разъясню. Я атеистъ, положимъ, по рожденію еврей. Правда, ложное положеніе, но я въ этомъ не виноватъ: при рожденіи меня не спрашивали. А теперь я, сознательно-мыслящій человѣкъ, открыто принимаю исповѣданіе, котораго въ душѣ не исповѣдую. Это публичная ложь съ корыстной цѣлью. Позорнѣе этого, по моему, нѣтъ. Да и практически не выгодно, для меня по крайней мѣрѣ. Я не могъ бы вынести презрѣніе своихъ; а выкреста презираютъ даже тѣ, чью религію онъ принялъ, — я это видалъ не разъ. И еслибъ еще было не такое трудное для евреевъ время, — ну, еще куда ни шло. Но отречься отъ еврейства именно теперь, когда они болѣе чѣмъ когда-либо угнетены, уйти къ сильнымъ для собственной выгоды, уменьшить ряды униженныхъ и оскорбленныхъ,—нѣтъ, это ужъ было бы такъ подло... такъ подло...

Гриша остановился и залпомъ выпилъ стаканъ холоднаго чая. Закуривъ папироску, онъ снова началъ:

— Буду продолжать. Съ Галемъ я разстался дружелюбно: все же онъ намъ не отказалъ въ помощи. На комитетъ я былъ золъ. По моему, они были виноваты въ томъ, что товарищи мои попали въ руки къ миссіонерамъ. Взваливъ сундучекъ на плечи, я прямо направился въ комитетъ, во первыхъ, для того, чтобы исполнить данное мною Левонтину слово видѣться съ нимъ, а во вторыхъ, чтобы и поругаться немножко, для облегченія сердца. Въ комитетѣ я никого не нашелъ. Куда пойти? Пойду на площадь, можетъ быть, встрѣчу кого нибудь. Дѣйствительно, приближаясь къ площади, я увидѣлъ не только одного кого-нибудь, а почти все мѣстное еврейское населеніе, комитетъ in corpore и вновь прибывшихъ эмигрантовъ.

Всѣ о чемъ-то горячо спорили, махали руками, точно крылья вѣтряной мельницы въ сильный вѣтеръ. Завидя меня, всѣ бросились на встрѣчу, — я понялъ, что имъ уже все извѣстно и что именно я и мои товарищи были предметомъ спора.

— Слава Богу, хоть одинъ остался! кричали одни.

— Четыре человѣка, первые эмигранты, и къ миссіонерамъ! кричали другіе.

Бреннеръ выдѣлился изъ толпы и набросился на меня:

— Развѣ вы не знали, что Галь миссіонеръ? Отчего вы къ нему пошли? Вы опозорили еврейство, опозорили все движеніе, всю эмиграцію.

Я далъ ему наговориться вдоволь, поставилъ свой сундучекъ на землю, сѣлъ и хладнокровно отвѣтилъ ему:

— Не горячитесь и не кричите: я этого не люблю. Могу васъ увѣрить, что мы не знали, что Галь миссіонеръ. Да еслибъ и знали — какое вамъ дѣло? Какое право имѣете вы упрекать насъ? Къ вамъ первымъ мы обратились, а не къ нему. Чтоже? Накормили вы насъ, пріютили? Вы потребовали отъ насъ по 10 франковъ за право считаться членомъ вашего комитета, вы предложили намъ поступить въ рабочіе въ невозможную школу Неттера. А Галь насъ накормилъ, далъ намъ пріютъ. У насъ другаго исхода не было: либо умереть голодной смертью подъ открытымъ небомъ, либо отправиться въ

Іерусалимъ, къ миссіонерамъ; мои товарищи и поѣхали къ нимъ, а я... Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

— Въ моей гостинницѣ есть для васъ комната, заявилъ мнѣ Розенталь.

— А, вотъ какъ вы заговорили! Но этого мало: вы дадите мнѣ въ кредитъ денегъ на пріобрѣтеніе столярныхъ инструментовъ и доставите мнѣ заказчиковъ. Не бойтесь, я не воспользуюсь вашими деньгами, возвращу ихъ.

Мнѣ все обѣщали. Спасибо Галю за обѣдъ: первый день я былъ сытъ. На другой день я купилъ на послѣднія деньги хлѣба и питался имъ два дня. Бреннеръ все откладывалъ заемъ съ утра до вечера, съ вечера до завтра. На второй день меня голодъ не на шутку началъ мучить, я вышелъ пошляться по улицамъ (Вы замѣтили, господа, что когда очень ѣсть хочется, дома не сидится). Случайно столкнулся съ пароходнымъ знакомымъ, человѣкомъ состоятельнымъ. Пошли разспросы, что, какъ. Я ему все разсказалъ, онъ мнѣ одолжилъ лиру, и я нанялъ себѣ комнатку, купилъ необходимѣйшіе инструменты и въ первый же день получилъ заказъ — колыбель для пріѣзжаго семейства. Я заработалъ цѣлый меджидіе. Господа, вы не можете себѣ представить, какъ этотъ меджидіе, первый заработанный мною на новой землѣ, мнѣ былъ дорогъ, сколько радужныхъ надеждъ онъ во мнѣ возбудилъ: я уже рисовалъ себѣ еврейскую колонію, я имѣю въ ней столярную мастерскую, потомъ слесарную; въ моемъ воображеніи уже рисовалось ремесленное училище, устроенное по моей иниціативѣ. И все это благодаря меджидію, который... Ну, да это пустяки. Первый мѣсяцъ мои дѣла шли не дурно. Заказы были именно такіе, какіе я могъ выполнить своими инструментами: простые столы, табуреты, скамьи и т. п. Я выплатилъ долгъ своему знакомому. У Галя я часто бывалъ, потому что онъ завѣдывалъ лѣснымъ дворомъ барона, и онъ былъ такъ добръ, что кредитовалъ мнѣ лѣсъ. Каждую субботу я гостилъ у него; не скрою причину: курить хотѣлось, а въ городѣ неловко было. Галь не оставлялъ своего: онъ все увѣщевалъ меня поѣхать въ Іерусалимъ, натравилъ на меня какую-то англичанку, начальницу женской школы въ колоніи барона,

филантропку-старуху, безъ ридикюля съ медикаментами не выходившую изъ дому. Впрочемъ, со мною она говорила всего два раза; она меня оставила въ покоѣ, благодаря оплошности Галя. Какъ-то разъ, во время второй бесѣды, Галь шутя замѣтилъ, что я атеистъ, и моя барыня до того испугалась сообщества атеиста, что опрометью выбѣжала изъ комнаты, забывъ даже взять съ собою свои медикаменты. На подмогу Галю явился изъ Іерусалима самъ Розенфельдъ, завѣдующій миссіонерскими учрежденіями въ Іерусалимѣ. Господи, думалъ я не разъ, чего они такъ усердствуютъ? Неужели это искренне? Что-то не ладитъ искренность съ тѣми средствами, которыя у нихъ въ ходу.

Розенфельдъ предложилъ мнѣ перебраться въ Іерусалимъ, гдѣ обѣщалъ устроить мнѣ образцовую мастерскую. Я поблагодарилъ и отказался. Я зналъ, что въ Іерусалимѣ мои издѣлія не могутъ быть въ ходу: тамъ мебель употребляется только для украшенія, т. е. точеная, а это не по моей части. Кромѣ того, я все ждалъ организаціи колоніи: мнѣ страстно хотѣлось открыть мастерскую именно въ колоніи. Кромѣ того, меня удерживало отъ поѣздки въ Іерусалимъ еще одно обстоятельство: я получилъ письмо отъ одного изъ товарищей, въ которомъ онъ жаловался, что миссіонеры все гуще и гуще ткутъ свою паутину, что съ каждымъ днемъ они становятся требовательнѣе, что онъ каждый день бываетъ свидѣтелемъ возмутительныхъ сценъ завлеканія миссіонерами евреевъ, такъ что онъ рѣшился совсѣмъ уѣхать домой, написалъ уже, чтобы ему выслали денегъ на дорогу на мой адресъ и просилъ увѣдомить меня, когда деньги прибудутъ. Отъ него же я узналъ, что миссіонеры завлекаютъ рабочихъ-евреевъ, нанимая ихъ будто на работу, аккуратно расплачиваются, но работы не даютъ, развивая такимъ образомъ въ нихъ лѣнь и ставя ихъ въ зависимое отъ себя положеніе. Я боялся попасть въ такое же положеніе, перебравшись въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ дѣла мои шли все хуже и хуже. Новыхъ заказовъ было мало, и я опять зачастую голодалъ. За то времени у меня оставалось очень много, и я могъ слѣдить за комитетомъ. Въ это время я познакомился съ однимъ господи-

номъ, нѣкіемъ Р., депутатомъ изъ Кишинева. Энергичный, дѣльный человѣкъ, онъ сразу понялъ, что комитетъ ни къ чему не годится, и догадливому Бреннеру стоило не мало труда завербовать его въ число членовъ; Бреннеръ его боялся. Въ это время уже съѣхалось нѣсколько болѣе эмигрантовъ и депутатовъ отъ разныхъ городовъ. Р. агитировалъ, чтобы заставили комитетъ указать наконецъ и купить землю, такъ какъ комитетъ до тѣхъ поръ все откладывалъ со дня на день покупку земли, указывая то здѣсь, то тамъ проектируемые участки. Наконецъ, было рѣшено купить участокъ земли между Газзой и Яффой. Комитетъ потребовалъ отъ эмигрантовъ и депутатовъ, чтобы они сложились для задатка. Когда задатокъ, по увѣренію Бреннера, былъ уже внесенъ, Р. настоялъ на томъ, чтобы составилась коммисія изъ членовъ комитета, эмигрантовъ и депутатовъ для болѣе подробнаго осмотра земли и заключенія документовъ. Вотъ тутъ-то и обнаружилось все. Когда пріѣхали въ Іерусалимъ для составленія документовъ, членъ консульства, еврей, указалъ, что земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть куплена для колоніи, потому что на то еще не имѣется разрѣшенія турецкаго правительства, что земля куплена крайне невыгодно, благодаря посредничеству *фактора-франмана-члена-сотрудника комитета для колонизаціи евреевъ въ Палестинѣ* Горвица (какой длинный титулъ!). Депутаты и эмигранты начали подозрѣвать комитетъ и настойчиво потребовали отчета во всемъ,—куда дѣлись 10 франковые членскіе взносы, задатки. Оказалось, что часть ушла на содержаніе Бреннера, того самаго Бреннера, который выдавалъ себя сначалѣ богачемъ, ликвидировавшимъ свои дѣла въ Румыніи и предназначившимъ весь свой капиталъ для организаціи колоніи. Остальная часть денегъ проѣдена Шульманомъ и Горвицемъ. Тогда эмигранты и депутаты потребовали обратно свои задатки, и Бреннеръ съ позоромъ долженъ былъ бѣжать изъ Яффы, комитетъ разстроился, а Левонтинъ и Розенталь поплатились почти всѣмъ своимъ достояніемъ.

Мнѣ нечего было болѣе дѣлать въ Палестинѣ. Я разсчитывалъ на работу именно въ колоніи, а колонія-то оказалась мыльнымъ пузыремъ. И вотъ что, господа, странно: какъ

только въ моей головѣ сложилось твердое убѣжденіе, что колоніи не будетъ, я такъ затосковалъ по родинѣ, что чуть съ ума не сходилъ. Хотя денегъ у меня не было, но я ни на что не смотрѣлъ—домой, домой, во что бы то ни стало. Отъ продажи инструментовъ я выручилъ ровно столько, что мнѣ хватило на проѣздъ до Александріи. Въ Александріи я заработалъ 5 франковъ починкой оконныхъ рамъ. Но 5 франками домой не доѣдешь. Отправился къ консулу, началъ просить у него работы, поддержки. Онъ, чтобы освободиться отъ меня, предложилъ мнѣ даровой билетъ до Константинополя. Больше мнѣ ничего и не нужно было. Въ Константинополѣ я нашелъ знакомыхъ, занялъ у нихъ нѣсколько рублей, — и вотъ я подъѣзжаю къ Одессѣ. Есть ли возможность выразить въ словѣ все то, что я ощущалъ тогда? Въ первыя минуты мнѣ стыдно было, но только въ первыя минуты, и болѣе изъ самолюбія, какъ стыдится всякій, не доведшій до конца начатаго дѣла. Но другое чувство, другое ощущеніе, болѣе сильное, подавило мелкій и ложный стыдъ мой: по біенію сердца своего, по тому, какъ глаза мои наполнялись влагой, такъ что даже гавань мнѣ не была отчетливо видна и все казалось покрытымъ легкой дымкой,—по всему этому я понялъ, что у меня есть родина, что я возвращаюсь на родину, и что эта родина — Россія! И если я прежде кричалъ: «Палестина—вотъ моя родина» — это было не внутреннее чувство, а навѣянная чужая мысль. Поймите меня, господа. Тамъ я головой разсуждалъ, а тутъ я нутромъ ощутилъ. Не могу вамъ это передать яснѣе. Ну, вотъ, вамъ вѣроятно случалось иногда ссориться съ родными. Въ первую минуту думаешь, что навѣки, безповоротно; но пройдетъ первый пылъ, успокоитесь, и родные вамъ снова дороги. Въ первую минуту я подумалъ — нѣтъ, это не родина моя; моя родина тамъ, за моремъ—и я поѣхалъ въ Палестину. Но потомъ я ощутилъ, что есть невидимыя нити, связывающія меня съ Россіей,—назовите эти нити какъ хотите,—привычкой что-ли, но фактъ остается фактомъ. Да, господа, поѣздка моя была неудачная, но я доволенъ: благодаря именно этой неудачѣ, я нашелъ отечество.

Въ комнатѣ «тихій ангелъ пролетѣлъ». Слушатели какъ

будто еще вслушивались въ послѣднія слова разсказчика. Съ улицы доносилось дребезжаніе дрожекъ возвращавшагося домой ночнаго извощика, который спалъ на козлахъ, и шуршаніе метелъ дворниковъ, подметавшихъ мостовую. Блѣдный свѣтъ наступающаго дня смѣшался съ потускнѣвшимъ свѣтомъ лампы; въ комнатѣ какъ будто темнѣе стало. Первый очнулся блѣднолицый юноша.

— Смотрите, уже день,—сказалъ онъ, подходя къ окну.

Всѣ встали, подошли къ окну; хозяинъ потушилъ лампу.

— И какой славный день!

По улицѣ уже началось движеніе. Вотъ идетъ партія лопатниковъ-евреевъ, неся подъ мышкой свои скрипочки — такъ лопатники называютъ лопату. Вотъ идетъ другая партія, русскихъ рабочихъ, каменьщиковъ, съ котомками за спиной. Живой товаръ, рабочая сила, спѣшитъ на рынокъ для совершенія великаго таинства—запродажи человѣческаго тѣла,—таинства, учрежденнаго въ честь современнаго универсальнаго бога—Мамоны.

— И какой славный день,—повторилъ хозяинъ.—Знаете что, господа? Мнѣ спать вовсе не хочется. Я бы теперь погулялъ.

— Дѣло. Идетъ. Куда-же?

— Да куда нибудь. Хоть въ ботаническій садъ.

— Валяй.

Собесѣдники гурьбой вышли.

— Чтоже стало съ вашими земляками, что̀ въ Іерусалимъ уѣхали? Съ другими?

— Этого я ужъ въ точности не знаю, а только по слухамъ. Изъ моихъ земляковъ двое уже давно вернулись домой, а одинъ— кромѣ Хаимки, того я не считаю — одинъ и по сію пору живетъ у миссіонеровъ. Принялъ ли онъ крещеніе—этого я не знаю. Слыхалъ я, что комитетъ снова образовался и колонію наконецъ-таки устроили. Изъ моихъ знакомыхъ эмигрантовъ и депутатовъ я многихъ встрѣчалъ. Ни одинъ не возвратилъ своего задатка...

Аркадьевъ.

Одесса.

ПОСЛѢ ПОГРОМА.

На днѣ безпокойнаго моря,
Подъ грозной пучиной валовъ,
Гдѣ сонмище дикихъ чудовищъ
Толпится средь мягкихъ песковъ,—

На днѣ безпокойнаго моря,
Межъ темными грудами скалъ,
Сребрится таинственно жемчугъ,
И блещетъ пурпурный кораллъ.

* * *

Поэтъ! Если звучныя струны
Души благородной твоей
Готовы ужъ грянуть проклятьемъ,
Надъ жертвой пороковъ, страстей—

Знай, въ сердцѣ, гдѣ буря клокочетъ,
И зло и пороки царятъ,
Найдутся и Божіи искры,
Что ярко, какъ жемчугъ, блестятъ.

С. Варгафтигъ.

С.-Петербургъ.
1884 г.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ-ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ.

(*Окончаніе* *).

IV.

Царствованіе Императора Александра II, въ отношеніи улучшенія юридическаго положенія евреевъ-иностранцевъ, представляетъ значительный шагъ впередъ. Политика предшествовавшаго царствованія была направлена къ возможному уменьшенію числа евреевъ. Вслѣдствіе этого принимались мѣры не только къ недопущенію ихъ наплыва извнѣ, но и къ освобожденію отъ собственныхъ подданныхъ евреевъ. Выше мы видѣли уже, что положеніемъ комитета министровъ 15 марта 1824 г. начальству пограничной стражи было вмѣнено въ обязанность отказывать въ пропускѣ изъ-за границы не только иностранныхъ подданныхъ, являющихся для водворенія, но евреевъ русско-подданныхъ, возвращающихся оттуда изъ самовольныхъ отлучекъ. Это распоряженіе было подтверждено и положеніемъ о евреяхъ 1835 г., по которому евреи, отлучившіеся изъ-за границы безъ узаконеннаго дозволенія, исключаются изъ подданства Россіи и къ возврату въ оную не допускаются **. Конечно, поддерживать такое драконовское правило было невозможно потому, что и сосѣднія государства то же не были особенны рады новоприбывшимъ изъ Россіи пришельцамъ и, съ своей стороны, высылали ихъ туда обратно. Ссориться изъ за евреевъ съ правительствами сосѣднихъ державъ

* См. „Восходъ“ кн. 6.

** Ст. 11; В. П. С. З., т. X, № 8054.

было, конечно, неудобно. Вотъ почему и было впослѣдствіи сдѣлано нѣкоторое отступленіе отъ этого правила. Въ 1844 г. государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ касательно примѣненія, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, къ евреямъ, отлучающимся за границу безъ узаконеннаго дозволенія, силы 281 уст. о пасп. и бѣгл. (соотвѣтствующей приведенной ст. 11 положенія о евреяхъ), мнѣніемъ положилъ: оставя эту статью въ силѣ, *какъ законъ общій*, постановить въ видѣ изъятія для евреевъ, высылаемыхъ изъ-за границы сосѣдственными государствами, на основаніи особыхъ условій, слѣдующее правило:

«Евреи, отлучившіеся за границу безъ узаконеннаго дозволенія и установленныхъ видовъ, или съ видами и паспортами просроченными, въ случаѣ высылки ихъ изъ за-границы обратно, по предварительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной принадлежности къ россійскому подданству, принимаются безпрепятственно нашими пограничными начальствами. По пріемѣ сіи евреи препровождаются въ мѣстныя губернскія правленія для поступленія съ ними, по существующимъ узаконеніямъ, какъ съ бродягами, *хотя бы прежнее мѣсто ихъ жительства и общество, къ коему они принадлежатъ, и были извѣстны.* На семъ основаніи означенные евреи обращаются въ военную службу безъ зачета за рекрутъ; а по негодности къ оной, препровождаются въ арестантскія роты безъ права возвращенія въ свои общества, по требованію сихъ послѣднихъ; неспособные же къ работамъ, равно и женщины, ссылаются въ Сибирь на поселеніе».

Установивъ такую гуманную мѣру, государственный совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ вице-канцлеру, если онъ признаетъ возможнымъ и удобнымъ, вступать съ австрійскимъ правительствомъ и правительствами другихъ государствъ, съ которыми заключены конвенціи о выдачѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, въ сношенія касательно назначенія срока, послѣ котораго евреи, отлучившіеся безъ узаконеннаго вида и дозволенія за границу, не должны быть высылаемы обратно за границу *. Декларація по этому предмету была заключена съ Австріей 3 октября 1849 г.,

* Мн. Гос. Сов. 24 янв. 1844; В. П. С. З., т. 19, № 17557.

съ установленіемъ пятилѣтняго давностнаго срока для высылки обратно евреевъ въ Россію *.

Такое неестественное отношеніе правительства къ отлучившимся за границу евреямъ не могло не обратить на себя вниманія Императора Александра II, который въ 1860 г. распространилъ на возвратившихся изъ-за границы евреевъ, кои отлучились туда безъ узаконеннаго дозволенія, статью 33 всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, т. е. даровалъ имъ прощеніе **.

Равнымъ образомъ, въ благопріятномъ смыслѣ былъ разрѣшенъ вопросъ *объ овдовѣвшихъ и разведенныхъ еврейкахъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ супружествѣ съ иностранными подданными, и объ ихъ дѣтяхъ*.

По общему правилу—жены слѣдуютъ состоянію своихъ мужей, слѣдовательно еврейки русско-подданныя, вышедшія замужъ за иностранцевъ, тѣмъ самымъ становились иностранками, и, какъ таковыя, онѣ, въ силу дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи постановленій о евреяхъ иностранцахъ, не могли уже водвориться въ Россіи, ниже вступить въ русское подданство. Между тѣмъ прав. сенатъ, по разсмотрѣніи одного частнаго дѣла, предоставилъ министру внутр. дѣлъ внести въ комитетъ объ устройствѣ евреевъ вопросъ о томъ, могутъ-ли оставаться въ подданствѣ Россіи тѣ изъ евреекъ, которыя, бывъ русскими подданными, вступили въ супружество съ иностранными евреями и потомъ овдовѣли или развелись съ ними. Этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ еврейскимъ комитетомъ, въ 1856 г., въ слѣдующемъ смыслѣ: еврейки русскія подданныя, вступившія въ супружество съ иностранными евреями и вообще съ иностранными подданными, если онѣ, *не оставляя отечества*, овдовѣютъ или разведутся съ мужьями, имѣютъ право, по представленіи доказательствъ о смерти мужей или разводѣ съ ними, возвратиться въ русское подданство. Дѣти отъ этихъ браковъ, оставшіяся при матеряхъ, могутъ находиться при нихъ во все время малолѣтства, а по достиженіи

---

* В. П. С. З., т. 25, № 23845.

** Мн. Гос. Сов. 18 апр. 1860; В. П. С. З., т. 35, № 35709.

совершеннолѣтія, имъ предоставляется объявить, желаютъ-ли они принять подданство Россіи или выѣхать за границу *.

О судьбѣ русскихъ евреекъ пришлось разсуждать комитету объ устройствѣ евреевъ и по другому случаю. Именно, на практикѣ возникъ вопросъ, какъ поступать съ такими еврейками, русскими подданными, вышедшими въ замужество за австрійскихъ евреевъ, которыя ни овдовѣли, ни развелись съ мужьями, но австрійское правительство не признаетъ браковъ мужей ихъ, совершенныхъ безъ дозволенія австрійскаго начальства, и потому не дозволяетъ ни женамъ, ни дѣтямъ подобныхъ евреевъ, переселяться въ Австрію. По Высочайше утвержденному 28 марта 1859 г. положенію еврейскаго комитета вопросъ этотъ разрѣшенъ такъ: 1) еврейкамъ, вступившимъ въ бракъ съ австрійскими подданными, но къ переселенію въ Австрію тамошнимъ начальствомъ недопускаемымъ, предоставить оставаться на мѣстахъ ихъ жительства на правахъ иностранокъ, и, въ случаѣ прекращенія брака смертью мужа или разводомъ, возвращаться въ русское подданство; 2) малолѣтнимъ дѣтямъ, родившимся отъ такихъ браковъ евреекъ русскихъ подданныхъ съ австрійскими евреями, дозволить оставаться при матеряхъ до совершеннолѣтія, съ тѣмъ, чтобы потомъ въ теченіи одного года, они или приняли подданство Россіи или выѣхали за границу; и 3) разрѣшить матерямъ, а въ случаѣ ихъ смерти, ближайшимъ родственникамъ, причислить таковыхъ родившихся въ Россіи дѣтей и прежде совершеннолѣтія въ составъ семействъ, къ которымъ ихъ матери по происхожденію своему принадлежатъ **.

Другое облегченіе коснулось евреевъ Царства Польскаго. Хотя переселеніе евреевъ изъ Царства Польскаго было запрещено, какъ мы видѣли выше, еще въ 1828 году, тѣмъ не менѣе, въ силу необходимости, евреи, по мѣрѣ фактической возможности, все-таки переселялись. Если съ этимъ фактомъ могла не считаться администрація прежняго времени, то этого нельзя сказать о новомъ направленіи. По представленію министра внутр. дѣлъ о дозволеніи евреямъ Царства Польскаго переселяться въ Имперію,

---

* Сен. ук., по Выс. пов., 25 авг. 1856; В. П. С. З., т. 31, № 30876.

** В. П. С. З., т. 34, № 34293.

по положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, 13 мая 1857 г., Высочайше повелѣно:

1. Тѣмъ изъ евреевъ Царства Польскаго, кои проживаютъ въ Имперіи по торговымъ и семейнымъ дѣламъ съ давняго времени (не менѣе десяти лѣтъ) дозволить перечисляться къ обществамъ въ чертѣ общей осѣдлости евреевъ, если эти общества изъявятъ согласіе на принятіе ихъ.

2. Разрѣшить перечисляться изъ Царства въ тѣ мѣста Имперіи, гдѣ дозволено постоянное водвореніе евреевъ: а) выписываемымъ, по усмотрѣнію правительства, изъ Царства раввинамъ, учителямъ, имѣющимъ на сіе званіе свидѣтельства учебнаго начальства и медикамъ; б) гильдейскимъ купцамъ, занимающимся торговыми оборотами въ Имперіи; в) тѣмъ изъ евреевъ, кто устроитъ фабрику или заводъ (кромѣ винокуренныхъ), или значительное ремесленное заведеніе; г) выписываемымъ фабрикантами изъ евреевъ мастерамъ для производства мануфактурныхъ работъ, если послѣ пятилѣтняго пребыванія ихъ на фабрикахъ представятъ отъ хозяевъ и мѣстныхъ начальствъ удостовѣреніе о своемъ искусствѣ и безпорочномъ поведеніи.

3. Таковое разрѣшеніе давать установленнымъ въ приложеніи къ ст. 191 т. 9 Св. Зак. о сост. порядкомъ для переселенія обывателей Царства въ Имперію, съ тѣмъ, чтобы дозволительныя на сіе свидѣтельства выдаваемы были Правительственною Коммисіей Внутреннихъ Дѣлъ Царства Польскаго, не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ *.

Правительство на этомъ не остановилось. Какъ извѣстно, 16 Марта 1859 г. послѣдовало Высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта о дозволеніи евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и евреямъ иностраннымъ подданнымъ права жительства и торговли въ Россіи, *внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ* **. По представленію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ это же дозволеніе распространено было въ 1860 г. и на евреевъ купцовъ 1-й гильдіи Царства Польскаго, съ тѣмъ однако же, чтобы пе-

* Сен. ук. 13 мая 1857 г.; В. П. С. З. т. 32, № 31830.

** Тамъ же, т. 34, № 34248.

реселеніе ихъ на этомъ основаніи было разрѣшаемо не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ Царства съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Имперіи *.

Польская смута шестидесятыхъ годовъ повлекла за собой коренное измѣненіе административныхъ порядковъ Царства Польскаго и отношеній его къ Имперіи. Царство обратилось въ провинцію Россійской имперіи, раздѣленную на губерніи, со введеніемъ въ нихъ общаго административнаго строя. Это измѣненіе повлекло за собою и измѣненіе въ порядкѣ перечисленія жителей Имперіи въ губерніи Царства Польскаго, равно какъ жителей этихъ губерній въ прочія части Имперіи, причемъ не были забыты и евреи. Именно въ Именномъ указѣ, данномъ прав. сенату 26 іюня 1868 г. содержится такого рода примѣчаніе 2: «Евреи изъ вышепоименованныхъ 10 губерній могутъ перечисляться во всѣ мѣста Имперіи, лежащія въ общей чертѣ ихъ осѣдлости; въ другія же части Имперіи могутъ перечисляться только тѣ изъ нихъ, коимъ право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи даровано особыми распоряженіями правительства **.

Такимъ образомъ, съ 1868 г. окончательно упразднены всѣ существовавшія прежде ограниченія относительно переселенія евреевъ Царства Польскаго въ Россію, въ губерніи общей черты еврейской осѣдлости.

Что касается *иностранныхъ евреевъ въ собственномъ смыслѣ*, то въ этомъ отношеніи необходимо сдѣлать различіе между среднеазіатскими евреями и европейскими, разумѣя подъ ними евреевъ другихъ странъ. Что касается *среднеазіатскихъ* евреевъ, то, какъ мы видѣли выше, въ 1842 г. разрѣшено было евреямъ изъ Средней Азіи пріѣзжать вообще на Оренбургскую линію для дѣлъ торговыхъ и производить тамъ таковыя наравнѣ съ хивинцами и бухарцами. Но вступать въ русское подданство они не могли за силою общаго запрещенія принимать евреевъ въ русское подданство. Но наступило другое время. Вслѣдствіе ходатайства Оренбургскаго генералъ-губернатора о дозволеніи евреямъ бухарскимъ,

---

* Выс. утв. 4 янв. 1860 г. Мн. Госуд. Сов.; В. П. С. З., т. 35, № 35317.

** В. П. С. З. т. 43, № 46038.

хивинскимъ и другихъ средне-азіатскихъ владѣній, вступать въ русское подданство и представленія объ этомъ министра внутр. дѣлъ, комитетъ министровъ полагалъ: не отмѣняя установленнаго ст. 1516 т. IX Св. Зак., изд. 1857 г., воспрещенія о принятіи евреевъ въ русское подданство, предоставить, въ видѣ исключенія, Оренбургскому генералъ-губернатору право, по надлежащемъ удостовѣреніи въ благонадежности, разрѣшать вступленіе въ наше подданство евреямъ бухарскимъ и хивинскимъ и другихъ средне-азіатскихъ владѣній, съ приписку этихъ лицъ къ пограничнымъ городамъ Оренбургскаго края, подъ условіемъ поступленія въ купеческія гильдіи и съ предоставленіемъ имъ правъ, для евреевъ русскихъ подданныхъ установленныхъ *.

Относительно же *европейскихъ* евреевъ сдѣлано слѣдующее:

1. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ открыты внутреннія губерніи. Именно пріѣзжающимъ въ Россію изъ за-границы евреямъ-иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по общественному своему положенію и обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволено, по усмотрѣнію и особому каждый разъ разрѣшенію министровъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банкирскія конторы на основаніи общихъ узаконеній о правахъ иностранныхъ гостей, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по 1-й гильдіи **. Права этихъ собственно евреевъ расширены въ 1860 г. дозволеніемъ имъ также устройства фабрикъ, пріобрѣтенія и найма недвижимыхъ ненаселенныхъ имуществъ ***. И наконецъ, по представленію намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше повелѣно было распространить законъ 16 марта 1859 г. и на Закавказскій край, съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе евреямъ иностраннымъ подданнымъ производить за Кавказомъ торговлю и учреждать банкирскія конторы зависѣло отъ намѣстника кавказскаго, по сношенію въ потребныхъ случаяхъ, съ министрами иностранныхъ дѣлъ и финансовъ ****.

---

* Законъ 29 апрѣля 1866 г.; В. П. С. З., т. 41, № 43247.

** Законъ 16 марта 1859 г.; В. П. С. З. т. 34, № 34248.

*** Имен. ук. 7 іюня 1860 г.; В. П. С. З., т. 35, № 35880.

**** Сен. ук. 26 іюля 1860 г.; В. П. С. З., т. 35, № 36043.

Независимо отъ этого, по закону 26 декабря 1877 г. евреямъ иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, *кои пріѣзжаютъ въ предѣлы Имперіи временно, для закупки и вывоза заграницу русскихъ произведеній*, могутъ быть выдаваемы торговыя свидѣтельства первой гильдіи, по взаимному каждый разъ соглашенію означенныхъ трехъ министерствъ (Уст. Торг. ст. 128, прим. 3, п. 6, по прод. 1879 г.).

Недостатокъ этихъ узаконеній заключается въ томъ, что дозволеніе или недозволеніе упомянутымъ въ нихъ евреямъ-иностранцамъ производить въ Россіи торговлю и проч. предоставлено усмотрѣнію трехъ министровъ. Такое усмотрѣніе при извѣстныхъ вѣяніяхъ въ административныхъ сферахъ можетъ сдѣлать фиктивнымъ самое право для тѣхъ, которые пожелали бы воспользоваться имъ. Но понятно, разъ дозволеніе дано, оно уже не можетъ быть взято назадъ по усмотрѣнію.

2. Сохранено изданное въ 1839 г. правило о томъ, что иностраннымъ евреямъ, особенно коммиссіонерамъ значительныхъ заграничныхъ купеческихъ домовъ, дозволяется посѣщать извѣстныя въ Россіи мануфактурныя и торговыя мѣста и оставаться тамъ извѣстное, по усмотрѣнію, время. Облегченіе сдѣлано въ томъ отношеніи, что, вмѣсто требуемаго закономъ 1839 года разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предоставлено одному министру внутреннихъ дѣлъ право окончательно разрѣшать прошенія этихъ евреевъ. Но при этомъ оговорено, что банкирамъ и главамъ извѣстныхъ значительныхъ торговыхъ домовъ — посольства и консульства могутъ, и безъ предварительнаго разрѣшенія министерства вн. дѣлъ, выдавать и свидѣтельствовать паспорты на пріѣздъ въ Россію, на общемъ основаніи объ иностранцахъ, отправляющихся въ Россію, съ тѣмъ, чтобы о каждой выдачѣ и засвидѣтельствованіи паспортовъ такимъ евреямъ доводимо было до свѣдѣнія министерства вн. дѣлъ и III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи *.

Изложенныя правила касаются торговли и пріѣзда евреевъ-

* Зак. 29 іюля 1869 г.; В. П. С. З., т. 35, № 36051.

иностранцевъ въ Россію, безъ различія губерній, назначенныхъ для жительства евреевъ, отъ губерній, лежащихъ внѣ этой черты. Поэтому лицо, получившее указанное разрѣшеніе, можетъ пользоваться имъ на пространствѣ всей Имперіи, т. е. и въ чертѣ и внѣ черты осѣдлости. Что же касается положенія обыкновенныхъ, такъ сказать, евреевъ-иностранцевъ въ чертѣ осѣдлости, куда они всегда могли пріѣзжать на извѣстный срокъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ и торговать, то въ этомъ отношеніи нельзя не указать на слѣдующее:

Городъ Одесса, какъ бойкое торговое мѣсто, всегда привлекалъ массу евреевъ. Можетъ быть имъ-то онъ, главнымъ образомъ и обязанъ своимъ развитіемъ *. Хотя по дѣйствовавшимъ законамъ евреи-иностранцы не въ правѣ были тамъ водвориться на продолжительное время, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, законъ, идущій въ разрѣзъ съ потребностями дѣйствительной жизни, не всегда приводится въ исполненіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Люди пріобрѣтали осѣдлость, имѣли постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности. Какъ не считаться съ такимъ фактомъ? Наступилъ благопріятный моментъ и этотъ фактъ былъ признанъ нашимъ правительствомъ. По положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, Государь Императоръ, 4 іюня 1861 г., Высочайше повелѣлъ: дозволить дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ евреевъ, которые, проживая въ этомъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ немъ осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить доказательства своей благонадежности, разрѣшивъ этимъ лицамъ и заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность мѣстному начальству имѣть постоянное наблюденіе, какъ за непремѣнной уплатой помянутыми евреями установленныхъ ст. 528 Уст. о пасп. и бѣгл. повинностей, такъ и о примѣненіи ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу иностраннымъ евреямъ во всей строгости изъясненныхъ въ той статьѣ правилъ **.

---

* „Восходъ“, 1884 г., кн. 4, статья Блюменфельда: „Торгово-промышленная дѣятельность евреевъ въ Одессѣ“.

** В. П. С. З., т. 36, № 37079.—Упомянутая здѣсь ст. 523 уст. о пасп. гласитъ: „евреи, пріѣзжающіе въ Россію по дѣламъ торговли могутъ имѣть пре-

Изъ всего изложеннаго видно, такимъ образомъ, что въ царствованіе Императора Александра II юридическое положеніе евреевъ - иностранцевъ измѣнилось къ лучшему въ слѣдующемъ отношеніи:

а) Еврейки русскія подданныя, вступившія въ супружество съ иностранными подданными и потомъ овдовѣвшія или разведшіяся съ мужьями, но не оставившія Россіи, получили право возвратиться въ русское подданство. Тоже и относительно евреекъ, вступившихъ въ бракъ съ австрійско-подданными.

б) Дѣти отъ такихъ браковъ, оставшіяся при матеряхъ, равнымъ образомъ, получили право, по достиженіи совершеннолѣтія, принять русское подданство.

в) Евреи Царства Польскаго перестали считаться наравнѣ съ иностранно-подданными, получивъ право перечисляться въ губерніи, входящія въ черту общей осѣдлости евреевъ.

г) Евреямъ среднеазіатскихъ владѣній предоставлено, съ надлежащаго разрѣшенія, вступать въ русское подданство, съ приписку этихъ лицъ къ пограничнымъ городамъ Оренбургскаго края.

д) Прочимъ евреямъ-иностранцамъ предоставлено, съ разрѣшенія трехъ министерствъ, производить торговлю, учреждать банкирскія конторы, устраивать фабрики, пріобрѣтать и арендовать недвижимости во всей Имперіи и Закавказскомъ краѣ.

е) Банкирамъ и главамъ извѣстныхъ значительныхъ торговыхъ домовъ разрѣшено пріѣзжать въ Россію, на общемъ основаніи объ иностранцахъ, по паспортамъ, выдаваемымъ русскими миссіями и посольствами.

ж) Иностраннымъ евреямъ, продолжительное время проживающимъ въ Одессѣ, предоставлено, при извѣстныхъ условіяхъ, дальнѣйшее тамъ пребываніе не только для торговли, но и для занятія мастерствами съ запискою въ цехъ.

бываніе въ мѣстахъ общей осѣдлости евреевъ въ теченіи одного года на правѣ временно заѣзжихъ иностранныхъ купцовъ, въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ при биржѣ или въ чертѣ таможенной; причемъ въ послѣднюю половину года ихъ пребыванія, взимаются съ нихъ установленныя повинности по свидѣтельству купцовъ второй гильдіи, также повинности городскія и земскія».

V.

Указанный историческій ходъ развитія законодательства о евреяхъ-иностранцахъ даетъ достаточное понятіе о юридическомъ положеніи этихъ лицъ въ Россіи. Но для большей еще полноты считаемъ нелишнимъ изложить догматически дѣйствующіе теперь, по своду законовъ, законоположенія по этому предмету.

Эти законоположенія содержатся въ IX, XI и XIV томахъ. По ст. 991 тома IX (изд. 1876 г.), иностранцы всѣхъ вообще націй, не исключая караимовъ, имѣютъ право свободнаго пріѣзда и пребыванія въ Россіи, а равно и выѣзда изъ оной на основаніи правилъ, постановленныхъ въ уставѣ о паспортахъ. Относительно же евреевъ постановлено: иностранцы изъ евреевъ не допускаются къ переселенію въ Россію или вступленію въ россійское подданство. (Ст. 992 IX т. изд. 1876 г.).

Эта статья (992) выражаетъ собою двоякое начало: принципъ недопущенія евреевъ къ переселенію въ Россію и принципъ недопущенія ихъ ко вступленію въ русское подданство. Но тому и другому началу нанесены уже чувствительные удары. Не говоря уже о евреяхъ Царства Польскаго, получившихъ право свободнаго переселенія въ Россію, въ губерніи общей черты осѣдлости евреевъ, нельзя не указать и на постановленіе ст. 530 т. 14 уст. о пасп., по которой изъ числа иностранныхъ евреевъ допускаются къ постоянному водворенію въ чертѣ осѣдлости всѣ тѣ лица, о которыхъ говорится въ цитированной выше ст. 121 положенія о евреяхъ 1835 г., и которые при извѣстныхъ условіяхъ могутъ даже быть приняты въ русское подданство, а именно раввины и медики, выписываемые правительствомъ изъ заграницы, лица пріѣзжающіе съ намѣреніемъ учредить фабрики и заводы, и мастера, выписанные фабрикантами изъ евреевъ, для производства мануфактурныхъ работъ. Далѣе, къ лицамъ, переселеніе которыхъ въ Россію дозволено, слѣдуетъ отнести и тѣхъ евреевъ, которые получили разрѣшеніе трехъ министерствъ на производство торговли и проч. (ст. 128 прим. 3 Уст. Торг. по пр. 1876). Равнымъ образомъ и дозволеніе дальнѣйшаго, безъ ограниченія какимъ-либо срокомъ, пребыванія въ Одессѣ иностранныхъ евреевъ, о кото-

рыхъ говорено было выше *, тоже нарушаетъ, конечно, цѣлостность принципа о недозволеніи переселенія евреевъ въ Россію.

Что же касается начала недопущенія евреевъ-иностранцевъ ко вступленію въ русское подданство, то и это начало существенно нарушено допущеніемъ къ принятію въ подданство среднеазіатскихъ евреевъ **, евреекъ, ставшихъ иностранками вслѣдствіе брака съ иностранными евреями, и прижитыхъ отъ этихъ браковъ дѣтей ***, лицъ, пріѣзжающихъ для устройства фабрикъ, и выписываемыхъ изъ заграницы мастеровъ ****.

Такимъ образомъ начало, выраженное въ 992 статьѣ т. IX св. зак., далеко не безусловно. Но разъ допущены исключенія, то нѣтъ основанія и въ другихъ уважительныхъ случаяхъ не допускать и дальнѣйшихъ исключеній. Почему, напримѣръ, иностранцамъ, пріобрѣвшимъ осѣдлость въ Одессѣ, дозволить безсрочное тамъ пребываніе и отказывать въ томъ же евреямъ иностранцамъ, пріобрѣвшимъ осѣдлость и продолжительное время живущимъ, положимъ, въ г. Ковнѣ или другихъ мѣстахъ черты еврейской осѣдлости? Время—это такой факторъ, который могущественно вліяетъ на факты и правоотношенія: нерѣдко оно простой фактъ превращаетъ въ право, а съ другой стороны оно и самое право уничтожаетъ вслѣдствіе непользованія имъ. Если же принять въ соображеніе, что продолжительное пребываніе евреевъ-иностранцевъ въ извѣстной мѣстности и пріобрѣтеніе ими тамъ осѣдлости не можетъ совершиться безъ вѣдома властей, то окажется, что и справедливость требуетъ допущенія въ уважительныхъ случаяхъ дальнѣйшихъ изъ ст. 992 IX т. исключеній, если, но непонятнымъ впрочемъ для простыхъ смертныхъ соображеніямъ, еще не настало время совсѣмъ отмѣнить правило, выраженное въ этой статьѣ.

Что касается правъ иностранцевъ *по торговлѣ*, то въ этомъ отношеніи, въ ст. 1001 IX т., изд. 1876 г. выражено общее правило, что иностранцамъ дозволяется брать какъ купеческія или

---

* Ст. 530, примѣч., т. XIV, Уст. о пасп., по прод. 1876 г.

** Т. IX, ст. 992 примѣч., изд. 1876 г.

*** Тамъ же ст. 993 и примѣч.

**** Ст. 530, пп. 3 и 4, т. 14, уст. о пасп. изд. 1857 г.

гильдейскія, такъ и промысловыя свидѣтельства, и пользоваться всѣми соединенными со взятіемъ такихъ свидѣтельствъ правами, наравнѣ съ природными подданными Имперіи. Въ отношеніи же евреевъ прибавлено къ этой статьѣ примѣчаніе, что права по торговлѣ, предоставляемыя какъ пріѣзжающимъ изъ заграницы евреямъ, иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, такъ равно и азіатцамъ, излагаются въ уставѣ торговомъ. Обращаясь же къ послѣднему, оказывается, что въ п. 5 примѣч. 3 ст. 128 по прод. 1876 г. выражено, что «пріѣзжающимъ изъ заграницы евреямъ иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволяется, на основаніи особаго, по усмотрѣнію министровъ финансовъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, каждый разъ на сіе разрѣшенія, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банкирскія конторы, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по первой гильдіи. Симъ собственно евреямъ дозволяется также устройство фабрикъ, пріобрѣтеніе и наемъ недвижимыхъ ненаселенныхъ имѣній, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ законахъ о состояніяхъ».

И такъ, по смыслу этой статьи выходитъ, что право на торговлю въ Россіи имѣютъ только тѣ евреи, которые получили на это разрѣшеніе отъ трехъ министровъ. А такъ какъ такое разрѣшеніе можетъ быть, въ силу самаго закона, дано лишь лицамъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, то, слѣдовательно, всѣ другія, не подходящія подъ эти условія, лица не пользуются правомъ торговли.

Но такое заключеніе не будетъ вполнѣ вѣрно. Дѣло въ томъ, что приведенная выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, ст. 528 уст. о пасп., изд., 1857 г. не можетъ считаться отмѣненной съ изданіемъ 16 марта 1859 г. и 7 іюня 1860 г. узаконенія, изложеннаго въ прописанномъ 5 п. примѣчанія 3 къ ст. 128 уст. торг., другими словами: въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ, при биржѣ или въ чертѣ таможенной евреи-иностранцы вообще пользуются и теперь правомъ торга въ теченіи одного года, не нуждаясь въ разрѣшеніи какихъ-либо министерствъ. Что статья эта не отмѣнена, видно изъ изложеннаго выше закона относительно евреевъ-

иностранцевъ въ г. Одессѣ. Законъ этотъ послѣдовалъ 4 іюня 1861 г., т. е. послѣ изданія законовъ 16 марта 1859 г. и 7 іюня 1860 г., а между тѣмъ въ немъ именно предписывается примѣнять ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу евреямъ-иностранцамъ во всей строгости изъясненныхъ въ ст. 528 уст. о пасп. правилъ, какъ объ уплатѣ ими установленныхъ торговыхъ, городскихъ и земскихъ повинностей, такъ и о производствѣ торговли лишь въ теченіи одного года въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Если же и въ 1861 году предписывалось 528 статью примѣнять, значитъ онане была отмѣнена означенными узаконеніями и продолжаетъ дѣйствовать и теперь. Впрочемъ, статья эта значится, по прод. 1876 г. къ уставу о паспортахъ, замѣненной правилами, приложенными къ ст. 486 (примѣч.) этого устава, въ которыхъ, впрочемъ, говорится не о торговлѣ евреевъ-иностранцевъ, а о порядкѣ выдачи имъ паспортовъ.

И такъ, правомъ торговли въ Россіи пользуются какъ лица, получившія установленное разрѣшеніе трехъ министерствъ—повсемѣстно, такъ и евреи-иностранцы вообще, въ теченіи одного года, въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ, при биржѣ или въ чертѣ таможенной, но, конечно, въ предѣлахъ черты еврейской осѣдлости.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что когда правительство находило нужнымъ развить въ Россіи какую нибудь отрасль торговли, то оно не брезгало и евреями для достиженія этой цѣли. Такъ, Высочайше утв. 30 апрѣля 1840 г. положеніемъ комитета министровъ дозволено было, въ видѣ опыта, на три года, какъ россійскимъ подданнымъ всѣхъ состояній, такъ и иностранцамъ, *со включеніемъ иностранныхъ евреевъ*, производить по всему теченію Днѣстра совершенно свободную торговлю иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, не только оптомъ, но и въ розницу *. Такое же постановленіе послѣдовало въ 1841 г. относительно торговли лѣснымъ товаромъ по теченію рѣки Прута **. Тоже допущено и въ послѣдующее время въ 1847, 1861, 1867, 1871, 1872 гг. ***.

Относительно *записки иностранцевъ въ цехи* имѣется общее

---

* В. П. С. З., т. 15, № 13483.

** Полож. ком. мин. 15 апр. 1841; тамъ же, т. 16, № 14457.

*** В. П. С. З., т. 36, № 37089; т. 42, № 44996; Соб. уз. 1871 г., № 586; за 1872 г., № 275.

правило, что иностранцамъ, не принявшимъ присяги на подданство и имѣющимъ узаконенные виды для свободнаго жительства, дозволяется вступленіе въ цехи по всѣмъ вообще городамъ Имперіи. Но при этомъ сдѣлана маленькая прибавка: «кромѣ евреевъ», съ оговоркой, впрочемъ, относительно иностранныхъ евреевъ, проживших продолжительное время въ Одессѣ, пріобрѣвшихъ тамъ осѣдлость, имѣющихъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могущихъ представить доказательства своей благонадежности. Этимъ только лицамъ и разрѣшается заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ въ г. Одессѣ *.

Для предотвращенія же возможности вступленія евреевъ въ цехъ подъ видомъ христіанъ, предписывается отъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію, для поступленія въ цехи, требовать предварительно предъявленія свидѣтельства заграничной консисторіи или другаго высшаго духовнаго начальства, что они и пріѣхавшія съ ними семейства ихъ суть христіане **.

Впрочемъ, мастера, выписываемые фабрикантами изъ евреевъ для производства мануфактурныхъ работъ, допускаются въ Россіи къ этимъ работамъ ***; но для производства этихъ работъ не требуется записки въ цехъ (т. XI, уст. о промышл. фаб., ст. 51, изд. 1879 г.).

И такъ и по производству ремеслъ съ запискою въ цехъ евреи-иностранцы почти лишены всякихъ правъ.

Что касается, засимъ, права *пріобрѣтенія имуществъ* въ Россіи, то въ отношеніи иностранцевъ вообще дѣйствуетъ правило, по которому иностранцы могутъ пріобрѣтать какъ чрезъ куплю, такъ и по наслѣдству, завѣщаніямъ, дарственнымъ записямъ, отводамъ отъ казны и т. п. всякаго рода движимыя и недвижимыя имущества, по правиламъ, въ законахъ гражданскихъ постановленнымъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ имуществъ, коими, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, могутъ владѣть только принадлежащіе къ россійскому потомственному дворянству и иностранцы, получившіе право на оное.

---

* Ст. 97 и примѣч. Уст. ремесл. изд. 1879 г.

** Тамъ же, ст. 98.

*** Т. 14, Уст. о пасп., ст. 530, п. 4, изд. 1857 г.; т. XI Уст. о пром. фабр. и завод., ст. 72, п. 2, изд. 1879 г.

Мы видѣли уже выше, что право пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ въ Россіи положительно предоставлено евреямъ, получившимъ разрѣшеніе отъ трехъ министерствъ на право производства торговли въ Россіи. Возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли такое право и другіе иностранцы-евреи въ чертѣ общей осѣдлости евреевъ. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, повидимому, долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ въ отношеніи владѣнія недвижимостью. По закону (ст. 959 IX т. по прод. 1876 г.), евреи (подданные) въ чертѣ общей ихъ осѣдлости, равно какъ и вездѣ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе, могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность всякаго рода, кромѣ имѣній населенныхъ. Наоборотъ, имѣніе недвижимое не населенное, доставшееся евреямъ по наслѣдству внѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ владѣніе таковымъ дозволяется, они обязаны продать въ теченіи шести мѣсяцевъ. Правило, постановленное въ этой статьѣ, распространяется *на иностранныхъ евреевъ, получившихъ въ Россіи недвижимыя имѣнія по наслѣдству* (тамъ же, ст. 960).

И такъ, имущество, доставшееся иностранцамъ-евреямъ *въ Россіи вообще* (а не только внѣ черты еврейской осѣдлости), даже по наслѣдству, они обязаны продать, на томъ, конечно, основаніи, что они, не имѣя права постояннаго пребыванія въ Россіи, не имѣютъ права и владѣть недвижимостью. Отсюда можно, повидимому, придти къ заключенію, что хотя путемъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія недвижимое имущество и можетъ дойти до еврея-иностранца, но самое владѣніе таковымъ еврею-иностранцу запрещено въ Россіи.

Относительно *управленія* недвижимыми поземельными *имѣніями и найма таковыхъ* тоже содержится исключеніе во вредъ евреямъ. По ст. 1004 IX т. Св. Зак. изд. 1876 г. иностранцы, *кромѣ евреевъ*, могутъ, по довѣренности владѣльцевъ населенныхъ имѣній, управлять такими имѣніями на правѣ приказчиковъ. Они могутъ также нанимать и содержать въ арендѣ, поссессіи и, вообще, на основаніи всякаго рода не воспрещаемыхъ законами обязательствъ, недвижимыя населенныя и ненаселенныя имущества, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ условій и ограниченій, какія установлены для природныхъ подданныхъ Имперіи.

Исключеніе изъ этого правила, какъ мы видѣли уже выше,

установлено въ пользу евреевъ-иностранцевъ, получившихъ установленное разрѣшеніе: они могутъ пріобрѣтать и нанимать недвижимыя ненаселенныя имѣнія.

Далѣе, иностранцамъ, взявшимъ купеческое или гильдейское свидѣтельство, дозволяется, на правахъ предоставленныхъ вообще купцамъ обѣихъ гильдій, устраивать фабрики и заводы, безъ вступленія въ подданство (ст. 1005 IX т. изд. 1876 г.). Въ отношеніи же евреевъ существуетъ то ограниченіе, что устраивать фабрики и заводы въ чертѣ еврейской осѣдлости могутъ, на основаніи п. 3 ст. 530 Уст. о пасп., изд. 1857 г., лишь тѣ евреи, кои пріѣзжать будутъ съ намѣреніемъ учредить фабрики и заводы, кромѣ винокуренныхъ, и для сего предъявятъ капитала не менѣе 15.000 р. Евреи эти, при самомъ пріѣздѣ въ Россію, даютъ подписку въ томъ, что учредятъ помянутыя заведенія непремѣнно въ теченіи трехлѣтняго срока. При неисполненіи сего они высылаются за границу. По исполненіи же могутъ быть приняты въ подданство и должны избрать узаконенное состояніе. Этотъ 3 пунктъ ст. 530 значится, по прод. 1876 г., измѣненнымъ ссылкою на примѣчаніе 3 къ ст. 128 уст. торг. о пріѣзжающихъ въ Россію для торговли иностранныхъ евреяхъ, получившихъ установленное разрѣшеніе трехъ министерствъ. А изъ этого, повидимому, слѣдуетъ заключить, что право устраивать въ Россіи фабрики имѣютъ въ настоящее время одни эти евреи-иностранцы, но, конечно, не въ одной чертѣ, а повсемѣстно въ Россіи.

Что касается, наконецъ, права евреевъ-иностранцевъ, за исключеніемъ лицъ, получившихъ установленное разрѣшеніе, на пріѣздъ и пребываніе въ Россіи, то: 1) пріѣздъ и пребываніе такимъ лицамъ дозволяется лишь въ чертѣ еврейской осѣдлости, причемъ въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ должно быть означаемо, что они имѣютъ дѣйствіе единственно въ мѣстахъ, для постояннаго жительства евреевъ опредѣленныхъ*. Паспорты выдаются иностранцамъ отъ губернаторовъ на годъ, по прошествіи котораго иностранецъ долженъ испросить новый паспортъ у начальника той губерніи, въ предѣлахъ которой онъ будетъ находиться при исте-

* Уст. о пасп., прил. къ ст. 486 (прим.), ст. 8, прим. 2, по прод. 1873 г.

ченіи сего срока *. А такъ какъ для евреевъ никакого исключенія въ этомъ отношеніи не сдѣлано, то слѣдуетъ думать, что и евреи могутъ испрашивать себѣ новые паспорты; 2) банкирамъ и главамъ извѣстныхъ торговыхъ домовъ посольства и консульства могутъ выдавать и свидѣтельствовать паспорты на пріѣздъ въ Россію, на общемъ основаніи объ иностранцахъ. Равнымъ образомъ и коммиссіонеры значительныхъ заграничныхъ купеческихъ домовъ могутъ, съ надлежащаго разрѣшенія, посѣщать извѣстныя въ Россіи торговыя и мануфактурныя мѣста, оставаясь тамъ извѣстное время по своему усмотрѣнію **. На тѣхъ и другихъ не распространяется ограниченіе пребыванія лишь въ чертѣ осѣдлости; 3) мѣстныя начальства строго наблюдаютъ, чтобы иностранные евреи отнюдь не проживали въ недозволенныхъ для пребыванія ихъ мѣстахъ подъ именемъ христіанъ. Если же таковые откроются, то дѣйствительные иностранцы, а также выѣхавшіе изъ Финляндіи, немедленно высылаются изъ Россіи***; 4) впускъ въ предѣлы Имперіи румынскихъ евреевъ, неимѣющихъ средствъ къ существованію въ Россіи, воспрещается на основаніи закона 23 марта 1879 г. ****.

Вотъ собственно всѣ существенныя узаконенія, коими опредѣляется по дѣйствующему законодательству положеніе евреевъ-иностранцевъ въ Россіи. О томъ же, насколько положеніе это измѣняется вслѣдствіе заключенныхъ Россіей съ иностранными державами трактатовъ, мы поговоримъ въ другой разъ.

Изъ изложеннаго видно, что юридическое положеніе евреевъ-иностранцевъ въ Россіи хотя и улучшилось нѣсколько въ царствованіе Императора Александра II, но до сихъ поръ представляется крайне ненормальнымъ, какъ ненормально вообще положеніе евреевъ въ Россіи.

Эти ненормальности, въ особенности же высылка иностранныхъ евреевъ изъ Россіи только потому, что они евреи, послужила даже поводомъ ко взаимнымъ пререканіямъ между нашимъ правитель-

---

* Тамъ же, ст. 8.

** Тамъ же, ст. 2.

*** Уст. о пасп. ст. 531, по прод. 1876 г.

**** Тамъ же, ст. 487, по прод. 1881 г.

ствомъ и другими. Такъ, напримѣръ, по дѣлу о высылкѣ въ 1881 г. изъ Петербурга англійскаго подданнаго, еврея Левинсона, лондонскій кабинетъ называлъ эту мѣру несогласной ни съ трактатами, заключенными между Россіей и Англіей, ни съ началами международнаго права, ни съ условіями правильныхъ международныхъ сношеній, которыя должны существовать между образованными государствами. Профессоръ с.-петербургскаго университета, Ф. Мартенсъ возражаетъ противъ этого тѣмъ, что каждое государство свободно принимать въ отношеніи иностранцевъ всѣ мѣры, какія оно найдетъ цѣлесообразными, лишь бы онѣ не нарушали заключенныхъ имъ трактатовъ и не исключали безусловно международныхъ съ нимъ сношеній *.

При всемъ уваженіи къ глубокой эрудиціи автора, навряд ли можно согласиться съ его возраженіемъ. Государство, конечно, можетъ принимать противъ иностранцевъ всѣ мѣры, какія оно находитъ цѣлесообразными, но лишь по стольку, по скольку онѣ не нарушаютъ международнаго общенія. Основной принципъ международнаго общенія — это взаимность и равноправность. Какая же взаимность и равноправность могутъ быть тамъ, гдѣ подданные одного государства (Россіи) пользуются въ другомъ (Англіи) всѣми правами безъ всякихъ стѣсненій, въ то время, когда первое изъ нихъ высылаетъ изъ своихъ предѣловъ подданныхъ втораго государства только потому, что они исповѣдываютъ еврейскую религію?

М. Мышъ.

С.-Петербургъ, Май 1884 г.

---

* Ф. Мартенсъ, Современное международное право, т. 1, стр. 388.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕВРЕЙСКІЙ НЕКРАСОВЪ.

«Kol Schire Jehuda L. Gordon». Полное собраніе стихотвореній Л. О. Гордона, въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1884.

Литературная репутація г. Гордона давно уже прочно установилась. Почти тридцатилѣтняя дѣятельность на поприщѣ еврейской поэзіи и литературы стяжала ему славу лучшаго національнаго поэта настоящаго времени,—славу, какая весьма рѣдко выпадала на долю предшественниковъ г. Гордона. Дѣйствительно будучи въ историческомъ порядкѣ „однимъ изъ стаи славной" литературныхъ орловъ недавняго прошлаго, способствовавшихъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ возрожденію древне-еврейскаго языка и литературы,—г. Гордонъ въ послѣдующей своей дѣятельности значительно переросъ своихъ предшественниковъ и сверстниковъ въ отношеніи сознательности, жизненности и содержательности своей поэзіи. Въ настоящее время, когда на нивѣ еврейской литературы водится по большой части мелкая птица,—литературный образъ г. Гордона выдается еще ярче, рельефнѣе, подобно полосѣ свѣта на темномъ, гладкомъ фонѣ.

Еврейская читающая публика, всегда отличавшаяся какимъ-то сентиментальнымъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ практическимъ равнодушіемъ къ писателямъ и въ особенности къ поэтамъ, выказала по отношенію къ г. Гордону особое вниманіе. Не далѣе какъ три года тому назадъ, осенью 1881 года, кружокъ еврейскихъ литераторовъ и учащейся молодежи торжественно праздновалъ въ Петербургѣ день 25-тилѣтняго юбилея литературной дѣятельности почтеннаго поэта; торжество это нашло себѣ сочувственный откликъ и въ средѣ провинціальной интеллигенціи.

Лежащее предъ нами, только что вышедшее полное собраніе стихотвореній г. Гордона издано также, какъ значится на заглавномъ листѣ и въ предисловіи, „Кружкомъ любителей древне-еврейскаго языка въ С.-Петербургѣ". Такимъ образомъ, наиболѣе интеллигентная часть еврейскаго общества по достоинству оцѣнила литературное значеніе г. Гордона. Что же, послѣ этого, остается сказать критикѣ о популярномъ поэтѣ?

Критикѣ многое остается сказать, почти все. Вниманіе и сочувствіе, выказанныя поэту значительной частью читающей публики, какъ бы велики они ни были, еще не могутъ служить полнымъ и единственнымъ критеріемъ его произведеній. Судя по фактамъ, мы склонны думать, что общественное мнѣніе чествовало въ г. Гордонѣ не столько поэта, затрогивающаго животрепещущіе жизненные интересы, сколько образцоваго писателя на *древне-еврейскомъ* языкѣ; выражалось большее сочувствіе къ тому, что онъ пишетъ на священномъ языкѣ, чѣмъ къ тому, *что* онъ пишетъ на этомъ языкѣ. Въ этомъ смыслѣ г. Гордона признали *національнымъ* поэтомъ: именно въ смыслѣ поэта, употребляющаго національный языкъ, а не поэта, рисующаго національныя черты, черты далеко не всегда положительныя и часто жестоко караемыя поэтомъ... Но если общественное мнѣніе, чаще всего односторонее и подверженное случайнымъ вліяніямъ, исполнило свою обязанность по отношенію къ поэту, видя въ немъ главнымъ образомъ воскресителя древне-еврейской рѣчи, то на обязанности критики лежитъ выяснить литературное и общественное значеніе поэзіи г. Гордона со стороны ея содержанія. Критика, конечно, не должна игнорировать тотъ существенный аттрибутъ, что эти поэтическія творенія писаны чуднымъ, величественнымъ языкомъ псалмопѣвца и древнихъ пророковъ, и видѣть въ этомъ обстоятельствѣ особую, немаловажную заслугу автора, содѣйствующаго возрожденію древне-еврейской рѣчи,—но критика вмѣстѣ съ тѣмъ не должна проглядѣть содержимое изъ-за сосуда.

Дѣйствительно, все значеніе и отличительный характеръ поэзіи г. Гордона заключаются въ томъ, что онъ первый изъ новоеврейскихъ поэтовъ внесъ въ поэзію серьезное, жизненное содержаніе. Его предшественники слишкомъ много заботились о формѣ, о языкѣ, и слишкомъ мало о содержаніи своихъ произведеній.

Даже крупнѣйшіе изъ этихъ предшественниковъ, какъ, напримѣръ, отецъ и сынъ Лебенсоны, эти столпы вновь возрожденной еврейской поэзіи, не были свободны отъ этихъ недостатковъ. Раскройте „Пѣсни священнаго языка“ Лебенсона-старшаго, эту классическую книгу новоеврейской поэзіи: добрыхъ три четверти этой книги заняты пространными, тянущимися иногда на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, одами къ государямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, массою стихотвореній и посланій поздравительныхъ, некрологическихъ и, вообще, написанныхъ къ разнымъ частнымъ лицамъ по различнымъ обыденнымъ случаямъ,—словомъ, это — собраніе стихотвореній, носящихъ у англійскихъ поэтовъ названіе „occasional pieces“—стихотворенія по случаю—и написанныхъ высокопарнымъ библейскимъ языкомъ, что еще болѣе оттѣняетъ скудость и подчасъ наивность ихъ содержанія. Остальная четверть книги посвящена стихотвореніямъ, воспѣвающимъ, обыкновенно очень пространно, весну, дѣянія Творца, или разсуждающимъ (именно—разсуждающимъ) о метафизическихъ матеріяхъ, въ родѣ „Познанія и Смерти“, и т. п. Очень мало найдется между этими стихотвореніями истинно лирическихъ вещей, продиктованныхъ пламеннымъ чувствомъ, согрѣтыхъ искренностью; нѣтъ и выдающихся эпическихъ твореній съ серьезнымъ, историческимъ или современнымъ, содержаніемъ. Одинъ только языкъ этихъ стихотвореній поражаетъ своей звучностью, силою и чисто-библейскимъ складомъ. Нѣсколько ниже, можетъ быть, по языку, но гораздо выше по содержанію поэтическія произведенія Лебенсона-сына, этого Шелли еврейской поэзіи, котораго смерть похитила на 24 году отъ роду. Въ двухъ маленькихъ сборникахъ его стихотвореній, въ „Пѣсняхъ Сіона“ и „Арфѣ Сіона“, встрѣчаются нѣсколько прекрасныхъ эпическихъ стихотвореній на библейскія темы, а также нѣсколько превосходныхъ, полныхъ страсти и энтузіазма лирическихъ стихотвореній. Но этотъ много-обѣщающій юноша-поэтъ былъ похищенъ смертью въ моментъ, когда его талантъ только началъ проявляться, прежде чѣмъ онъ успѣлъ создать что нибудь цѣльное, и немногія его произведенія остаются теперь только прелестнымъ, но печальнымъ фундаментомъ, на которомъ должно было воздвигнуться великолѣпное зданіе, неоконченное за смертью строителя.—Мы уже не говоримъ о второсте-

пенныхъ поэтахъ въ родѣ Леттериса, Луццато, Эйхенбаума, пробавлявшихся то переводами Гесснеровыхъ идиллій и Ламартиновскихъ ламентацій, то оригинальнымъ сочинительствомъ прескучныхъ «философскихъ» одъ, эпистолъ и эпиграммъ.

Въ началѣ своей поэтической карьеры, и г. Гордонъ, повидимому, увлекся общимъ теченіемъ и господствовавшимъ, тогда жанромъ сентиментально-нравоучительной поэзіи; но по мѣрѣ созрѣванія его таланта, онъ бросилъ этотъ жанръ и выступилъ на путь оргинальнаго, жизненнаго творчества. Мы это увидимъ, когда прослѣдимъ хронологически произведенія г. Гордона. Впрочемъ, самъ поэтъ указываетъ на это постепенное развитіе своего таланта. «По своему характеру и содержанію—говоритъ онъ въ предисловіи—собранныя здѣсь стихотворенія раздѣляются на двѣ серіи, относящіяся къ различнымъ періодамъ моей жизни: когда я былъ мечтательнымъ юношей, я, подобно всѣмъ моимъ сверстникамъ-поэтамъ, воспѣвалъ вещи болѣе или менѣе безразличныя; но когда я нѣсколько пожилъ и сталъ замѣчать всѣ темныя стороны въ жизни еврейскаго народа, я попытался проникнуть въ эту тьму, пеленою облегающую насъ, — и тогда другой вѣтеръ подулъ въ струны моей лиры, вѣтеръ заунывный, печальный: результатомъ этого новаго настроенія были стихотворенія втораго изъ упомянутыхъ періодовъ» (Стихотворенія Гордона, т. I, стр. XIV).

Первый томъ лежащаго передъ нами новаго изданія произведеній г. Гордона занятъ «лирическими стихотвореніями». Въ этомъ томѣ, какъ и въ слѣдующихъ, заключающихъ «басни» и «эпическія стихотворенія», матеріалъ расположенъ преимущественно въ хронологическомъ порядкѣ. Это дѣлаетъ весьма удобнымъ слѣдить за развитіемъ таланта поэта и за его постепеннымъ переходомъ изъ области мечты въ область жизни. На первыхъ страницахъ перваго тома мы читаемъ раннія произведенія поэта, одни заглавія которыхъ выдаютъ ихъ содержаніе: «Весенній холмъ», «Аннѣ», «Праздникъ Божій», «Вечеръ», «Кладбище» и т. п. Эти стихотворенія по большей части не отличаются особенной оригинальностью, но и въ нихъ порою встрѣчается сильная, блестящая образность, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ: «Аннѣ» и «Праздникъ Божій». Главный ихъ недостатокъ заключается, какъ намъ кажется, въ излишнемъ и неумѣстномъ піэтизмѣ, которымъ они проникнуты,

въ слишкомъ частыхъ упоминаніяхъ и прославленіяхъ Творца, придающихъ нѣкоторымъ изъ этихъ стихотвореній характеръ псалмовъ или старинныхъ набожныхъ одъ во вкусѣ Жана-Баптиста Руссо и Ломоносова *. Намъ кажется, что глубокое пониманіе и изображеніе природы вовсе не нуждается въ этихъ пріемахъ, отвергнутыхъ новѣйшей классической поэзіей. Природа именно и плѣняетъ насъ своей таинственностью, загадочнымъ обаяніемъ, производимымъ ею на душу мыслящаго человѣка,—и именно постольку, поскольку природа есть загадка, поскольку она необъяснима ни наукой, ни разумной теологіей, она входитъ въ область поэзіи; и часто для поэтическихъ натуръ, отвергающихъ теологическое міросозерцаніе, сама природа становится предметомъ восторженнаго культа... Когда же поэтъ вводитъ въ изображеніе природы личность всепроникающаго, всесозидающаго Бога, онъ тѣмъ самымъ даетъ уже объясненіе (безсомнѣнно, произвольное) явленіямъ природы и крайне умаляетъ ихъ обаяніе; мы уже тогда видимъ въ природѣ не чудную гармонію таинственныхъ, какъ-бы самозарождающихся силъ, а огромную мастерскую великаго, вѣчностроющаго Техника, котораго мы всегда надѣлимъ болѣе или менѣе человѣческими аттрибутами, какъ бы мы ни напрягали свою абстрактную способность. Такая поэзія можетъ вызвать извѣстный религіозный *Andacht*, но не любовь къ природѣ, ибо послѣдняя въ подобныхъ изображеніяхъ вполнѣ скрывается за личностью Творца; но въ такомъ случаѣ поэтъ уже вторгается въ область теологіи, ничего общаго съ поэзіей не имѣющей. Мы бы привели

---

* Критикъ, очевидно, упустилъ слѣдующее: У древнихъ евреевъ не существовало понятія о природѣ. Все сосредоточилось въ лицѣ Бога. Это и есть отличительная черта между іудаизмомъ и эленизмомъ. Боготвореніе природы и повело къ политеизму; монотеизмъ все приписываетъ единому Творцу. Въ св. писаніи нѣтъ даже названія для *природы*. Но это не мѣшаетъ современному мыслителю подъ еврейскимъ «Богомъ» разумѣть «Природу». Пророки и псалмопѣвецъ подъ дѣяніями Творца воспѣвали именно чудеса природы. Гульбольдъ въ Космосѣ и Гердеръ въ „Geist d. hebr. Poesie“ въ этомъ смыслѣ и цитируетъ псаломъ 106 и другіе, весьма естественною образностію которыхъ они восхищаются. Позднѣйшіе лишь евр. философы изобрѣли для понятія «природы» выраженіе טבע и, для согласованія вышеизложенныхъ двухъ различныхъ воззрѣній выдумали апокалиптическое исчисленіе אלהים בגימ' הטבע (86 численная сумма буквъ אלהים (Богъ) равна численности буквъ הטבע (природы). *Ред.*

нѣсколько выдержекъ изъ трактуемыхъ стихотвореній въ подтвержденіе нашихъ соображеній, но это завело бы насъ слишкомъ далеко по предмету малосущественному въ занимающемъ насъ теперь обзорѣ, а потому отсылаемъ, для провѣрки высказанныхъ мнѣній, къ самой книгѣ.

Есть между этими стихотвореніями и глубоко прочувствованныя, не обличающія ничего подражательнаго. Таково стихотвореніе—«Кладбище», гдѣ поэтъ съ глубокою грустью размышляетъ о тѣхъ «проклятыхъ вопросахъ», которые вѣчно будутъ волновать мыслящее человѣчество; онъ потрясенъ, стоя среди могилъ и представляя себѣ замогильную нирванну; только вѣра въ безсмертіе души заставляетъ его очнуться отъ этихъ печальныхъ, сердце леденящихъ мыслей.—Гораздо выше этого—стихотвореніе «Ночь на Лунѣ» (стр. 49—67), написанное гораздо позже. Здѣсь мы уже замѣчаемъ переходъ мысли поэта отъ неопредѣленной, туманной «міровой скорби» къ скорби болѣе реальной, той честной, правдивой скорби о судьбахъ еврейства, которая составляетъ обаятельную черту творчества г. Гордона. Содержаніе этого стихотворенія слѣдующее. Поэтъ въ одну прекрасную ночь возносится на колесницѣ заходящаго Феба въ небесное пространство и попадаетъ на луну. Здѣсь встрѣчаетъ онъ единственнаго обитателя этой планеты, ангела Загзегіеля. Обуреваемый вопросами о тайнахъ бытія, поэтъ предлагаетъ нѣсколько такихъ вопросовъ ангелу; послѣдній ему разъясняетъ, что кругъ луны, обходящей ночью земное пространство, служитъ для Творца камерой-обскурой, гдѣ фотографически изображаются всѣ человѣческіе типы и дѣянія смертныхъ въ ихъ настоящемъ, необманчивомъ видѣ; но когда поэтъ проситъ показать ему кой-какія изъ этихъ изображеній—негативовъ, ангелъ ему даетъ благой совѣтъ—для собственнаго спокойствія, оставить свое безумное желаніе, и спускаетъ его съ луны на крыльяхъ восходящаго Феба. Поэтъ, очутившись на землѣ, однако, не успокоивается, его все преслѣдуетъ неотступное желаніе попасть еще разъ на луну и хоть глазкомъ посмотрѣть на тѣ завѣтныя изображенія, въ которыхъ можно видѣть правдивую, абсолютно-истинную картину земнаго человѣчества. Много онъ трудится, изобрѣтаетъ различные способы попасть на луну — никакъ не удается; онъ обращается за помощью и къ хасидскому

цадику, коему даетъ установленный гонораръ, но на бѣду поэта одновременно съ нимъ въ пріемной цадика находилась бездѣтная женщина, пришедшая просить о прекращеніи безплодія,—и вотъ цадикъ, углубленный въ созерцаніе принесеннаго гонорара, перемѣшиваетъ по разсѣянности талисманы, приготовленные для поэта и для бездѣтной женщины, и вручаетъ каждому изъ нихъ талисманъ, приготовленный для другаго, такъ что поэтъ сдѣлался отцомъ многочисленной семьи, а баба отправилась на небо. Но въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ мытарствъ, цѣль поэта достигается: онъ опять возносится на луну и посредствомъ подкупа склоняетъ ангела показать ему негативы человѣчества. И вотъ что онъ увидѣлъ:

Я узрѣлъ на картинѣ роскошный дворецъ,
Въ немъ—многое множество брешей,
Штукатурка совсѣмъ обвалилась, и крыша паденьемъ грозитъ;
Въ пыли тамъ гадины ползутъ,
И старцы тамъ спятъ преспокойно,
Не боясь разрушенья дворца;
Но юноши вонъ изъ руины бѣгутъ,
Чрезъ окна спасаясь толпой.
Что это? спросилъ я—и слышу отвѣтъ:
„То домъ Израиля, то храмъ его вѣры!..“ (стр. 64).

Далѣе поэтъ увидѣлъ огромную, переполненную грязью яму, поперегъ которой сверху лежали длинные брусья; на брусьяхъ висѣли, головами внизъ, тысячи зарѣзанныхъ, кровью истекающихъ птицъ. «Не домъ-ли это рѣзника наканунѣ дня всепрощенія?»—спросилъ онъ своего крылатаго чичероне. «Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—это—хедеръ меламдовъ, рѣзниковъ юношества»... За тѣмъ поэтъ увидѣлъ обширное море, куда живьемъ бросаются и тонутъ еврейскія дѣти; онъ узнаетъ, что это—«море талмудейское». Много, много разрушенныхъ жизней, исковерканныхъ существованій, растоптанныхъ идеаловъ увидѣлъ поэтъ въ этомъ калейдоскопѣ современной еврейской жизни—и, пораженный всѣмъ видѣннымъ, теряетъ равновѣсіе и снопомъ падаетъ на землю. Не смотря на фантастическую и подчасъ юмористическую подкладку, стихотвореніе дышетъ глубокимъ, скорбнымъ чувствомъ и отличается необыкновенною силою и оригинальностью.

Послѣдующія лирическія стихотворенія, позднѣйшія и по вре-

мени ихъ написанія, еще рѣзче выясняютъ новое направленіе творческой мысли поэта. Стихотворенія «Проснись, мой народъ!», «Путь моего народа», «Для кого я работаю?», «Пойдемъ, старъ и младъ!», «Моя сестра Рухама», «Божье стадо»—написаны подъ вѣяніями суровой дѣйствительности; нѣкоторыя изъ нихъ продиктованы печальными событіями послѣднихъ лѣтъ. Стихотвореніе «Проснись, мой народъ» написано подъ вліяніемъ прогрессивныхъ, ассимиляціонныхъ вѣяній начала 60-хъ годовъ; это прелестная, гармоническая и полная энтузіазма пѣсня, написанная такимъ плавнымъ, популярнымъ слогомъ, что смѣло могла бы войти въ репертуаръ распространенныхъ народныхъ пѣсенъ *. Стихотвореніе начинается и оканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ, необыкновенно сильнымъ и выразительнымъ въ оригиналѣ, но, конечно, весьма блѣднымъ въ нашемъ прозаическомъ переводѣ:

Проснись мой народъ, доколь будешь спать?
Вѣдь ночь прошла и солнце засіяло.
Проснись, оглянись вкругъ себя
И узнай свое мѣсто и время!

Глубокою горечью дышетъ другое стихотвореніе: «Для кого я работаю?» Поэтъ подавленъ сознаніемъ, что его дѣятельность почти безполезна, что онъ пишетъ на языкѣ недоступномъ для толпы; онъ обращается къ старому поколѣнію—оно его гонитъ, какъ вреднаго вольнодумца; молодое поколѣніе, обладающее общимъ образованіемъ, не хочетъ знать языка поэта, отворачиваясь отъ всего національнаго; «дщери Сіона» подавно не могутъ понимать поэта, такъ какъ онѣ по традиціи получаютъ невѣжественное воспитаніе и о библейскомъ языкѣ не имѣютъ и понятія; «дѣти» же, подростающее поколѣніе, вѣроятно, пойдутъ еще дальше, чѣмъ нынѣшнее поколѣніе, и поэтъ даже не можетъ провидѣть границу, гдѣ остановится оно въ своемъ натискѣ впередъ... Остается только удручающее сознаніе, что всѣ свои силы посвящаешь тѣмъ немногимъ «уединеннымъ колосьямъ», которые теперь еще тамъ и сямъ виднѣются на еврейской нивѣ; тѣмъ немногимъ,

* Если не ошибаемся, популярная, вездѣ распѣваемая среди евреевъ пѣсенка, начинающаяся словами „Steh' auf mein Volk" составляетъ прямой жаргонный переводъ этого именно стихотворенія г. Гордона.

Кому еще милы Сіона слова,
Кому еще милы Сіона напѣвы.

«Вамъ-то!—восклицаетъ поэтъ въ пылу удрученнаго чувства,—

Вамъ въ жертву я сердце несу, возліяньемъ
Пусть будутъ вамъ слезы мои. Я рыданьемъ
На вашей груди облегчусь отъ тревогъ.
При мысли въ груди не могу сдержать стона,
Что, можетъ, послѣдній пѣвецъ я Сіона,
Послѣдніе вы, кто-бъ читать меня могъ *.

Есть много горькой правды въ этихъ сѣтованіяхъ поэта; но сѣтованія эти гораздо болѣе справедливы относительно близкаго, можетъ быть, будущаго, чѣмъ относительно настоящаго. Правда, недавно возрожденная новоеврейская литература клонится все болѣе къ упадку; но писатель или поэтъ съ дѣйствительно крупнымъ талантомъ не можетъ еще нынѣ остаться совершенно непонятымъ. Сама популярность г. Гордона могла бы служить тому лучшимъ доказательствомъ **.

Стихотворенія «Старъ и Младъ», «Сестра Рухама» и «Божье Стадо» навѣяны, очевидно, послѣдними печальными событіями. Въ первыхъ двухъ поэтъ утѣшаетъ еврейскій народъ въ его горѣ, напоминаетъ ему о трагическомъ прошломъ и высказываетъ убѣжденіе, что если намъ суждено взяться опять за странническій посохъ, мы окажемся вполнѣ достойными своихъ мучениковъ-предковъ. Эмиграціонныя стремленія послѣдняго времени отражаются и въ призывахъ поэта «пойти въ страну, гдѣ свѣтъ свободы озаряетъ каждое существо, гдѣ любятъ всѣхъ созданныхъ по подобію Божіему, гдѣ никому не приходится стыдиться своего происхожденія и вѣры»... Третье изъ этихъ стихотвореній посвящается автору извѣстной книги «Autoemancipation» и составляетъ какъ бы поэтическое возраженіе на доводы этой книги. «Вы спрашиваете—говоритъ поэтъ,—что мы такое составляемъ: націю или религіозную корпорацію? Вотъ вамъ отвѣтъ: мы—ни то, ни другое; мы—Божье стадо, стадо священныхъ овецъ, предназначенныхъ для жертвенника; пастухи наши стригутъ насъ немилосердно, го-

* По русскому переводу Я. Штейнберга.

** Поэтъ самъ говоритъ это себѣ въ утѣшеніи въ своемъ «Посвященіи» къ издателямъ, помѣщенномъ въ началѣ изданія. *Ред.*

нять насъ на пустынныя пастбища и всячески насъ истощаютъ; волки насъ повсюду ѣдятъ; цѣлые вѣка тянемъ мы эту тяжелую лямку и все-таки не возьмемся за умъ, не сплотимся для общаго дѣла, и вѣчно будемъ ходить въ разбродъ, сохраняя всѣ свои стадныя свойства».

На обзорѣ втораго изъ лежащихъ передъ нами томовъ мы не будемъ долго останавливаться. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ весьма популярную «книгу басенъ», заимствованныхъ авторомъ преимущественно у Лафонтэна и Крылова и изложенныхъ имъ необыкновенно яснымъ и легкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцовымъ библейскимъ языкомъ. Авторъ не держится рабски своихъ подлинниковъ, но перерабатываетъ и часто видоизмѣняетъ ихъ сообразно духу и понятіямъ еврейства. Нравоучительныя заключенія при басняхъ часто весьма обстоятельны и оригинальны. Образцовый слогъ, легкость и ясность формы, наконецъ, само содержаніе дѣлаютъ эту книгу чрезвычайно пригодною въ педагогическомъ отношеніи: книга могла бы имѣть (а можетъ быть въ нѣкоторой степени уже имѣетъ) для еврейскаго юношества такое же классически-воспитательное значеніе, какъ басни Лафонтэна—для французскаго, или басни Крылова—для русскаго юношества *.

Третій и четвертый томы стихотвореній г. Гордона содержатъ въ себѣ всѣ эпическія произведенія поэта, причемъ третій томъ заключаетъ въ себѣ историческія, а четвертый — современныя эпопеи. Разсмотримъ каждый изъ нихъ отдѣльно.

«Любовь Давида и Михалъ»—такъ называется первая историческая эпопея и вмѣстѣ съ тѣмъ первое произведеніе музы г. Гордона. Это—обширная поэма, дѣлящаяся, по образцу древне-классическихъ эпопей, на двѣнадцать пѣсень. Поэма имѣетъ своимъ сюжетомъ библейскій разсказъ о любви Михалъ, дочери царя Саула, къ Давиду, впослѣдствіи замѣстившему Саула на тронѣ Іудеи. Одинъ этотъ сюжетъ самъ по себѣ еще не могъ-бы служить кан-

* На сколько намъ извѣстно, книга эта въ первомъ изданіи было пріобрѣтено нашимъ Мин. Нар. Пр. для библіотекъ еврейскихъ училищъ. Караимами она введена какъ учебникъ въ ихъ школы, а знаменитый оріенталистъ д-ръ Штейншнейдеръ въ Берлинѣ, по порученію изв. Давида Сассона, составилъ изъ нея христоматію, для употребленія въ евр. училищахъ, содержимыхъ имъ, Сассономъ въ Вестиндіи. *Ред.*

вою для обширной поэмы, тѣмъ болѣе, что въ библіи сохранились лишь самыя неопредѣленныя свѣдѣнія объ исторіи любви Давида и Михалъ; но только въ связи съ полной драматизма исторіей царя Саула и Давида и ихъ временныхъ отношеній—такой сюжетъ, дѣйствительно, представляется весьма благодарнымъ (не скажемъ: *новымъ*, такъ какъ исторія Саула и Давида издавна уже служила излюбленной темой многихъ поэтовъ, еврейскихъ и нееврейскихъ). Пастухъ Давидъ, убивающій великана Голіафа, успокоивающій чудными звуками своей арфы бѣшенные припадки Саула; страданія Давида, преслѣдуемаго завистливымъ и безумнымъ царемъ, его бѣгство и долгія печальныя скитанія, кончившіяся только съ трагическою смертью Саула—вотъ вамъ образъ героя, являющагося одновременно и неустрашимымъ, побѣдоноснымъ воиномъ, и мечтательнымъ поэтомъ, воспѣвающимъ свое прежнее пастушеское житье, и мученикомъ-скитальцемъ. Такого человѣка не могла не полюбить прекрасная и благородная Михалъ; Давидъ ее тоже страстно полюбилъ; между влюбленными стоитъ жестокій отецъ—Саулъ,—вотъ и сложная драматическая коллизія готова. Поэтъ ею воспользовался, прибавивъ къ ней, въ видѣ развязки, эпизодъ о послѣдовавшемъ охлажденіи царя Давида къ Михалъ, эпизодъ, воспроизведенный поэтомъ на основаніи нѣсколькихъ намековъ въ библіи и разныхъ легендъ въ мидрашѣ..

Поэма «Любовь Давида и Михалъ» имѣетъ, въ общемъ, крупныя художественныя достоинства: превосходная поэтическая форма, глубокая драматичность сюжета etc. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не свободна и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, описательная часть страдаетъ чрезмѣрною растянутостью и несоразмѣрна съ частью повѣствовательною; описанія природы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, равно какъ частыя лирическія отступленія, гдѣ поэтъ возвышеннымъ слогомъ старинныхъ одъ прославляетъ неисповѣдимые пути Господни, или разсуждаетъ о роковой силѣ чувствъ любви, зависти и о перемѣнчивости судебъ человѣческихъ,—все это слишкомъ длинно и нарушаетъ гармонію цѣлаго. Эти недостатки въ произведеніи, въ общемъ столь талантливомъ, слѣдуетъ безсомнѣнно приписать тому обстоятельству, что поэма «Любовь Давида и Михалъ» есть юношеское произведеніе г. Гордона, впервые имъ дебютировавшаго въ литературѣ лѣтъ тридцать тому назадъ. Какъ

первый дебютъ, это произведеніе, обладающее, повторяемъ, многими художественными достоинствами, могло уже тогда обличить въ своемъ авторѣ недюжинное дарованіе и предречь ему самую завидную будущность.

Остальныя историческія эпопеи, помѣщенныя въ третьемъ томѣ, имѣютъ большей частью своимъ сюжетомъ, подобно предыдущей, библейскіе разсказы. Поэма «Аѳнатъ, дочь Пентефріи» имѣетъ сюжетомъ любовь Іосифа Прекраснаго и дочери его господина, Пентефріи; между влюбленной молодой парой стоитъ страстная Зулейка, жена Пентефріи, безумно влюбленная въ Іосифа, но не встрѣчающая взаимности съ его стороны; долго вздыхаютъ и томятся молодые люди, но, наконецъ, съ освобожденіемъ Іосифа изъ тюрьмы и приближеніемъ его къ кормилу власти въ Египтѣ, любовь ихъ увѣнчивается бракомъ. Въ поэмѣ есть много отдѣльныхъ сценъ, чрезвычайно художественныхъ и превосходно отдѣланныхъ; но ансамбль ея производитъ далеко не сильное впечатлѣніе. Это объясняется тѣмъ, что характеры главныхъ героевъ, Іосифа и Аѳнатъ, очерчены чрезчуръ блѣдно, въ особенности характеръ героини; Аѳнатъ является въ ходѣ разсказа какимъ-то вялымъ лимфатическимъ существомъ, любящимъ цѣломудренно, но не страстно; про себя она горюетъ, но крѣпко боится* папеньки и маменьки. Такимъ же пассивнымъ характеромъ отличается и Іосифъ; онъ самъ** ничего не дѣлаетъ для торжества своей любви; за него все дѣлаютъ внѣшнія, неожиданныя обстоятельства. Разумѣется, что такіе герои не могутъ придать поэмѣ надлежащей силы и драматичности. Поэтъ, повидимому, жертвовалъ здѣсь драматичностью ради исторической точности; но такой ригоризмъ въ поэзіи едва-ли нуженъ и полезенъ.—Бѣдностью сюжета отличается и слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное «Давидъ и Варзилай» ***, имѣющее основаніемъ разсказъ, приведенный во второй книгѣ Самуила, гл. XIX, стихи 32—40. Но сюда вложена по крайней мѣрѣ добрая тенденція: престарѣлый и честный пастухъ

---

* Здѣсь критикъ, очевидно, упустилъ изъ виду духъ описываемаго времени и нравовъ страны. *Ред.*

** Это не совсѣмъ вѣрно: Аѳнатъ обращаетъ вниманіе царевны на Іосифа, а Іосифъ прямо проситъ Аѳнатъ у Фараона въ награду за свои услуги. *Ред.*

*** Эта идиллія писана на раньше еще „Давидъ и Махаль“. *Ред.*

никакъ не соглашается идти во дворецъ къ Давиду, предпочитая легкой и суетливой придворной жизни спокойную трудовую жизнь на лонѣ природы.

Болѣе существенными достоинствами отличается поэма „Седекія въ темницѣ», сюжетъ которой относится къ эпохѣ разрушенія перваго храма. Несчастный король, у котораго Навухадносоръ отнялъ зрѣніе, предварительно зарѣзавъ на его глазахъ дѣтей, сидитъ въ ужасной темницѣ; мысли его носятся вокругъ развалинъ только-что разрушеннаго Іерусалима, вокругъ окровавленныхъ труповъ его дорогихъ дѣтей... Страстныя жалобы на судьбу вырываются изъ груди несчастнаго короля и отца. Зачѣмъ ему именно выпала такая жестокая доля? Развѣ онъ не правилъ добросовѣстно, не жертвовалъ собою для спасенія народа? Нѣтъ, онъ свято исполнилъ свой долгъ; но онъ наказанъ за то «что не послушался Іереміи» (такъ вѣщалъ ему пророкъ). «Не послушался Іереміи», этого измѣнника, увѣщавшаго передать городъ врагамъ, подчиниться безъ борьбы вавилонскому деспоту; этого лицемѣра, кричавшаго въ разгарѣ войны за народную свободу о предосудительности носить въ субботніе тяжести дни, увѣщевавшаго народъ положить оружіе и взяться за молитву и за тору!.. И это неповиновеніе праздному проповѣднику ставится ему, Седекіи, въ вину, которую онъ теперь такъ страшно искупаетъ! Несчастному узнику припоминается, какъ всегда въ исторіи еврейскаго народа кровавою чертою проходитъ эта борьба между свѣтской и духовной властью, между королями и жрецами-пророками. Короли всегда стремились къ охраненію политической независимости народа, къ охраненію Израиля отъ порабощенія; пророки же всегда подрывали эти стремленія, становясь на сторону деспотовъ-покорителей; всегда кричали они о необходимости покаянія, богопослушанія и безпрекословнаго соблюденія всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Набожность и условная обрядность ставилась ими выше народной свободы, народнаго благоденствія; спасеніе души по сомнительнымъ рецептамъ предпочиталось ими матеріальному благоденствію народа, царствіе небесное—царству земному! Неужели Іегова, во имя коего они вѣщаютъ, можетъ имъ внушать такія извращенныя понятія о религіозности и нравственности?... Слѣпецъ духовными очами прозрѣваетъ будущее; онъ видитъ какъ

въ дали вѣковъ *Свобода* Іудеи рушится, а на ея мѣстѣ воздвигается всеохватывающій *Законъ*; онъ видитъ народъ поголовно книжный, поголовно набожный, но приниженный, раболѣпный и презираемый... Въ патетическихъ жалобахъ, влагаемыхъ въ уста Седекіи, поэтъ возвышается до того страстнаго лиризма, который всегда охватываетъ его, когда онъ касается историческихъ судебъ многострадальнаго еврейскаго народа. Примѣры этому мы видѣли выше въ его лирикѣ; еще болѣе блестящіе примѣры мы увидимъ ниже, при обзорѣ его современныхъ эпопей.

Подобная же тенденція проглядываетъ и въ поэмѣ «Въ пасти льва», сюжетъ которой основанъ на талмудическомъ сказаніи, относящемся къ эпохѣ разрушенія втораго храма. И здѣсь духовные вожди народа съ преступнымъ равнодушіемъ относились къ покоренію Іудеи Римомъ и даже содѣйствовали передачѣ Іерусалима въ руки римлянъ, между тѣмъ какъ свѣтскіе вожди—зелоты героически сражались за независимость Іудеи до послѣдней капли крови. Въ числѣ этихъ героическихъ борцовъ за народную свободу былъ и герой поэмы, Симеонъ, который послѣ взятія города былъ привезенъ въ Римъ въ качествѣ плѣнника; туда же была продана въ качествѣ рабыни и прежняя возлюбленная героя, Марта. Случилось, что въ одинъ праздникъ сатурналій Симеонъ, осужденный на страшную гладіаторскую смерть въ борьбѣ съ разъяреннымъ львомъ, увидѣлъ въ числѣ зрителей свою возлюбленную Марту, сопровождавшую въ циркъ свою госпожу. Марта въ свою очередь замѣтила своего возлюбленнаго... Долго длилась потрясающая борьба между юношей героемъ и страшнымъ звѣремъ, и когда послѣдній мигъ насталъ и Симеонъ палъ растерзаннымъ, упала замертво и одна изъ зрительницъ: это была Марта... Поэма написана превосходно и производитъ сильное впечатлѣніе.

Двѣ другія поэмы: «Женщина и ея дѣти» и «Въ пучинахъ моря» также имѣютъ своими сюжетами сказанія, взятыя изъ еврейской мартирологіи. Первая основана на извѣстномъ разсказѣ (въ апокрифической книгѣ «Маккавеи») о матери и ея семи сыновьяхъ, понесшихъ мученическую смерть за нежеланіе покориться безбожнымъ приказаніямъ македонскаго деспота Антіоха. Вторая поэма беретъ свой сюжетъ изъ средневѣковой мартирологіи евре-

евъ, а именно изъ исторіи изгнанія евреевъ изъ Испаніи. Объ обѣихъ этихъ эпопеяхъ можно сказать то же самое, что о предыдущихъ: превосходная форма и сильная образность.

Перейдемъ теперь къ той части поэзіи г. Гордона, которая, по нашему мнѣнію, наилучше характеризуетъ его талантъ и яснѣе всего опредѣляетъ его высокое литературное значеніе, — къ *современнымъ эпопеямъ*. Мы убѣждены, что еслибъ г. Гордонъ ничего не написалъ кромѣ этихъ эпопей, онъ бы и тогда былъ вполнѣ достоинъ той обширной славы, которою онъ нынѣ пользуется. Въ этихъ превосходныхъ, изъ жизни выхваченныхъ поэмахъ, написанныхъ преимущественно въ послѣднее десятилѣтіе, талантъ поэта достигъ своего апогея, своей полной зрѣлости. Чѣмъ больше мы вдумываемся въ эти произведенія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что въ нихъ-то поэтъ нашелъ свою настоящую дорогу, что въ нихъ онъ чувствуетъ себя болѣе всего chez soi. Именно эти поэмы писаны кровью сердца поэта, писаны съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ боли и страданія, съ тѣмъ горячимъ паѳосомъ, часто скрытымъ, но всегда присутствующимъ, который овладѣваетъ проповѣдникомъ, говорящимъ предъ испорченной толпой, пророкомъ, бичующимъ дурные нравы; въ нихъ-то намъ слышится голосъ,

Той музы плачущей, скорбящей и болящей,

которая досталась въ удѣлъ и великому русскому поэту, и лучшему еврейскому поэту,—и послѣднему, можетъ быть, не съ меньшею справедливостью чѣмъ первому. Много грустнаго, трагическаго есть въ современной жизни русскихъ евреевъ. Мученичество евреевъ далеко не окончилось съ средними вѣками. Средніе вѣка оставили евреямъ въ наслѣдіе нѣчто такое, что до сихъ поръ служитъ для нихъ источникомъ безчисленныхъ страданій и неурядицъ: они оставили имъ отчужденіе, замкнутость, чудовищную искаженную религіозную обрядность и ужасный мистическій сумбуръ въ головахъ. Это жалкое, ветхое наслѣдіе болѣе всего лелѣютъ, имъ болѣе всего дорожатъ русскіе евреи. И эти средневѣковые наросты болѣе всего безобразятъ быть русскихъ евреевъ, служатъ тормазомъ всякому прогрессу и порождаютъ безчисленныя аномаліи въ ихъ внутренней и внѣшней жизни... Чуткій и искренній поэтъ, обла-

дающій не только поэтическимъ талантомъ, но и глубокимъ знаніемъ исторіи и современной жизни евреевъ, не могъ не видѣть этихъ безотрадныхъ явленій еврейской жизни, не могъ смотрѣть на нихъ безучастно и пройти ихъ равнодушнымъ молчаніемъ. Онъ понялъ, что еврейскій поэтъ менѣе всего рожденъ «для звуковъ сладкихъ и молитвъ»; что мыслящему поэту необходимо присоединить къ мягкой гармоніи своей лиры суровый и гнѣвный укоръ пророка, казнящаго своимъ словомъ зло и порокъ... И результатомъ этого сознанія явились его «современныя эпопеи».

Въ прелестномъ стихотвореніи, служащимъ какъ-бы предисловіемъ къ «современнымъ эпопеямъ», поэтъ высказываетъ свое новое поэтическое *credo*. Съ молодости былъ онъ любимцемъ нѣжной музы; она ему пѣвала про любовь, про красу природы, про надежду и лучшее будущее. Но вдругъ произошла въ немъ быстрая перемѣна: прежнія сладкія мечты улетучились—и ужасныя видѣнія начали его тревожить. «Это видѣнія—говоритъ поэтъ—показали мнѣ мой народъ въ его крайней приниженности, они мнѣ показали его безчисленныя язвы разъѣдающее его зло и источникъ его бѣдъ: они мнѣ показали его блуждающихъ предводителей и лжеучителей—и сердце мое сокрушилось, жолчь во мнѣ разлилась, лира моя ударилась въ плачъ и жалобою сдѣлалась пѣснь моя.—Съ тѣхъ поръ я не пою ни радости, ни нѣги; не жду ни свѣта, ни свободы; но пою злобу дня, пою вѣчное рабство, вѣчное униженіе, и перлы, красующіеся на шеѣ моей музы—ничто иное, какъ капли слезъ, пролитыхъ мною о гибели народа моего.

Съ тѣхъ поръ моя муза, какъ воронъ, черна,
Полна и проклятій и жалобъ,
И плачетъ, какъ эхо въ пустынѣ Хорива,
О пастыряхъ злыхъ и покорной толпѣ...

«Я уже не могу больше пѣть — продолжаетъ поэтъ—я могу только плакать и жаловаться... Изъ любви къ моему народу, я укажу пастырямъ его ихъ грѣхи и учителямъ его—ихъ преступленія. Я выберу изъ всѣхъ уголковъ нашего ученія всякую нелѣпость, я розыщу всякаго ядовитаго змѣеныша, гдѣ-бы онъ ни находился, и выставлю ихъ на шестъ предъ свѣтомъ: пусть смо-

трятъ на нихъ укушенные: * можетъ быть, исцѣлятся они, если только еще есть для нихъ лекарство, если еще остались въ нихъ признаки жизни»...

Вотъ поэма «Коцо шелъ іодъ» (одна іота, или изъ-за пустяковъ), изображающая трагическую судьбу еврейской женщины. Поэмѣ предпослано лирическое введеніе, напоминающее Некрасовское:

Три тяжкія доли имѣла судьба:
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться, etc.

Здѣсь поэтъ блестяще изображаетъ главные моменты въ жизни еврейской женщины; получается потрясающая картина. Тяжка доля русской крестьянки, но не менѣе, если не болѣе, тяжка участь средней еврейской женщины. Она не только «жена раба» и «мать сына раба», но она сама рабыня—не мужа, а существующаго порядка вещей, существующихъ у евреевъ отношеній къ женщинѣ. «Кто знаетъ жизнь твою, еврейская женщина?—восклицаетъ поэтъ. Безвѣстно твое начало, безвѣстенъ и конецъ твой. Твое горе и твои радости, твои ожиданія и желанія родятся и умираютъ въ тебѣ самой. Всѣ земныя блага и удовольствія созданы для дщерей другихъ народовъ, а не для тебя. Твоя жизнь—вѣчное рабство, вѣчное безвыходное пребываніе въ лавкѣ. Рожаешь, кормишь грудью, воспитываешь, печешь и варишь—и безвременно вянешь. Что за польза, если Богъ тебя одарилъ красотою, чувствительнымъ сердцемъ и способностями? Вѣдь ученіе для тебя считаютъ глупостью, красоту—позоромъ, способности—недостаткомъ и знаніе—вредомъ; вѣдь слушать голосъ твой признается постыднымъ, смотрѣть на твои волосы—преступленіемъ, да и всю тебя считаютъ сосудомъ, полнымъ нечистотъ **... Тебя гонятъ изъ школы, гонятъ изъ синагоги... Хорошо, что ты не понимаешь языка своихъ предковъ, что тебя не пускаютъ въ синагогу: такъ ты хоть не слышишь, какъ твои поносители ежедневно благословляютъ Бога за то, «что Онъ ихъ не создалъ женщинами», одновременно благословляя Его за то, «что Онъ не

* Намекъ на числа XXI,9.

** Все это—аттестаціи о женщинахъ талмуда. Въ практической жизни эти понятія сказываются въ цѣлой массѣ оскорбительныхъ ограниченій и обрядовъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ.

сотворилъ ихъ язычниками и рабами»... На тебя смотрятъ, какъ на курицу, предназначенную для рожанія цыплятъ, какъ на работящую или дойную корову. Стоитъ-ли, послѣ этого, тебя учить? Зачѣмъ даромъ трудиться надъ твоимъ воспитаніемъ, когда слѣдующій твоему совѣту попадаетъ въ адъ (изреченіе талмуда)?... Выходишь ты замужъ — знаешь-ли человѣка, за котораго выходишь? Любила-ли ты его, видѣла-ли хоть въ лицо? Любишь-ли ты?—Несчастная, развѣ не знаешь, что любви въ сердцѣ дщери израилевой не полагается? Сорокъ дней до твоего рожденія мужъ тебѣ уже приготовленъ на небесахъ (изреченіе талмуда), и что пользы, если ты будешь выбирать? Что тебѣ въ любви? Не знали ея и наши матери. Нѣчто мы блудницей сдѣлаемъ сестру свою?.. Глубже, глубже прячь свое лицо подъ свадебною вуалью; бритвѣ предай свои косы. Зачѣмъ тебѣ смотрѣть на того, кто рядомъ съ тобой стоитъ: горбатый-ли онъ или чахоточный, старъ-ли онъ или молодъ? Вѣдь тебѣ все равно: не ты-же выбираешь, родители сдѣлали этотъ выборъ, они надъ тобой властвуютъ, они передаютъ тебя изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Нечто не евреи они, что спросятся дѣвки? Мужъ твой — и онъ не воспитанъ какъ должно, и онъ не приготовленъ къ роли хозяина. Вотъ кончатся годы его жизни за столомъ тестя, потеряетъ онъ приданое, поокруглится число ребятъ—онъ и голову потеряетъ; мечется туда-сюда и, не видя предъ собою дороги, не видя исхода, удеретъ куда глаза глядятъ и оставитъ тебя вѣчной вдовой... Такова исторія еврейской женщины!» *...

Такова была и исторія героини поэмы, красавицы Батъ-Шуи... Къ сожалѣнію мы не можемъ не растягивая чрезчуръ нашего обзора, передать здѣсь подробное содержаніе этой превосходной поэмы; но чтобы представить хоть какіе нибудь piéces justificatives для нашихъ сужденій, мы передадимъ ея содержаніе хоть въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Батъ-Шуа была единственная дочь раби Хейфера, содержателя почтовой станціи и гостинницы въ одномъ изъ богоспасае-

* Мы здѣсь дали простой прозаическій переводъ нѣкоторыхъ строфъ поэмы. Излишне, полагаемъ, замѣтить, какъ много эти чудныя почти непереводимыя строфы теряютъ въ такомъ переводѣ, могущемъ передать только содержаніе, но не форму.

мыхъ градовъ «черты». Семнадцати лѣтъ ее выдали замужъ—конечно, не справляясь съ ея желаніемъ — за большаго «илуй»—талмудиста, не понимавшаго ни аза «внѣ четырехъ локтей галахи» и составлявшаго гордость своего отца—кабатчика и вожделѣніе всѣхъ еврейскихъ родителей, имѣвшихъ дочерей-невѣстъ. Этотъ-то перлъ былъ выуженъ изъ навозной кучи раби Хейферомъ и соединенъ узами брака съ Батъ-Шуой, которой всѣ самки еврейскаго муравейника, конечно, очень завидовали. Злые языки говорили, будто сама красавица-невѣста плакала по ночамъ въ ожиданіи этой свадьбы, но поэтъ рѣшительно отказывается этому вѣрить. «Плакала! Съ чего ей вдругъ плакать? Доселѣ она была ничѣмъ, истуканомъ, теперь же ея славный женихъ сдѣлаетъ изъ нея что нибудь порядочное. А если онъ (женихъ) и не смыслитъ въ мірскихъ дѣлахъ, за то онъ «горами ворочаетъ» въ спорахъ Абаи и Равы; если онъ и не знаетъ ремеслъ и языковъ, то знаетъ же онъ что «женщина обручается троякимъ путемъ»; если онъ и не видалъ отъ роду «цуратъ матбеа» (формы монеты, т. е. не изъ міра сего), зато вѣдь онъ имѣетъ чистоганомъ тысячу листовъ гемары, приправленныхъ «Маршо» и «Лне-іегошуа». Развѣ и этого тебѣ недостаточно, любезная Батъ-Шуа»... Сыграли свадьбу, конечно, торжественно, при звукахъ музыки. «Но что это за раздирающій сердце вздохъ раздается и глохнетъ въ шумѣ музыки?—спрашиваетъ поэтъ. Это — не вздохъ, — иронически отвѣчаетъ онъ,—это трескъ отъ глинянаго горшка, разбиваемаго въ память разрушенія Іерусалима... «Да! восклицаетъ поэтъ,—мы цѣлыя тысячелѣтія помнимъ и твердимъ про разрушеніе одного города, а на разрушеніе *націи* мы смотримъ равнодушно; въ трескѣ разбиваемыхъ при вѣнчаніи горшковъ мы не слышимъ мучительныхъ стоновъ загубленныхъ нашихъ дѣтей!»..

Прошли три года жизни на счетъ тестя; мужъ занимался молитвами и талмудомъ, жена рожала и кормила дѣтей. Настало время своимъ домикомъ устроиться. Взяться не за что: длиннополая и пейсатая тварь, именуемая Гилелемъ (онъ же мужъ Батъ-Шуи) ни къ чему неспособенъ; капиталовъ вспомогательныхъ также нѣтъ, ибо почтосодержатель Хейферъ съ приведеніемъ желѣзной дороги обѣднѣлъ. Гилель туда-сюда—нигдѣ не оказывается способнымъ; а между тѣмъ семья ростетъ и вмѣстѣ съ нею нужда.

И вотъ въ одно прекрасное утро, Гилель оставляетъ жену и дѣтей и пускается по міру «искать счастья». Батъ-Шуа питается между тѣмъ съ семействомъ изъ доходовъ устроенной ею жалкой лавчонки, гдѣ она съ утра до вечера сидитъ... Проходитъ два-три года—о Гилелѣ ни слуху, ни духу, словно въ воду канулъ. Батъ-Шуа уже пріобрѣла новое имя въ городѣ: «агуне» (вѣчная вдова)—вотъ какъ ее теперь прозвали.

На одно мгновеніе счастье было улыбнулось Батъ-Шуѣ. Въ нее влюбился одинъ просвѣщенный еврей-инженеръ, Фаби, видѣвшій ее частенько въ ея лавчонкѣ; красавица сначала дичилась его, но потомъ привязалась къ этому доброму, любящему ее человѣку. Фаби удалось напасть на слѣдъ Гилеля, ведшаго бродяжническую жизнь въ Ливерпулѣ; влюбленная чета рѣшила, по востребованіи отъ него разводнаго акта, сочетаться бракомъ. Разводный актъ былъ дѣйствительно присланъ Гилелемъ женѣ, по уплатѣ ему послѣднею потребованной имъ контрибуціи... казалось бы всего одинъ шагъ къ счастью. Но не то судилъ рокъ. Когда разводный актъ получился и Батъ-Шуа его представила мѣстному раввину для утвержденія, велемудрый раввинъ призналъ актъ этотъ неимѣющимъ никакой силы на томъ основаніи, что въ имени мужа (Гилель) была пропущена буква і, что, согласно ученію позднѣйшихъ раввиновъ лишаетъ развода всей силы. Правда, орѳографія гласитъ, что въ словѣ Гилель буквы і не полагается; но вѣдь «Шулхонъ Орухъ», стоящій выше всякой орѳографіи и даже всякой логики, утверждаетъ противное,—и раввинъ рѣшить иначе не могъ. Гилель же между тѣмъ уѣхалъ на кораблѣ въ Америку и гдѣ-то пропалъ безъ вѣсти. И вотъ Батъ-Шуа опять остается «агуной» на этотъ разъ уже навсегда... Такъ разрушилось счастье двухъ людей, двухъ любящихъ существъ...

Теперь въ городѣ N. у вокзала желѣзной дороги ежедневно встрѣчаютъ нестарую еще, красивую женщину, одѣтую въ лохмотья, изнуренную и согбенную; рядомъ съ нею, съ обѣихъ сторонъ, волочатся двое дѣтей, оборванныхъ и босыхъ; женщина эта несетъ коробъ съ съѣстными припасами и предлагаетъ проходящимъ покупать что-нибудь у нея... «Кто ты, несчастная?—спрашиваете вы ее. Твое лицо свидѣтельствуетъ, что не для такой жизни ты создана. Богъ ли тебя наказалъ, люди ли обидѣли,

что ты дошла до такого состоянія?»—«Нѣтъ, добрые люди, получаете въ отвѣтъ, Богъ несправедливости не творитъ. Правда, и мнѣ нѣкогда улыбалось счастье, я была всего на одинъ шагъ отъ счастливой жизни,.... но одна іота убила все мое счастье, разбила всю мою жизнь»...

Таково общее содержаніе поэмы «Коцо шелъ іодъ». Но конечно не въ одной фабулѣ дѣло: все обаяніе поэмы заключается въ тѣхъ поэтическихъ и глубоко-жизненныхъ картинахъ, въ тѣхъ неподражаемыхъ описаніяхъ обыденной жизни, которыми пересыпана поэма. Чтобы вполнѣ ее понять, нужно ее прочесть въ оригиналѣ. Она заставляетъ глубоко задумываться. Батъ-Шуа гибнетъ изъ-за одной буквы; но развѣ не весь еврейскій народъ страдаетъ изъ-за *буквы*? Развѣ не мертвая буква убила въ немъ духъ, лишила его здоровой жизнедѣятельности, извратила его религію, его понятія, его воззрѣнія? Развѣ не въ *буквѣ* заключается тысячелѣтняя еврейская трагедія, первый актъ которой сыграли талмудисты, и послѣдній происходитъ понынѣ еще на нашихъ глазахъ?... Развѣ современный, раввинскій іудаизмъ не есть возмутительный культъ мертвой буквы, культъ жалкихъ «боговъ», плодившихъ отъ нечего-дѣлать законы и религіозные кодексы, извращая смыслъ Писанія?... «Коцо шелъ іодъ» не есть только трагедія личности: это—трагическая эпопея цѣлой націи.....

Глубокимъ сочувствіемъ къ злосчастной женской долѣ проникнута и другая поэма, носящая заглавіе «Шомеретъ Іабамъ» (ждущая деверя). На одрѣ болѣзни лежитъ молодой человѣкъ, Іона, чахоточное существо, которое уже давно стоитъ одной ногой въ могилѣ. Около него суетятся жена и родители. Всѣмъ извѣстно, что смерть больнаго неотвратима. Ужасъ и отчаяніе написаны на лицѣ жены больнаго, молодой женщины, почти дѣвочки. Не менѣе сокрушаются родители послѣдней. Дѣло въ томъ что Іона умиралъ бездѣтнымъ, а между тѣмъ у матери больнаго въ это время родился сынъ; согласно закону, вдова Іоны должна будетъ ждать совершеннолѣтія этого новорожденнаго, для полученія отъ него «халицы», если онъ ее согласится дать; до тѣхъ же поръ она не можетъ выходить замужъ и обречена на вдовство въ самые лучшіе годы своей жизни, а можетъ, и навсегда. Рѣшили просить Іону дать передъ смертью разводъ женѣ, дабы она

была свободна отъ «халицы»; но какъ это сообщить больному о его неизбѣжной кончинѣ?... Кое-какъ однако это устроили; Іона согласился дать разводъ. Но тутъ явилась загвоздка: мѣстный, на этотъ разъ уже *казенный*, раввинъ, къ которому обратились за разрѣшеніемъ развода, зная, чѣмъ здѣсь пахнетъ, запросилъ непомѣрно большую сумму денегъ за свой трудъ; бѣдные люди никакъ не могли ему дать такой суммы, а раввинъ былъ неумолимъ... Пока здѣсь судили и рядили, больной приказалъ долго жить—и жена его осталась навѣки несчастною *...

Какая простая, но жизненная фабула! Сколько несчастныхъ женщинъ находятся теперь въ положеніи жены Іоны, или Батъ-Шуи! Сколько жизней разбилъ одинъ нелѣпый обрядъ халицы!... Всѣмъ, знающимъ еврейскую жизнь, нѣтъ надобности разсказывать, сколько сложныхъ и ужасныхъ аномалій порождаетъ на практикѣ этотъ чудовищный обрядъ. Но религіозная косность, тупое раболѣпіе передъ буквою такъ велики, что мысль объ упраздненіи подобнаго рода анахронизмовъ никому и въ голову не приходитъ.

Мы бы не скоро кончили, еслибы продолжали нашъ обзоръ «современныхъ эпопей». Ограничимся только указаніемъ на обширную и замѣчательную поэму «Два Іосифъ-Бенъ-Симона», гдѣ язвы общиннаго, кагальнаго быта евреевъ изображены съ яркостью и поразительной силой, имѣющими себѣ мало подобнаго. Это положительно лучшее изъ произведеній г. Гордона. Вотъ онъ «весь, какъ намалеванъ» раби Шамгаръ, кагальный заправило, въ сравненіи съ которымъ Яго Шекспира не болѣе какъ невинный ягненокъ. Этотъ отвратительный типъ, это живое олицетвореніе безсердечія, алчности и корыстолюбія въ связи съ богобоязненностью и религіознымъ рвеніемъ, нарисованъ поэтомъ безподобно. Въ ироническомъ диѳирамбѣ, пропѣтомъ поэтомъ р. Шамгару, слышатся подавленныя слезы... Вспоминаешь, сколько Шамгаровъ водится и понынѣ въ каждой еврейской общинѣ... Вотъ и идеальный юноша, купившій знаніе цѣною самоотверженія и

* На сколько намъ извѣстно это фактъ случившейся нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ здѣсь въ П-бгѣ. Мы могли бы даже назвать имена дѣйствующихъ лицъ.

долгихъ скитаній, мечтающій о реформѣ іудаизма и весь горящій жаждою великаго дѣла; онъ гибнетъ безславно, попавъ въ сѣти, разставленныя ему кагальнымъ Яго,—сѣти чисто-кагальной конструкціи, сплетенныя изъ ложныхъ паспортовъ, фальшивыхъ метрикъ, укрывательства и тому подобныхъ матеріаловъ... Не станемъ передавать подробностей поэмы, не будемъ останавливаться на другихъ типахъ, въ ней изображенныхъ: это и неудобно и требовало бы много мѣста, но совѣтуемъ каждому понимающему древне-еврейскій языкъ прочесть эту поэму, эту потрясающую эпопею современной общинной жизни русскихъ евреевъ...

Намъ слѣдовало-бы еще кое-что сказать о другомъ отдѣлѣ «современныхъ эпопей»—о «Маленькихъ басняхъ для большихъ дѣтей», занимающихъ вторую половину четвертаго тома стихотвореній г. Гордона,—но обзоръ нашъ и безъ того растянулся, и мы вынуждены ограничиться только голословной рекомендаціей (если произведенія г. Гордона въ какой либо рекомендаціи нуждаются) этихъ прекрасныхъ и поучительныхъ «басенъ». Кромѣ формы, «басни» эти имѣютъ весьма мало общаго съ езоповскими; но за то онѣ очень много общаго имѣютъ съ современной дѣйствительностью, съ обыденными событіями общественной жизни русскихъ евреевъ. «Взрослымъ дѣтямъ» не мѣшало бы заучить эти басни наизусть....

Языкъ поэта въ «современныхъ эпопеяхъ» нѣсколько отличается отъ языка, употребляемаго имъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Въ послѣднихъ языкъ—чисто-библейскій, выполированный, строго размѣренный; въ современныхъ же поэмахъ, написанныхъ преимущественно въ юмористическомъ тонѣ и касающихся жизненныхъ явленій, древне-еврейскій языкъ пересыпанъ талмудическими оборотами, что придаетъ ему популярный, современный характеръ, такъ какъ и разговорная еврейская рѣчь изобилуетъ талмудическими выраженіями. Творцомъ этого прелестнаго, игриваго языка въ поэзіи слѣдуетъ считать г. Гордона; до него никто, кажется, не оцѣнилъ значенія этого діалекта въ поэзіи, такъ какъ и самаго рода поэзіи, именуемаго нашимъ поэтомъ «современными эпопеями», раньше не существовало въ еврейской литературѣ. Какимъ-бы діалектомъ ни писалъ г. Гордонъ, языкъ его всегда сильный, оригинально-образный и не обличаетъ ничего подражатель—

наго; въ немъ никогда не замѣтите стремленія пригонять мысли и образы къ какой нибудь готовой библейской формѣ, къ готовому стиху,—стремленія столь свойственнаго всѣмъ другимъ еврейскимъ поэтамъ. Подъ перомъ г. Гордона древне-еврейскій языкъ становится языкомъ живымъ, гибкимъ и ясно выражающимъ всякую мысль, всякій образъ,—не теряя при этомъ нисколько въ своей чистотѣ.

Мы не имѣли претензіи въ настоящей статьѣ дать полную критику произведеній г. Гордона; мы ограничились только бѣглымъ ихъ обзоромъ, предоставляя критикѣ болѣе обстоятельную оцѣнку поэзіи и литературнаго значенія безпорно лучшаго изъ нашихъ современныхъ поэтовъ. Но изъ нашего бѣглаго очерка, надѣемся, читатель получитъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о литературномъ значеніи поэзіи г. Гордона: эта поэзія имѣла и, безсомнѣнно, еще будетъ имѣть огромное вліяніе въ еврейскомъ мірѣ, именно благодаря ея жизненному характеру, благодаря гуманнымъ, прогрессивнымъ стремленіямъ, которыми она проникнута. Она будетъ имѣть для русскихъ евреевъ то же значеніе, которое имѣла поэзія Некрасова для всего русскаго народа. Она сѣяла «разумное, доброе, вѣчное»—и значеніе ея уже не можетъ быть только временнымъ, скоропреходящимъ.

С. Д.

ЗАМѢТКА.

Въ майской книжкѣ «Восхода», въ отдѣлѣ литературной лѣтописи, г. Критикусъ даетъ отзывъ, между прочимъ, и о книгѣ «Шеверъ-Гаонъ» (т. е. «Низложеніе Гаона»), составленной совмѣстно М. Гордономъ и И. Вейсбергомъ и содержащей критическій анализъ одной казуистической книги. Книга «Шеверъ-Гаонъ» какъ-то сразу не приглянулась г. Критикусу. Онъ съ самаго начала обзываетъ ее, иронически, конечно, «настоящимъ перломъ», и не знакомя читателя съ ея содержаніемъ, безъ дальнѣйшаго относитъ ее къ роду литературныхъ *памфлетовъ* и *пасквилей*. Поводомъ къ такому строгому приговору служило г. Критикусу то обстоятельство, что, какъ онъ *предполагаетъ*, авторы «Шеверъ-Гаонъ» называютъ разбираемую ими книгу вымышленнымъ именемъ «Хадъ-Вехалакъ» и вовсе не упоминаютъ имени ея автора, между тѣмъ какъ свои собственныя имена они выставляютъ en toutes lettres. Это даетъ г. Критикусу поводъ пускаться въ длинную проповѣдь относительно нашихъ литературомановъ и развитія среди еврейскихъ «юнцовъ» писательскаго тщеславія и страсти къ выставленію своего имени въ печати и т. д.

Прочитавъ этотъ отзывъ г. Критикуса, я, признаться, пришелъ въ изумленіе: что это? критика такая, или просто издѣвательство? Начиная съ того, что, относительно заглавія разбираемой гг. Гордономъ и Вейсбергомъ книги, г. Критикусъ попалъ прямо пальцемъ въ небо, такъ какъ «Хадъ-Вехалакъ» (востро и гладко) не есть вымышленное, а настоящее имя казуистической книги, о которой идетъ рѣчь, чѣмъ, естественно, сразу рушился главный устой псевдокритики г. Критикуса, я, вообще, удивляюсь подобнымъ пріемамъ и манерамъ въ литературной

статьѣ, претендующей, повидимому, на серьезность. Допустимъ, что г. Критикусъ, причисляющій авторовъ книги «Шеверъ-Гаонъ» къ «юнцамъ», могъ не знать ихъ въ лицо и не подозрѣвать, что самъ онъ, г. Критикусъ, годится г. М. Гордону во внуки; но непростительно со стороны человѣка, ведущаго литературную лѣтопись въ журналѣ, не знать литературнаго облика писателей и принимать ветерановъ литературы за «юнцовъ» и «диллетантовъ». Г. М. Гордонъ, человѣкъ стоящій на рубежѣ шестаго десятка лѣтъ, давно извѣстенъ въ еврейской литературѣ нѣсколькими самостоятельными трудами и принадлежитъ къ числу лучшихъ новоеврейскихъ писателей. Въ разсматриваемой книгѣ, въ которой М. Гордону принадлежитъ самая серьезная, научная часть, онъ обнаруживаетъ такое глубокое и солидное знаніе раввинской письменности, какое рѣдко встрѣчается у писателей нераввинскаго латеря. Это глубокое знаніе, вмѣстѣ съ трезвою прямолинейною логичностію, придающею аргументаціи г. Гордона неотразимую силу убѣдительности, и даютъ ему возможность разбить въ пухъ схоластическое столпотвореніе двухъ братьевъ раввиновъ крывотолковъ, рѣшившихся изъ одного тщеславія и низменныхъ разсчетовъ прибавить одинъ лишній фоліантъ къ грудѣ казуистическихъ книгъ, тяготѣющей надъ бѣдными еврейскими мозгами. Въ многочисленныхъ мѣстахъ г. Гордонъ доказываетъ воочію этимъ кандидатамъ въ «Гаоны», что они просто-на-просто не понимаютъ смысла цитуемыхъ ими мѣстъ изъ талмуда. Одно это не должно-ли было считаться заслугой въ глазахъ добросовѣстнаго раціональнаго критика?

Авторъ 2-ой части книги, г. Вейсбергъ, одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ стилистовъ среди молодаго поколѣнія, неоднократно ознаменовавшій себя дѣльными, прекрасными летучими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, выставляетъ на показъ, такъ сказать, закулисную сторону затѣй двухъ братьевъ-казуистовъ, при чемъ обнаруживаетъ такой живой юморъ и такъ удачно подражаетъ обычному между хасидами древнееврейскому жаргону, что сильно напоминаетъ извѣстную въ этомъ родѣ сатиру «*Мегале-Тмиринъ*». Я не намѣренъ писать здѣсь новую рецензію о книгѣ гг. Гордона и Вейсберга и передавать въ болѣе подробномъ видѣ ея содержаніе, поэтому считаю сказанное достаточ-

нимъ, чтобы показать, на сколько опрометчиво и неосновательно сужденіе о ней г. Критикуса.

Правда, что авторы книги «Шеверъ-Гаонъ» не выставляютъ имени авторовъ книги «Хадъ-Вехалакъ», а называютъ ихъ мѣткими кличками, взятыми изъ «Агады». Сдѣлали они это, очевидно, изъ цензурныхъ опасеній, такъ какъ критика ихъ не совсѣмъ нѣжно, хоть и заслуженно, касается личности и частной жизни авторовъ «Хадъ-Вехалакъ». Но къ дѣлу это не относится. Разъ книга названа полнымъ заглавіемъ, читатели уже знаютъ о комъ идетъ рѣчь, и выставленіе именъ автора не безусловно необходимо для критиковъ, желающихъ имѣть дѣло главнымъ образомъ съ предметомъ, а не съ личностію. Во всякомъ случаѣ, гораздо приличнѣе и мужественнѣе со стороны критика выставлять свое имя, не называя имени противника, чѣмъ набрасываться и поносить своего противника, къ тому—голословно и неосновательно, самъ тщательно скрываясь подъ разными псевдонимами.

Если бы г. Критикусъ принадлежалъ къ сектѣ хасидимъ, то такое отстаиваніе своихъ единомышленниковъ и отраженіе своихъ противниковъ-эпикурейцевъ было бы по меньшей мѣрѣ естественно и понятно. Но, на сколько мнѣ извѣстно, г. Критикусъ никогда ярымъ хасидомъ не бывалъ, такъ изъ-за чего же было ему такъ горячиться и стулья ломать? Единственное оправданіе для г. Критикуса то, что онъ книги «Хадъ-Вехалакъ» въ глаза не видалъ, да и предлежавшій ему трудъ гг. Гордона и Вейсберга, повидимому, пробѣжалъ только мелькомъ. Но можно-ли это назвать критикою и это-ли цѣль и назначеніе литературной лѣтописи? Добросовѣстный критикъ не долженъ требовать, чтобы ему вѣрили на слово а обязанъ свое рѣшеніе мотивировать и подтвердить фактическими доказательствами. Онъ не въ правѣ также претендовать на непогрѣшимость и считать свой приговоръ безапелляціоннымъ. Судя другихъ, онъ самъ не изъятъ изъ суда и контроля. Надъ нимъ судья—читатель. Для этого въ приговорѣ должна быть изложена вся сущность дѣла и полная мотивировка рѣшенія. Бываютъ, конечно, дѣла, которыя не всякому заурядному судьѣ по плечу, но тогда законъ и совѣсть обязуютъ его отвести самого себя, признавъ себя въ этомъ дѣлѣ не компетентнымъ.

Левъ Гордонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ЕВРЕЙКА. (Изъ преданій). Стихотвореніе. **Петра Вейнберга**. . . 3

II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ Быль. **П. Я. Левенсона** 15

III. ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА. Эпизодъ изъ осады Іерусалима. Историческій романъ. (Продолженіе). **Графини Маріи Ратацци**. 42

IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ. Осмотръ колоній и результаты этого осмотра. **В. Н. Никитина**. 57

V. ГИРЦЕЛЬ ЛЕВИ. ЖЕРТВА РЕЛИГІОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ. Изъ судебной хроники прошлаго вѣка. **Исидора Леба**. 81

VI. ПѢСНИ ДНЯ. I. Суета суетъ. Стихотвореніе. **М. Абрамовича**. . . 111

VII. ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА. А. Музыка евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова. **М. Т Лабунской** 115

VIII. ПОѢЗДКА ВЪ ОБѢТОВАННУЮ ЗЕМЛЮ. **Аркадьева** 133

IX. ПОСЛѢ ПОГРОМА. Стихотвореніе. **С. Варгафтига** 152

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ - ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ. (Окончаніе). **М. И. Мыша**. 1

XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Еврейскій Некрасовъ. *„Kol Schire Jehuda L. Gordon". Полное собраніе стихотвореній Л. О. Гордона, въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1884.* С. Д. . 20

XII. ЗАМѢТКА. **Л. О. Гордона**. 44

мыхъ градовъ «черты». Семнадцати лѣтъ ее выдали замужъ—конечно, не справляясь съ ея желаніемъ — за большаго «илуя»—талмудиста, не понимавшаго ни аза «внѣ четырехъ локтей галахи» и составлявшаго гордость своего отца—кабатчика и вожделѣніе всѣхъ еврейскихъ родителей, имѣвшихъ дочерей-невѣстъ. Этотъ-то перлъ былъ выуженъ изъ навозной кучи раби Хейферомъ и соединенъ узами брака съ Батъ-Шуой, которой всѣ самки еврейскаго муравейника, конечно, очень завидовали. Злые языки говорили, будто сама красавица-невѣста плакала по ночамъ въ ожиданіи этой свадьбы, но поэтъ рѣшительно отказывается этому вѣрить. «Плакала! Съ чего ей вдругъ плакать? Доселѣ она была ничѣмъ, истуканомъ, теперь же ея славный женихъ сдѣлаетъ изъ нея что нибудь порядочное. А если онъ (женихъ) и не смыслитъ въ мірскихъ дѣлахъ, за то онъ «горами ворочаетъ» въ спорахъ Абаи и Равы; если онъ и не знаетъ ремеслъ и языковъ, то знаетъ же онъ что «женщина обручается тремя путями»; если онъ и не видалъ отъ роду «цуратъ матбеа» (формы монеты, т. е. не изъ міра сего), зато вѣдь онъ имѣетъ чистоганомъ тысячу листовъ гемары, приправленныхъ «Маршо» и «Пне-іегошуа». Развѣ и этого тебѣ недостаточно, любезная Батъ-Шуа»... Сыграли свадьбу, конечно, торжественно, при звукахъ музыки. «Но что это за раздирающій сердце вздохъ раздается и глохнетъ въ шумѣ музыки?—спрашиваетъ поэтъ. Это — не вздохъ, — иронически отвѣчаетъ онъ,—это трескъ отъ глинянаго горшка, разбиваемаго въ память разрушенія Іерусалима... «Да! восклицаетъ поэтъ,—мы цѣлыя тысячелѣтія помнимъ и твердимъ про разрушеніе одного города, а на разрушеніе *націи* мы смотримъ равнодушно; въ трескѣ разбиваемыхъ при вѣнчаніи горшковъ мы не слышимъ мучительныхъ стоновъ загубленныхъ нашихъ дѣтей!»..

Прошли три года жизни на счетъ тестя; мужъ занимался молитвами и талмудомъ, жена рожала и кормила дѣтей. Настало время своимъ домикомъ устроиться. Взяться не за что: длиннополая и пейсатая тварь, именуемая Гилелемъ (онъ же мужъ Батъ-Шуи) ни къ чему неспособенъ; капиталовъ вспомогательныхъ также нѣтъ, ибо почтосодержатель Хейферъ съ приведеніемъ желѣзной дороги обѣднѣлъ. Гилель туда-сюда—нигдѣ не оказывается способнымъ; а между тѣмъ семья ростетъ и вмѣстѣ съ нею нужда.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

что ты дошла до такого состоянія?»—«Нѣтъ, добрые люди, получаете въ отвѣтъ, Богъ несправедливости не творитъ. Правда, и мнѣ нѣкогда улыбалось счастье, я была всего на одинъ шагъ отъ счастливой жизни,.... но одна іота убила все мое счастье, разбила всю мою жизнь»...

Таково общее содержаніе поэмы «Коцо шелъ іодъ». Но конечно не въ одной фабулѣ дѣло: все обаяніе поэмы заключается въ тѣхъ поэтическихъ и глубоко-жизненныхъ картинахъ, въ тѣхъ неподражаемыхъ описаніяхъ обыденной жизни, которыми пересыпана поэма. Чтобы вполнѣ ее понять, нужно ее прочесть въ оригиналѣ. Она заставляетъ глубоко задумываться. Батъ-Шуа гибнетъ изъ-за одной буквы; но развѣ не весь еврейскій народъ страдаетъ изъ-за *буквы*? Развѣ не мертвая буква убила въ немъ духъ, лишила его здоровой жизнедѣятельности, извратила его религію, его понятія, его воззрѣнія? Развѣ не въ *буквѣ* заключается тысячелѣтняя еврейская трагедія, первый актъ которой сыграли талмудисты, и послѣдній происходитъ понынѣ еще на нашихъ глазахъ?... Развѣ современный, раввинскій іудаизмъ не есть возмутительный культъ мертвой буквы, культъ жалкихъ «боговъ», плодившихъ отъ нечего-дѣлать законы и религіозные кодексы, извращая смыслъ Писанія?... «Коцо шелъ іодъ» не есть только трагедія личности: это—трагическая эпопея цѣлой націи.....

Глубокимъ сочувствіемъ къ злосчастной женской долѣ проникнута и другая поэма, носящая заглавіе «Шомеретъ Іабамъ» (ждущая деверя). На одрѣ болѣзни лежитъ молодой человѣкъ, Іона, чахоточное существо, которое уже давно стоитъ одной ногой въ могилѣ. Около него суетятся жена и родители. Всѣмъ извѣстно, что смерть больнаго неотвратима. Ужасъ и отчаяніе написаны на лицѣ жены больнаго, молодой женщины, почти дѣвочки. Не менѣе сокрушаются родители послѣдней. Дѣло въ томъ что Іона умиралъ бездѣтнымъ, а между тѣмъ у матери больнаго въ это время родился сынъ; согласно закону, вдова Іоны должна будетъ ждать совершеннолѣтія этого новорожденнаго, для полученія отъ него «халицы», если онъ ее согласится дать; до тѣхъ же поръ она не можетъ выходить замужъ и обречена на вдовство въ самые лучшіе годы своей жизни, а можетъ, и навсегда. Рѣшили просить Іону дать передъ смертью разводъ женѣ, дабы она

была свободна отъ «халицы»; но какъ это сообщить больному о его неизбѣжной кончинѣ?... Кое-какъ однако это устроили; Іона согласился дать разводъ. Но тутъ явилась загвоздка: мѣстный, на этотъ разъ уже *казенный*, раввинъ, къ которому обратились за разрѣшеніемъ развода, зная, чѣмъ здѣсь пахнетъ, запросилъ непомѣрно большую сумму денегъ за свой трудъ; бѣдные люди никакъ не могли ему дать такой суммы, а раввинъ былъ неумолимъ... Пока здѣсь судили и рядили, больной приказалъ долго жить—и жена его осталась навѣки несчастною *...

Какая простая, но жизненная фабула! Сколько несчастныхъ женщинъ находятся теперь въ положеніи жены Іоны, или Батъ-Шуи! Сколько жизней разбилъ одинъ нелѣпый обрядъ халицы!... Всѣмъ, знающимъ еврейскую жизнь, нѣтъ надобности разсказывать, сколько сложныхъ и ужасныхъ аномалій порождаетъ на практикѣ этотъ чудовищный обрядъ. Но религіозная косность, тупое раболѣпіе передъ буквою такъ велики, что мысль объ упраздненіи подобнаго рода анахронизмовъ никому и въ голову не приходитъ.

Мы бы не скоро кончили, еслибы продолжали нашъ обзоръ «современныхъ эпопей». Ограничимся только указаніемъ на обширную и замѣчательную поэму «Два Іосифъ-Бенъ-Симона», гдѣ язвы общиннаго, кагальнаго быта евреевъ изображены съ яркостью и поразительной силой, имѣющими себѣ мало подобнаго. Это положительно лучшее изъ произведеній г. Гордона. Вотъ онъ «весь, какъ намалеванъ» раби Шамгаръ, кагальный заправило, въ сравненіи съ которымъ Яго Шекспира не болѣе какъ невинный агненокъ. Этотъ отвратительный типъ, это живое олицетвореніе бевсердечія, алчности и корыстолюбія въ связи съ богобоязненностью и религіознымъ рвеніемъ, нарисованъ поэтомъ безподобно. Въ ироническомъ диѳирамбѣ, пропѣтомъ поэтомъ р. Шамгару, слышатся подавленныя слезы... Вспоминаешь, сколько Шамгаровъ водится и понынѣ въ каждой еврейской общинѣ... Вотъ и идеальный юноша, купившій знаніе цѣною самоотверженія и

* На сколько намъ извѣстно это фактъ случившейся нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ здѣсь въ П-бгѣ. Мы могли бы даже назвать имена дѣйствующихъ лицъ.

долгихъ скитаній, мечтающій о реформѣ іудаизма и весь горящій жаждою великаго дѣла; онъ гибнетъ безславно, попавъ въ сѣти, разставленныя ему кагальнымъ Яго,—сѣти чисто-кагальной конструкціи, сплетенныя изъ ложныхъ паспортовъ, фальшивыхъ метрикъ, укрывательства и тому подобныхъ матеріаловъ... Не станемъ передавать подробностей поэмы, не будемъ останавливаться на другихъ типахъ, въ ней изображенныхъ: это и неудобно и требовало бы много мѣста, но совѣтуемъ каждому понимающему древне-еврейскій языкъ прочесть эту поэму, эту потрясающую эпопею современной общинной жизни русскихъ евреевъ...

Намъ слѣдовало-бы еще кое-что сказать о другомъ отдѣлѣ «современныхъ эпопей»—о «Маленькихъ басняхъ для большихъ дѣтей», занимающихъ вторую половину четвертаго тома стихотвореній г. Гордона,—но обзоръ нашъ и безъ того растянулся, и мы вынуждены ограничиться только голословной рекомендаціей (если произведенія г. Гордона въ какой либо рекомендаціи нуждаются) этихъ прекрасныхъ и поучительныхъ «басенъ». Кромѣ формы, «басни» эти имѣютъ весьма мало общаго съ езоповскими; но за то онѣ очень много общаго имѣютъ съ современной дѣйствительностью, съ обыденными событіями общественной жизни русскихъ евреевъ. «Взрослымъ дѣтямъ» не мѣшало бы заучить эти басни наизусть....

Языкъ поэта въ «современныхъ эпопеяхъ» нѣсколько отличается отъ языка, употребляемаго имъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Въ послѣднихъ языкъ—чисто-библейскій, выполированный, строго размѣренный; въ современныхъ же поэмахъ, написанныхъ преимущественно въ юмористическомъ тонѣ и касающихся жизненныхъ явленій, древне-еврейскій языкъ пересыпанъ талмудическими оборотами, что придаетъ ему популярный, современный характеръ, такъ какъ и разговорная еврейская рѣчь изобилуетъ талмудическими выраженіями. Творцомъ этого прелестнаго, игриваго языка въ поэзіи слѣдуетъ считать г. Гордона; до него никто, кажется, не оцѣнилъ значенія этого діалекта въ поэзіи, такъ какъ и самаго рода поэзіи, именуемаго нашимъ поэтомъ «современными эпопеями», раньше не существовало въ еврейской литературѣ. Какимъ-бы діалектомъ ни писалъ г. Гордонъ, языкъ его всегда сильный, оригинально-образный и не обличаетъ ничего подражатель-

Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

24-го іюля 1884 года.

Принимая во вниманіе, что издаваемая при журналѣ «Восходъ» «Недѣльная Хроника Восхода» весьма часто дозволяетъ себѣ дерзко порицать законы и правительственныя дѣйствія и лживо истолковывать ихъ смыслъ и цѣли; что посредствомъ подбора вымышленныхъ или извращенныхъ фактовъ раздражающаго свойства, она поддерживаетъ въ одной части населенія враждебныя чувства къ прочимъ гражданамъ; что сказанное вредное направленіе этой газеты съ особой несдержанностью проявилось въ послѣднее время, въ передовыхъ статьяхъ №№ 24-го, 27-го и 28-го, а также въ статьѣ «Tempora mutantur» и въ корреспонденціи изъ Витебска въ № 27-мъ, въ письмѣ изъ Сопоцкина и въ статьѣ «Мимоходомъ» въ № 28-мъ— управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 приложенія къ ст. 4 устава цензурн., св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Восходъ» вмѣстѣ съ издаваемой при немъ въ видѣ приложенія «Недѣльной Хроникой Восхода» *первое* предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора, купеческаго сына Адольфа Ландау.

статьѣ, претендующей, повидимому, на серьезность. Допустимъ, что г. Критикусъ, причисляющій авторовъ книги «Шеверъ-Гаонъ» къ «юнцамъ», могъ не знать ихъ въ лицо и не подозрѣвать, что самъ онъ, г. Критикусъ, годится г. М. Гордону во внуки; но непростительно со стороны человѣка, ведущаго литературную лѣтопись въ журналѣ, не знать литературнаго облика писателей и принимать ветерановъ литературы за «юнцовъ» и «диллетантовъ». Г. М. Гордонъ, человѣкъ стоящій на рубежѣ шестаго десятка лѣтъ, давно извѣстенъ въ еврейской литературѣ нѣсколькими самостоятельными трудами и принадлежитъ къ числу лучшихъ новоеврейскихъ писателей. Въ разсматриваемой книгѣ, въ которой М. Гордону принадлежитъ самая серьезная, научная часть, онъ обнаруживаетъ такое глубокое и солидное знаніе раввинской письменности, какое рѣдко встрѣчается у писателей нераввинскаго лагеря. Это глубокое знаніе, вмѣстѣ съ трезвою прямолинейною логичностію, придающею аргументаціи г. Гордона неотразимую силу убѣдительности, и даютъ ему возможность разбить въ пухъ схоластическое столпотвореніе двухъ братьевъ раввиновъ крывотолковъ, рѣшившихся изъ одного тщеславія и низменныхъ разсчетовъ прибавить одинъ лишній фоліантъ къ грудѣ казуистическихъ книгъ, тяготѣющей надъ бѣдными еврейскими мозгами. Въ многочисленныхъ мѣстахъ г. Гордонъ доказываетъ воочію этимъ кандидатамъ въ «Гаоны», что они просто-на-просто не понимаютъ смысла цитуемыхъ ими мѣстъ изъ талмуда. Одно это не должно-ли было считаться заслугой въ глазахъ добросовѣстнаго раціональнаго критика?

Авторъ 2-ой части книги, г. Вейсбергъ, одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ стилистовъ среди молодаго поколѣнія, неоднократно ознаменовавшій себя дѣльными, прекрасными летучими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, выставляетъ на показъ, такъ сказать, закулисную сторону затѣй двухъ братьевъ-казуистовъ, при чемъ обнаруживаетъ такой живой юморъ и такъ удачно подражаетъ обычному между хасидами древнееврейскому жаргону, что сильно напоминаетъ извѣстную въ этомъ родѣ сатиру «*Мегале-Тмиринъ*». Я не намѣренъ писать здѣсь новую рецензію о книгѣ гг. Гордона и Вейсберга и передавать въ болѣе подробномъ видѣ ея содержаніе, поэтому считаю сказанное достаточ-

Всѣ старались блистать другъ предъ другомъ они,
Всѣ другъ друга съ улыбкой язвили.

Этотъ голову щупалъ, тотъ пульсъ наблюдалъ,
Кто языкъ, кто и прочія части...
„Самъ Господь паціента жить вѣчно проклялъ—
Да, все счастіе въ этомъ несчастьи!—

„Мы же лишніе тутъ...“ Такъ мудро межъ собой
Порѣшили свѣтила науки—
И ушли... Лишь остался одинъ. Онъ съ тоской
Взялъ страдальца за чахлыя руки.

„Агасферъ“—онъ сказалъ:—„вотъ и мой приговоръ—
За него не прошу я награды—
Слушалъ здѣсь я ученыхъ шутовъ разговоръ,
Покраснѣвъ отъ стыда и досады...

„Нѣтъ, тебѣ не поможетъ водой гидропатъ,
Полкъ хирурговъ изранилъ всѣ члены,
Брось бальзамъ этотъ жалкій, мой страждущій братъ,
Ужъ микстурамъ ты знаешь вѣдь цѣны!..

„Вѣчно жить...: Это въ шутку легко и сказать...
Вѣчный старецъ съ недугомъ опаснымъ,
Ты не жить безъ конца—безъ конца умирать
Обреченъ своимъ ропомъ ужаснымъ.

„Ахъ, болѣзни твои—безконечная сѣть,
Разорвать ее врядъ-ли есть силы...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ЕВРЕЙКА. (Изъ преданій). Стихотвореніе. **Петра Вейнберга**. . . 3

II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ Быль. **П. Я. Левенсона** 15

III. ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА. Эпизодъ изъ осады Іерусалима. Историческій романъ. (Продолженіе). **Графини Маріи Ратацци**. 42

IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ. Осмотръ колоній и результаты этого осмотра. **В. Н. Никитина**. 57

V. ГИРЦЕЛЬ ЛЕВИ. ЖЕРТВА РЕЛИГІОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ. Изъ судебной хроники прошлаго вѣка. **Исидора Леба**. 81

VI. ПѢСНИ ДНЯ. I. Суета суетъ. Стихотвореніе. **М. Абрамовича**. . . 111

VII. ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА. А. Музыка евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова. **М. Т Лабунской** 115

VIII. ПОѢЗДКА ВЪ ОБѢТОВАННУЮ ЗЕМЛЮ. **Аркадьева** 133

IX. ПОСЛѢ ПОГРОМА. Стихотвореніе. **С. Варгафтига** 152

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ - ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ. (Окончаніе). **М. И. Мыша**. 1

XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Еврейскій Некрасовъ. *„Kol Schire Jehuda L. Gordon". Полное собраніе стихотвореній Л. О. Гордона, въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1884.* С. Д. . 20

XII. ЗАМѢТКА. **Л. О. Гордона**. 44

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

что ты дошла до такого состоянія?»—«Нѣтъ, добрые люди, получаете въ отвѣтъ, Богъ несправедливости не творитъ. Правда, и мнѣ нѣкогда улыбалось счастье, я была всего на одинъ шагъ отъ счастливой жизни,.... но одна іота убила все мое счастье, разбила всю мою жизнь»...

Таково общее содержаніе поэмы «Коцо шелъ іодъ». Но конечно не въ одной фабулѣ дѣло: все обаяніе поэмы заключается въ тѣхъ поэтическихъ и глубоко-жизненныхъ картинахъ, въ тѣхъ неподражаемыхъ описаніяхъ обыденной жизни, которыми пересыпана поэма. Чтобы вполнѣ ее понять, нужно ее прочесть въ оригиналѣ. Она заставляетъ глубоко задумываться. Батъ-Шуа гибнетъ изъ-за одной буквы; но развѣ не весь еврейскій народъ страдаетъ изъ-за *буквы*? Развѣ не мертвая буква убила въ немъ духъ, лишила его здоровой жизнедѣятельности, извратила его религію, его понятія, его воззрѣнія? Развѣ не въ *буквѣ* заключается тысячелѣтняя еврейская трагедія, первый актъ которой сыграли талмудисты, и послѣдній происходитъ понынѣ еще на нашихъ глазахъ?... Развѣ современный, раввинскій іудаизмъ не есть возмутительный культъ мертвой буквы, культъ жалкихъ «боговъ», плодившихъ отъ нечего-дѣлать законы и религіозные кодексы, извращая смыслъ Писанія?... «Коцо шелъ іодъ» не есть только трагедія личности: это—трагическая эпопея цѣлой націи.....

Глубокимъ сочувствіемъ къ злосчастной женской долѣ проникнута и другая поэма, носящая заглавіе «Шомеретъ Іабамъ» (ждущая деверя). На одрѣ болѣзни лежитъ молодой человѣкъ, Іона, чахоточное существо, которое уже давно стоитъ одной ногой въ могилѣ. Около него суетятся жена и родители. Всѣмъ извѣстно, что смерть больнаго неотвратима. Ужасъ и отчаяніе написаны на лицѣ жены больнаго, молодой женщины, почти дѣвочки. Не менѣе сокрушаются родители послѣдней. Дѣло въ томъ что Іона умиралъ бездѣтнымъ, а между тѣмъ у матери больнаго въ это время родился сынъ; согласно закону, вдова Іоны должна будетъ ждать совершеннолѣтія этого новорожденнаго, для полученія отъ него «халицы», если онъ ее согласится дать; до тѣхъ же поръ она не можетъ выходить замужъ и обречена на вдовство въ самые лучшіе годы своей жизни, а можетъ, и навсегда. Рѣшили просить Іону дать передъ смертью разводъ женѣ, дабы она

была свободна отъ «халицы»; но какъ это сообщить больному о его неизбѣжной кончинѣ?... Кое-какъ однако это устроили; Іона согласился дать разводъ. Но тутъ явилась загвоздка: мѣстный, на этотъ разъ уже *казенный*, раввинъ, къ которому обратились за разрѣшеніемъ развода, зная, чѣмъ здѣсь пахнетъ, запросилъ непомѣрно большую сумму денегъ за свой трудъ; бѣдные люди никакъ не могли ему дать такой суммы, а раввинъ былъ неумолимъ... Пока здѣсь судили и рядили, больной приказалъ долго жить—и жена его осталась навѣки несчастною *...

Какая простая, но жизненная фабула! Сколько несчастныхъ женщинъ находятся теперь въ положеніи жены Іоны, или Батъ-Шуи! Сколько жизней разбилъ одинъ нелѣпый обрядъ халицы!... Всѣмъ, знающимъ еврейскую жизнь, нѣтъ надобности разсказывать, сколько сложныхъ и ужасныхъ аномалій порождаетъ на практикѣ этотъ чудовищный обрядъ. Но религіозная косность, тупое раболѣпіе передъ буквою такъ велики, что мысль объ упраздненіи подобнаго рода анахронизмовъ никому и въ голову не приходитъ.

Мы бы не скоро кончили, еслибы продолжали нашъ обзоръ «современныхъ эпопей». Ограничимся только указаніемъ на обширную и замѣчательную поэму «Два Іосифъ-Бенъ-Симона», гдѣ язвы общиннаго, кагальнаго быта евреевъ изображены съ яркостью и поразительной силой, имѣющими себѣ мало подобнаго. Это положительно лучшее изъ произведеній г. Гордона. Вотъ онъ «весь, какъ намалеванъ» раби Шамгаръ, кагальный заправило, въ сравненіи съ которымъ Яго Шекспира не болѣе какъ невинный ягненокъ. Этотъ отвратительный типъ, это живое олицетвореніе бевсердечія, алчности и корыстолюбія въ связи съ богобоязненностью и религіознымъ рвеніемъ, нарисованъ поэтомъ безподобно. Въ ироническомъ диѳирамбѣ, пропѣтомъ поэтомъ р. Шамгару, слышатся подавленныя слезы... Вспоминаешь, сколько Шамгаровъ водится и понынѣ въ каждой еврейской общинѣ... Вотъ и идеальный юноша, купившій знаніе цѣною самоотверженія и

* На сколько намъ извѣстно это фактъ случившейся нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ здѣсь въ П-бургѣ. Мы могли бы даже назвать имена дѣйствующихъ лицъ.

долгихъ скитаній, мечтающій о реформѣ іудаизма и весь горящій жаждою великаго дѣла; онъ гибнетъ безславно, попавъ въ сѣти, разставленныя ему кагальнымъ Яго,—сѣти чисто-кагальной конструкціи, сплетенныя изъ ложныхъ паспортовъ, фальшивыхъ метрикъ, укрывательства и тому подобныхъ матеріаловъ... Не станемъ передавать подробностей поэмы, не будемъ останавливаться на другихъ типахъ, въ ней изображенныхъ: это и неудобно и требовало бы много мѣста, но совѣтуемъ каждому понимающему древне-еврейскій языкъ прочесть эту поэму, эту потрясающую эпопею современной общинной жизни русскихъ евреевъ...

Намъ слѣдовало-бы еще кое-что сказать о другомъ отдѣлѣ «современныхъ эпопей»—о «Маленькихъ басняхъ для большихъ дѣтей», занимающихъ вторую половину четвертаго тома стихотвореній г. Гордона,—но обзоръ нашъ и безъ того растянулся, и мы вынуждены ограничиться только голословной рекомендаціей (если произведенія г. Гордона въ какой либо рекомендаціи нуждаются) этихъ прекрасныхъ и поучительныхъ «басенъ». Кромѣ формы, «басни» эти имѣютъ весьма мало общаго съ езоповскими; но за то онѣ очень много общаго имѣютъ съ современной дѣйствительностью, съ обыденными событіями общественной жизни русскихъ евреевъ. «Взрослымъ дѣтямъ» не мѣшало бы заучить эти басни наизусть....

Языкъ поэта въ «современныхъ эпопеяхъ» нѣсколько отличается отъ языка, употребляемаго имъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Въ послѣднихъ языкъ—чисто-библейскій, выполированный, строго размѣренный; въ современныхъ же поэмахъ, написанныхъ преимущественно въ юмористическомъ тонѣ и касающихся жизненныхъ явленій, древне-еврейскій языкъ пересыпанъ талмудическими оборотами, что придаетъ ему популярный, современный характеръ, такъ какъ и разговорная еврейская рѣчь изобилуетъ талмудическими выраженіями. Творцомъ этого прелестнаго, игриваго языка въ поэзіи слѣдуетъ считать г. Гордона; до него никто, кажется, не оцѣнилъ значенія этого діалекта въ поэзіи, такъ какъ и самаго рода поэзіи, именуемаго нашимъ поэтомъ «современными эпопеями», раньше не существовало въ еврейской литературѣ. Какимъ-бы діалектомъ ни писалъ г. Гордонъ, языкъ его всегда сильный, оригинально-образный и не обличаетъ ничего подражатель-

наго; въ немъ никогда не замѣтите стремленія пригонять мысли и образы къ какой нибудь готовой библейской формѣ, къ готовому стиху,—стремленія столь свойственнаго всѣмъ другимъ еврейскимъ поэтамъ. Подъ перомъ г. Гордона древне-еврейскій языкъ становится языкомъ живымъ, гибкимъ и ясно выражающимъ всякую мысль, всякій образъ,—не теряя при этомъ нисколько въ своей чистотѣ.

Мы не имѣли претензіи въ настоящей статьѣ дать полную критику произведеній г. Гордона; мы ограничились только бѣглымъ ихъ обзоромъ, предоставляя критикѣ болѣе обстоятельную оцѣнку поэзіи и литературнаго значенія безпорно лучшаго изъ нашихъ современныхъ поэтовъ. Но изъ нашего бѣглаго очерка, надѣемся, читатель получитъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о литературномъ значеніи поэзіи г. Гордона: эта поэзія имѣла и, безсомнѣнно, еще будетъ имѣть огромное вліяніе въ еврейскомъ мірѣ, именно благодаря ея жизненному характеру, благодаря гуманнымъ, прогрессивнымъ стремленіямъ, которыми она проникнута. Она будетъ имѣть для русскихъ евреевъ то же значеніе, которое имѣла поэзія Некрасова для всего русскаго народа. Она сѣяла «разумное, доброе, вѣчное»—и значеніе ея уже не можетъ быть только временнымъ, скоропреходящимъ.

С. Д.

не крикнулъ на него. Тогда онъ сдѣлался смѣлѣе и просунулъ свою шею, а спустя минуту—и всю свою тощую фигуру изъ корридора въ комнату и также осторожно потянулъ за собою дверь. Дверь снова взвизгнула, точно дѣвушка, которую пощекотали въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ.

Янкель весь съежился, причемъ лице его приняло такое выраженіе, что повернувшійся къ нему въ эту минуту господинъ тревожно спросилъ:—Ты себѣ палецъ, что ли ущемилъ?—Но въ то же время онъ расхохотался, потому что лицо Янкеля мгновенно преобразилось.

— На что бы я тогда годился пану? произнесъ онъ кланяясь.

— А теперь ты же мнѣ на что? улыбнувшись, спросилъ господинъ, подойдя ближе къ Янкелю.

— Можетъ быть, на что нибудь пригодимся пану... Янкель Тейтельманъ всѣмъ панамъ прислуживаетъ, и всѣ его знаютъ.

— Какъ, развѣ и тебя зовутъ Тейтельманъ?—удивился господинъ.—У меня уже сегодня былъ одинъ Тейтельманъ.

По лицу Янкеля пробѣжала торжествующая улыбка. Онъ прямо посмотрѣлъ въ лицо незнакомому господину.

— Развѣ можетъ быть другой Тейтельманъ, кромѣ Янкеля? Это я Тейтельманъ, а тотъ Тейтельманъ, который былъ у васъ, не Тейтельманъ, а обманщикъ, и съ нимъ вы никакого дѣла не сдѣлаете. Всѣ паны знаютъ только Янкеля Тейтельмана, и если нужно продать кукурузу или пшеницу, или имъ нужны деньги они обращаются всегда къ Янкелю Тейтельману.

— Но какъ же тотъ мнѣ говорилъ, что его зовутъ Тейтельманъ, и обѣщалъ мнѣ сегодня же достать денегъ у ростовщика...

— Онъ васъ обманулъ, сказалъ съ важностью Янкель.

— Такъ онъ мнѣ и денегъ не достанетъ?

— А вы думали, что достанетъ? иронически проговорилъ Янкель.

Вигурскій нахмурился:—Я ему всѣ пейсы выдерну, если онъ меня обманетъ, сказалъ онъ въ сердцахъ.

— Зачѣмъ же пану напрасно руки пачкать, изъ его пей-

статьѣ, претендующей, повидимому, на серьезность. Допустимъ, что г. Критикусъ, причисляющій авторовъ книги «Шеверъ-Гаонъ» къ «юнцамъ», могъ не знать ихъ въ лицо и не подозрѣвать, что самъ онъ, г. Критикусъ, годится г. М. Гордону во внуки; но непростительно со стороны человѣка, ведущаго литературную лѣтопись въ журналѣ, не знать литературнаго облика писателей и принимать ветерановъ литературы за «юнцовъ» и «диллетантовъ». Г. М. Гордонъ, человѣкъ стоящій на рубежѣ шестаго десятка лѣтъ, давно извѣстенъ въ еврейской литературѣ нѣсколькими самостоятельными трудами и принадлежитъ къ числу лучшихъ новоеврейскихъ писателей. Въ разсматриваемой книгѣ, въ которой М. Гордону принадлежитъ самая серьезная, научная часть, онъ обнаруживаетъ такое глубокое и солидное знаніе раввинской письменности, какое рѣдко встрѣчается у писателей нераввинскаго лагеря. Это глубокое знаніе, вмѣстѣ съ трезвою прямолинейною логичностію, придающею аргументаціи г. Гордона неотразимую силу убѣдительности, и даютъ ему возможность разбить въ пухъ схоластическое столпотвореніе двухъ братьевъ раввиновъ крывотолковъ, рѣшившихся изъ одного тщеславія и низменныхъ разсчетовъ прибавить одинъ лишній фоліантъ къ грудѣ казуистическихъ книгъ, тяготѣющей надъ бѣдными еврейскими мозгами. Въ многочисленныхъ мѣстахъ г. Гордонъ доказываетъ воочію этимъ кандидатамъ въ «Гаоны», что они просто-на-просто не понимаютъ смысла цитуемыхъ ими мѣстъ изъ талмуда. Одно это не должно-ли было считаться заслугой въ глазахъ добросовѣстнаго раціональнаго критика?

Авторъ 2-ой части книги, г. Вейсбергъ, одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ стилистовъ среди молодаго поколѣнія, неоднократно ознаменовавшій себя дѣльными, прекрасными летучими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, выставляетъ на показъ, такъ сказать, закулисную сторону затѣй двухъ братьевъ-казуистовъ, при чемъ обнаруживаетъ такой живой юморъ и такъ удачно подражаетъ обычному между хасидами древнееврейскому жаргону, что сильно напоминаетъ извѣстную въ этомъ родѣ сатиру «*Мегале-Тмиринъ*». Я не намѣренъ писать здѣсь новую рецензію о книгѣ гг. Гордона и Вейсберга и передавать въ болѣе подробномъ видѣ ея содержаніе, поэтому считаю сказанное достаточ-

нечно, чтобы онъ остался безъ заработка на субботу; Онъ самъ указываетъ ему пути... Да будетъ благословенно его имя... Но какъ и гдѣ достать такую большую сумму? Мойше Бернштрунгъ хотя и падокъ на большіе проценты, но онъ очень скупъ, и гораздо легче попасть въ рай, чѣмъ вырвать рубль изъ его мошны. Но вѣдь онъ будетъ имѣть дѣло съ помѣщикомъ и вѣроятно согласится дать взаймы, если только Тейтельманъ и Фейгельманъ не успѣли уже обдѣлать дѣло. Ну а если Бернштрунгъ не согласится, тогда онъ попытаетъ счастья у Ицика Вейнцвейга или у Берки Авербуха... Перебирая такимъ образомъ всѣхъ извѣстныхъ ему въ городѣ ростовщиковъ, онъ дошелъ до лѣстницы; но не успѣлъ ступить на вторую ступеньку, какъ его кто-то окрикнулъ.

— Янкель, Янкель?

Онъ оглянулся. У дверей одного изъ номеровъ стояла Машка и дѣлала ему знаки рукой.

— Пойди сюда, пойди сюда... Барыня фактора ищетъ; хорошо, что ты подвернулся, а то бы пришлось послать кого нибудь за Тейтельманомъ или Фейгельманомъ.

Янкель быстро вернулся и послѣдовалъ за горничной.

— Вотъ, барыня, факторъ, сказала Машка, указавъ на Янкеля.

Къ Янкелю приблизилась полная красивая женщина лѣтъ пятидесяти и привѣтливо кивнула ему головой.

— У меня тутъ есть знакомый факторъ, къ которому я постоянно обращаюсь, когда пріѣзжаю въ городъ; но на бѣду онъ уѣхалъ; если ты окажешься честнымъ человѣкомъ, то я готова тебѣ поручить на этотъ разъ продажу... —

— Развѣ Янкель Тейтельманъ можетъ быть не честнымъ человѣкомъ!—съ живостью заговорилъ Янкель,—меня всѣ помѣщики знаютъ; я имъ и кукурузу, и пшеницу, и скотъ продаю и всѣ мною довольны; меня и помѣщикъ Вигурскій знаетъ...

При словѣ Вигурскій, изъ сосѣдней комнаты выглянула хорошенькая, бѣлокурая головка молодой дѣвушки, большіе свѣтящіеся глаза которой скользнули на мгновенье по сгорбленной фигурѣ бѣднаго фактора; потомъ взглядъ ихъ быстро перешелъ на полную даму, и мать и дочь переглянулись между собою.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ЕВРЕЙКА. (Изъ преданій). Стихотвореніе. **Петра Вейнберга**. . . 3

II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ Быль. **П. Я. Левенсона** 15

III. ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА. Эпизодъ изъ осады Іерусалима. Историческій романъ. (Продолженіе). **Графини Маріи Ратацци**. 42

IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ. Осмотръ колоній и результаты этого осмотра. **В. Н. Никитина**. 57

V. ГИРЦЕЛЬ ЛЕВИ. ЖЕРТВА РЕЛИГІОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ. Изъ судебной хроники прошлаго вѣка. **Исидора Леба**. 81

VI. ПѢСНИ ДНЯ. I. Суета суетъ. Стихотвореніе. **М. Абрамовича**. . . 111

VII. ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА. А. Музыка евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова. **М. Т Лабунской** 115

VIII. ПОѢЗДКА ВЪ ОБѢТОВАННУЮ ЗЕМЛЮ. **Аркадьева** 133

IX. ПОСЛѢ ПОГРОМА. Стихотвореніе. **С. Варгафтига** 152

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ - ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ. (Окончаніе). **М. И. Мыша**. 1

XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Еврейскій Некрасовъ. „*Kol Schire Jehuda L. Gordon*“. *Полное собраніе стихотвореній Л. О. Гордона, въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1884.* С. Д. . 20

XII. ЗАМѢТКА. **Л. О. Гордона**. 44

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

— Какъ же можно, чтобы у васъ не было какихъ нибудь 5—6 рублей!

— 5—6!—воскликнулъ ростовщикъ;—если бы я за подобныя вещи сталъ давать по пяти рублей, повѣрьте я бы завтра обанкрутился; ваша подушка и двухъ не стоитъ.

— Какъ не стоитъ, тутъ дэсять фунтовъ пуха...

— Все же не стоитъ... Я болѣе двухъ рублей не могу вамъ дать.

— Но что я сдѣлаю съ двумя рублями,—сказала, чуть не зарыдавъ, Рухиль;—какъ я справлю субботу двумя рублями.

Ростовщикъ только покачалъ головою!

— Дайте хоть четыре! умоляла Рухиль.

— Больше не могу.

— Ну, хоть три.

Ростовщикъ снова взялъ въ руки подушку и тщательно сталъ ее разсматривать, ворочая во всѣ стороны.

— Подушка больше не стоитъ: но такъ и быть; для васъ я сдѣлаю, и только для васъ, Рухиль. Помните что... можетъ быть Богъ дастъ, мы породнимся съ вами.

Рухиль вытаращила на него глаза.

— Я васъ не понимаю, сказала она.

— Тутъ и понимать нечего,—произнесъ онъ, лукаво подмигнувъ ей;—въ свое время узнаете. Впрочемъ, вѣдь вы знаете, что я вдовецъ... Но объ этомъ въ другое время. А пока покончимъ съ этимъ дѣломъ. Вамъ слѣдуетъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ.

— Но вы же согласились дать три.

— Такъ и выйдетъ... Сосчитайте...—И вручивъ ей деньги, онъ взялъ у нея изъ рукъ подушку.

— Никому другому я бы не далъ столько; но вамъ вѣдь... я вдовецъ и ищу хорошую невѣсту...

Но Рухиль больше не слушала. Очутившись на улицѣ и еще разъ ощупавъ свой карманъ, въ которомъ лежали деньги, она прямо побѣжала въ лавку къ Авруму и, закупивъ тамъ все нужное, къ великому удивленію длинноносаго лавочника, нагруженная разными вещами, побѣжала домой.

Прежнее печальное тріо замѣнилось радостнымъ ликованіемъ,

Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

24-го іюля 1884 года.

Принимая во вниманіе, что издаваемая при журналѣ «Восходъ» «Недѣльная Хроника Восхода» весьма часто дозволяетъ себѣ дерзко порицать законы и правительственныя дѣйствія и лживо истолковывать ихъ смыслъ и цѣли; что посредствомъ подбора вымышленныхъ или извращенныхъ фактовъ раздражающаго свойства, она поддерживаетъ въ одной части населенія враждебныя чувства къ прочимъ гражданамъ; что сказанное вредное направленіе этой газеты съ особой несдержанностью проявилось въ послѣднее время, въ передовыхъ статьяхъ №№ 24-го, 27-го и 28-го, а также въ статьѣ «Tempora mutantur» и въ корреспонденціи изъ Витебска въ № 27-мъ, въ письмѣ изъ Сопоцкина и въ статьѣ «Мимоходомъ» въ № 28-мъ—управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 приложенія къ ст. 4 устава цензурн., св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Восходъ» вмѣстѣ съ издаваемой при немъ въ видѣ приложенія «Недѣльной Хроникой Восхода» *первое* предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора, купеческаго сына Адольфа Ландау.

ПѢСНИ ДНЯ.

II *.

На старую тему.

... Тамъ лежалъ на отрепьяхъ своихъ Вѣчный Жидъ,
Нили раны и дряхлыя кости,
А кругомъ копошился ученый синклитъ,
Все врачи, все знакомые гости.

Все знакомый народъ: жрецъ воды, гидропатъ,
Снова ванну больному назначилъ,
И авгуровъ науки тамъ гомеопатъ
Всѣхъ ничтожностью доз озадачилъ.

Вѣчной юности вынулъ цѣлебный бальзамъ
Нѣкто съ очень серьезной гримасой,
И сверкалъ и бренчалъ полкъ хирургiи тамъ
И ланцетовъ и скальпелей массой.

Тамъ торжественной грустью сiяли одни,
Крайне мило другiе шутили,

* См. „Восходъ“, кн. 7.

Всѣ старались блистать другъ предъ другомъ они,
Всѣ другъ друга съ улыбкой язвили.

Этотъ голову щупалъ, тотъ пульсъ наблюдалъ,
Кто языкъ, кто и прочія части...
„Самъ Господь паціента жить вѣчно проклялъ—
Да, все счастіе въ этомъ несчастьи!—

„Мы же лишніе тутъ...“ Такъ мудро межъ собой
Порѣшили свѣтила науки—
И ушли... Лишь остался одинъ. Онъ съ тоской
Взялъ страдальца за чахлыя руки.

„Агасферъ“—онъ сказалъ:—„вотъ и мой приговоръ—
За него не прошу я награды—
Слушалъ здѣсь я ученыхъ шутовъ разговоръ,
Покраснѣвъ отъ стыда и досады...

„Нѣтъ, тебѣ не поможетъ водой гидропатъ,
Полкъ хирурговъ изранилъ всѣ члены,
Брось бальзамъ этотъ жалкій, мой страждущій братъ,
Ужъ микстурамъ ты знаешь вѣдь цѣны!..

„Вѣчно жить...: Это въ шутку легко и сказать...
Вѣчный старецъ съ недугомъ опаснымъ,
Ты не жить безъ конца—безъ конца умирать
Обреченъ своимъ ропомъ ужаснымъ.

„Ахъ, болѣзни твои—безконечная сѣть,
Разорвать ее врядъ-ли есть силы...

расходамъ, а Янкеля съ деньгами все не было. А какъ нужны были ему эти деньги! Онъ только недавно выписалъ новыя машины, которыя по его разсчету должны были почти вдвое поднять производительность его земли; нужно было платить по счетамъ, а наличныхъ денегъ у него какъ разъ не оказалось. Еще недавно вступивши въ управленіе своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, онъ теперь впервые только ощутилъ недостатокъ въ деньгахъ и необходимость прибѣгнуть къ займамъ. Какъ ни сильно было въ немъ отвращеніе къ займамъ и въ особенности къ ростовщикамъ, но желаніе поставить свое хозяйство внѣ той рутины, которой до сихъ поръ держались его сосѣди-помѣщики, было еще сильнѣе, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ займу и съ этой цѣлью поѣхалъ въ городъ. Еще одно обстоятельство тянуло его сюда. Среди своихъ хозяйственныхъ заботъ, онъ очень хорошо помнилъ, что въ сосѣднемъ имѣніи живетъ Нодинъ-Квицинская. Онъ ея лично не зналъ, но видѣлъ ея карточку у своего друга, тоже сосѣда, и рѣшился поѣхать къ Квицинскимъ съ визитомъ, тѣмъ болѣе, что старуха Квицинская была подруга его покойной матери.

Онъ высказалъ свое рѣшеніе своему пріятелю.

— Великолѣпно, и я съ тобою; только придется подождать.

— Почему такъ?

— Мать съ дочкой только сегодня уѣхали въ городъ.

Вигурскій ничего не сказалъ, но пріѣхавъ домой, велѣлъ заложить дорожный экипажъ, взялъ самое необходимое и укатилъ въ городъ, стараясь оправдать свою поспѣшность важными хозяйственными дѣлами, что на самомъ дѣлѣ было не неправда.

Онъ только сегодня утромъ пріѣхалъ и не успѣлъ еще узнать ничего, къ тому же ему деньги дѣйствительно нужны были, и чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ рѣшился сперва покончить съ денежными дѣлами, а затѣмъ искать Квицинскихъ.

Но Янкель не являлся...

— Сто чертей этому жиду!.. Неужели онъ меня будетъ держать въ такомъ напряженіи... Хоть бы другой Тейтельманъ пришелъ...

СУББОТА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Извергъ, злодѣй... Въ тебѣ сердца человѣческаго нѣтъ... Чтобы твоя душа вѣчно маялась въ аду, какъ я, съ тѣхъ поръ какъ узнала тебя... Чтобы нечистый...

Но Янкель былъ уже на улицѣ. Глубже надвинувъ на голову картузъ и застегнувъ на единственную, еще уцѣлѣвшую пуговицу свой изодранный, неопредѣленнаго цвѣта и матеріи кафтанъ, онъ озабоченно сталъ оглядываться кругомъ, какъ бы размышляя, куда ему направить свои стопы. Изъ комнаты еще доносилась брань расходившейся Рухиль, но Янкель не обращалъ на нее вниманья. Его ухо слишкомъ привыкло къ такимъ изліяніямъ супружеской нѣжности... Къ тому же заботы болѣе высокаго сорта занимали его въ настоящую минуту. Суббота на носу, а въ домѣ ни гроша.

Если онъ и сегодня ничего не заработаетъ, то даже не-начто будетъ свѣчей покупать на завтрашній вечеръ, и придется субботу встрѣчать въ потьмахъ... При этомъ даже дрожь пробѣжала по тощему тѣлу Янкеля. Онъ уже отошелъ порядочное разстояніе отъ своей квартиры, самъ не зная, куда онъ идетъ. Все утро онъ пробѣгалъ напрасно; надежда заработать нѣсколько грошей лопнула, и теперь на цѣлый день ничего не предвидѣлось... Хоть въ петлю полѣзай... Солнце стояло уже высоко; порядочные люди въ это время уже полдничали, а у бѣднаго Янкеля еще сегодня во рту ничего не было. Послѣдній кусокъ черстваго хлѣба былъ сегодня утромъ раздѣленъ

рамъ, и я бы была очень рада получить вашъ отвѣтъ лично черезъ васъ же».

Вигурскій не вѣрилъ своимъ глазамъ; онъ еще разъ прочелъ письмо, недоумѣвая, о какой это кукурузѣ говорится въ немъ; насколько ему помнится, онъ съ Янкелемъ ни о какой кукурузѣ не говорилъ. Не ошибка ли это? Онъ снова посмотрѣлъ на конвертъ; адресъ былъ написанъ на его имя.

— Что же бы это значило? спросилъ онъ себя мысленно, но, не долго думая, сталъ приводить въ порядокъ свой туалетъ. Пусть хоть кукуруза, рѣшилъ онъ; куплю кукурузу... И въ воображеніи его пронесся образъ молодой дѣвушки, которую онъ только и зналъ по карточкѣ, но которая тѣмъ не менѣе, по какому-то странному капризу, успѣла завладѣть всѣми его помыслами.

— Вотъ такъ Янкель Тейтельманъ!..—И будь Янкель тутъ, онъ бы, безъ сомнѣнія, его разцѣловалъ за его выдумку, которая сразу его подвинула къ цѣли. Онъ сильно позвонилъ.

Въ дверяхъ показалась Машка съ двусмысленной улыбкой на плутовскихъ губкахъ.

— Доложите пожалуйста госпожѣ Квицинской, что я желаю ее видѣть, сказалъ онъ какъ можно серьезнѣе.

Машка взглянула на расфранченнаго молодаго человѣка и, надувъ губки, убѣжала, въ душѣ сожалѣя, отчего она такъ капризно отвергла раньше объятія такого красиваго барина. Черезъ минуту она явилась съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Въ пріемной была одна Квицинская. Она привѣтливо улыбнулась и протянула руку молодому помѣщику.

— Хотя наше знакомство имѣетъ чисто дѣловой характеръ,—начала она,—но тѣмъ не менѣе я очень рада васъ видѣть у себя и надѣюсь, что эта встрѣча будетъ не послѣдней.

Вигурскій пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, извиняясь, что онъ до сихъ поръ не былъ у нихъ съ визитомъ.

— А я имѣю полное право на васъ сердиться,—сказала Квицинская:—мы съ вашею маманъ были такіе близкіе друзья, что я имѣла право разсчитывать и на расположеніе сына. Но впрочемъ, упреки въ сторону; вѣдь мы народъ дѣловой, и настоящій визитъ вашъ я даже въ разсчетъ не принимаю; надѣ-

по обстоятельствамъ, могло быть пріятно и непріятно Янкелю. Въ настоящую минуту онъ не совсѣмъ охотно направился туда, предчувствуя пустую тревогу, которую онъ задастъ своему желудку.

Въ комнатѣ никого не было; старый Лейзеръ дремалъ за стойкой, на которой цѣлый рой жужжащихъ мухъ преспокойно наслаждался вкусными яствами.

Не желая потревожить сладко дремавшаго хозяина, Янкель тихо усѣлся на лавочкѣ, съ твердымъ намѣреніемъ не послѣдовать его примѣру. Но сильная усталость, усугубленная еще палящимъ зноемъ и пустымъ желудкомъ, царившая въ комнатѣ тишина, прерываемая лишь тихимъ жужжаніемъ довольныхъ мухъ, взяли, однако, свое, и бѣднякъ вскорѣ усердно заклевалъ носомъ.

Однако сонъ его не долго продолжался. Громкій говоръ, раздавшійся въ комнатѣ, разбудилъ его. Онъ открылъ глаза. У стойки стоялъ рыжій Эли Тейтельманъ и держалъ въ рукѣ большую рюмку, которую старый Лейзеръ предупредительно наполнялъ живительнымъ бальзамомъ; тутъ же стоялъ и Геци Фейгельманъ и наскоро закусывалъ жареной печенкой.

Янкель снова закрылъ глаза и притворился спящимъ. Эли Тейтельманъ и Геци Фейгельманъ были его заклятые враги и конкурренты. Они вѣроятно состряпали хорошее дѣло, что такъ расщедрились; пусть лучше подумаютъ, что онъ спитъ, а то его еще пожалуй угощать станутъ. У него на этотъ счетъ была своя амбиція, и не смотря на мучившую его жажду, онъ ни за что не проглотилъ бы ни одной капли, предложенной ему Тейтельманомъ или Фейгельманомъ. Чтобы еще больше ввести въ заблужденіе своихъ враговъ, онъ даже захрапѣлъ.

— Это Янкель такъ сладко спитъ... насмѣшливо проговорилъ Тейтельманъ.

— Видно, ничего не заработалъ сегодня, замѣтилъ Фейгельманъ.

— Я и не замѣтилъ его,—проговорилъ Лейзеръ... Бѣдный... А вы сегодня что нибудь сдѣлали?

— Кое-что... А вотъ теперь, можетъ быть, больше зарабо-

таемъ... Что же ты, однако, Геци, стоишь?—обратился Тейтельманъ къ Фейгельману;--время вѣдь не стоитъ...

— Я сейчасъ...

— Вы куда же торопитесь? спросилъ Лейзеръ не желая, видно разстаться съ своими собесѣдниками.

— Нужно... Такъ ты, Геци, пойдешь въ «Лондонъ», а я къ ребъ Фалеку.

— Не пойти ли намъ вмѣстѣ... Это кажется будетъ лучше.

— Что, заемъ, видно? полюбопытствовалъ Лейзеръ.

— Да, поспѣшно проговорилъ Тейтельманъ.

— Для кого?

Но ни Тейтельмана, ни Фейгельмана уже въ комнатѣ не было.

Лейзеръ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и затѣмъ тотчасъ снова заклевалъ носомъ; Янкель же, убѣдившись, что никого въ шинкѣ нѣтъ, быстро вскочилъ на ноги и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ прямо направился въ «Лондонъ», лавируя такимъ образомъ, чтобы какъ нибудь не попасться на глаза ни Тейтельману, ни Фейгельману, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь поспѣть туда раньше ихъ обоихъ. Зачѣмъ онъ бѣжалъ въ «Лондонъ»—онъ конечно самъ не зналъ; нужно было что нибудь дѣлать, не спать же въ самомъ дѣлѣ на лавкѣ у стараго Лейзера и видѣть, какъ другіе зарабатываютъ деньги на предстоящую субботу...

Когда онъ, никѣмъ не замѣченный, благополучно добрался до воротъ «Лондона» и очутился въ узкомъ полутемномъ коридорѣ гостинницы, онъ вздохнулъ свободнѣе, какъ будто удачно совершилъ самое опасное путешествіе.

Но тутъ онъ остановился. Что ему тутъ дѣлать? Зачѣмъ онъ такъ усердно бѣжалъ сюда? На минуту его взяло раздумье, но только на минуту, потому что думать было некогда, а нужно было дѣйствовать. Что нибудь же должно быть здѣсь, если Тейтельманъ и Фейгельманъ такъ спѣшили. Онъ быстро пробѣжалъ коридоръ и, задыхаясь, остановился у маленькой двери съ небольшимъ окошечкомъ, ведущей въ чуланъ привратника. Заглянувъ въ окошечко и не найдя тамъ никого, онъ повернулъ назадъ и направился въ контору гостинницы. Но прежде онъ взглянулъ на черную че-

ПѢСНИ ДНЯ.

II *.

На старую тему.

... Тамъ лежалъ на отрепьяхъ своихъ Вѣчный Жидъ,
Нныи раны и дряхлыя кости,
А кругомъ копошился ученый синклитъ,
Все врачи, все знакомые гости.

Все знакомый народъ: жрецъ воды, гидропатъ,
Снова ванну больному назначилъ,
И авгуровъ науки тамъ гомеопатъ
Всѣхъ ничтожностью доз ъ озадачилъ.

Вѣчной юности вынулъ цѣлебный бальзамъ
Нѣкто съ очень серьезной гримасой,
И сверкалъ и бренчалъ полкъ хирургiи тамъ
И ланцетовъ и скальпелей массой.

Тамъ торжественной грустью сiяли одни,
Крайне мило другiе шутили,

* См. „Восходъ“, кн. 7.

Всѣ старались блистать другъ предъ другомъ они,
Всѣ другъ друга съ улыбкой язвили.

Этотъ голову щупалъ, тотъ пульсъ наблюдалъ,
Кто языкъ, кто и прочія части...
„Самъ Господь паціента жить вѣчно проклялъ—
Да, все счастіе въ этомъ несчастьи!—

„Мы же лишніе тутъ...“ Такъ мудро межъ собой
Порѣшили свѣтила науки—
И ушли... Лишь остался одинъ. Онъ съ тоской
Взялъ страдальца за чахлыя руки.

„Агасферъ“—онъ сказалъ:—„вотъ и мой приговоръ—
За него не прошу я награды—
Слушалъ здѣсь я ученыхъ шутовъ разговоръ,
Покраснѣвъ отъ стыда и досады...

„Нѣтъ, тебѣ не поможетъ водой гидропатъ,
Полкъ хирурговъ изранилъ всѣ члены,
Брось бальзамъ этотъ жалкій, мой страждущій братъ,
Ужъ микстурамъ ты знаешь вѣдь цѣны!..

„Вѣчно жить...: Это въ шутку легко и сказать...
Вѣчный старецъ съ недугомъ опаснымъ,
Ты не жить безъ конца—безъ конца умирать
Обреченъ своимъ ропомъ ужаснымъ.

„Ахъ, болѣзни твои—безконечная сѣть,
Разорвать ее врядъ-ли есть силы...

ведливо; но въ чемъ именно состояла это несправедливость — онъ не зналъ. Его не обижалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ! О Гонзѣ говорила она почти каждый день, въ немъ она уже теперь видѣла знатнаго вельможу—владѣльца собственнаго дома въ пражскомъ „Градчинѣ“ и съ золотымъ крестомъ на груди! Благодаря этимъ рѣчамъ, Гонза и въ душѣ сына рандарши принялъ размѣры необыкновеннаго существа. Разъ какъ-то въ ихъ деревню пріѣхалъ епископъ изъ Лейтмерица для конфирмаціи дѣтей, и съ той поры Мошеле видѣлъ въ Гонзѣ только будущаго епископа, окружая его въ своемъ воображеніи такимъ же внѣшнимъ блескомъ...

Но дружба между этими дѣтьми не могла развиться вполнѣ—и виною тому была суббота. Въ этотъ день Мошеле и Ганнеле были совсѣмъ свободны отъ ученья, за то Гонза сидѣлъ у священника; въ воскресенье же, когда свободнымъ дѣлался Гонза, къ дѣтямъ рандара пріѣзжалъ реббе изъ гетто. Поэтому дѣти сходились не такъ часто, какъ хотѣли. Хуже всѣхъ отъ этого приходилось Ганнеле; у брата ея со времени ухода Менделя Вильны былъ таинственный, невидимый товарищъ, съ которымъ онъ особенно любилъ водить компанію—и то былъ онъ самъ.

Но со временемъ и Ганнеле нашла себѣ выходъ. Въ субботу послѣ обѣда она шла со своимъ „сидерлъ“ (молитвенникомъ) къ церкви, на то мѣсто, гдѣ стоялъ большой деревянный крестъ съ изображеніемъ Іисуса, и тамъ повторяла урокъ для реббе. На самомъ дѣлѣ она ждала только наступленія четырехъ часовъ, потому что, какъ только пробьетъ четыре на колокольнѣ, появлялся Гонза, и садился около нея, и принимались они бесѣдовать. Начало разговора было всегда почти одно и то же:

— Принесла? прежде всего спрашивалъ Гонза.

Ганнеле съ улыбкой утвердительно кивала головой и вынимала изъ кармана передника бумагу, въ которой было завернуто нѣчто, вызывавшее у Гонзы жадные взгляды. То былъ кусокъ „бархеса“ или бѣлаго хлѣба, который Ганнеле отнимала всякій разъ у себя. Этотъ „бархесъ“

СУББОТА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Извергъ, злодѣй... Въ тебѣ сердца человѣческаго нѣтъ... Чтобы твоя душа вѣчно маялась въ аду, какъ я, съ тѣхъ поръ какъ узнала тебя... Чтобы нечистый...

Но Янкель былъ уже на улицѣ. Глубже надвинувъ на голову картузъ и застегнувъ на единственную, еще уцѣлѣвшую пуговицу свой изодранный, неопредѣленнаго цвѣта и матеріи кафтанъ, онъ озабоченно сталъ оглядываться кругомъ, какъ бы размышляя, куда ему направить свои стопы. Изъ комнаты еще доносилась брань расходившейся Рухиль, но Янкель не обращалъ на нее вниманья. Его ухо слишкомъ привыкло къ такимъ изліяніямъ супружеской нѣжности... Къ тому же заботы болѣе высокаго сорта занимали его въ настоящую минуту. Суббота на носу, а въ домѣ ни гроша.

Если онъ и сегодня ничего не заработаетъ, то даже не начто будетъ свѣчей покупать на завтрашній вечеръ, и придется субботу встрѣчать въ потьмахъ... При этомъ даже дрожь пробѣжала по тощему тѣлу Янкеля. Онъ уже отошелъ порядочное разстояніе отъ своей квартиры, самъ не зная, куда онъ идетъ. Все утро онъ пробѣгалъ напрасно; надежда заработать нѣсколько грошей лопнула, и теперь на цѣлый день ничего не предвидѣлось... Хоть въ петлю полѣзай... Солнце стояло уже высоко; порядочные люди въ это время уже полдничали, а у бѣднаго Янкеля еще сегодня во рту ничего не было. Послѣдній кусокъ черстваго хлѣба былъ сегодня утромъ раздѣленъ

Гонзы оказалась вздутою одна щека, потому что онъ за нею скрылъ кусокъ „бархеса“, который не успѣлъ проглотить. Какъ будто Мошеле не зналъ объ этихъ приношеніяхъ своей сестры!

Но на этотъ разъ мальчику захотѣлось посердить ихъ и остаться, какъ ни мало располагалъ къ тому оказанный ему пріемъ. Ни Гонза, ни сестра не говорили съ нимъ ни слова, и тутъ Мошеле, чтобы окончательно отомстить и досадить имъ, сталъ прямо противъ нихъ, подъ крестомъ. Но это продолжалось недолго, потому что другой предметъ приковалъ его вниманіе.

Передъ нимъ былъ распятый Спаситель. Мальчику, родившемуся въ деревнѣ, гдѣ вообще господствуетъ полная вѣротерпимость, были чужды многія изъ тѣхъ воззрѣній, которыя выработало нѣкогда, въ мрачное время, гетто. Распятый былъ нарисованъ довольно плохо. Это не мѣшало, однако, мальчику чувствовать нѣчто въ родѣ жалости къ его страданіямъ. Безжизненно опустившаяся голова и потухшіе глаза, гвозди въ рукахъ и ногахъ, съ струившеюся изъ нихъ кровью охватывали ребенка трепетомъ; особенно пристально смотрѣлъ онъ на четыре латинскія буквы надъ головою распятаго. Онѣ казались ему такими таинственными, и самъ не понимая, что двигало имъ въ эту минуту, онъ въ полголоса произнесъ:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, что значатъ эти буквы J N R J, написанныя вотъ тутъ на жести?

— Я могу тебѣ объяснить! поспѣшилъ сказать Гонза, какъ разъ въ эту минуту благополучно покончившій операцію съ „бархесомъ“.

Ганнеле и Мошеле съ изумленіемъ глядѣли на него. Ни предъ какимъ богомъ и владыкою земнымъ не преклоняются души человѣческія съ такимъ смиреніемъ, съ какимъ склонились дѣти рандара предъ ученостью Гонзы.

— Это по латыни, сказалъ Гонза.

— По латыни? тихо повторилъ Мошеле.

— Если не вѣришь, спроси священника, когда онъ зайдетъ къ вамъ.

по обстоятельствамъ, могло быть пріятно и непріятно Янкелю. Въ настоящую минуту онъ не совсѣмъ охотно направился туда, предчувствуя пустую тревогу, которую онъ задастъ своему желудку.

Въ комнатѣ никого не было; старый Лейзеръ дремалъ за стойкой, на которой цѣлый рой жужжащихъ мухъ преспокойно наслаждался вкусными яствами.

Не желая потревожить сладко дремавшаго хозяина, Янкель тихо усѣлся на лавочкѣ, съ твердымъ намѣреніемъ не послѣдовать его примѣру. Но сильная усталость, усугубленная еще палящимъ зноемъ и пустымъ желудкомъ, царившая въ комнатѣ тишина, прерываемая лишь тихимъ жужжаніемъ довольныхъ мухъ, взяли, однако, свое, и бѣднякъ вскорѣ усердно заклевалъ носомъ.

Однако сонъ его не долго продолжался. Громкій говоръ, раздавшійся въ комнатѣ, разбудилъ его. Онъ открылъ глаза. У стойки стоялъ рыжій Эли Тейтельманъ и держалъ въ рукѣ большую рюмку, которую старый Лейзеръ предупредительно наполнялъ живительнымъ бальзамомъ; тутъ же стоялъ и Геци Фейгельманъ и наскоро закусывалъ жареной печенкой.

Янкель снова закрылъ глаза и притворился спящимъ. Эли Тейтельманъ и Геци Фейгельманъ были его заклятые враги и конкурренты. Они вѣроятно состряпали хорошее дѣло, что такъ расщедрились; пусть лучше подумаютъ, что онъ спитъ, а то его еще пожалуй угощать станутъ. У него на этотъ счетъ была своя амбиція, и не смотря на мучившую его жажду, онъ ни за что не проглотилъ бы ни одной капли, предложенной ему Тейтельманомъ или Фейгельманомъ. Чтобы еще больше ввести въ заблужденіе своихъ враговъ, онъ даже захрапѣлъ.

— Это Янкель такъ сладко спитъ... насмѣшливо проговорилъ Тейтельманъ.

— Видно, ничего не заработалъ сегодня, замѣтилъ Фейгельманъ.

— Я и не замѣтилъ его,—проговорилъ Лейзеръ... Бѣдный... А вы сегодня что нибудь сдѣлали?

— Кое-что... А вотъ теперь, можетъ быть, больше зарабо-

что самъ Богъ училъ Моисея, а кто учится у Бога, можетъ развѣ не знать всего?

Послѣ этихъ дѣйствительно глубокомысленныхъ словъ матери Мошеле долго смотрѣлъ ей въ лицо и наконецъ сказалъ:

— Стало быть, и Гонзу учить Богъ?

— Отчего это тебѣ такая мысль пришла? съ улыбкою спросила мать.

— Оттого что и онъ знаетъ по латыни.

— Дурачокъ, это онъ у священника научился.

— А священникъ?

— Тотъ четырнадцать школъ прошелъ, вотъ и знаетъ.

— А можетъ — продолжалъ мальчикъ послѣ нѣкотораго молчанія — каждый человѣкъ сдѣлаться такимъ, какъ священникъ и Гонза?

— Они оба еще ничего не знаютъ,—отвѣтила умная мать,—и даже священнику надо еще много и много учиться, пока онъ все узнаетъ.

— А мнѣ нельзя дойти до этого?

— Развѣ ты не можешь тоже учиться? крикнула рандарша отъ всей полноты души и, вся дрожа отъ радости, обѣими руками прижимала ребенка къ сердцу.

О, Господи, какъ она была счастлива! Какъ страстно цѣловала она свое дитя, стремившееся къ свѣту образованія, какъ смѣялась и плакала къ одно и то же время, говоря при этомъ слова, не выдуманныя головою, но радостно вырвавшіяся изъ сердца! Неужели же здѣсь не было духовъ, которые подхватили бы на свои быстрыя крылья и разнесли бы по всему свѣту эту великую новость—что Мошеле хочетъ учиться?

А сама она тотчасъ же побѣжала въ шинокъ, чтобы сообщить объ этомъ своему мужу. Но одинъ взглядъ, брошенный ею туда, убѣдилъ ее, что теперь не время. Рандаръ сидѣлъ посреди своихъ поселянъ и какъ разъ въ эту минуту произносилъ пространную рѣчь по поводу ничтожнаго спора между двумя выпившими гостями. Рандаршѣ вдругъ сдѣлалось грустно. Горькое чувство относительно мужа зашевелилось въ

тыреугольную доску, висѣвшую на стѣнѣ и служившую для записыванія фамилій новоприбывшихъ. Хотя онъ читать по русски не умѣлъ, но за то зналъ наизусть количество гостей и занятыхъ въ гостинницѣ нумеровъ. Еще вчера онъ просмотрѣлъ надписи, и тогда 3-й и 8-й нумера были свободны, а теперь они заняты.

Отчего читать не умѣю! подумалъ онъ въ досадѣ, но въ это время мимо него пробѣжала нумерная дѣвушка. Онъ погнался за нею и остановилъ ее.

— Кто остановился въ 3-мъ нумерѣ? спросилъ онъ озадаченную дѣвушку.

— Кто? понятно—баринъ.

— А въ 8-мъ?

— Тоже баринъ.

— Тоже баринъ?—въ отчаяніи повторилъ Янкель;—у кого же были Тейтельманъ и Фейгельманъ?

— А мнѣ же почемъ знать? И дѣвушка смѣясь убѣжала.

Янкель остановился и не зналъ, что ему предпринять. И тутъ баринъ, и тамъ баринъ. У котораго же изъ нихъ можно будетъ что нибудь заработать на субботу. Онъ опять побѣжалъ къ привратнику, въ надеждѣ узнать у него что нибудь. На этотъ разъ заспанное лицо привратника высунулось въ окошечко и широко улыбнулось подбѣжавшему Янкелю.

— А, Янкель, это ты?—По тону, которымъ это было произнесено, не трудно было догадаться, что Янкель и привратникъ старые друзья.

Но вмѣсто утвердительнаго отвѣта, который конечно, при наличности его собственной особы, былъ неумѣстенъ, онъ торопливо спросилъ:

— Въ которомъ нумерѣ были сегодня Тейтельманъ съ Фейгельманомъ?

— Тейтельманъ съ Фейгельманомъ? Да ни въ которомъ.

— Какъ ни въ которомъ? А въ 3-мъ нумерѣ кто же былъ?

— А, въ 3-мъ? глубокомысленно произнесъ привратникъ.

— А въ 8-мъ? Развѣ не тамъ были Тейтельманъ съ Фейгельманомъ?

— Побей меня Богъ, если я помню. Да тебѣ же на что?

— Какъ на что?—изумился Янкель.—Развѣ не помѣщикъ занялъ 3-й нумеръ!

— Да, помѣщикъ Вигурскій...

— Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ городъ?

— Мнѣ же откуда знать зачѣмъ? Я думаю, Машка это лучше знаетъ...—И привратникъ улыбнулся во весь ротъ.—Знаешь, Янкель, что она мнѣ говорила...

Но Янкелю не до того было.—Послушай, Иванъ, произнесъ онъ, понизивъ голосъ;—я пойду къ нему, а если Тейтельманъ съ Фейгельманомъ придутъ сюда, скажи, что помѣщикъ уѣхалъ. Понимаешь: если я что нибудь заработаю, я и тебя не забуду, вѣдь ты меня знаешь.

— Смотри же, только не обманывай, бестія, добродушно подмигнулъ Иванъ.

— Чтобъ я...—И онъ сталъ подниматься по узкой деревянной лѣстницѣ во 2-й этажъ, гдѣ помѣщались лучшіе номера гостинницы, но добѣжавъ до половины, вдругъ повернулъ опять внизъ и снова подбѣжалъ къ окошечку. Иванъ уже храпѣлъ на своей койкѣ.

— Иванъ, а Иванъ! позвалъ онъ шопотомъ.

— Что тебѣ еще, поганый? полусердито, полудобродушно проговорилъ Иванъ.

— А въ 8-мъ номерѣ кто же остановился?

— Кто же остановился?.. Какая-то барыня.

— Барыня?.. не баринъ .. Что же Машка говорила...

— Мало ли что тебѣ еще эта дѣвчонка наговоритъ... Да проваливай, я спать хочу...—Но Янкеля уже не было. Быстро взобравшись по лѣстницѣ, онъ, задыхаясь, остановился у дверей 2-го номера. Постоявъ нѣсколько секундъ, онъ снялъ свой картузъ, оправилъ, насколько было возможно свой далеко неизящный туалетъ и, взявшись за ручку двери, тихонько потянулъ ее къ себѣ.

Дверь издала легкій, но протяжный скрипъ. Въ первое мгновенье Янкель готовъ былъ отъ испуга отскочить назадъ, но видя, что никто не отзывается, осторожно просунулъ свою обнаженную голову въ полуоткрытую дверь. Но и теперь никто

не крикнулъ на него. Тогда онъ сдѣлался смѣлѣе и просунулъ свою шею, а спустя минуту—и всю свою тощую фигуру изъ корридора въ комнату и также осторожно потянулъ за собою дверь. Дверь снова взвизгнула, точно дѣвушка, которую пощекотали въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ.

Янкель весь съежился, причемъ лицо его приняло такое выраженіе, что повернувшійся къ нему въ эту минуту господинъ тревожно спросилъ:—Ты себѣ палецъ, что ли ущемилъ?—Но въ то же время онъ расхохотался, потому что лицо Янкеля мгновенно преобразилось.

— На что бы я тогда годился пану? произнесъ онъ кланяясь.

— А теперь ты же мнѣ на что? улыбнувшись, спросилъ господинъ, подойдя ближе къ Янкелю.

— Можетъ быть, на что нибудь пригодимся пану... Янкель Тейтельманъ всѣмъ панамъ прислуживаетъ, и всѣ его знаютъ.

— Какъ, развѣ и тебя зовутъ Тейтельманъ?—удивился господинъ.—У меня уже сегодня былъ одинъ Тейтельманъ.

По лицу Янкеля пробѣжала торжествующая улыбка. Онъ прямо посмотрѣлъ въ лицо незнакомому господину.

— Развѣ можетъ быть другой Тейтельманъ, кромѣ Янкеля? Это я Тейтельманъ, а тотъ Тейтельманъ, который былъ у васъ, не Тейтельманъ, а обманщикъ, и съ нимъ вы никакого дѣла не сдѣлаете. Всѣ паны знаютъ только Янкеля Тейтельмана, и если нужно продать кукурузу или пшеницу, или имъ нужны деньги они обращаются всегда къ Янкелю Тейтельману.

— Но какъ же тотъ мнѣ говорилъ, что его зовутъ Тейтельманъ, и обѣщалъ мнѣ сегодня же достать денегъ у ростовщика...

— Онъ васъ обманулъ, сказалъ съ важностью Янкель.

— Такъ онъ мнѣ и денегъ не достанетъ?

— А вы думали, что достанетъ? иронически проговорилъ Янкель.

Вигурскій нахмурился:—Я ему всѣ пейсы выдерну, если онъ меня обманетъ, сказалъ онъ въ сердцахъ.

— Зачѣмъ же пану напрасно руки пачкать, изъ его пей-

ною отъ мужа, у ней не хватало духу прямо говорить съ нимъ объ этомъ. Ей хотѣлось выждать, чтобы началъ онъ. „Онъ отецъ,—говорила она себѣ,—первый шагъ долженъ быть сдѣланъ имъ“.

Ночью, когда Мошеле лежалъ уже въ постели, ему не спалось. Въ комнатѣ былъ еще свѣтъ, и отецъ съ матерью еще не ложились. Они сидѣли молча за столомъ другъ противъ друга, рандаръ считалъ деньги и просматривалъ долговую книгу.

— Павлу Кратохвилу нельзя больше давать взаймы,—сказалъ онъ;—за нимъ ужъ слишкомъ много.

— Хорошо, тихо отвѣчала рандарша.

Послѣдовала новая длинная пауза. Счетъ денегъ былъ для рандара только ничтожнымъ предлогомъ, чтобы скрыть свое смущеніе. Онъ нѣсколько разъ сбивался и черезъ нѣсколько времени съ неудовольствіемъ смѣшалъ монеты въ одну кучу.

— Рахиль! беззвучно проговорилъ онъ наконецъ.

— Шмуль? полушопотомъ спросила она.

И они снова просидѣли нѣсколько минутъ, не говоря ни слова. Рандаръ первый прервалъ молчаніе:

— Пошли завтра въ Мюнхенгрецъ за портнымъ Яковомъ; пусть сниметъ мѣрку съ Мошеле.

— У Мошеле довольно платья, возразила рандарша съ женскою проницательностью. Но ея сердце волновалось какъ море.

— Оно годится для деревни, сказалъ рандаръ.

— А онъ куда же отправится? спросила Рахиль неподдающимся описанію тономъ.

— Въ Бунцлау,—отвѣчалъ ребъ Шмуль и всталъ, отворачиваясь отъ жены;—мы отдадимъ его въ ученье. Графъ сегодня убѣдилъ меня.

— Шмуль, Шмуль! — крикнула рандарша; — неужели это правда?

И послѣ этого до поздней ночи сидѣли мужъ и жена, и бесѣдовали о будущности ребенка. Теперь, когда у нихъ снова было одно и то же желаніе, души ихъ гармонировали, какъ хорошіе инструменты...

Всѣ старались блистать другъ предъ другомъ они,
Всѣ другъ друга съ улыбкой язвили.

Этотъ голову щупалъ, тотъ пульсъ наблюдалъ,
Кто языкъ, кто и прочія части...
„Самъ Господь паціента жить вѣчно проклялъ—
Да, все счастіе въ этомъ несчастьи!—

„Мы же лишніе тутъ...“ Такъ мудро межъ собой
Порѣшили свѣтила науки—
И ушли... Лишь остался одинъ. Онъ съ тоской
Взялъ страдальца за чахлыя руки.

„Агасферъ“—онъ сказалъ:—„вотъ и мой приговоръ—
За него не прошу я награды—
Слушалъ здѣсь я ученыхъ шутовъ разговоръ,
Покраснѣвъ отъ стыда и досады...

„Нѣтъ, тебѣ не поможетъ водой гидропатъ,
Полкъ хирурговъ изранилъ всѣ члены,
Брось бальзамъ этотъ жалкій, мой страждущій братъ,
Ужъ микстурамъ ты знаешь вѣдь цѣны!..

„Вѣчно жить...: Это въ шутку легко и сказать...
Вѣчный старецъ съ недугомъ опаснымъ,
Ты не жить безъ конца—безъ конца умирать
Обреченъ своимъ ропомъ ужаснымъ.

„Ахъ, болѣзни твои—безконечная сѣть,
Разорвать ее врядъ-ли есть силы...

О приключеніяхъ нашего ученика въ первый день пребыванія въ школѣ разсказъ недологъ. Изъ-за его „націи“ ему пришлось вытерпѣть много непріятнаго, и слово „жидъ! жидъ!“ летѣло въ него со всѣхъ сторонъ. Чтобы избѣгать насмѣшекъ, онъ сѣлъ на послѣднюю скамью, гдѣ уже помѣщался больной мальчикъ съ блѣднымъ лицемъ, около котораго избѣгали садиться остальные ученики.

За молитвою, читавшеюся до и послѣ ученья, и во время которой всѣ стояли, Морицъ продолжалъ сидѣть, можетъ быть, по темному сознанію, что это положеніе—для него самое приличное. Но послѣ молитвы профессоръ объявилъ разъ навсегда, что евреи должны вставать точно также, какъ христіане; они могутъ, конечно не повторять словъ, потому что онъ не въ правѣ „принуждать“ ихъ къ тому, но сидѣть имъ запрещается; въ это время слѣдуетъ имъ предаваться такимъ мыслямъ и чувствамъ, которыя находятся въ соотношеніи съ ихъ собственнымъ Богомъ.

Морицъ нашелъ это замѣчаніе патера совершенно правильнымъ, каковымъ оно и было на самомъ дѣлѣ, и далъ себѣ слово буквально слѣдовать ему. Онъ только не зналъ, какая молитва изъ „сидерля“ здѣсь наиболѣе подходящая. Наконецъ онъ выбралъ: „Внемли, о Израиль, твой Богъ—единый Богъ!“

Послѣ обѣда, когда ученики шумно готовились къ уходу, профессоръ спросилъ: „Кто хочетъ завтра служить?“ Большинство рукъ поднялось кверху, и со всѣхъ сторонъ раздалось: „я! я!“ Морицъ, полагавшій, что это касается и его, какъ ученика, подалъ такой же знакъ. Патеръ случайно замѣтилъ это. „Маурициусъ хочетъ служить!—воскликнулъ онъ, смѣясь;—нѣтъ, это не для тебя! это ты можешь дѣлать въ своей синагогѣ!“ Страшный смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту остроту профессора. Морицъ стоялъ ошеломленный испугомъ и стыдомъ.

— Такъ ты хочешь служить, жидъ? кричали ему на улицѣ. — Бѣдный юноша точно сквозь строй проходилъ; онъ вернулся домой со слезами.

Разскажемъ еще объ одномъ приключеніи, которое пришлось пере-

жить Морицу на четвертый день его школьной жизни. Хозяйка его квартиры запоздала его сборами въ училище, и поэтому онъ пришелъ въ классъ уже черезъ пять минутъ послѣ профессора. За это нарушеніе всякаго порядка онъ долженъ былъ понести строжайшее наказаніе. Профессоръ приказалъ ему стать на колѣни передъ кафедрой.

Морицъ плакалъ и просилъ профессора на этотъ разъ простить его, но напрасно. Тогда онъ вскричалъ въ величайшемъ волненіи: „Мнѣ *не позволено* становиться на колѣни, ваше преподобіе!“ Но патеръ не обратилъ вниманія на эти слова и сказалъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ: „Ну, такъ тебя сегодня посадятъ въ карцеръ!“ Тогда Морицъ наконецъ сталъ на колѣни.

И онъ былъ правъ,—ему дѣйствительно религія не позволяла колѣнопреклоненія. Но развѣ мы не имѣемъ права требовать отъ всякаго учителя—будь онъ даже монахъ—чтобъ онъ зналъ душевное состояніе всѣхъ своихъ воспитанниковъ, какъ ботаникъ знаетъ пылинки своихъ цвѣтовъ? Ножницы, имѣющія назначеніемъ срѣзать только негодные отростки, часто въ слѣпомъ бѣшенствѣ уничтожаютъ и цвѣтущую жизнь. И съ предразсудками дѣтей поступаютъ такъ, какъ будто эти дѣти негодная трава, а не свѣжій, полный силы сокъ жизни! Какъ много учителей—и особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ аскетизмъ сидитъ въ столькихъ видахъ на церковныхъ каѳедрахъ—поступаютъ въ этомъ отношеніи нисколько не лучше вандаловъ! Въ тупомъ ослѣпленіи разбиваютъ они душевныя и умственныя сокровища своихъ питомцевъ, и много духовнаго аромата погибло уже подъ ихъ руками!

Къ счастію, въ нашемъ Морицѣ были слишкомъ здоровые задатки для того, чтобы ихъ могъ подавить подобный образъ дѣйствій... Уже въ слѣдующую пятницу увидѣли лучшее тому доказательство. Въ этотъ день раздавались ученикамъ „сочиненія“ или письменныя работы, представленныя ими за недѣлю до того. Работа Морица оказалась лучшею, и съ самымъ меньшимъ количествомъ ошибокъ. Точно голосъ неба поразили его слова профессора: его назначили „первымъ надзирателемъ“.

Въ этомъ званіи онъ былъ здѣсь приблизительно тѣмъ же, чѣмъ

его отецъ—дома, именно—важнѣйшимъ лицемъ въ школѣ. Черезъ его руки проходили всѣ работы учениковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручалось наблюденіе за „нравственностью“ товарищей *до* начала ученія. По истинѣ трудная должность! О каждомъ проступкѣ, каждомъ нарушеніи правилъ обязанъ онъ былъ докладывать преподавателю, который послѣ этого хладнокровно постановлялъ наказаніе—нѣсколько разъ переписать одно и тоже. Такимъ образомъ, Моритъ сдѣлался лицемъ съ неограниченною властью. Онъ могъ *вредить*, и скоро боязнь его надзирательства изгнала всѣ насмѣшки надъ „жидомъ“. Таковы и большіе и маленькіе люди! Товарищи начали ему льстить, и это часто ставило его въ странное положеніе относительно собственной совѣсти: долгъ повелѣвалъ ему служить профессору вѣрнымъ сторожемъ его стада, а польщенное тщеславіе тутъ же совѣтовало закрывать глаза на многіе проступки!.. Но во всякомъ случаѣ онъ хотѣлъ оставаться „популярнымъ“—нѣчто, совсѣмъ сбившее съ толку многихъ, которые были совсѣмъ не школьные надзиратели, какъ нашъ Моритъ!..

Впрочемъ онъ имѣлъ очень опаснаго соперника въ своемъ землякѣ Гонзѣ. Гонза былъ вторымъ надзирателемъ, слѣдовательно стоялъ послѣ него ближе всѣхъ къ трону начальства. И иногда случалось, что онъ внезапно ниспровергалъ господство Морица болѣе безукоризненнымъ сочиненіемъ, но тотъ скоро поднимался и снова сидѣлъ на престолѣ въ прежнемъ могуществѣ и величіи...

Не смотря на это, Гонза въ сущности всегда оставался первымъ въ классѣ; онъ учился гораздо прилежнѣе и основательнѣе Морица, и гдѣ дѣло шло о буквальной передачѣ выученнаго, онъ постоянно былъ впереди всѣхъ. Но въ ариѳметикѣ и географіи Моритъ стоялъ выше его.

Давно уже Гонза пересталъ быть тѣмъ идоломъ, передъ которымъ нашъ студентъ, когда онъ еще звался Мошеле, преклонялся съ нѣмымъ благоговѣніемъ... Такъ всегда бываетъ, когда сидишь и учишь на одной и той-же скамьѣ amo—amare... Впрочемъ, оба земляка сохраняли между собою самыя пріятельскія отношенія.

Моритъ не получалъ изъ дому ни одного письма, въ которомъ не

упоминалось бы о Гонзѣ. Иногда ему посылались разныя лакомства— пирожки, овощи или гусиная печенка, и въ этихъ случаяхъ рандарша никогда не забывала прибавить въ своемъ письмѣ: „дай что нибудь и сыну Вацлавши". Тутъ же постоянно были нацарапаны нѣсколько строкъ Ганнеле, вѣчный припѣвъ которыхъ гласилъ: „поклонись отъ меня Гонзѣ". Мориц аккуратно исполнялъ и то, и другое порученіе, и намъ неизвѣстно, что именно возбуждало въ Гонзѣ неукротимую радость— достававшіяся на его долю лакомства, или поклоны Ганнеле.

Но иногда въ немъ возникало сомнѣніе — дѣйствительно ли въ письмахъ находились слова „поклонись отъ меня Гонзѣ". Ему казалось, что Мориц отъ себя прибавляетъ это, читая вслухъ письмо. Сынъ рандара клялся ему, что такъ оно въ самомъ дѣлѣ написано, но пріятель недовѣрчиво качалъ головой. Наконецъ Мориц сердито сунулъ ему въ руки письмо и сказалъ: „Ну, прочитай самъ и убѣдись!" Но для Гонзы это было совершенно невозможно, потому что письмо было написано по еврейски, и бросивъ на него взглядъ, онъ гнѣвно вскричалъ: „Ты думаешь, я могу разобрать эти дьявольскія письмена?" Тутъ Мориц увидѣлъ свою ошибку, и чтобы успокоить Гонзу, предложилъ ему выучить его еврейской грамотѣ. Гонза сначала отказывался изъ-за религіозныхъ соображеній; но наконецъ желаніе самому читать поклоны Ганнеле превозмогло всякія колебанія—и онъ согласился. Тогда Мориц съ большимъ трудомъ изготовилъ еврейскую азбуку, надписалъ на ней соотвѣтствующія нѣмецкія буквы и вручилъ каллиграфическое произведеніе своему соотечественнику. Съ безконечнымъ терпѣніемъ упражнялся Гонза цѣлую недѣлю въ изученіи „дьявольскихъ" каракуль, пока не одолѣлъ ихъ.

Въ слѣдующій четвергъ посланная изъ деревни женщина снова привезла лакомства и письмо. Гонза находился при этомъ. Мориц по обыкновенію надѣлилъ его лакомствами и передалъ поклонъ.

— Покажи, сказалъ Гонза.

Мориц далъ ему письмо. Яркій румянецъ покрылъ лицо Гонзы, когда онъ дѣйствительно прочелъ слова Ганнеле: „Поклонись отъ меня Гонзѣ!" Теперь онъ вполнѣ убѣдился!..

Прошелъ годъ; черезъ нѣсколько дней должна была происходить раздача аттестацій.

Съ великою радостью ждали они этой минуты, потому что первенство должно было остаться за Морицемъ или за Гонзой. Большинство голосовъ заранѣе высказывалось въ пользу Морица, но другіе утверждали, что „жиду не стать впереди...

За недѣлю до торжественнаго дня обоими кандидатами овладѣло безмолвное и благоговѣйное чувство ожиданія. Они уже не говорили между собою о предстоявшемъ, и Морицъ думалъ объ израильтянахъ передъ горою Синаемъ, когда они въ священной тишинѣ ожидали откровенія. И на его долю должно было выпасть оно...

Въ день акта, рано утромъ пріѣхали рандарша и Ганнеле; онѣ хотѣли быть участницами торжества „перваго ученика“, потому что Морицъ трубилъ объ ожидавшей его славѣ во всѣхъ своихъ письмахъ.

Въ сопровожденіи матери и сестры, къ которымъ присоединились еще хозяинъ и хозяйка Морица, отправился онъ къ монастырю, полный безмолвнаго упоенія. Они пришли какъ разъ въ ту минуту, когда колокола заблаговѣстили къ торжественному „Te Deum“. Со всѣхъ сторонъ стекались родственники и друзья учениковъ; толпа увеличивалась все больше и больше... Наконецъ богослуженіе окончилось, зала наполнилась учениками, и окружный начальникъ съ преподавателями заняли свои мѣста. Началась раздача аттестацій. Но передъ этимъ одинъ „риторъ“ произнесъ еще съ каѳедры украшенную всевозможными метофорами и цвѣтами рѣчь—продолжавшуюся слишкомъ долго. Затѣмъ стали читать отмѣтки старшихъ классовъ, и каждый разъ, какъ выступалъ впередъ „первый ученикъ“, раздавались звуки трубъ и литавровъ; наконецъ дошла очередь и до младшаго класса—класса нашего Морица.

Снова зазвучали трубы и литавры; „первый ученикъ“ выступилъ впередъ—но то былъ не Морицъ, а другой нашъ знакомый, именно Гонза. Морицъ обратился въ ничто, у него только значилось по всѣмъ предметамъ eminens.

По окончаніи торжественнаго акта Морицъ пошелъ отыскивать

мать. Увидѣвъ ее, онъ громко заплакалъ: бѣдный юноша обманулъ ее и самого себя. Рандарша утѣшала его сколько могла, но она сама нуждалась въ утѣшеніи.

— Хорошо и то,—говорила она,—что ты эмигрировалъ.

— Головой ручаюсь,—замѣтилъ Салме Фло, хозяинъ Морица,—что онъ въ тысячу разъ больше заслужилъ награду, чѣмъ Гонза. Но оттого, что онъ еврейское дитя и что мы живемъ въ голесъ (угнетеніе), они не сдѣлали его первымъ. Вѣрьте мнѣ, госпожа рандарша, у нихъ не хватаетъ духу выпустить еврейскаго мальчика при трубахъ и литаврахъ. Именно потому, что они знаютъ, что еврею это можетъ доставить радость,—не дѣлаютъ они этого. Это вѣдь и есть нашъ голесъ! И если сообразить какъ слѣдуетъ—они вѣдь правы! Сорокъ мальчиковъ въ классѣ Морица—а ему дать первую награду!.. Нѣтъ, это невозможно требовать; это было бы ужъ слишкомъ большимъ стыдомъ для класса!

Стоитъ только придать личному горю общее значеніе—и становится легче переносить его. Философскія утѣшенія Салме произвели надлежащее дѣйствіе. Морицъ и рандарша ободрились и повеселѣли: Можетъ быть, Морицъ чувствовалъ, что его страданіе началось не въ этотъ день и не здѣсь, а тамъ, гдѣ росли ивы вавилонскія...

Послѣ обѣда, когда рандарша расплатилась съ хозяевами Морица за его столъ и квартиру, собрались въ дорогу домой. Въ „Золотомъ Вѣнцѣ“, гдѣ остановились пріѣзжіе, Ганнеле выразила желаніе, чтобы послали за Гонзой; но мать спѣшила уѣхать; каждая лишняя минута напоминала ей, что ея сынъ не получилъ первую награду.

Въ дорогѣ Морицомъ снова овладѣло горестное воспоминаніе о неосуществившейся надеждѣ; онъ сталъ сильно плакать, и мать, которая сама глубоко страдала, не могла его утѣшить.

— Это все отъ нашего голеса,—только и повторяла она;—посмотрѣлъ бы ты, что было бы, не будь ты еврейское дитя.

Они находились уже недалеко отъ Мюнхенгреца, когда Ганнеле вдругъ вскочила и крикнула: „Вонъ идетъ Гонза!“ Своими дальнозоркими глазами она усмотрѣла на дорогѣ человѣка, опередившаго ихъ эки-

пажъ шаговъ на двѣсти. Это былъ дѣйствительно Гонза—но въ совершенно особенномъ костюмѣ. Именно, для того, чтобы ему было легче идти, онъ снялъ свои тяжелые сапоги и несъ ихъ на палкѣ, переброшенной черезъ плечо. Въ другой рукѣ онъ держалъ переплетенную въ красный сафьянъ книгу и очень внимательно читалъ ее; это онъ дѣлалъ не ради скуки: то была вѣдь его наградная книга!

Когда экипажъ поровнялся съ нимъ, онъ въ изумленіи и смущеніи остановился, узнавъ рандаршу. Ганнеле предложила ему сѣсть съ ними, такъ какъ мѣста еще было довольно. Гонза стоялъ въ нерѣшительности, пока приглашеніе не было повторено самою рандаршей. Какъ только Моритъ увидѣлъ въ рукахъ Гонзы красную книгу, онъ съ плачемъ бросился на грудь къ матери и оставался въ этомъ положеніи до самаго пріѣзда домой.

Въ деревню они въѣхали уже ночью. Гонза выскочилъ изъ экипажа передъ домомъ своего отца; онъ едва поблагодарилъ рандаршу съ дѣтьми и не пожелалъ имъ спокойной ночи.

Въ квартирѣ рандара горѣлъ еще огонь.

— Вацлавша порадуется!—думала про себя Рахиль;—отчего же нельзя порадоваться и еврейской женщинѣ? Неужели же вездѣ приходится страдать?

— Ну, что вышло изъ нашего Мошеле? спросилъ ребъ Шмуль послѣ первыхъ привѣтствій.

— Ничего,—отвѣчала рандарша,—оттого что онъ сынъ еврея.

Моритъ далъ отцу печатную аттестацію.

— Что это за *ет* у тебя на каждой строчкѣ? спросилъ тотъ.

— Это значитъ *eminens*, отлично, отвѣчалъ Моритъ.

— Ну, чего же тебѣ еще?—замѣтилъ совершенно удовлетворенный рандаръ;—для еврея очень достаточно.

Тутъ онъ увидѣлъ, что въ графѣ „закона Божія“ стояла черта.

— Отчего же здѣсь ничего не написано?

— Оттого что я не учился закону Божію.

— Это совсѣмъ не ладно,—сказавъ рандаръ, качая головой;— впрочемъ я посмотрю, осталась ли у тебя еще религія.

Скоро сѣли ужинать, и къ концу его ребъ Шмуль сказалъ Морицу:

— Ну, теперь покажи мнѣ, все ли ты еще еврей. Молись вслухъ, я увижу, забылъ ты или нѣтъ молитвы.

Морицъ исполнилъ желаніе отца — и къ полному его удовольствію. Когда послѣ этого онъ, очень утомленный, отправился спать и сталъ раздѣваться, рандаръ снова пришелъ къ нему и сказалъ:

— Еще не все, сынъ мой; покажи-ка мнѣ свой „арбе-канфесъ".

Морицъ съ улыбкой снялъ съ себя арбе-канфесъ и подалъ его отцу. Тотъ подошелъ къ свѣту и принялся тщательно изслѣдовать, въ порядкѣ-ли цицесъ *. Онъ распустилъ каждую и затѣмъ, удостовѣрившись въ удовлетворительности ихъ состоянія, снова положилъ въ мѣшечки. Въ это время Морицъ уже легъ въ кровать.

— А теперь—сказалъ неутомимый ребъ Шмуль —скажи вслухъ вечернюю молитву; этимъ мы и покончимъ.

Напрасно рандарша просила оставить ребенка въ покоѣ на нынѣшній день, потому что онъ очень усталъ; ребъ Шмуль настаивалъ на своемъ. Морицъ началъ читать молитву, а рандаръ внимательно слушалъ—не ошибется ли онъ; но прежде чѣмъ юноша дошелъ до словъ: „съ правой стороны у меня стоитъ Михаилъ, съ лѣвой—Гавріилъ, впереди меня—Рафаилъ, сзади—Уріель, а въ изголовьѣ моемъ—величье божье"—глаза его сомкнулись, и черезъ минуту онъ крѣпко спалъ.

— Ученье совсѣмъ не повредило ему, — шепнулъ рандаръ Рахили;—онъ все тотъ же.

И заликовало сердце матери! Лишь бы *онъ* былъ доволенъ!

---

* Арбе-канфесъ—нѣчто въ родѣ жилета, къ четыремъ концамъ котораго прикрѣпляютъ извѣстнымъ образомъ приготовленныя и сложенныя нити.

VI.

Двѣ натуры.

„Тотъ же“ Мориць былъ однако уже не прежній Мошеле. У рандара не было тѣхъ глазъ, которые проникаютъ въ сокровеннѣйшіе тайники души. Онъ могъ изслѣдовать, въ порядкѣ-ли „арбе-канфесъ“, или не забылъ-ли Мориць вечерней молитвы; но внутреннія измѣненія въ этой молодой душѣ были для него незамѣтны.

Странное дѣло! Мориць началъ только теперь истинно любить деревню. Рожденный и воспитанный между крестьянами, онъ однако, какъ мы видѣли, не допускался ни до какихъ сношеній съ ними. Намъ извѣстны также и причины, руководившія въ этомъ случаѣ его родителями. Теперь же, когда онъ дѣлался „образованнымъ“ человѣкомъ, ему предоставили полную свободу дѣйствій; рандарша думала, что „ученье“ навсегда застраховало его отъ мужицкой грубости.

Мориць какъ нельзя лучше пользовался этимъ позволеніемъ, чтобы безпрепятственно сближаться съ деревнею. Была пора жатвы, и Мориць выходилъ смотрѣть на работы; какъ это ни странно, а онъ до сихъ поръ не видѣлъ еще никогда, какъ убираютъ хлѣбъ. Тутъ же встрѣтился онъ и съ Гонзой. Кокетничанье дѣвушекъ и ревнивое подразниваніе парней, видъ полныхъ сноповъ и отъѣзжавшихъ, тяжело нагруженныхъ телѣгъ—приводили его въ такое веселое настроеніе, что ему казалось, будто онъ долженъ присоединиться къ этимъ людямъ, и тоже работать и пѣть, какъ они. Но онъ воздерживался отъ этого—старое воспитаніе дѣйствовало слишкомъ сильно.

Въ то же время Мориць видѣлъ здѣсь благословеніе и проклятіе, прибыль и разореніе, которыми земля надѣляетъ приходящихъ къ ней за дарами. Безъ глубокаго состраданія не могъ онъ смотрѣть на крестьянина, подъ палящимъ зноемъ солнца исполнявшаго свои тяжелыя работы. Каждый разъ какъ бѣднякъ отиралъ потъ съ лица рукавомъ своей рубашки, нашему юношѣ самому становилось жарко и душно. Часто казалось ему, что онъ долженъ немедленно побѣжать къ себѣ домой,

въ погребъ, и оттуда принести на поле холоднаго пива. Все въ этомъ крестьянинѣ наводило Морица на мысль о присутствіи въ немъ неутолимой жажды; вся натура его повидимому жаждала только одного—пить. Юноша смутно понималъ теперь, отчего эти люди потребляли столько питья!

— Моему отцу и моей матери хорошо говорить!—разсуждалъ онъ про себя въ одну изъ такихъ прогулокъ по полю.—Имъ не приходится мучиться такъ, какъ крестьянину. И какъ хорошо, что мой отецъ—рандаръ! Онъ можетъ поить крестьянъ... У этихъ людей должна быть вѣдь очень сильная жажда; послѣ этого меня не удивляетъ, что они послѣ работы сейчасъ идутъ къ намъ. Что̀ стали бы они дѣлать, не будь моего отца? Крестьянинъ работаетъ, а мой отецъ даетъ ему пить; они оба, значитъ, очень нужны другъ другу. Жалко только, что ни то, ни другое не дѣлается даромъ; императору слѣдовало бы приказать это. Кто не работаетъ, у того нѣтъ жажды. Оттого-то мой отецъ никогда не выпиваетъ больше одной кружки пива. Говоритъ, что чуть выпьетъ больше, сейчасъ у него голова заболитъ. А поди-ка онъ, поработай на полѣ!

Морицъ при этомъ случаѣ вспомнилъ, что когда полямъ грозилъ градъ или что нибудь подобное, его отецъ далеко не безпокоился такъ, какъ остальные жители деревни. Почему это? Кромѣ того еще удивляло его, что парни и дѣвушки, привозившіе къ нимъ въ домъ хлѣбъ съ поля, не пѣли здѣсь также громко и весело, какъ въ другихъ мѣстахъ. „Вѣдь у насъ—думалъ онъ—имъ лучше, чѣмъ у крестьянъ; у насъ имъ даютъ больше ѣсть и пить, а веселятся они все-таки меньше“. Причину онъ находилъ въ томъ, что поля его отца не составляли его собственности: „Онъ и самъ не можетъ радоваться такъ, какъ крестьянинъ, который своими руками пахалъ, сѣялъ и жалъ; за это онъ долженъ платить арендныя деньги графу; а что ужъ остается сверхъ того—принадлежитъ ему. Я знаю, каково дурному ученику, который списываетъ работу у другаго. Онъ не можетъ радоваться такъ, какъ тотъ, кто самъ написалъ!“

Ганнеле съ тѣхъ поръ, какъ братъ ея пошелъ въ ученье, сдѣлалась корчмаркой. Уже давно учитель пересталъ ѣздить къ нимъ въ домъ; отецъ твердо настоялъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ Ганнеле—такъ какъ Морица онъ считалъ уже въ этомъ отношеніи потерянным—посвятила себя „дѣлу“. Теперь она наливала пиво и водку, давала сдачу и исполняла должность кельнерши. Моритъ завидовалъ ей—вѣдь она давала крестьянамъ пить!

Но очень тяжело становилось у него на душѣ, когда онъ слышалъ разговоръ отца и матери о крестьянахъ, особенно когда они сводили счеты, и рандаръ рѣшалъ, кому можно еще давать въ долгъ, кому нельзя. „Не имѣть возможности даже пить больше!“ думалъ онъ—и такой крестьянинъ казался ему достойнымъ большаго сожалѣнія.

Когда же мать послала однажды больному крестьянскому ребенку хорошаго мяснаго супу, Моритъ выразилъ при этомъ живѣйшую радость. Рандарша приписала это чувство его доброму сердцу; но оно имѣло болѣе глубокій, гораздо болѣе глубокій источникъ.

Вслѣдствіе всего этого по возвращеніи въ Вунцлау гетто представилось ему мрачною могилой. Онъ долго не могъ свыкнуться съ нимъ. Среди этой суетливой поспѣшности, этихъ криковъ, бѣганья, торгашества, спокойствіе его родной деревни выплывало передъ нимъ какъ островъ блаженныхъ. Въ этомъ шумѣ гетто были дисгармоническіе звуки, страшно терзавшіе его слухъ. Даже самый дикій шумъ въ шинкѣ его отца не дѣйствовалъ на него такъ непріятно. „Эти люди—думалъ онъ—конечно не пьяны, а вѣдь видъ ихъ совсѣмъ такой!..“ И глубокое уныніе нападало на него.

Это настроеніе вызывало многія насмѣшки надъ нимъ со стороны его квартирныхъ хозяевъ; особенно сухой Салие дѣлалъ его мишенью своего издѣвательства.

— Опять онъ пріунылъ!—сказалъ онъ однажды, увидѣвъ Морица еще болѣе печальнымъ, чѣмъ обыкновенно;—о своихъ мужикахъ небось вспомнилъ! Ему, конечно, пріятнѣе съ ними, чѣмъ съ евреями! Да оно и неудивительно: какъ аукнется, такъ и откликнется!

Эти насмѣшливыя слова не столько оскорбили, сколько разсердили нашего Морица.

— А почему-жъ бы нѣтъ?—спросилъ онъ, вспыхнувъ;—развѣ крестьянинъ не человѣкъ?

— Не человѣкъ?—возразилъ Салме, громко расхохотавшись;—кто же говоритъ это? Такой же человѣкъ, какъ и я, и ты, и всякій другой; у него двѣ руки, двѣ ноги, два глаза. Но развѣ для тебя *одна* еврейская душа не въ десять тысячъ милѣе цѣлой деревни крестьянъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Моритъ нерѣшительно.

— Не знаешь? Сомнѣваешься еще?—гнѣвно закричалъ Салме;—вотъ сейчасъ видѣнъ ученый! Познакомился немножко съ книжками, сталъ ходить къ ксендзамъ—и ему ужъ кажется, что еврейская душа не дороже копѣечной булки! А я тебѣ говорю, господинъ студентъ, что коли въ латинскую школу ходятъ только для этого, такъ надо поскорѣе всѣ ваши книги въ огонь швырнуть! Онѣ и выѣденнаго яйца не стоятъ!

Грубая, ничѣмъ не стѣсняющаяся натура Салме безсознательно коснулась здѣсь того мѣста, въ которомъ Морица можно было ранить. Пріобрѣтенныя имъ познанія были еще слишкомъ незначительны и привитыя воспитаніемъ религіозныя воззрѣнія—слишкомъ сильны для того, чтобы онъ уже теперь могъ замѣтить теологическую штуку Салме, который перекинулъ совсѣмъ обыкновенный вопросъ на религіозную почву. И болѣе испуганный, чѣмъ изумленный, Моритъ опустилъ глаза.

Салме Фло, видя свое торжество, продолжалъ уже въ болѣе умѣренномъ тонѣ:

— Тебѣ совсѣмъ не зачѣмъ сердиться на то, что я сказалъ. Тебя это совсѣмъ не касается; ты набожное и честное дитя и ни разу не уходишь въ школу прежде чѣмъ помолишься. Стало быть, говорю, тебя это не касается. Но нашимъ ученымъ, какъ только у нихъ немного отростутъ крылья, сейчасъ приходитъ охота дѣлать изъ нашего брата еврея все, что имъ взбредетъ въ голову. Къ несчастію, они съ каждымъ днемъ становятся у насъ сильнѣе и сильнѣе; имъ бы хотѣлось даже от-

нять у насъ ту крошечку торы, что мы еще успѣли уберечь. Простой человѣкъ, у котораго ничего больше и нѣтъ, какъ этой крошечки торы, имъ точно камень на дорогѣ; они бы рады стереть его съ лица земли. Говорю тебѣ—время настало тяжелое. Я, какъ и всякій другой „балбосъ“ (отецъ семейства), плачу деньги за то, чтобы мои дѣти могли выучиться въ школѣ чему нибудь порядочному, оттого что въ теперешнее время надо непремѣнно умѣть читать, писать и считать. Но для ученыхъ этого мало, имъ подавай еще кое-что другое. Есть у насъ, напримѣръ, директоръ школы, господинъ Шлема Блуменфельдъ, который лѣтъ тридцать тому назадъ заглянулъ разочекъ въ двѣ, три книги; такъ тотъ, извольте видѣть, требуетъ, чтобы мы дѣлали изъ нашихъ дѣтей каменьщиковъ и плотниковъ. Какъ тебѣ это нравится?

Моришъ не понималъ, почему Салме усматривалъ такую великую опасность въ вышеупомянутыхъ ремеслахъ. Ему топоръ и лопатка представлялись такими безвредными вещами! Поэтому онъ спросилъ совершенно наивно:

— Да развѣ это было бы такое большое несчастіе?

Салме постотрѣлъ на мальчика съ большимъ изумленіемъ.

— Есть у васъ въ деревнѣ церковь? спросилъ онъ послѣ длинной паузы.

— Есть.

— А колокольня на ней есть?

— Большая, красивая, съ колоколомъ внутри.

— Прекрасно. Что же, на этой колокольнѣ случался когда нибудь какой либо изъянъ?

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, когда я былъ дома, крыли крышу гонтомъ.

— И между кровельщиками вѣрно не было ни одного еврея? да?

— Кажется, нѣтъ...

— Ну, вотъ, студентъ!—вскричалъ Салме, и голосъ его зазвучалъ торжественно, какъ труба іерихонская — развѣ я не говорилъ тебѣ, что еврей не можетъ быть каменьщикомъ и плотникомъ? Неужели

ты серьезно думаешь, что еврей полѣзетъ на колокольню? Что онъ станетъ такъ, ни за что, ни про что, рисковать жизнью? Хотѣлъ бы я посмотрѣть на такую еврейскую женщину, которая можетъ ѣсть хлѣбъ, заработанный ея мужемъ на такой работѣ, или которая способна стоять внизу и глядѣть, какъ ея мужъ десять разъ въ день готовъ сломать себѣ шею! Стыдъ и позоръ! И чтобы я сталъ учить мое дитя такому ремеслу!

Эти слова произвели на Морица неописанное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ, что ребъ Салме и правъ, и не правъ. Можетъ быть, нравилась ему въ образѣ мыслей старика нѣжная сторона его. Какъ бы-то ни было, онъ не нашелся что возразить.

Противъ ихъ дома помѣщалась бойня; случилось, что какъ разъ въ это время мясники стали убивать быка, предсмертный ревъ котораго зловѣще проникъ въ комнату. Точно молнія освѣтила душу Морица.

— Хорошо,—сказалъ онъ послѣ длинной паузы;—но если еврею нельзя быть каменьщикомъ и плотникомъ, отчего онъ дѣлается мясникомъ? Развѣ кровь не хуже дерева и извести?

Салме съ изумленіемъ посмотрѣлъ на мальчика; то былъ вопросъ, съ которымъ ему нелегко было справиться.

— Однако,—вскричалъ онъ,—ловкій ты малый! И если такимъ вещамъ учатъ тебя у ксендзовъ—дѣло хорошее!.. Но что же тутъ подѣлаешь, Морицъ,—продолжалъ онъ, немного подумавъ;—что тутъ подѣлаешь? Вѣдь человѣкъ не можетъ обойтись безъ мяса?

Нашему Морицу это возраженіе показалось недостаточно вразумительнымъ. Онъ сказалъ:

— Только потому? А если бы Богъ не создалъ быковъ?

— Ну, тогда бы и мясниковъ не надо! отвѣчалъ Салме съ громкимъ смѣхомъ; онъ обрадовался возможности облить мальчика холодной водой своей насмѣшки.

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать,—сердито возразилъ Морицъ.—Человѣкъ долженъ жить въ домѣ, точно также, какъ долженъ

ѣсть мясо; слѣдовательно, Богъ хочетъ, чтобы человѣкъ былъ каменьщикомъ и плотникомъ.

Теперь очередь удивляться пришла снова къ Салме. Замѣчаніе мальчика поразило его.

— Клянусь Богомъ,—воскликнулъ онъ,—ты правъ! Вотъ, однако, что можетъ прійти въ голову еврейскому ребенку, когда онъ чему нибудь учится! Я бы не подумалъ объ этомъ за цѣлый годъ. Но на этотъ счетъ скажу тебѣ кое-что, чего ты еще вѣрно не знаешь. Слышалъ я это однажды у одного очень знаменитаго раввина. Видишь ли, въ Талмудѣ написано—ужъ ты мнѣ повѣрь—что мясники и кожевники уже много вѣковъ тому назадъ были люди презрѣнные; имъ позволялось жить только за чертою общины, мясникамъ—изъ-за крови, кожевникамъ—изъ-за кожъ. Видишь такимъ образомъ, что наша священная тора обо всемъ подумала, все предусмотрѣла.

Среди взаимныхъ изумленій и недоумѣній закончилась бесѣда между Салме и ученикомъ, и можно сказать, что они разстались, проникнутые уваженіемъ другъ къ другу: Морицъ—вслѣдствіе талмудической учености своего хозяина, которой онъ не предполагалъ въ немъ; Салме—по сознанію, что это малый ловкій, научившійся у своихъ ксендзовъ всякой премудрости.

Собственно трудно опредѣлить, какія слова въ нашемъ дѣтствѣ производятъ на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Значительнѣйшее безслѣдно расплывается, а ничтожное часто оставляетъ навѣки разрушительное дѣйствіе. Мендель Вильна былъ правъ, когда сравнилъ будущую жизнь ребенка съ тетрадью, которая современемъ испишется многими. И Салме Фло написалъ въ ней свои строки.

Только теперь нашъ Морицъ началъ чувствовать себя какъ дома.

Но опасный разладъ началъ уже стучаться въ двери этой молодой души.

У своихъ хозяевъ Морицъ имѣлъ неоднократно случай видѣть страданія и лишенія, совершенно противуположныя тѣмъ, которыя еще недавно вызывали его состраданіе въ деревнѣ. Тутъ онъ познакомился

со всѣми жалкими сторонами еврейскаго домашняго хозяйства. Глубоко болѣзненно становилось у него на душѣ, когда онъ видѣлъ, какъ тяжело было этимъ людямъ пробиваться въ жизни. Его хозяйка держала лавчонку подъ „кущами“; часто возвращалась она вечеромъ домой съ мрачнымъ, какъ трехдневный дождь, лицомъ: ей не удалось продать ни на копѣйку. Въ началѣ каждаго полугодія мужъ и жена испытывали великій страхъ вслѣдствіе неизвѣстности—не будетъ ли сдано помѣщеніе лавочки кому нибудь другому, и счастье ихъ не имѣло предѣловъ, когда хозяинъ набавлялъ имъ всего нѣсколько гульденовъ! Салме съ утра до вечера бѣгалъ по городу и окрестностямъ, торгуя старымъ платьемъ; а вечеромъ, измученный до смерти, возвращался домой съ громаднымъ мѣшкомъ, который ему приходилось таскать на спинѣ цѣлые десятки верстъ. Моритъ, привыкшій къ зажиточности своихъ родителей, не разъ приходилъ въ ужасъ, когда ему случалось присутствовать при распаковываніи этой ноши и видѣть заключавшіяся въ ней вещи. Почти негодное, дырявое платье, отвратительныя лохмотья! Собравъ кучу подобнаго отрепья, Салме съ необычайною дѣятельностію принимался за сообщеніе ему нѣкотораго блеска. Геніальность его въ этомъ отношеніи была очень велика. Выкроить изъ старыхъ изодранныхъ брюкъ пару дѣтскихъ панталончиковъ, заштопать въ рукавѣ дыру такъ, что покупщикъ не могъ замѣтить ее, или привести поношенную шляпу въ новый видъ—для него не представляло ни малѣйшаго затрудненія; пальцы работали сами собою. Часто случалось, что какіе нибудь строптивые брюки не хотѣли безусловно подчиниться его волѣ. Тогда онъ наморщивалъ лобъ, прикладывалъ палецъ къ сжатымъ губамъ и говорилъ: „Надо обдумать!“ При этихъ словахъ Моритъ оставлялъ свои книги, забывалъ Александра, Мильтіада и Пиѳагора, и самъ ломалъ себѣ голову, пріискивая средство справиться съ брюками. И какъ ликовалъ онъ, когда у Салме Фло послѣ долгаго „обдумыванія“ рождалась, наконецъ, творческая идея новыхъ брюкъ! Онъ радовался такъ, какъ будто ножницы, энергически принимавшіяся те-

перь работать въ старыхъ лохмотьяхъ, выкраивали его собственное счастіе.

Такимъ образомъ и низерное ремесло Салме пріобрѣло въ глазахъ Морица глубокое значеніе. Часто спрашива онълъ себя:

— Развѣ наши крестьяне мучатся и терпятъ больше? И если имъ дѣйствительно тяжко жить, то вѣдь какъ вознаграждаютъ они себя за это! А Салме за цѣлый годъ не выпьетъ и кружки пива; въ шабашъ, когда ему нельзя работать, онъ идетъ въ синагогу и остается тамъ полдня. Послѣ обѣда часокъ-другой спитъ или читаетъ библію. Вотъ и все его развлеченіе. А у насъ въ деревнѣ какъ проводятъ время по воскресеньямъ?

Глубоко религіозное настроеніе овладѣло имъ. Въ субботу онъ не писалъ, и поэтому на слѣдующій день ему приходилось выпрашивать у товарищей сдѣланную наканунѣ письменную работу. Но онъ исполнялъ это очень охотно. Точно также продолжалъ онъ—и теперь еще задушевнѣе, чѣмъ прежде—читать среди Ave Maria всего класса свое: „внимай, Израиль!“—конечно лучшее доказательство его тогдашняго душевнаго состоянія: среди звуковъ чужаго культа призывъ къ самому себѣ—не забывать Бога своего народа, единственнаго вѣчнаго Бога!

Когда онъ снова вернулся въ деревню и снова наступало время жатвы, когда стали валиться подъ серпами золотые колосья и зазвучали пѣсни, Моритъ уже не спрашивалъ себя, почему онѣ не раздавались также весело въ домѣ его отца? Онъ видѣлъ трудовой потъ крестьянина—но видѣлъ и его воскресенье! Развѣ въ гетто не прозябалъ Салме Фло? Развѣ тамъ не было гораздо больше горя и страданій?..

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова.

(*Продолженіе*) *.

II.

О надписяхъ псалмовъ.

Весьма легко можетъ быть, что кромѣ упомянутыхъ инструментовъ, древніе евреи обладали еще разнаго вида музыкальными орудіями; но они исчезли безслѣдно, и мы не имѣемъ о нихъ никакихъ свѣдѣній. Даже тѣ инструменты, о которыхъ мы кое какъ составили себѣ общее понятіе, описаны крайне сбивчиво. Притомъ каждый писатель толкуетъ по своему извѣстныя данныя и очень часто даетъ одному инструменту такое описаніе, которому прямо противоположно описаніе другаго ученаго. Болѣе всего являются неточности въ названіяхъ инструментовъ: писатели среднихъ вѣковъ произвольно мѣняли названія по своему вкусу. Кромѣ того, имена древнѣйшихъ инструментовъ переносились безъ перемѣны на болѣе новые по времени происхожденія, родственные первымъ, но все-таки различные съ ними инструменты. Какъ ясное доказательство, на сколько безцеремонно обращались съ названіями еврейскихъ инструментовъ, можно представить слѣдующій выдающійся фактъ: при переводѣ библіи, 70 толковниковъ ея переводятъ слово *кинноръ* четырьмя разными способами, именно: иногда κιθαρα — китара, иногда κινορα—кинора, иногда ὀργανον—органонъ, а иногда ψαλτηριον — псалтеріонъ.

Описанія любого инструмента, за исключеніемъ, разумѣется, арфы—киннора, которая всегда пользовалась большою популярностью, также про-

---

* См. „Восходъ“, кн. 7.

блематичны, какъ и достовѣрность названій. Струнный инструментъ небель считался у многихъ духовымъ только на основаніи того, что еврейское слово *небель* означаетъ бутылку; предположивъ, что бутылка должна тутъ играть нѣкоторую роль, составилось мнѣніе въ пользу того, что форма небеля соотвѣтствовала названію; въ немъ, какъ и въ бутылкѣ можно было различить двѣ опредѣленныя части—широкую нижнюю и узкую верхнюю; отсюда, если первой части дать роль резервуара для воздуха, а второй—трубки для вдуванія его туда, то легко можно допустить, что небель—инструментъ духовой.—Это же мнимое сходство небеля съ бутылкою другими учеными толкуется совершенно иначе; они себѣ его представляютъ въ видѣ сплющенной бутылки и увѣряютъ, что это—лютнеобразный струнный инструментъ, такъ какъ нижняя часть ея можетъ служить резонансовымъ ящикомъ, а узкая—грифомъ, гдѣ прикрѣпляются и натягиваются струны. Описанія небеля, который въ дѣйствительности, помимо вышеприведенныхъ объясненій, ничего общаго съ бутылкой не имѣетъ, а по формѣ представляетъ четырехъугольникъ, приводимъ какъ примѣры самыхъ различныхъ мнѣній. То же самое и съ другими — всякій инструментъ представляетъ богатый матеръялъ для самыхъ разнообразныхъ сужденій о его фасонѣ, качествѣ, объемѣ и др. признакахъ. Мы не говоримъ уже о магрефѣ, о которой и до сихъ поръ не рѣшено, что это собственно за предметъ,—органъ, барабанъ или лопата, даже неизвѣстно навѣрно—музыкальный ли это инструментъ или просто хозяйственное храмовое орудіе.

Такимъ же безчисленнымъ измѣненіямъ и крайнимъ предположеніямъ подвергаются объясненія надписей псалмовъ. Нѣкоторые въ надписяхъ псалмовъ хотятъ видѣть названія музыкальныхъ инструментовъ; такъ, напр., говорятъ, что надписи: псалма V (Нехилотъ), псалма VIII (Гиттитъ), псалма IX (Мутлабенъ), псалма XLV (Шотаннимъ), псалма XLVI (Шигіоногъ) и т. д. ничто иное, какъ названія инструментовъ, на которыхъ слѣдуетъ исполнять музыку къ этимъ псалмамъ. Впрочемъ тѣ, которые это утверждаютъ, не даютъ о нихъ никакихъ объясненій, такъ какъ сами, кромѣ именъ, не знаютъ рѣшительно ничего. Если бы надписи эти обозначали музыкальные инструменты, то, по всей вѣроятности, инструменты эти были бы названы здѣсь не впервые, а были бы упомянуты также и другими писателями. Книги Библіи тоже совсѣмъ не скупы на названія инструментовъ, наконецъ и талмудисты часто о нихъ упоминаютъ и даже описываютъ ихъ. Можно ли предположить, что всѣ обходятъ мол-

чаніемъ именно тѣ инструменты, которые указаны надписями псалмовъ?— Фогель, въ своей диссертаціи (Inscriptiones Psalmorum serius demum additas videri. Галле. 1767) доказалъ, что надписи псалмовъ были къ нимъ приписаны гораздо позднѣе; принимая это во вниманіе, можно заключить, что надписи на нѣкоторыхъ псалмахъ обозначаютъ нѣчто другое, чѣмъ инструменты, хотя неоспоримо, что онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе въ музыкѣ. Поэзія и музыка были въ тѣ времена такъ неразрывно связаны между собою, что нельзя себѣ представить музыки безъ пѣнія стиховъ и пѣнія стиховъ безъ сопровожденія музыки.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что у древнихъ евреевъ не ко всякому стиху была отдѣльная мелодія. Этотъ недостатокъ въ мелодіяхъ встрѣчается вообще у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ музыка достигла только средней степени развитія. Въ средніе вѣка было то же самое; тогда на одни немногіе общеизвѣстные мотивы клали не только духовные тексты, но также и свѣтскія пѣсни. Обычай этотъ — пользоваться однимъ напѣвомъ для разныхъ текстовъ—сохранился и до настоящаго времени во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ единственную музыку составляетъ народная пѣснь, какъ, напримѣръ, въ Новой Зеландіи (Путешествіе Форстера), въ Сибири, у татаръ, у лифляндскихъ и курляндскихъ крестьянъ, у всѣхъ восточныхъ народовъ и т. д. — Всѣ названные народы имѣютъ нѣсколько національныхъ мелодій, которыя извѣстны массѣ и любимы ею; къ нимъ-то и подлаживаютъ новыя слова пѣсни, оставляя музыку неприкосновенною.— Горацій одну изъ своихъ одъ (къ Августу Цезарю) приспособилъ къ пѣнію на мотивъ одной общеизвѣстной мелодіи, по всей вѣроятности—греческаго происхожденія; впослѣдствіи ода эта пѣлась на мотивъ гимна св. Іоанна: «Ut queant laxis, resonnare fibris» etc. Въ Германіи даже въ настоящее время дѣлается то же самое съ церковными пѣснями. Разсмотрѣвъ внимательно сборникъ нѣмецкихъ церковныхъ пѣсней, увидимъ, что множество пѣсней имѣютъ напримѣръ, слѣдующую надпись: «На мотивъ Wer nur den lieben Gott lässt walten».—Обычай этотъ, повидимому, ведется съ древнѣйшихъ временъ, и это весьма естественно. Невозможно предположить, чтобы въ храмахъ при богослуженіи собирались только тѣ, которые умѣли читать ноты, и поэтому, желая, чтобы всякій молящійся могъ прибавить свой голосъ въ общемъ хорѣ славящихъ и просящихъ Бога, необходимо было такъ устроить, чтобы напѣвъ молитвы всѣ присутствующіе знали наизустъ. Изъ всего вышесказаннаго видно, что была настоящей необходимостью оставлять безъ перемѣны мелодіи, хорошо из-

вѣстныя народу и приноровлять къ нимъ новые стихи; обыкновенно, такимъ образомъ возникшія новыя пѣсни надписывались словомъ, обозначающимъ мелодію, чаще всего первымъ словомъ прежняго текста, такъ что всѣ желающіе безъ малѣйшаго затрудненія могли ихъ различать между собою по этимъ надписямъ и единодушно пѣть въ открытыхъ собраніяхъ. — Возьмемъ для примѣра надпись псалма LVI: «Іонатъ Элемъ Рехокимъ»; переводчики и толкователи псалмовъ истолковывали эту надпись такимъ образомъ: о безмолвствующей голубицѣ между чужими. Но объ этой голубицѣ въ цѣломъ псалмѣ нѣтъ ни одного слова, слѣдовательно такой переводъ не имѣлъ бы смысла, если не предположить, что еще до сочиненія этого псалма у древнихъ евреевъ существовала пѣснь, начинавшаяся съ этихъ словъ и на мелодію которой долженъ былъ пѣться новый псаломъ. Совершенно такъ-же можно объяснить себѣ надписи и другихъ псалмовъ—надписи, которыя съ содержаніемъ псалма не имѣютъ ровно ничего общаго.

Кромѣ сказаннаго, надписи, хотя и не всѣ, могутъ считаться показателями мелодій еще вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства: послѣ мейстерзингеровъ осталось много рукописей, въ которыхъ записаны разные стихи и пѣсни; многія изъ этихъ пѣсенъ надписаны разными словами и фразами, не имѣющими ничего общаго съ содержаніемъ пѣсни. Но такъ какъ времена мейстерзингеровъ не очень отдалены отъ насъ, т. е. не настолько, чтобы языкъ или выговоръ существенно измѣнился, то для насъ совершенно ясно, что эти надписи или заглавія—ничто иное, какъ начальныя строки или слова другихъ, иногда намъ уже незнакомыхъ пѣсней, мелодіи которыхъ заимствовались для вновь сочиненнаго текста. Такимъ образомъ надпись: «Zu singen auf Jungfernweis», можно сравнить съ древне-еврейскимъ «Аламотъ», а «Grundweis»—будетъ означать «Шеминитъ».—Аламотъ — это пѣніе хоромъ женскихъ голосовъ, Шеминитъ—мужскихъ. Обыкновенно оба хора пѣли одинъ и тотъ же напѣвъ, но въ октаву. Въ Греціи тоже существовала такая манера хороваго пѣнія и называлась «Магадизаціей»; тамъ былъ даже особенный инструментъ «магадисъ», который употреблялся всегда для аккомпанимента хору.

Если допустить, что не всѣ заглавія псалмовъ можно считать показателями мелодій, то все-таки не слѣдуетъ предполагать, что они обозначаютъ музыкальные инструменты. Арабы и персіяне имѣли и имѣютъ теперь обыкновеніе—тѣ изъ своихъ пѣсней, которыя имъ особенно нравятся, обозначать какими нибудь отдѣльными словами, не всегда стоящими

въ связи съ содержаніемъ ея. Чаще всего для этой цѣли они берутъ первое слово первой строки пѣсни, но часто также выбираютъ такое слово, которое или выражаю бы общій характеръ всей пѣсни, или бы стояло къ ней въ какомъ нибудь побочномъ отношеніи. — Въ сочиненіи Вильгельма Іонесса о поэзіи азіатскихъ народовъ, говорится также о существованіи такого обычая. Всего вѣроятнѣе, что тѣ изъ надписей псалмовъ, которыя имѣютъ самое малое музыкальное значеніе, произошли такимъ-же образомъ, какъ аравійскія и персидскія заглавія.

Въ заглавіяхъ псалмовъ XLV, LX, LXIX и LXXX встрѣчается слово «Шошаннимъ», которое объяснить очень трудно, вслѣдствіе недостаточности историческихъ извѣстій. Нѣкоторые производятъ это слово отъ еврейскаго *Шошъ* (шесть) и думаютъ, что это былъ шестиугольный шестиструнный музыкальный инструментъ. Но гораздо вѣрнѣе и вѣроятнѣе производить это слово отъ слова *Шушанъ* (лилія)—не потому, чтобы подъ этимъ названіемъ можно бы было себѣ представить какой нибудь лиліеобразный инструментъ, въ родѣ лиры или лютни, но потому, что еврейское Шушанъ происходитъ отъ персидскаго «Сузанъ», что̀ означаетъ тоже лилію, но вмѣстѣ съ этимъ есть названіе города лежащаго въ землѣ Элямъ. Городъ этотъ получилъ свое названіе отъ богатыхъ лиліями полей, лежащихъ въ его окрестностяхъ. Вотъ здѣсь-то можно предположить происхожденіе этого слова; по всей вѣроятности, у жителей этого города Сузана была въ большомъ употребленіи какая нибудь замѣчательная національная мелодія. Мелодію эту евреи переняли, въ то время, когда побѣдили сосѣднюю съ Сузаномъ Месопотамію, и назвали ее, по происхожденію, Сузанской или Шушанской. Слѣдовательно, если въ надписи говорится: «начальнику хора пѣть на «Шошаннимъ», то это нужно понимать слѣдующимъ образомъ: Начальнику хора пѣть по Шушанской (персидской) мелодіи. Это объясненіе какъ нельзя лучше подходитъ ко всѣмъ сопоставленіямъ и конструкціи этого слова.

Другое слово, служащее уже не надписью, а подписью псалмовъ, и про которое всѣ безъ исключенія того мнѣнія, что оно имѣетъ музыкальное значеніе, это «*Селахъ*». Новые евреи переводятъ его словомъ «хвала».—Михаэлисъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ переводамъ псалмовъ, (стр. 3, 1795 года), говоритъ, что это вовсе не еврейское слово; онъ полагаетъ, что евреи взяли, какъ сокращеніе трехъ намъ неизвѣстныхъ словъ, ихъ три начальныя буквы: С, Л и Х. Эти буквы, говоритъ онъ дальше, евреи стали читать вмѣстѣ, что̀ они дѣлали и при многихъ дру-

тихъ обстоятельствахъ, придали имъ гласныя и стали выговаривать «селахъ». О значеніи этого слова Михаэлисъ ничего не говоритъ и замѣчаетъ только, что всѣ объясненія по этому поводу онъ считаетъ невѣрными.

Чтобы дать возможность имѣть собственное понятіе и сужденіе, приводимъ здѣсь нѣсколько самыхъ разнообразныхъ мнѣній изъ тѣхъ многихъ, которыя по этому предмету существуютъ. Одни сравниваютъ слово это съ латинскимъ «Euouae», взятомъ изъ римской церкви. Слово это составилось изъ двухъ слѣдующихъ — s*Ec*U*l*O*r*U*m* *Am*E*n*. Это же и мнѣніе Михаэлиса, о которомъ мы говорили раньше. — Другіе говорятъ, что это—нотабене, которое обращаетъ вниманіе поющихъ на то, что въ этомъ мѣстѣ должна произойти какая либо перемѣна.—Третьи видятъ въ немъ безсмысленное, ничего не значущее слово, служащее только для пополненія ритма.—Четвертые хотятъ, чтобы это была музыкальная пауза.—Пятые находятъ въ этомъ словѣ воззваніе къ большей религіозной сосредоточенности.—Шестые—одно только возвышеніе или усиливанье голоса.—Седьмые предполагаютъ, что это слово обозначаетъ перемѣну вокальной музыки на инструментальную и обратно.—Восьмые говорятъ, что оно служитъ для указанія тѣхъ мѣстъ, которыя для усиленія экспрессіи должны повторяться.—Девятые думаютъ, что это Da capo.—Наконецъ еще цѣлая масса такихъ, которые того мнѣнія, что слово это не имѣетъ ровно никакого значенія, а если и имѣетъ, то весьма малое и, во всякомъ случаѣ, до смысла его доискаться невозможно.

Всѣ эти мнѣнія, повидимому, очень далеки отъ истины, такъ какъ слово. «Селахъ», встрѣчается гораздо чаще въ такихъ мѣстахъ, куда ни одно изъ вышеприведенныхъ объясненій не подходитъ. На основаніи этого, съ немногими другими думаетъ и Гердеръ (Von Geist der hebräischen Poesie, S. 376), что слово это обозначало не паузу, не повтореніе или что нибудь въ этомъ родѣ, а должно было служить знакомъ для *перемѣны рода тона*, которая выражалась меньшею или большею силою звука или переходомъ въ другой ритмъ. Дальше Гердеръ говоритъ, что слово *селахъ* чаще всего встрѣчается въ псалмахъ аффектныхъ; естественно, что съ перемѣною аффекта должна перемѣниться и мелодія, ихъ иллюстрирующая, а такъ какъ записывать эти мелодіи тогда не умѣли, то въ мѣстахъ, требующихъ такихъ перемѣнъ, ставили слово *селахъ*, какъ условный знакъ. Если слово селахъ помѣщено при концѣ пѣнія, то это показываетъ, что къ тому псалму нужно присоединить еще и слѣдующій. Вообще, давно уже замѣчено и доказано, что евреи очень любили дѣлать разныя переплете-

нія и соединенія нѣсколькихъ псалмовъ при пѣніи. Греки, которые гораздо моложе евреевъ, переводили слово „селахъ“ „δια ψαλμα“ (діа псальма) посредствомъ μελωδιας εναλλαγη (мелодіасъ эналлаге)—concentus mutatio (перемѣна созвучія), потому что въ своей музыкѣ они имѣли уже нѣчто, соотвѣтствовавшее этому понятію, но греки сдѣлали то же самое, что дѣлаютъ почти всѣ переводчики библейскихъ книгъ, т. е. привычки и обычаи своего народа нашли въ словахъ такого народа, который ихъ или вовсе не имѣлъ, или, если и имѣлъ, то совсѣмъ въ другомъ родѣ. Всего вѣроятнѣе, что греки ошибаются, думая о еврейской музыкѣ лучше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; весьма было бы странно, если бы евреи обладали въ своей музыкѣ concentus mutatio, такою настоящею модуляціей тоновъ. Такимъ образомъ позднѣйшее мнѣніе стоитъ за то, что *селахъ*—это перемѣна ритма и тембра звука, или, еще проще, повтореніе той же мелодіи, выше или ниже на нѣсколько тоновъ.

Въ сущности все-таки, сколько бы мы ни старались, ничего опредѣленнаго и вполнѣ уясненнаго мы здѣсь добиться не можемъ, потому что, какъ говоритъ Гердеръ, хотя мы и имѣемъ слова псалмовъ и понимаемъ выраженія ихъ, но все-таки живой духъ, заключающійся въ нихъ и зависящій отъ мѣстныхъ условій, какими можно считать произношеніе и тогдашній способъ пѣнія, далекъ отъ насъ и мы его воскресить не можемъ.

Въ книгѣ „Essai sur la musique ancienne et moderne, томъ I, стр. 206“ авторъ ея составилъ себѣ такое интересное понятіе о „селахъ“ и такъ твердо убѣжденъ въ правотѣ своего взгляда, что слова его, относящіяся къ этому предмету, заслуживаютъ быть приведенными. Вотъ въ переводѣ его слова:

„Давидъ изобрѣлъ манеру выдерживать звуки; это то—что по еврейски называется *Селахъ*, по итальянски „smorzando“ (угасающе). Благоговѣніе евреевъ увеличивалось при приближеніи „Селаха“, пѣвцы соединяли свои голоса, согласовали ихъ какъ только могли лучше, исполняя такимъ образомъ, чтобы проникать въ сердца и очаровывать слухъ; они усиливали звуки и уменьшали ихъ потомъ постепенно. За этой выдержкой звука слѣдовала пауза. Пророкъ Аввакумъ, тронутый чудеснымъ дѣйствіемъ, которое производилъ „Селахъ“, захотѣлъ украсить имъ свои произведенія—„Селахъ“ находится много разъ употребленнымъ въ его пѣснопѣніяхъ“.

Само собою разумѣется, что это мнѣніе голословно и не имѣетъ ничего въ свою защиту, такъ какъ совершенно невозможно допустить, чтобы древ

ніе евреи владѣли такою тонкою, артистическою нюансировкой, которая бы могла производить сильное, захватывающее впечатлѣніе на слушающихъ.

Между надписями псалмовъ есть еще одно слово, по поводу котораго много говорили и писали. Слово это — „Ламнатцеахъ" למנצח. Въ еврейскомъ подлинникѣ библіи оно стоитъ почти надъ всѣми псалмами, въ переводахъ же его употребляютъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ переводахъ слово „Ламнатцеахъ" замѣнено надписью „для конца", въ другихъ „для хвалы", въ третьихъ „тому, кто побѣждаетъ", въ четвертыхъ „побѣдный гимнъ", въ пятыхъ „побѣдителю" и т. д., и т. д. Въ нѣмецкихъ переводахъ это слово тщательно обходится и замѣняется такими выраженіями: zum Vorsingen (къ пѣнію) или zum Spielen (для игры). Всѣ эти переводы или, лучше сказать, произвольныя замѣны одного слова другимъ, ошибочны и не выдерживаютъ критики. Въ Септуагинтѣ, въ Вульгатѣ, у эфіоповъ, арабовъ и армянъ, это слово переведено „ad finem" и, относительно, этотъ переводъ ближе всего къ истинѣ, хотя тоже не совсѣмъ вѣренъ; они берутъ для перевода слово *lanetzach*. Lanetzach — значитъ „для вѣчности" или „на всегда", но *lamnatzeach*, съ буквою нэмъ מ означаетъ нѣчто совсѣмъ другое. Корень *natzach* נצח, откуда происходитъ слово *lamnatzeach*, означаетъ между прочимъ—имѣть надзоръ за работами, управлять работниками, вести группу пѣвцовъ или пѣвицъ, инструменталистовъ или инструменталистокъ, быть корифеемъ, шефомъ, поддержкою хора музыки. Слѣдовательно, переводя буквально, ламнатцеахъ значитъ „начальнику хора" (praefecto musices al maestro di capella). Кальметъ, написавшій диссертацію по поводу происхожденія этого слова, точно такого же о немъ мнѣнія. Такъ какъ всѣ пѣвцы и инструменталисты раздѣлялись на извѣстныя отдѣленія, и каждое отдѣленіе имѣло своего начальника и должно было совершать свою службу подъ руководствомъ и присмотромъ этого начальника, то ясно видно, что словомъ ламнатцеахъ обозначался всегда тотъ начальникъ, отдѣленіе котораго должно было исполнить вокально или инструментально данный псаломъ.

Пфейфферъ (О музыкѣ древнихъ евреевъ, стр. 8) говоритъ, что, по его мнѣнію, „ламнетцеахъ" значитъ „осилить", отсюда существительное „осилитель", т. е. говоря современнымъ языкомъ „виртуозъ". Вслѣдствіе этого, переводъ надписи, напримѣръ, псалма LXI, не будетъ уже: „псаломъ Давида, играть на струнномъ орудіи", а вѣрнѣе слѣдуетъ читать такъ: „Псаломъ Давида, начальнику хора, первому виртуозу на негинотѣ" (струнныхъ инструментахъ). Это обозначало бы, что псаломъ, о которомъ идетъ

рѣчь, передавался начальнику хора негинотистовъ, чтобы подъ его присмотромъ они могли его разучить *.

III.

Краткій историческій обзоръ музыкальныхъ событій. Отъ сотворенія міра до эпохи судей.

Родоначальникомъ еврейскаго народа скорѣе всего слѣдуетъ считать Авраама. Такъ какъ вѣрное лѣтосчисленіе евреевъ начинается именно съ его рожденія, то, собственно говоря, слѣдовало-бы и всякія историческія описанія этого народа начинать тоже отъ этого времени. Но Моисей, начавъ исторію отъ сотворенія міра и Адама, такъ тѣсно соединилъ ее съ исторіей народа Господня, что всѣ мы привыкли искать начало развитія еврейскаго искусства далеко раньше Авраамовой эпохи. Пфейферъ (О муз. евр., IV) говоритъ, что инструменты, введенные Іуваломъ еще до потопа, остались въ употребленіи и послѣ потопа, по крайней мѣрѣ имена ихъ до сихъ поръ извѣстны и упоминаются въ книгахъ позднѣйшаго времени. Шиллингъ тоже подаетъ свое мнѣніе въ пользу того, что со всемірнымъ потопомъ музыка не исчезла. Въ I-й книгѣ Моисея, гл. XXXI, ст. 26 и 27, говорится слѣдующее: «И сказалъ Лаванъ Іакову: что ты сдѣлалъ? Для чего ты обманулъ меня и увелъ дочерей моихъ, какъ плѣненныхъ оружіемъ? Зачѣмъ ты убѣжалъ тайно и укрылся отъ меня и не сказалъ мнѣ? Я отпустилъ-бы тебя съ веселіемъ и пѣснями, съ тимпанами и гуслями».—Эти слова Лавана доказываютъ, что спустя 600 лѣтъ послѣ потопа существовали гусли и тимпаны, а это уже признакъ такого музыкальнаго развитія, котораго невозможно-бы было достигнуть въ шестисотлѣтній промежутокъ времени, если-бы послѣ потопа пришлось музыку изобрѣтать вновь. Теперь вопросъ—какимъ образомъ существовавшая уже музыка и разъ изобрѣтенные инструменты могли сохраниться во время потопа? Объ этомъ трактуется у нѣсколькихъ писателей чрезвычайно странно и различно. Флавій Іосифъ (Ant. Jud. lib. I, cap. II, pag. 2)

* Sic intitulis Psalmorum concinna interpretatione vox accipitur pro Moderatore chori musici inter Levitas, qui reliquis prallerat, praecinebat, et ἑύνο δ ὠπτης erat, (Mich. Praetorii Syntagm. mus. Tom. I. pag. 103). Такъ до начала псалмовъ, между перерывомъ въ пѣніи, хоръ начиналъ отъ управляющаго музыкальнымъ хоромъ изъ левитовъ, который запѣвалъ остальнымъ и назывался запѣвалою — капельмейстеромъ.

разсказываетъ по этому поводу слѣдующее: Адамъ, пророчествуя, сказалъ, что надъ людьми произойдетъ судъ Божій и что все существующее на землѣ уничтожится или огнемъ или водою; вотъ вслѣдствіе этого-то пророчества были сдѣланы два столба, одинъ изъ мрамора, другой изъ жженыхъ камней (кирпичей), съ цѣлью написать на нихъ изображенія всѣхъ предметовъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ до потопа, чтобы такимъ способомъ сохранить ихъ отъ погибели. Мраморный столбъ люди намѣревались противопоставить дѣйствію воды, кирпичный же долженъ былъ выдержать огонь истребленія. По свидѣтельству того же писателя, Флавія Іосифа, въ его время мраморный столбъ существовалъ еще и находился въ Сиріи *. Тѣ изъ историковъ, которые считаютъ всѣ инструменты изобрѣтенными Іувалемъ, выразили мнѣніе, что столбы эти были сооружены исключительно для сохраненія Іуваловыхъ изобрѣтеній **; къ числу такихъ писателей можно отнести Гервазіуса Тильберіензиса, жившаго въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, и Адама де Фульда, музыкальнаго ученаго XV столѣтія (Въ Gerberti ecclesiast. de musica, томъ III, стр. 340), которые это предположеніе считали положительно вѣрнымъ. Самъ Іосифъ Флавій не говоритъ ничего касательно музыкальнаго примѣненія этихъ столбовъ; онъ

* Otia imperialia in Leibnitz SS. rer Brunsuic. V. I, cap. XX, pag. 899, de inventione musicae et multorum artificiorum: „et nomen ejus fratris Jubal qui fuit pater cantantium in cithara et organo, non quod instrumenta ista inveneriit, quae longe post inventa fuerunt; sed inventor fuit Musicae, hoc est, consonantiarum, ut labor pastoralis quasi in delicias verteretur. Et quia audierat Adam prophetasse de duobus judiciis, neperiret ars inventa, scripsit eandem in duabus columnis, in qualibet totam: una marmorea, altera laterictia et una non diluereturdiluvio, altera non periret incendia. Marmoream narrat Josephus adhuc esse in terra syrica“.—Т. е., „Братъ его назывался Іувалемъ и былъ отцомъ всѣхъ играющихъ на китарѣ и органѣ; не потому, чтобы онъ изобрѣлъ эти инструменты, которые были изобрѣтены гораздо позже, но потому, что онъ былъ изобрѣтателемъ музыки, т. е., созвучій, такъ что пастушескій трудъ превратился какъ бы въ услажденіе. А такъ какъ онъ узналъ, что Адамъ предсказалъ въ пророчествахъ о двухъ судьбищахъ, то, чтобы изобрѣтенное искусство не погибло, онъ написалъ его на двухъ колоннахъ, на каждой все искусство: одна колонна была мраморная, другая кирпичная, чтобы первая не была размыта потопомъ, а вторая чтобы не погибла отъ пожара. Іосифъ разсказываетъ, что мраморная доселѣ сохранилась въ Сирійской землѣ“.

** См. Reimanni Histor. antediluv. Sect. I. c. XLIII, pag. 41.—Fuit nonnulorum persuasio celebratas illas antediluvianas columnas ad musicam pertimisse.—Т. е., нѣкоторые были убѣждены, что эти праздничныя допотопныя колонны предназначались для музыки.

говоритъ вообще объ изобрѣтеніяхъ древняго міра и прибавляетъ тутъ-же, что на столбахъ могли быть записаны астрономическія свѣдѣнія допотопныхъ праотцевъ. Весьма возможно, что это сообщеніе Іосифа было невѣрно понято или просто само по себѣ было ошибкою, но дѣло въ томъ, что его нельзя иначе принять какъ за выдумку, приблизительно въ такомъ же родѣ какъ та, которую оставилъ одинъ писатель среднихъ вѣковъ, именно, что Авраамъ очень хорошо преподавалъ четыре искусства: ариѳметику, геометрію, музыку и астрономію *. Шиллингъ же совершенно отвергаетъ существованіе этихъ двухъ колоннъ и извѣстіе о нихъ относитъ къ области фантазіи и сказокъ.

Приведенныя раньше слова Лавана изъ I кн. Моисея, гл. XXXI, доказываютъ еще и то, что изъ трехъ существующихъ родовъ музыкальныхъ инструментовъ, т. е., струнныхъ, духовыхъ и ударныхъ, два рода были уже изобрѣтены **. Одно мѣсто изъ книги Іова упоминаетъ уже всѣ три рода инструментовъ, струнную—цитару, бубны—адуфу и духовую—свирѣль (гл. XXI, ст. 12). Эти немногія свѣдѣнія, взятыя вмѣстѣ, доказываютъ, что какъ въ Сиріи, гдѣ жилъ Лаванъ, такъ и въ Аравіи, мѣстѣ жительства Іова, т. е., въ странахъ населенныхъ по большей части израильтянами, всѣ роды музыкальныхъ инструментовъ въ этотъ ранній періодъ были болѣе или менѣе извѣстны и общеупотребительны.

Авторы всеобщей исторіи (Allgemeine Welthistorie der älteren Zeit. Band III, §§ 236, S. 215) много говорятъ о совершенствѣ музыки этихъ раннихъ вѣковъ, но изъ Св. Пис. о такомъ совершенствѣ ничего нельзя заключить. О музыкѣ въ промежуткѣ времени между Іувалемъ и Моисеемъ они говорятъ: «нѣтъ ничего удивительнаго, что музыка могла достигнуть такого совершенства и что она должна была быть далеко трогательнѣе, чѣмъ все то, что мы теперь знаемъ». Одинъ изъ болѣе новыхъ писателей, Saverio Mattei, рьяный поклонникъ воображаемыхъ красотъ древне-еврейской музыки, дошелъ даже до того, что всѣхъ несогласныхъ съ его мнѣніемъ поголовно называетъ обманщиками. Но Пфейферъ (О муз. др. евр. стр., 4) говоритъ, что заключеніе этихъ госмодъ прямо противорѣчитъ всѣмъ свидѣтельствамъ, которыя мы можемъ

* Hist. Acad. Paris. pag. 110.

** Падре Мартини изъ этого мѣста заключаетъ уже о существованіи всѣхъ трехъ родовъ, и голосъ принимаетъ за духовой инструментъ: anzi penso che si possa servirci d'una nuova conferma dei tre generi d'instrumenti, da Fiato, da Cordo, e da Percussione qui sopra abbastanza indicati. Storia di Mus. I, p. 26.

привести изъ древности; мало того, оно противорѣчитъ исторіи умственнаго развитія израильскаго народа, а также идетъ въ разрѣзъ съ его тогдашними обстоятельствами, т. е. съ обстановкою народа и характеромъ мѣстности, въ которой онъ жилъ. Со временъ же Моисея, который освободилъ израильтянъ изъ египетскаго рабства, далъ имъ законы, пѣлъ первый гимнъ единственному истинному Богу и установилъ богослуженіе въ сопровожденіи музыки, тоже нельзя предполагать ничего особеннаго ни о музыкѣ, ни о прочихъ познаніяхъ народа Господня. Моисей самъ былъ воспитанъ въ Египтѣ, слѣдовательно все, чему онъ могъ научиться, было египетскаго происхожденія. Если же предположить, что рядомъ съ другими науками и искусствами, Моисей изучилъ и египетскую музыку, какъ это утверждаетъ Филонъ*, то все-таки нельзя допустить, чтобы еврейская музыка развилась при немъ выше посредственности, потому что какъ положеніе Моисея, такъ и положеніе всего народа не благопріятствовало ея особенному культивированію, да наконецъ, и то обстоятельство, что египтяне никогда не отличались особенною музыкальностью, доказываетъ, что египетское вліяніе не могло способствовать прогрессирующему движенію музыки евреевъ. Пфейферъ даже того мнѣнія, что нельзя было и ожидать чего нибудь исключительнаго въ этомъ направленіи, такъ какъ вообще народъ израильскій въ дѣлѣ художествъ и познаній, особенно въ дѣлѣ изобрѣтеній, былъ поставленъ ниже своихъ сосѣдей, а вслѣдствіе своего послѣдующаго рабства, по всей вѣроятности, многое потерялъ изъ своего природнаго художественнаго чувства. Скитанія по пустынямъ Аравійскимъ въ продолженіи 40 лѣтъ по выходѣ изъ Египта тоже никакъ не могли благопріятствовать музамъ, значитъ всѣ увѣренія въ совершенствѣ древнееврейской музыки остаются гипотетичными. Причиною же такого высокаго мнѣнія о ней можно считать только то, что между сосѣдними древними племенами евреи были наиболѣе музыкальнымъ народомъ.

Начиная съ исторіи Іакова и Лавана вплоть до переселенія черезъ Черное море, то есть въ промежутокъ почти 248 лѣтъ, библія не

---

* Philo. Iudaeus de Mose, pag. 606. Edit. Th. Mangey. Fol. — Numerus igitur et geometriam, praeterea pedum, modorum versuum scientiam, *totamque adeo musicam instrumentorum usu*, et preceptione artium explicatione que locorum, Aegyptiorum eruditi tradiderunt.—Т. е.—И такъ числа, геометрію, затѣмъ науку о стопахъ, мелодіяхъ, ритмахъ и стихахъ, и даже всю музыку черезъ употребленіе инструментовъ, чрезъ преподаваніе искусствъ и чрезъ объясненіе мѣстъ въ книгахъ къ сему относящихся,—передали египетскіе ученые.

упоминаетъ ни объ одномъ музыкальномъ происшествіи. Далѣе — самъ Моисей даетъ намъ (кн. II, гл. XV,) свой благодарственный и хвалебный гимнъ, который онъ запѣлъ съ народомъ послѣ счастливой переправы черезъ море и совершеннаго освобожденія изъ египетской неволи. Миріамъ, сестра Моисея, взяла бубны и, по египетскому обычаю, воспѣла пѣснь свободы и хвалы Господу; всѣ женщины вышли за нею также съ бубнами и ликованіями. Этотъ древнѣйшій въ мірѣ гимнъ въ оригиналѣ далеко превосходитъ красоту его въ переводѣ и доказываетъ намъ слѣдующее. Во первыхъ, что женщины въ то время могли принимать участіе въ совершеніи публичныхъ религіозныхъ обрядовъ; во вторыхъ, что вокальная музыка сопровождалась инструментальною, а также пляскою. Первое изъ выведенныхъ слѣдствій привело многихъ въ сомнѣніе и дало поводъ думать, не было ли вообще все музыкальное дѣло сосредоточено въ рукахъ женщинъ. Нибуръ въ своемъ «Путешествіи по Аравіи и прилежащимъ странамъ», томъ II, стр. 306, заявляетъ, что на востокѣ такой обычай ведетъ свое начало изъ глубокой древности и продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Въ подтвержденіе словъ Нибура можно взять замѣтку изъ жизнеописанія Эфраима (IV столѣтія), который былъ родомъ сиріецъ и занималъ мѣсто діакона въ Эдессѣ, въ Месопотаміи; онъ говоритъ, что вмѣсто прежнихъ хоровъ онъ, Эфраимъ, ввелъ женскіе хоры изъ дѣвицъ, которыхъ онъ обучалъ пѣснямъ и одамъ, содержавшимъ въ себѣ разныя притчи и духовную мудрость. Дѣвицы собирались всѣ вмѣстѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ подъ предсѣдательствомъ самого Эфраима, который обходился съ нимъ какъ отецъ съ дѣтьми и училъ ихъ мелодіямъ и измѣненіямъ напѣвовъ. Эти же хоры, которые онъ сформировалъ и обучилъ, помогли ему обратить городъ въ христіанство и ослабить партію недоброжелателей (S. Ephraem, opera omnia, Romae. Fol. Tom VI). Эфраимъ имѣлъ сильнаго противника въ извѣстномъ еретикѣ Бардезанѣ, или, по другимъ свѣдѣніямъ, въ сынѣ его Гармоніѣ, который, благодаря своему искусству въ поэзіи, а въ особенности въ музыкѣ, пріобрѣлъ множество сторонниковъ; ему-то и противопоставилъ Эфраимъ свои женскіе хоры, чтобы скорѣе и легче добиться побѣды.

Что касается до втораго слѣдствія, т. е. употребленія инструментовъ для аккомпанимента при пѣніи, этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ, что евреи въ своихъ религіозныхъ обрядахъ переняли многое отъ египтянъ. Всѣ историки единогласно говорятъ, что привычка сопровождать свое пѣніе игрою на инструментахъ и пляскою египетскаго проис-

хожденія (Изъ этого же обыкновенія впослѣдствіи времени въ Греціи образовались знаменитые *дифирамбы*, пѣсни съ плясками въ честь Вакха).— Миріамъ, сестра Моисея, родилась въ Египтѣ и въ то время только что ушла оттуда, слѣдовательно пляска, которою она сопровождала свою хвалебную и благодарственную пѣснь и которая была усвоена евреями, какъ принадлежность религіозныхъ обрядовъ, была вынесена изъ Египта и составляла тамъ обыкновенное явленіе. — Израильтяне принудили Аарона, во время отсутствія его брата, сдѣлать имъ золотаго тельца, по образцу египетскаго Аписа, и когда Моисей сошелъ съ горы Синай, онъ нашелъ ихъ поющими и пляшущими вокругъ тельца (II кн. Моисея, гл. XXII, ст. 18, 19). Такъ какъ идолопоклонство это было заимствовано, идолъ сдѣланъ по образцу другаго народа, то нельзя сомнѣваться, что и способъ чествованія этого идола былъ заимствовано оттуда-же, изъ Египта.

Пѣніе при торжествахъ почти всегда сопровождалось пляскою, разумѣется если торжества были веселаго характера; но въ храмѣ, при служеніи истинному Богу и въ празднествахъ чисто религіозныхъ, пляска ни подъ какимъ видомъ не допускалась. Если дѣйствительно обычай сопровождать пѣніе пляскою привелъ грековъ къ ихъ дифирамбамъ, то одинъ изъ новѣйшихъ писателей совершенно вѣрно говоритъ по этому поводу, что обычай этотъ ведется отъ первобытныхъ людей и народовъ, а греками былъ только принятъ, облагороженъ и приведенъ къ систематическому порядку и правильности *. О красотѣ такого пѣнія съ пляскою въ смыслѣ хорошей музыки можно судить уже потому, что движенія и скачки пляски совершенно не способствуютъ хорошему пѣнію, а напротивъ, только мѣшаютъ ему. Вѣроятнѣе всего, что это было не пѣніе, сколько нибудь ласкающее ухо, а просто дикое выкрикиваніе, въ томъ же родѣ какъ было египетское пѣніе или какъ теперешнее у всѣхъ восточныхъ и африканскихъ народовъ **.

---

* Марпургъ. Критическое введеніе къ исторіи и правиламъ музыки древней и новой. 1763, стр. 43.

** (Нибуръ. Опис. путеш. по Аравіи).—Наши матросы знали нѣсколько эротическихъ пѣсенъ, въ которыхъ, воспѣвая своихъ возлюбленныхъ, сравнивали ихъ съ дамасскими огурцами, ихъ большіе черные глаза съ глазами газели, и т. п. Мелодія всѣхъ пѣсенъ была перемѣшана, именно, одинъ запѣвалъ извѣстный стихъ, а прочіе повторяли эти же самыя слова на ту же мелодію, только 3-мя, 4-мя и даже 5-ю тонами ниже. Продолжая пѣть такимъ способомъ, они, за неимѣніемъ подъ рукою бубновъ, чтобы выбивать тактъ, всѣ хлопали въ ладоши (точно также какъ это дѣлали древніе египтяне и израильтяне). Крики египетскихъ танцовщицъ едва-ли покажутся европейцу красивыми.

Принимая во вниманіе, что во время 150 лѣтняго пребыванія евреевъ въ Египтѣ они не были однимъ сплоченнымъ нардомъ и стали соединяться въ сильное самостоятельное царство только при Моисеѣ,—мы не будемъ удивляться, что народъ тогда не дѣлалъ никакихъ успѣховъ въ искусствахъ; онъ не имѣлъ для этого достаточно времени и благосостоянія. Уже давно извѣстно и подтверждено, что музыка новообразующагося народа служитъ ему только при богослуженіи и при войнѣ, мирное же наслажденіе музыкой, которое наиболѣе способствуетъ къ ея обработкѣ, ему еще не доступно. Люди должны сперва завоевать и укрѣпить себѣ мѣстожительство, которое могло бы дать имъ безопасность и спокойствіе, и тогда только они могутъ съ относительнымъ удобствомъ избрать себѣ занятіе сообразно своимъ вкусамъ и способностямъ. Раньше этого народъ употребляетъ музыку для воодушевленія при битвахъ, для регулированія работъ при постройкахъ и для выраженія благодарности Богу за побѣды надъ врагами и за всѣ милости его. Выработывая себѣ независимое политическое положеніе, израильтяне находились въ такомъ состояніи именно при Моисеѣ; вслѣдствіе чего у Моисея упоминаются только такіе инструменты, которые могутъ служить для той или другой изъ вышеприведенныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употребленіи у израильскаго народа въ періодъ правленія Моисея и Іисуса Навина, труба имѣла наиболѣе разнообразное примѣненіе. Значеніе ея въ музыкальномъ отношеніи не имѣло особой важности, за то, какъ сигнальный инструментъ, она была чрезвычайно распространена и у евреевъ и у египтянъ. Въ III книгѣ Моисея, глава XXV, стихъ 9, упоминается труба, которая служитъ для созыванія всего народа на торжество; тамъ же обозначены дни, когда именно и какъ слѣдуетъ «вострубить». Въ книгѣ Чиселъ, глава X, говорится: «сдѣлай себѣ двѣ серебряныя трубы, чеканныя сдѣлай ихъ, чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества и для снятія становъ. Когда затрубятъ въ нихъ, соберется къ тебѣ все общество ко входу скиніи собранія. Когда въ одну трубу затрубятъ, соберутся къ тебѣ князья и тысяченачальники Израилевы». Далѣе, въ нѣсколькихъ слѣдующихъ стихахъ этой же главы, весьма точно описываются всѣ сигналы, даваемые обѣими трубами.

Достовѣрно извѣстно, что израильтяне различали два способа игры на этихъ трубахъ и называли одинъ изъ нихъ *хорошею* игрою, другой—*нехорошею*. Въ чемъ заключалась разница между этими двумя способами

исполненія—опредѣлить трудно, но, по всей вѣроятности, дѣло состояло въ слѣдующемъ: въ случаѣ худой игры, трубы исполняли службу нашихъ колоколовъ, изъ нихъ извлекали одиночные звуки, безъ всякой мелодіи и какого либо музыкальнаго смысла,—между тѣмъ какъ въ другомъ случаѣ, при хорошей игрѣ, соблюдалась извѣстная связь между тонами, игрались условныя мелодіи, которыя исполнялись всегда при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что выраженіе *играть порядочно* указываетъ на необходимое при этомъ присутствіе нѣкотораго мотива, хотя бы онъ былъ самымъ микроскопическимъ по продолжительности и по числу употребленныхъ тоновъ.

Моисей установилъ особый трубный праздникъ, въ которомъ звуки трубъ были необходимымъ условіемъ (IV кн. Моисея, глава XXIX. Сравн. Die allgemeine Welthistorie. Band II. Seite 30).

Существовалъ и другой родъ трубъ, но совершенно иного вида и достоинства. Дѣлались они изъ бараньяго рога и отличались очень рѣзкими и сильными звуками; эти трубы слѣдуетъ считать болѣе военнымъ инструментомъ, чѣмъ музыкальнымъ, потому что игрою на нихъ не старались доставить наслажденія слушающимъ, а, напротивъ, имѣли исключительною цѣлью—ужаснымъ шумомъ и грохотомъ этой трубы испугать на войнѣ непріятеля и отнять у него отвагу для продолженія битвы. Говорятъ, что при разрушеніи Іерихона, важную роль играли громовые звуки такихъ трубъ (книга Іисуса Навина, глава VI, ст. 4). По мнѣнію фанъ-Тилля *, эти трубы или, вѣрнѣе сказать, рога употреблялись и при богослуженіи, но не для музыки, а для созыванія народа.

М. Лабунская.

(Продолженіе будетъ).

---

*, Dicht, - Sing - und Spielkunst der Alten und insbesondere der Hebräer. 1692, Seite 438.

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ІЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(*Продолженіе*).

XII.

Голосъ изъ бездны.

Въ Іерусалимѣ только что распространился слухъ о томъ, что Титъ посылаетъ осажденнымъ предложенія мира. Волненіе было неописанное. Улицы и площади, переполненныя народомъ, походили на муравьиныя кучи. Женщины, дѣти, старики повыползли изъ домовъ и изъ палатокъ, съ печатью нужды и лишеній на лицѣ, блѣдные, изнуренные, исхудалые, завернутые въ свои жалкіе плащи, точно въ саваны. При видѣ ихъ можно было бы подумать, что проходитъ цѣлая процессія призраковъ, вызванныхъ вдругъ какимъ-то волшебствомъ изъ своихъ могилъ.

Процессію эту по временамъ вдругъ перерѣзывали въ ея мрачномъ и торжественномъ шествіи отряды вооруженныхъ людей, отправлявшіеся на укрѣпленія. И на лицахъ этихъ людей ясно можно было прочесть слѣды тѣхъ бѣдствій и лишеній, которыя имъ пришлось вынести.

Даже саддукеи и фарисеи, не смотря на свое богатство, скорѣе влачили ноги, чѣмъ шли. Только на лицахъ ихъ можно было замѣтить лучъ надежды: они утѣшали себя тѣмъ,

---

* См. „Восходъ“, кн. 7.

что безумію долженъ же когда нибудь наступить конецъ и что счастливые дни, дни роскошныхъ пировъ и крупныхъ приношеній, не замедлятъ возвратиться.

Имя Іосифа Флавія было на всѣхъ устахъ: одни произносили его съ любовью, другіе — съ ненавистью и ужасомъ. Извѣстно было, что именно онъ принесъ съ собою мирныя предложенія Тита.

На укрѣпленіяхъ, со стороны храма, образовались многочисленныя группы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили оживленные споры. „*Кенаимы*“ и „*Кострузимы*“ обмѣнивались свирѣпыми взглядами. „*Соферимы*“ замѣтно пріободрились и смѣло смотрѣли въ глаза „Кенаимамъ“, передъ которыми они дрожали еще наканунѣ.

Друзья первосвященника Ананіи были особенно многочисленны и выступали особенно смѣло. Они не сомнѣвались въ успѣхѣ попытки Флавія, въ полной увѣренности, что толпа не устоитъ противъ его краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что она была уже поколеблена вынесенными страданіями и перспективой тѣхъ, которыя еще ожидали ее. Они разсчитывали также и на то, что могущественными союзниками оратора явятся плачъ дѣтей, стоны женщинъ, колебанія умѣренной фракціи совѣта, давно уже отчаявшейся въ возможности сопротивленія, и которую малѣйшій толчокъ могъ заставить отдѣлиться отъ партіи „непримиримыхъ“.

— Ананія сегодня же вечеромъ будетъ выпущенъ изъ темницы,—говорили они;—умѣренные члены совѣта воспротивились приведенію въ исполненіе приговора, въ силу котораго онъ долженъ быть побитъ каменьями, утверждая не безъ основанія, что нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ его виновности. День избавленія близокъ.

Они и не подозрѣвали того, что гибель ихъ друга явится именно результатомъ того, въ чемъ они видѣли спасеніе его.

Въ одной изъ самыхъ возбужденныхъ группъ, входившія въ составъ которой лица оставались, однако, неподвижными, растянувшись на ступенькахъ перваго крыльца храма, можно было замѣтить, между прочимъ, нѣсколькихъ лицъ, съ ко-

торыми мы имѣли уже случай познакомиться, между прочимъ сына Елизаветы, Катласа, того самаго, который, какъ мы уже видѣли, первый произнесъ въ разговорѣ съ Силасомъ, въ день прибытія Бенъ-Адира въ Іерусалимъ, слово «измѣна» по отношенію къ Елеазару.

У ногъ его лежали жена и ребенокъ его, оба блѣдные, исхудалые, изнуренные. Отъ времени до времени онъ бросалъ на нихъ взглядъ, въ одно и то же время нѣжный и мрачный. Другія женщины, лежавшія подобно женѣ Катласа на мраморныхъ ступенькахъ храма, представляли собою ту же мрачную картину. Но изъ устъ ихъ не раздавалось ни малѣйшей жалобы. Дѣти устремляли на матерей своихъ тупые, удивленные взоры, но не плакали. Матери отворачивались отъ нихъ, опасаясь, какъ бы ихъ, блестѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, глаза не выразили всей ихъ горести и какъ бы это проявленіе слабости не ослабило мужества отцовъ этихъ дѣтей. Все это было ужасно, и въ то же время прекрасно.

Эта группа узнала черезъ Катласа о важной новости, волновавшей городъ; тотъ, въ свою очередь, узналъ о ней отъ своей матери. Но среди этой группы новость эта произвела совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ среди фарисеевъ и садукеевъ. Слова «перебѣжчикъ», «измѣнникъ», «отступникъ» переходили здѣсь изъ устъ въ уста, какъ круговая чаша, къ которой каждый прикладывается губами. Даже женщины съ бѣшенствомъ пили изъ этой чаши. Дѣти повторяли слово «измѣнникъ», сами не понимая хорошенько значеніе его; но ихъ маленькія, посинѣвшія губы все же лепетали эти слова.

— Хорошаго же уполномоченнаго выбралъ себѣ Титъ,— сказала какая-то женщина, только что присоединившаяся къ группѣ.—Кто же это внушилъ ему такую прекрасную мысль?— прибавила она, обращаясь къ Катласу.

Катласъ, ничего не отвѣчая, взглянулъ на молодую женщину, облеченную въ траурную одежду.

— А гдѣ же твой мужъ? — спросилъ онъ ее.

— Мой мужъ?—отвѣтила она, взглянувъ на него уди-

вленнымъ взоромъ.—Развѣ ты не знаешь? Да вѣдь его сожгли четыре дня тому назадъ, вмѣстѣ съ Карторомъ.

— Столько народу умираетъ ежедневно,—спокойно отвѣтилъ Катласъ,—что и не успѣваешь сосчитать. Но какимъ же образомъ это случилось? Извѣстны-ли тебѣ какія-нибудь подробности? Разскажи-ка: вѣдь все это — новая пища для костра нашей ненависти. Правда, впрочемъ, и то, что мы и не особенно нуждаемся въ ней. Но вотъ къ намъ приближается „стрѣлецъ“. Онъ намъ, безъ сомнѣнія, разскажетъ все, что мы желаемъ знать.

Дѣйствительно къ группѣ приближался какой-то человѣкъ, котораго Катласъ назвалъ „стрѣльцомъ“. Онъ былъ худъ, какъ какой-нибудь аскетъ, и блѣдность его щекъ бросалась всѣмъ въ глаза. Можно было подумать, что видишь передъ собою неосязаемаго духа, какую-то тѣнь. Во всей его фигурѣ живаго только и было, что пара большихъ, сѣрыхъ глазъ, которые блестѣли необыкновеннымъ блескомъ; въ нихъ сосредоточился весь жаръ его души, въ нихъ горѣлъ яркій огонь патріотизма. Онъ сохранилъ даже извѣстную долю веселости: не то, чтобы душа его не была глубоко опечалена, но онъ не желалъ проявлять своихъ страданій; онъ зналъ, что въ этомъ заключается первая обязанность предводителей. Только теперь веселость его, болѣе чѣмъ когда-либо, приняла форму и выраженіе сарказма и иронiи.

— А произошла презабавная исторія, — сказалъ онъ, отвѣчая на вопросъ Катласа. — Титъ аттаковалъ одну изъ башенъ второй ограды, ту, которая выходитъ на сѣверъ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ направить на эту башню стѣнобитное орудіе и приказалъ стрѣлкамъ и пращникамъ поддерживать эту аттаку, такъ что намъ пришлось покинуть башню. Въ ней остались только Карторъ и еще десять человѣкъ. Карторъ — человѣкъ храбрый и искусный,—или, увы! вѣрнѣе сказать, былъ человѣкъ храбрый и искусный, ибо его уже нѣтъ въ живыхъ. Но не въ томъ дѣло! Карторъ легъ съ своими товарищами на землю, прикрывшись своими плащами, и въ такомъ положеніи они пролежали

нѣсколько минутъ, безмолвные и неподвижные. Затѣмъ, когда они почувствовали, что вся башня задрожала и затрепетала, подобно тому, какъ смертельно раненая стрѣлой птица нѣсколько времени бьется на воздухѣ, прежде чѣмъ упасть на землю, Карторъ, преслѣдуя свою идею, протянулъ Титу руку, умоляя его жалобнымъ голосомъ простить его. Римлянинъ попался въ ловушку; онъ очень легковѣренъ, этотъ любовникъ Береники! Вѣдь принялъ же онъ ее за непорочную дѣвственницу, за какую-то дочь Евая! И такъ, онъ вообразилъ себѣ, будто Карторъ взаправду хочетъ сдаться, и это уже просто допотопная наивность, — будто мы раскаиваемся и будто Карторъ является выразителемъ нашихъ чувствъ. И вотъ онъ приказываетъ перестать громить башню, и велитъ своимъ стрѣлкамъ прекратить стрѣльбу по Картору и по друзьямъ его. Наконецъ, онъ приказалъ спросить ихъ, чего имъ нужно. — „Мы желаемъ мира“,—произнесъ Карторъ, съ кротостью ягненка.— „Хорошо,—отвѣтилъ Титъ. — Я вижу, что ты—человѣкъ благоразумный. Ну, а что, другіе-то, одушевлены-ли они тѣми же чувствами?“

Пятеро изъ нихъ отвѣчаютъ «да», пятеро—«нѣтъ» (все это было условлено заранѣе). Начинаются длинныя разсужденія, во время которыхъ Карторъ успѣлъ подать Симону сигналъ, что онъ занимаетъ Тита и чтобы тотъ постарался извлечь изъ этого пользу. Между тѣмъ друзья наши продолжаютъ притворно спорить, горячатся, отъ словъ переходятъ къ дѣлу, вынимаютъ мечи, наносятъ другъ другу удары, — понятно, стараясь не причинить ими никакого вреда,—и наконецъ нѣкоторые изъ нихъ падаютъ на землю, какъ будто они были взаправду убиты и ранены.

Все это происходило въ башнѣ. Титъ, видѣвшій все это лишь снизу и издалека, былъ вполнѣ введенъ въ заблужденіе этой хитростью. Одно случайное обстоятельство еще болѣе усилило въ немъ это заблужденіе. Картору попадаетъ въ лицо какая-то шальная стрѣла, пущенная изъ римскаго лагеря; онъ вытаскиваетъ ее изъ раны, показываетъ ее Титу, жалуясь на вѣроломство, недостойное его велико-

душія. Задѣтый за живое этимъ упрекомъ, который онъ признаетъ вполнѣ справедливымъ, Титъ приглашаетъ Флавія, стоявшаго возлѣ него, отправиться въ башню и подать Картору руку, въ знакъ вѣрности его своему слову. Іосифъ — продувной мошенникъ; но тотъ, кто вздумалъ бы сравнить его съ Валаамовой ослицей, жестоко ошибся бы. Онъ сразу пронюхалъ ловушку и отказался исполнить возлагаемое на него порученіе, и даже сталъ отговаривать другихъ исполнить его. Только Эней, одинъ изъ тѣхъ жалкихъ филистимлянъ, которые продались римлянамъ, готовъ рискнуть на это предпріятіе, такъ какъ онъ увидѣлъ въ рукахъ у Картора кошелекъ и слышалъ, какъ тотъ сулилъ ему большія деньги; это привлекаетъ его, но какъ только онъ приблизился на разстояніе выстрѣла, онъ получаетъ стрѣлу вмѣсто ожидаемаго имъ золота. Завѣса спала, наконецъ, съ глазъ Тита, который приходитъ въ негодованіе, захлебывается отъ злости и приказываетъ, чтобы снова было пущено въ ходъ стѣнобитное орудіе, и притомъ съ большею силой, чѣмъ прежде.

Башня угрожала ежеминутнымъ разрушеніемъ; приходилось выбираться изъ нея. Но Карторъ, прежде чѣмъ покинуть ее, поджегъ ее, и, вмѣстѣ съ своими товарищами, пробрался подъ своды нижняго этажа. Римляне вообразили, что они рѣшились сгорѣть живьемъ и ужасаются ихъ мужеству; но весь этотъ эпизодъ далъ Симону время подготовить важныя движенія. Въ этой-то сумятицѣ и былъ сожженъ Алія (такъ звали мужа молодой женщины). Увы! всѣ мы тамъ будемъ!

Тонъ, которымъ все это было разсказано, составлялъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ фактомъ, который онъ разсказалъ, и съ видомъ ужасныхъ страданій, которыя его окружали. А между тѣмъ улыбка появилась на устахъ даже самихъ женщинъ; всѣ до того свыклись съ мыслью о смерти, что образъ ея пугалъ жителей Іерусалима не болѣе, чѣмъ отраженіе птицы, пролетавшей черезъ Генесаретское озеро; но улыбка эта, появляясь на устахъ живыхъ скелетовъ, представляла собою нѣчто ужасное.

Группа мало по малу увеличилась; стрѣлка забрасывали вопросами.

— Значитъ вѣрно, что Іосифъ Флавій долженъ прибыть къ намъ съ оливковою вѣтвью?—спрашивалъ одинъ.

— А имѣетъ ли онъ при себѣ видъ на свободный проѣздъ?—замѣчалъ другой мрачнымъ тономъ, натягивая свой лукъ.

— Дѣйствительно-ли сегодня онъ намъ покажетъ свою отступническую рожу?—прибавлялъ третій.

Стрѣлокъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы съ свойственными ему любезностью и кротостью во взорѣ.

— Да, клянусь Юпитеромъ, — какъ говорятъ тѣ проклятые филистимляне, среди которыхъ онъ живетъ,—мы будемъ имѣть великое удовольствіе видѣть размалеванную рожу и услышать медовый голосъ этого извѣстнаго торгаша словами, который воображаетъ себя вдохновеннымъ, какъ Іеремія, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ жретъ изъ яслей римлянъ, глаза его превратились въ два источника слезъ, болѣе неизсякаемые, чѣмъ Силоамская купель, столь обильная въ нынѣшнемъ году, и болѣе жалобные, чѣмъ лѣса Ѳавора, колеблемые шквалами, приносящимися съ Тирскаго моря.

— А извѣстно-ли, что̀ отвѣтилъ Титъ на его предложенія?—спросилъ какой-то раненый, влачившій свою искалѣченную ногу.

— Онъ просто потребовалъ, чтобы мы оказались героями,—отвѣтилъ стрѣлокъ.—Онъ вообразилъ себѣ, послѣ взятія второй ограды и новаго города, что мы тотчасъ же сдадимся ему безусловно. Когда мы показали ему, изгнавъ его изъ завоеванной уже имъ части новаго города, что онъ принялъ кипарисы Мертваго моря за іерихонскія розы, онъ рѣшилъ, что нужно попробовать одолѣть насъ инымъ, болѣе дешевымъ способомъ.

— А какимъ же образомъ удалось вытѣснить его изъ второй ограды и изъ новаго города?—спросилъ калѣка.

— Неужели ты этого не знаешь?

— Нѣтъ, я лежалъ въ это время въ палаткѣ моей, такъ какъ не могъ пошевельнуться вслѣдствіе моей раны.

— Ну, такъ я разскажу тебѣ это, но въ самыхъ краткихъ словахъ. Титъ, замѣтивъ, что, вслѣдствіе обрушенія подожженной башни, въ стѣнѣ образовалась довольно большая брешь, собралъ до двухъ тысячъ отборнаго войска и направилъ ихъ въ тѣсныя улицы новаго города, населенныя суконщиками, торговцами желѣзомъ, мѣдниками и лоскутниками. Онъ не ожидалъ встрѣтить ни малѣйшаго сопротивленія и шутя говорилъ, что аршины—не мечи, котлы—не пращи, и тысячи другихъ подобныхъ глупостей. Мы же доказали ему, что наши ремесленники и торгаши стоютъ варварскихъ полчищъ Гога и Магога *. Двѣ тысячи человѣкъ отборнаго войска его, съ ихъ мѣдными и желѣзными шлемами и панцырями, на каждомъ шагу подвергались нападеніямъ, ихъ били изъ-за угловъ и изъ оконъ домовъ, и они принуждены были отступить,—такъ весьма деликатно выразился въ своемъ донесеніи сынъ божественнаго Веспасіана, вмѣсто того чтобы сказать, что они бѣжали со всѣхъ ногъ. Остальная часть его арміи, занимавшая завоеванное уже раньше пространство до второй ограды, увлечена была *постыднымъ* отступленіемъ передоваго отряда. Тщетно Титъ выходилъ изъ себя: волки его дрожали, точно овцы, и въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ оставить вторую ограду въ нашихъ рукахъ. Конечно, все это не мѣшаетъ саддукеямъ и фарисеямъ утверждать, что мы уже недостойны называться потомками нашихъ предковъ.

— Пусть они говорятъ это за себя, а не за насъ,— перебилъ его калѣка.

— Ты правъ,—продолжалъ стрѣлокъ. — Маккавеи воскресли; они покинули свои гробницы, которыя видны отсюда, и сражаются вмѣстѣ съ нами, правда, молча и невидимками, но согрѣвая наши сердца дуновеніемъ своихъ великихъ душъ. Все это, безъ сомнѣнія, заставило Тита

* Такъ называются въ Апокалипсисѣ германцы и скиѳы.

призадуматься, и потому-то, вѣроятно, онъ и посылаетъ намъ своего Флавія.

Въ это время громкіе клики и звуки трубъ прервали рѣчь стрѣлка. Онъ поспѣшно сошелъ со ступеней храма, а толпа послѣдовала за нимъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ слѣдовавшей за нимъ толпѣ:

— Это Титъ производитъ смотръ своей арміи. Онъ желаетъ напугать насъ, прежде чѣмъ соблазнить насъ; но того, чего не могли сдѣлать его стрѣлы, пращи, тараны и другіе снаряды, того уже, конечно, не сдѣлаетъ блескъ оружія и красивая сбруя его лошадей. Глаза наши окажутся столь же непоколебимыми, какъ и наши сердца. Неужели-же любовникъ Береники принимаетъ насъ за какихъ-то непотребныхъ женщинъ!

Дѣйствительно, Титъ производилъ смотръ своей арміи. Въ то время, когда толпа приблизилась къ той части второй ограды, которая выходитъ на сѣверъ, она увидѣла всѣ три легіона, составлявшіе осадную армію, стоявшими въ колоннахъ въ опустошенныхъ предмѣстьяхъ и на площади Офла, недалеко отъ дворца Ирода.

Дѣло происходило въ концѣ іюня. Погода стояла великолѣпная, небо было сине и безоблачно. Солнце ярко свѣтило, но съ расположенныхъ къ сѣверу отъ города горъ дулъ свѣжій и прохладный вѣтеръ, который умѣрялъ зной. Все благопріятствовало счастливому Титу и онъ надѣялся, что этотъ день не будетъ для него потерянъ.

Зрѣлище было, дѣйствительно, великолѣпное. Римская армія, не смотря на большія, понесенныя ею, потери, все еще представляла собою нѣчто достаточно величественное. Пѣхота выступила въ полномъ своемъ вооруженіи, которое ярко блестѣло на солнцѣ. Мѣдныя и желѣзныя каски и латы, обнаженные палаши всадниковъ, красивая сбруя лошадей и ихъ блестящія удила—все это блестѣло на солнцѣ, а пыль, которую они поднимали копытами, окутывала ихъ точно золотистымъ облакомъ. Когда всадники, проходя мимо Тита, пустили коней своихъ въ галопъ, и проскакали мимо толпы размахивая своими длинными, блестѣвшими на соли-

цѣ, мечами, то' ихъ можно было принять за легіонъ ангеловъ-истребителей, вышедшихъ изъ преисподней, на которыхъ еще отражается красноватый отблескъ вѣчной геенны. Это было ужасное вступленіе, подготовленное Титомъ къ имѣвшей послѣдовать рѣчи своего посланца.

Жители Іерусалима отовсюду собрались, чтобы посмотрѣть на это зрѣлище; особенно много было въ числѣ зрителей сторонниковъ мира. Вся сѣверная стѣна занята была любопытными, а крыши ближайшихъ домовъ едва не ломились подъ тяжестью взобравшихся на нихъ людей. Но еще болѣе, чѣмъ желаніе посмотрѣть на блестящее зрѣлище, привлекло толпу желаніе послушать Іосифа Флавія, посланца Тита, котораго съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали какъ сторонники мира, такъ и сторонники войны.

Едва окончился смотръ, какъ раздался звукъ трубы римскаго герольда, и народъ увидѣлъ приближающимся къ оградѣ человѣка, несшаго гражданамъ въ одной рукѣ — миръ, въ другой—войну. Іосифъ Флавій былъ не такого рода человѣкъ, чтобы пренебрегать мелочами. Ему хорошо было извѣстно, что его силу и силу римлянъ составляли въ Іерусалимѣ знатныя левитскія семейства, „Боэтузимъ“ и фарисейская буржуазія, состоявшая изъ многочисленныхъ „соферимъ“ (писцовъ), которые снискивали себѣ пропитаніе благодаря своему знакомству съ преданіями, но которые отнюдь не были расположены умирать за нихъ. Поэтому Флавій счелъ нужнымъ представиться этимъ людямъ и ихъ приверженцамъ въ такомъ видѣ, который былъ бы способенъ наиболѣе польстить имъ. Онъ явился въ одеждѣ, соотвѣтствовавшей всѣмъ еврейскимъ традиціямъ. Но этимъ онъ вызвалъ ѣдкія насмѣшки со стороны его противниковъ. Особенно доставалось ему изъ группы, собравшейся около Катласа.

— Послушайте, друзья мои,—сказалъ Симонъ-бенъ-Гіора, который былъ тутъ же, въ числѣ другихъ членовъ совѣта,—дѣло не шуточное. У Іосифа Флавія, друга Веспасіана и Тита, здѣсь есть сторонники. Пусть каждый будетъ остороженъ и исполнитъ свой долгъ!

Слова эти, произнесенныя громкимъ голосомъ, были услышаны толпою. Раздались громкіе клики озлобленія и ненависти.

— Позоръ перебѣжчику!—кричали одни.

— Намъ не нужно отступника!—воскликнула какая-то женщина.

— Пусть онъ оставляетъ при себѣ свои почести и оставитъ намъ нашу честь! — сказалъ какой-то молодой человѣкъ, опираясь на лукъ, которой былъ больше его самого.

— Если-бъ онъ не продалъ римлянамъ города и цитадели Іотапатъ, до тѣхъ поръ неприступной,—говорили другіе,— еслибъ онъ не предалъ своей арміи, то римлянъ можно бы было остановить еще надолго подъ стѣнами Іотапата и они не стояли бы въ настоящее время надъ Іерусалимомъ, подобно грозовой тучѣ.

Симонъ, слышавшій всѣ эти восклицанія, счелъ нужнымъ еще разъ вмѣшаться.

— Все это совершенно справедливо, друзья мои, — сказалъ онъ; — но все же мы обязаны выслушать его, на то существуютъ важныя причины. Вы узнаете ихъ еще раньше, чѣмъ солнце, стоящее теперь вонъ тамъ, надъ Дамасскими воротами, скроется за Гильонскими высотами.

Всѣ замолчали и взоры всѣхъ обратились къ Флавію. Послѣдній обошелъ весь городъ, прежде чѣмъ подойти къ тому мѣсту, гдѣ ему предстояло остановиться. Ему хорошо извѣстна была та ненависть, которую къ нему питали, и онъ постарался отыскать себѣ безопасное мѣсто, внѣ выстрѣла оружій. Взойдя на развалины внѣшней ограды, возлѣ гробницы Ирода, откуда можно было разслышать его слова,—такъ какъ вѣтеръ дулъ съ сѣвера, — онъ поклонился священному городу и обратилъ свои взоры въ сторону храма.

Мы уже сказали, что Флавій былъ человѣкъ ловкій, онъ еще разъ доказалъ это вступленіемъ къ своей рѣчи.

Многія сердца забились сильнѣе, на многихъ глазахъ выступили слезы.

Рѣчь Флавія, которую можно прочесть цѣликомъ въ его „Исторіи Іудейской войны“, представляла собою, въ сущности, ничто иное, какъ приторное прославленіе римскаго владычества, длинную и скучную проповѣдь о покорности и смиреніи, безстыдное поученіе, облеченное въ патріотическую форму, въ которомъ исторія еврейскаго народа изложена была въ формѣ наглыхъ софизмовъ и доказывалось, что самъ Господь Богъ являлся орудіемъ и поборникомъ рабскаго подчиненія.

— Пожалѣйте самихъ себя, — говорилъ ораторъ; — сопротивленіе ваше является просто безуміемъ. Вы вѣдь издавна уже привыкли къ чужеземному игу! Почему же именно теперь вы изъ силъ выбиваетесь, чтобъ освободиться отъ него! Прекрасно сражаться для защиты своей свободы; но разъ она утрачена, стремленіе къ пріобрѣтенію ея вновь ведетъ къ неизбѣжной гибели. И развѣ позорно входить въ составъ державы, владычествующей надъ всѣмъ міромъ? Человѣкъ долженъ уступать тому, кто сильнѣе его. Это дѣлаютъ даже и звѣри; это всеобщій законъ природы. — Отъ кого исходитъ власть? Отъ Бога. Онъ даетъ ее тому, кто ему угоденъ. Повиноваться болѣе сильному значитъ, слѣдовательно, повиноваться Богу.—И такъ вы должны покориться римлянамъ, и притомъ сдѣлать это не медля. Въ настоящее время они готовы еще послушаться голоса милосердія, но если вы упустите этотъ удобный моментъ, если вы будете упорствовать въ сопротивленіи, они никого не пощадятъ.

Въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи ораторъ былъ прерванъ кликами негодованія. Негодованіе „кенаимовъ“ вырвалось наружу. Слова „измѣнникъ“, „перебѣжчикъ“, „отступникъ“ „мееитъ“ * вылетали изъ тысячи устъ и свистѣли вокругъ него, какъ миріада острыхъ стрѣлъ. Но, выпрямившись, какъ раненый левъ, онъ снова бросился на арену, рыча и

* Соблазнитель, старающійся посягнуть на религію.

задыхаясь отъ злости. Онъ сослался на исторію евреевъ и пытался доказать, что, въ теченіи многихъ вѣковъ, всѣ успѣхи ихъ были плодами ихъ благочестія, а всѣ ихъ неудачи—результатомъ ихъ собственныхъ ошибокъ.

— Откуда же проистекаютъ всѣ теперешнія ваши ошибки? — воскликнулъ онъ въ заключеніе.—Отъ вашихъ раздоровъ. Вы не умѣли пользоваться свободой вашей, и потому Господь васъ покинулъ.

Іосифъ Флавій, объ ораторскомъ искусствѣ котораго не слѣдуетъ судить по вышеприведенному сухому и краткому отрывку его рѣчи, былъ замѣчательный ораторъ. Рѣчь его, въ которой онъ такъ кстати вызвалъ у своихъ слушателей воспоминанія о прошломъ, въ подтвержденіе ошибокъ и заблужденій настоящаго времени, произвела сильное впечатлѣніе даже на сторонниковъ сопротивленія до послѣдней крайности. Многіе поколебались въ своихъ мнѣніяхъ. Фарисеи пріободрились и стали смотрѣть на „непримиримыхъ“ съ меньшею робостью. Многіе стали дѣйствительно видѣть единственное спасеніе для себя и для священнаго города въ подчиненіи римлянамъ. Но неожиданное происшествіе вдругъ дало дѣлу совершенно иной оборотъ.

Какъ только Іосифъ Флавій удалился, среди толпы раздался громкій голосъ:

— Пророкъ идетъ! Пророкъ идетъ!

— Кто это? Зеведей, что-ли? — спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, какой Зеведей! Это лжепророкъ! — отвѣтилъ первый голосъ. — Настоящій пророкъ, Іохананъ-бенъ-Захарія, пришедшій сюда изъ пустыни.

Имя Іоханана было привѣтствуемо тысячью голосовъ, раскаты которыхъ повторились на Елеонской горѣ и въ Гильонскихъ горахъ, точно раскаты грома.

Этотъ Іохананъ,—котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другими Іохананомъ, апокалипсическимъ, считался однимъ изъ выдающихся вѣщателей того времени, столь обильнаго вѣщателями и пророками. Онъ былъ для „кенаимовъ“ тѣмъ же, чѣмъ былъ для евреевъ-христіанъ Іохананъ апокалип-

сическій: онъ такъ же вѣровалъ, какъ и послѣдній, въ предопредѣленіе, въ торжество правды надъ заблужденіями, справедливости надъ силою. Но мысль его охватывала болѣе обширное, болѣе далекое будущее, и онъ не отождествлялъ окончательнаго торжества добра надъ зломъ съ извѣстной личностью. По его ученію, царство добра должно было явиться результатомъ безпрерывныхъ, направленныхъ въ одну сторону, неустанныхъ усилій всѣхъ людей, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, а не праздныхъ умозрѣній, смутныхъ стремленій, призрачныхъ мечтаній. Поэтому онъ и присталъ къ партіи „кенаимовъ“, все ученіе которыхъ заключалось въ двухъ словахъ: „Богъ и свобода“, и, подобно имъ, питалъ смертельную ненависть къ римскому владычеству, къ этому гигантскому тирану, катившемуся по всему свѣту и давящему на своемъ пути все, что̀ не преклонялось, не падало передъ нимъ ницъ.

Іохананъ игралъ не послѣднюю роль въ борьбѣ евреевъ за свою независимость, причемъ слово его, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, возбуждало и поддерживало мужество. Удалившись въ пустыню, онъ покидалъ ее въ извѣстные моменты и появлялся среди народа какъ вѣстникъ надежды и твердости. Появленіе его, при настоящихъ обстоятельствахъ, было принято народомъ за какое-то чудо.

— Какимъ образомъ сынъ грома,—такъ называли обыкновенно Іоханана, вѣроятно въ отличіе его отъ апокалипсическаго его одноименника—могъ проникнуть въ городъ?—спрашивали другъ у друга въ толпѣ.

— Говорятъ, будто онъ спустился съ неба. Его видѣли сидящимъ на облакѣ, надъ гробницей пророковъ.

— Моя мать, — сказалъ Катласъ, слышавшій этотъ разговоръ, — видѣла его со второй стѣны, спускающимся къ водянымъ воротамъ. Онъ какъ будто бы вышелъ изъ колодца Неэміи.

Тысячи подобныхъ слуховъ ходили въ толпѣ. Въ сущности же все дѣло заключалось въ томъ, что Елисавета успѣла увѣдомить Іоханана о попыткѣ Іосифа Флавія склонить гражданъ къ сдачѣ, и что этой женщинѣ, къ которой

римляне, благодаря сношеніямъ ея съ Маріей Рама, относились безъ малѣйшаго подозрѣнія, не стоило большаго труда впустить его въ Іерусалимъ.

Пророкъ Іохананъ, подобно большей части еврейскихъ пророковъ, проводилъ бо́льшую часть своего времени на рѣкѣ Хевронѣ, въ Аравійской пустынѣ. Онъ обыкновенно одѣвался въ шкуры шакала и подпоясывался ремнемъ, вырѣзаннымъ изъ верблюжьей кожи. Но для того, чтобы не возбудить подозрѣній, онъ на этотъ разъ облекся въ коричневый плащъ и въ бѣлую накидку, обшитую по краямъ красной бахромой, какъ то дѣлали въ тѣ времена всѣ истинновѣрующіе. Худоба его была поразительна и достаточно было одного взгляда на него, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ питался только акридами и дикимъ медомъ. Онъ опирался на большую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ родѣ пастушьяго посоха. Елисавета провела его въ городъ подъ видомъ пастуха съ Галанскихъ горъ, который прибылъ въ Іерусалимъ для того, чтобъ убѣдить своего сына, одного изъ самыхъ извѣстныхъ вождей непримиримыхъ, отказаться отъ сопротивленія.

Онъ шелъ, опустивъ взоры въ землю, медленнымъ шагомъ, скрестивъ руки на груди. Его высокій, открытый лобъ сильно загорѣлъ отъ яркихъ солнечныхъ лучей пустыни. По временамъ онъ останавливался, устремлялъ на все, окружающее его, свой пристальный взглядъ, стучалъ о мостовую ногами, чтобы стряхнуть пыль съ своихъ сандалій, вытряхивалъ свой плащъ, и снова накидывалъ его на свои плечи, красиво драпируясь въ него.

Какъ только толпа узнала его, она послѣдовала за нимъ въ почтительномъ молчаніи. Онъ направился, мрачный и молчаливый, въ сторону храма. Надъ входомъ въ первый храмъ тянулась обширная галлерея, удивительной работы. Колонны изъ бѣлаго мрамора, высѣченныя изъ одного куска, по 25 футовъ вышины каждая, поддерживали навѣсъ ея. Крыша надъ галлереей и выступы ея были сдѣланы изъ кедроваго дерева и до того красивы, такой искусной и изящной работы, „что они не нуждались“,—говоритъ Фла-

вій, „для того, чтобы восхитить глазъ, ни въ живописи, ни въ ваяніи“. Шириною обѣ галлереи были въ тридцать футовъ, а длина ихъ простиралась до шести стадій*. Слѣдовательно, на нихъ могла помѣститься масса народу. Здѣсь-то остановился Іоханнъ; отсюда-то онъ и пожелалъ обратиться къ народу Божію. Громадная толпа могла помѣститься въ галлереѣ, чтобы быть поближе къ оратору, хотя слова его были слышны и извнѣ, за оградой храма.

Собраніе было чрезвычайно многочисленное. Странное зрѣлище представляло собою это громадное сборище, состоявшее изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ впалыми, мрачными и изнуренными лицами, еле державшихся на ногахъ, напоминавшихъ собою скорѣе привидѣнія и ходячіе скелеты, чѣмъ людей, полунагихъ или покрытыхъ разорванными мантіями, отупѣлыхъ, ужасныхъ на видъ, у которыхъ только и осталось живаго, что глаза ихъ, блестѣвшіе отъ лихорадки и отъ внутренняго жара, и которые, безмолвные какъ призраки, впились воспаленными глазами своими въ пришедшаго изъ пустыни человѣка и жадно прислушивались къ каждому его слову, надѣясь найти себѣ въ немъ неожиданную помощь.

И дѣйствительно Іоханнъ не даромъ покинулъ пустыню. Онъ явился въ священный городъ съ весьма важнымъ порученіемъ, пришелъ къ защитникамъ его съ словомъ ободренія.

Іоханнъ всталъ на *„бему“* (камень, служившій ораторской трибуной). Онъ обвелъ собраніе медленнымъ взоромъ, затѣмъ опустилъ голову, и вдругъ, какъ бы подъ наитіемъ какого-то внутренняго вдохновенія, встряхнувъ своею мантіею, подобно тому, какъ это имѣли обыкновеніе дѣлать стоявшіе на крѣпостныхъ стѣнахъ еврейскіе часовые, для того, чтобы заявить непріятелю о своемъ присутствіи, началъ говорить.

Недаромъ Іоханана прозвали сыномъ грома: слово его было похоже на продолжительный, громкій, рѣзкій, оглу-

* Шесть стадій равняются 510 саженямъ, т. е. нѣсколько болѣе версты.

шительный раскатъ грома. Каждый разъ, какъ онъ возвышалъ его, толпа содрогалась и начинала волноваться.

— Я пришелъ изъ пустыни,—такъ началъ онъ,—чтобы возвѣстить вамъ слово Божіе. Я удалился въ пустыню съ самаго паденія Іотапаты, для того, чтобы поразмыслить о гнусной измѣнѣ того человѣка, котораго вы только что выслушали.

Вступленіе это было какъ нельзя болѣе умѣстно: напоминая своимъ слушателямъ объ измѣнѣ Іосифа Флавія, онъ сразу наносилъ вѣскій ударъ своему противнику. Собраніе прервало его восторженными кликами. Іохананъ продолжалъ:

— Какимъ образомъ я проникъ къ вамъ? Спросите у Моисея, какимъ образомъ онъ ушелъ отъ Фараона? Спросите у Юдиѳи, какимъ образомъ ей удалось благополучно пробраться черезъ лагерь Олоферна и подготовить освобожденіе Израиля? Я спалъ возлѣ самой палатки Тита, и его бдительные часовые не замѣтили меня. Я пилъ, рядомъ съ его лошадьми, воду изъ Кедронскаго ручья и его всадники не прикоснулись даже къ краю моей мантіи.

Здѣсь Іоханамъ вдругъ остановился и провелъ правою рукою по глазамъ своимъ, какъ бы вытирая слезу, выступившую изъ рѣсницъ его. Все собраніе содрогнулось.

— Я леталъ,—продолжалъ онъ,—подобно птицѣ Божіей на крыльяхъ облака, подобно стаѣ вороновъ, которую я только что видѣлъ носившеюся надъ нашими укрѣпленіями и которыхъ созвалъ со всѣхъ концовъ свѣта ангелъ-истребитель. Что за зрѣлище, дѣти Іеговы! Начиная отъ Силоамской купели и до ступеней храма, не видишь ничего, кромѣ какихъ-то блѣдныхъ труповъ, какихъ-то призраковъ, вышедшихъ изъ гробницъ своихъ, женщинъ, у которыхъ уже изсякли всѣ ихъ слезы, грудныхъ дѣтей, тщетно припадающихъ потрескавшимися губами своими къ изсохшимъ грудямъ матерей своихъ,—словомъ, всюду—одни только бѣдствія и отчаяніе. Сердце мое истекало кровью, пока я шелъ, ноги мои скользили по мостовой, обагренной кровью нашихъ согражданъ. Но я вспомнилъ слово Божіе, и сердце мое

окрѣпло; я отогналъ отъ себя чувство слабости, и ноги мои донесли меня до этого мѣста. Я пришелъ съ тѣмъ, чтобъ обличить обманщика, посланнаго къ вамъ Титомъ. Онъ осмѣлился сказать вамъ здѣсь, передъ самымъ храмомъ Іеговы, передъ нашей святыней, что Богъ желаетъ подчиненія вашего римлянамъ!...

— Никогда! — крикнулъ какой-то голосъ въ толпѣ.— Никогда! повторили тысячи голосовъ.

— И почему-бы звѣрю, вышедшему изъ преисподней *, властвовать надъ нами? Какія онъ имѣетъ на то права? Аббадонъ ** носится надъ его знаменами. Онъ вложилъ въ руки его легіоновъ истребительный мечъ, для того, чтобы тотъ носился надъ всѣмъ міромъ. Вотъ единственное его право на всемірное господство. Но для Израиля этого недостаточно.

„Что сталось съ міромъ подъ этимъ господствомъ, которое намъ изображаютъ орудіемъ Бога? Вы ее видѣли, эту большую проститутку, какъ называетъ ее братъ мой, Іохананъ-бенъ-Зеведей. Она разноситъ среди всѣхъ народовъ ядъ проституціи; изъ своего гнѣзда она заразила своимъ губительнымъ ядомъ всѣ народы земли. Одѣтая въ тонкія ткани и въ пурпуръ, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, набѣленная и нарумяненная, она покидаетъ свое ложе куртизанки лишь для того, чтобы бросаться на людей святыхъ, терзать ихъ своими когтями и упиваться ихъ кровью.

„Окидывая взоромъ тѣ мѣста, по которымъ прошелся Аббадонъ съ своей косой, гдѣ господствуетъ то, что Римъ называетъ міромъ, что мы увидимъ: изъ хижинъ, разсѣянныхъ кое гдѣ по равнинамъ, по холмамъ, по долинамъ, выходятъ люди блѣдные, исхудалые, согнувшіеся подъ тяжестью своихъ земледѣльческихъ орудій; они ступаютъ медленными шагами, понуривъ головы, уставивъ глаза въ землю. А вокругъ нихъ деревья гнутся подъ тяжестью роскошнаго

---

* Римъ, языческая держава.
** Разрушитель, по-гречески—Аполіонъ.

цвѣта и какъ-бы говорятъ имъ: „Взгляните на эти цзѣты: они скоро превратятся въ плоды, и плоды эти созрѣютъ для васъ“.—Но деревья забываютъ, что плоды эти принадлежатъ вышедшему изъ преисподней звѣрю и его дѣтенышамъ.

„Они идутъ далѣе, и виноградникъ говоритъ имъ:—„Я втихомолку вырабатываю въ моихъ вѣтвяхъ живительный сокъ, который подкрѣпитъ васъ и согрѣетъ зимою ваши окоченѣлые члены“. — А луга говорятъ имъ въ свою очередь:—„Мы заготовили обильный кормъ для вашихъ овецъ, для вашихъ коровъ и телокъ. Приведите ихъ сюда и они съ лихвой возвратятъ вамъ то, что мы дали имъ“. А нивы говорятъ имъ:—„Заготовляйте побольше житницъ. Богъ повелѣлъ намъ наполнить ихъ на пользу вашу, вашихъ женъ и дѣтей“.—Но блѣдные люди печально покачиваютъ головами и отвѣчаютъ виноградникамъ, лугамъ и нивамъ:—„Вы забываете, что все это принадлежитъ звѣрю, вышедшему изъ преисподней, и его дѣтенышамъ!“

„Флавій увѣряетъ васъ, что на то воля Іеговы, что онъ далъ власть въ руки звѣря преисподней. Нѣтъ, Іегова позволилъ это только на короткое время. Мечъ уже дрожитъ въ рукѣ Аббадона, гнусная проститутка поражена уже на смерть. Перстъ Іеговы осудилъ ее.

„Іоханамъ-бенъ-Зеведей уже провозгласилъ въ Патмосѣ: „Она пала; она сдѣлалась обиталищемъ демона, убѣжищемъ злыхъ духовъ, гнѣздилищемъ хищныхъ птицъ. Грѣхи ея вопіютъ къ небу, и Богъ вспомнилъ о ея неправдахъ. Голодъ, моръ, разореніе обрушатся на нее и она погибнетъ отъ огня; и цари будутъ ударять себѣ въ грудь, видя дымъ ея пожара *.

„Развѣ вы не были свидѣтелями паденія великаго императора великаго города, человѣка богоподобнаго, какъ утверждали льстецы его, зачатаго Юноной отъ Юпитера, добивавшагося рукоплесканій толпы публичнымъ исполненіемъ на театрахъ сладострастныхъ гимновъ, убившаго столько

* Апокалипсисъ.

людей, не считая своей родной матери, родившагося отъ проституціи и утопавшаго въ развратѣ? „Но это только начало, нечестивый, распутный городъ! Передъ тобою зіяетъ могила, ты выпилъ ядъ, ты полонъ прелюбодѣяній и противуестественныхъ пороковъ! Горе, горе тебѣ, нечестивый городъ латинской земли“ *.

„Слушайте меня, сыны Давидовы, послѣдніе отпрыски славныхъ родовъ, граждане священнаго города, которому суждено спасти и обновить міръ! Слушайте слово мое, еще не слыханное вами, и свѣтъ котораго проникнетъ когда-нибудь, подобно лучамъ солнца, до окраинъ міра!

„Около половины апрѣля взоры мои блуждали по песку пустыни, и я увидалъ, лежавшимъ на пескѣ, трупъ великой проститутки, валявшійся въ собственной ея крови. Гогъ и Магогъ **, вылѣзшіе изъ находящихся на далекомъ сѣверѣ берлогъ своихъ, топтали ногами растерзанные члены ея. И я былъ счастливъ, и сердце мое прыгало отъ радости.

„Вдругъ,—я еще не успѣлъ надивиться вѣчной справедливости,—изъ бездны показался еще одинъ звѣрь. Онъ покрылъ плащомъ своимъ весь міръ, призывалъ къ себѣ дѣтей Божіихъ, и, казалось, желалъ установить среди нихъ царство справедливости. Затѣмъ онъ принялся оживлять другого звѣря, охватилъ его своими объятіями, и, повернувшись спиною къ слабымъ и угнетеннымъ, которыхъ онъ сначала призывалъ къ себѣ, присоединился къ исконнымъ врагамъ его.

„Такимъ образомъ тотъ новый Іерусалимъ, который обѣщалъ намъ братъ мой, Іоханнъ-бенъ-Зеведей, тотъ Іерусалимъ, въ которомъ уже не будетъ храма, въ которомъ самый солнечный свѣтъ долженъ оказаться излишнимъ, въ которомъ самъ Господь Богъ будетъ и солнцемъ и храмомъ, терялся въ отдаленіи горизонта и исчезалъ изъ глазъ моихъ. И снова возгоралась отчаянная борьба между сынамм Бо-

---

* Предсказаніе одной сибиллы, эпохи Траяна.
** Варвары.

жіими и лжепророками, и снова, на всемъ пространствѣ земли, тысячи мучениковъ стали падать жертвами великой борьбы между истиной и заблужденіемъ, между правдой и неправдой.

„И я снова сдѣлался печальнымъ, и слезы лились изъ очей моихъ, при видѣ того, какъ еще далеко торжество правды, какъ вдругъ изъ области свѣта раздался голосъ, сказавшій мнѣ:—„О, маловѣрный человѣкъ! Кто-же тебѣ сказалъ, что въ этой великой и святой борьбѣ побѣдителемъ не будетъ тотъ, кто упадетъ, что умереть не значитъ воскреснуть? Борьба эта продолжается уже многіе годы; сильные падаютъ,—а ты отчаяваешься! Да, они пали, но тѣмъ не менѣе они побѣдили, всѣ эти борцы за права Бога и людей! Постарайся оторваться отъ настоящаго, прислушайся къ отдаленному голосу поколѣній, которыя выйдутъ изъ вѣчнаго жизненнаго источника въ теченіи многихъ вѣковъ, и послушай, что тебѣ говорятъ славныя фаланги сильныхъ. Они говорятъ тебѣ:—„Мужайся, Іохананъ! Увѣнчанные лучезарнымъ сіяніемъ, мы перелетаемъ изъ одной сферы въ другую, распѣвая священные гимны. Мы поемъ, ибо мы увѣрены въ торжествѣ. Все безсильно передъ великимъ судіей, избравшаго насъ своими орудіями для великаго дѣла справедливости“.—И когда они это говорили, сердце мое преисполнялось радости, и небо, и земля трепетали отъ восторга, и мнѣ казалось, будто цѣлые міры, носившіеся въ эѳирѣ, повторяли одинъ другому:—„Наступитъ царство правды. Зданіе справедливости покроетъ собою всю землю». Они замолкли, и мнѣ показалось, будто надо мною пролетаетъ дуновеніе Божіе; и мнѣ еще слышался ихъ голосъ, какъ бы затерянный въ пространствѣ, повторявшій девизъ дѣтей Божіихъ «Іегова и свобода!»

„Вамъ въ руки, друзья мои, данъ мечъ Божій, вы ведете борьбу праведныхъ. Вы мужественны, и, что еще важнѣе, — вы разсадники будущихъ мужественныхъ поколѣній! Іосифъ Флавій говоритъ вамъ, что на сторонѣ римлянъ — могущество и сила. А я скажу вамъ, что на вашей сторонѣ — Богъ и свобода! Вы будете побѣждены, говоритъ

векка, покидая виллу Береники, привѣтствовала первые лучи его, заливавшіе своимъ блескомъ вершины Аравійскихъ горъ. Какое-то пріятное и сладкое чувство зашевелилось въ ней при появленіи нервыхъ лучей солнца, и это ощущеніе еще болѣе усилилось въ ней во время пути. Взоры Ревекки останавливались съ меланхолическимъ восторгомъ на всемъ, что̀ ей встрѣчалось по дорогѣ. Было тепло и воздухъ былъ прозраченъ. Легкая, прозрачная сѣть поднимавшихся изъ земли и изъ воды паровъ покрывала пригорки, обсаженныя виноградными лозами; нѣжное благоуханіе, точно дыханіе просыпающейся природы, носилось надъ полями. Птицы весело пѣли въ рощахъ банановъ и смоковницъ, и это пѣніе нѣсколько разъ заставляло ее вздрагивать: ей казалось, будто таинственные голоса, доносившіеся издалека, напѣвали ей на ухо сладкія, любовныя пѣсни.

Эти впечатлѣнія, составлявшія такой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что̀ творилось въ душѣ ея, мало по малу стали изглаживаться, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ Іерусалиму. Печальная природа, желтая, каменистая почва, обнаженныя скалы, раскаленныя лучами солнца, ослѣплявшія глаза и обжигавшія подошвы, снова навели ее на мрачныя мысли. Тому же не мало содѣйствовали также видъ римскаго лагеря и доносившійся оттуда шумъ.

Когда глазамъ ея предсталъ священный городъ, залитыя солнечнами лучами крыши его домовъ и куполъ храма, выдѣлявшійся на этомъ свѣтломъ фонѣ, какъ яркая звѣзда, она почувствовала, что всѣмъ ея существомъ овладѣли два чувства, занимавшія одинаково видное мѣсто въ душѣ ея— патріотизмъ и религія, и еще такъ недавно обуревавшая ее жажда мести, казалось, была совершенно забыта и устранена.

Разнообразныя событія этого дня доставили обильную пищу ея наблюдательности. Симонъ присутствовалъ при всѣхъ, вышеописанныхъ нами, сценахъ, не подозрѣвая ея присутствія, такъ какъ она все время тщательно скрывалась въ толпѣ, внимательно присматриваясь ко всѣмъ его взглядамъ и движеніямъ и прислушиваясь къ каждому его слову. При первомъ взглядѣ на него, она почувствовала, какъ

— Попалась лисица въ капканъ! — говорилъ Силасъ стрѣлку, намекая на Флавія.

— А когда же приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе?

— Сейчасъ; ждали только прибытія Іосифа. Толпа направляется къ Силоамской купели. Побіеніе камнями произведено будетъ на самой городской стѣнѣ. Флавій можетъ, если захочетъ, насладиться этимъ зрѣлищемъ.

И дѣйствительно толпа пошла по направленію, указанному Силасомъ.

Среди этой толпы можно было замѣтить двухъ, закрытыхъ покрывалами, женщинъ, все время молчавшихъ, но жадно прислушивавшихся и присматривавшихся ко всему, происходившему вокругъ нихъ. Обѣ онѣ были облечены въ траурныя одежды. За ними шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи человѣкъ, укутанный въ темный плащъ; зачесанные къ низу волосы его не позволяли разглядѣть его лица.

Обѣ эти женщины были — Ревекка и Елисавета; спутникъ ихъ былъ Бенъ-Адиръ.

Ревеккѣ удалось безъ малѣйшаго затрудненія проникнуть въ Іерусалимъ. Она имѣла одинаковую возможность сдѣлать это при помощи Береники, Флавія и Галла. Она предпочла сообщить послѣднему о своемъ проектѣ и просить его о содѣйствіи къ осуществленію его. Двѣ причины побуждали ее отдать въ этомъ отношеніи предпочтеніе Галлу: во-первыхъ, это представляло для нея удобный поводъ выказать свое довѣріе къ нему, а во-вторыхъ, это доставляло маленькое удовлетвореніе ея самолюбію: вѣдь говорилъ-же онъ, еще во время переѣзда ихъ на Артемидѣ, что ей не такъ-то легко удастся пробраться въ Іерусалимъ, и что, быть можетъ, именно ему, Максиму Галлу, суждено раскрыть передъ нею ворота священнаго города. Она не встрѣтила также затрудненій и со стороны еврейской стражи города: для этого ей достаточно было назвать свое имя и предупредить о своемъ прибытіи Елисавету.

Дѣло происходило, какъ мы уже говорили, въ концѣ іюня. Солнце только что взошло на безоблачномъ небѣ. Ре-

векка, покидая виллу Береники, привѣтствовала первые лучи его, заливавшіе своимъ блескомъ вершины Аравійскихъ горъ. Какое-то пріятное и сладкое чувство зашевелилось въ ней при появленіи нервыхъ лучей солнца, и это ощущеніе еще болѣе усилилось въ ней во время пути. Взоры Ревекки останавливались съ меланхолическимъ восторгомъ на всемъ, что̀ ей встрѣчалось по дорогѣ. Было тепло и воздухъ былъ прозраченъ. Легкая, прозрачная сѣть поднимавшихся изъ земли и изъ воды паровъ покрывала пригорки, обсаженныя виноградными лозами; нѣжное благоуханіе, точно дыханіе просыпающейся природы, носилось надъ полями. Птицы весело пѣли въ рощахъ банановъ и смоковницъ, и это пѣніе нѣсколько разъ заставляло ее вздрагивать: ей казалось, будто таинственные голоса, доносившіеся издалека, напѣвали ей на ухо сладкія, любовныя пѣсни.

Эти впечатлѣнія, составлявшія такой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что̀ творилось въ душѣ ея, мало по малу стали изглаживаться, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ Іерусалиму. Печальная природа, желтая, каменистая почва, обнаженныя скалы, раскаленныя лучами солнца, ослѣплявшія глаза и обжигавшія подошвы, снова навели ее на мрачныя мысли. Тому же не мало содѣйствовали также видъ римскаго лагеря и доносившійся оттуда шумъ.

Когда глазамъ ея предсталъ священный городъ, залитыя солнечнами лучами крыши его домовъ и куполъ храма, выдѣлявшійся на этомъ свѣтломъ фонѣ, какъ яркая звѣзда, она почувствовала, что всѣмъ ея существомъ овладѣли два чувства, занимавшія одинаково видное мѣсто въ душѣ ея— патріотизмъ и религія, и еще такъ недавно обуревавшая ее жажда мести, казалось, была совершенно забыта и устранена.

Разнообразныя событія этого дня доставили обильную пищу ея наблюдательности. Симонъ присутствовалъ при всѣхъ, вышеописанныхъ нами, сценахъ, не подозрѣвая ея присутствія, такъ какъ она все время тщательно скрывалась въ толпѣ, внимательно присматриваясь ко всѣмъ его взглядамъ и движеніямъ и прислушиваясь къ каждому его слову. При первомъ взглядѣ на него, она почувствовала, какъ

только дикобразъ высунетъ изъ-за иглъ свою голову, барсъ однимъ прыжкомъ вцѣпляется въ нее зубами.

— Ну, значитъ, ты понялъ, и мнѣ нечего больше объяснять тебѣ.

Ревекка произнесла слова эти такимъ голосомъ, который напомнилъ Бенъ-Адиру шипѣніе змѣи.

Нѣсколько минутъ спустя, они входили въ домъ царя Изея.

Графиня Марія Ратацци.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

Проектъ раздѣленія евреевъ на разряды въ хозяйственномъ отношеніи. — Причины забраковки этого проекта.

Согласно приведенной характерной резолюціи Киселева, донесеніе г. Ислявина разсматривалось въ департаментахъ, а потомъ внесено было на обсужденіе общаго присутствія, съ выводами, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему.

Свободныхъ земель въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ для поселенія евреевъ было еще по 40 десятинъ на семейство, всего на 1,550 семействъ, а въ Таврической губерніи съ 1855 по 1857 г. назначено было до 31 т. десят.; поэтому присутствіе полагало, что если поселеніе евреевъ, за сдѣланными для нихъ новыми облегченіями поступать въ земледѣльцы,—пойдетъ впредь съ большимъ успѣхомъ, то земель для нихъ хватитъ еще на нѣсколько лѣтъ. Съ принятыми колоніальнымъ начальствомъ мѣрами къ исправленію въ селеніяхъ ветхихъ домовъ, ожидалось, что жилища евреевъ въ непродолжительномъ времени приведутся въ надлежащій видъ. Для устраненія стѣсненія, какое сельскіе начальники терпѣли по платежу повинностей обществу, къ которому прежде принадлежали,—присутствіе находило нужнымъ поручить Комитету разсмотрѣть этотъ предметъ и о результатѣ представить министерству. Польза приселенія къ евреямъ-земледѣльцамъ нѣмецкихъ колонистовъ не отвергалось; то зная, что число евреевъ, же-

* См. „Восходъ“ кн. VII.

лавшихъ сдѣлаться земледѣльцами,—простиралось до нѣсколькихъ тысячъ,—то присутствіе предпочитало остаться при существовавшемъ порядкѣ,—т. е. къ каждымъ 10-ти еврейскимъ семействамъ—приселять только по одному изъ нѣмецкихъ колонистовъ. Ближайшія соображенія, какъ раздѣлить евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственномъ отношеніи на разряды и какую слѣдовало выработать объ этомъ инструкцію, присутствіе предоставляло колоніальному начальству. Безпорядки, замѣченные г. Ислявинымъ по воздѣлыванію евреями земель, присутствіе относило къ слабому, со стороны мѣстнаго начальства, надзору за евреями. Хотя въ 1852 г. въ колоніяхъ было въ запасѣ хлѣба болѣе, противъ 1851 г. на 1.375 четв., но какъ въ 1851 г. въ колоніяхъ собрано было хлѣба только 16,868 четв., а въ 1852 г. 57,551 четв., то присутствіе упрекало мѣстное начальство въ недостаткѣ вниманія къ усиленію запасовъ сообразно урожаю. Увеличеніе къ 1853 г. числа скота привело присутствіе къ заключенію, что евреи при болѣе строгомъ надъ ними надзорѣ убѣдились въ необходимости увеличить эту важную отрасль сельскаго хозяйства; небрежный же уходъ евреевъ за скотомъ присутствіе приписывало слабому надзору за хозяйствомъ поселенцевъ со стороны ихъ сельскихъ начальниковъ. Разведеніе картофеля въ Херсонскихъ поселеніяхъ показалось присутствію не сравненно слабѣе, нежели въ Екатеринославскихъ колоніяхъ, тогда какъ первыя были почти впятеро болѣе послѣднихъ. Въ видахъ улучшенія въ колоніяхъ хозяйства присутствіе признавало нужнымъ открыть во всѣхъ обществахъ сельскіе приказы, а отъ Комитета истребовать соображенія о томъ—удобно ли будетъ составить эти приказы изъ шульцевъ и одного только бейзицера, ибо уменьшеніе числа послѣднихъ казалось весьма желательнымъ какъ для сокращенія расходовъ, такъ и потому, что съ усиленіемъ поселенія евреевъ—доходъ отъ запасныхъ земель, на счетъ котораго производилось и жалованье сельскому начальству, ежегодно уменьшался. Раздѣляя мнѣніе г. Ислявина, что общественное управленіе міромъ для еврейскихъ колоній было еще преждевременно,—присутствіе полагало предоставить сельскимъ начальникамъ болѣе исполнительной власти по хозяйственной части,

а по прочимъ дѣламъ, относившимся до интересовъ обществъ, оставить по прежнему на обсужденіи схода, лишивъ только на нихъ права голоса евреевъ, внесенныхъ въ послѣдній разрядъ; заботу же о правильности составляемыхъ приказами приговоровъ возложить на попечителей, а съ членовъ приказовъ за упущенія взыскивать по всей строгости законовъ. Для упорядоченія канцелярскаго дѣлопроизводства полагалось командировать въ колоніи благонадежнаго чиновника, который бы подробно указалъ старшинамъ и писарямъ какъ вести дѣла и шнуровыя книги по однообразнымъ формамъ. Оборотъ вспомогательныхъ кассъ и доходы съ мірскихъ оброчныхъ статей, по справкамъ департамента, въ 1852 г. значительно увеличились противъ 1851 г. Зачислять 15-ти лѣтнихъ евреевъ въ число рабочихъ душъ присутствіе признавало неудобнымъ, такъ какъ по 83 ст. рекр. уст. возрастъ работника считался въ 18 лѣтъ; но, чтобы евреи съ раннихъ лѣтъ пріучались къ сельскому хозяйству, рекомендовало мѣстному начальству дѣятельнѣе слѣдить за веденіемъ евреями ихъ хозяйствъ. Противъ предположенія о недозволеніи евреямъ-земледѣльцамъ переходить въ другія сословія до истеченія 50 лѣтъ,—присутствіе отозвалось, что если еврей-земледѣлецъ въ теченіи 25 лѣтъ привелъ свое хозяйство въ хорошее положеніе, то безъ сомнѣнія, самъ не захочетъ его оставить; когда же по истеченіи этого срока хозяйство поселенца будетъ въ столь дурномъ положеніи, что ему покажется выгоднѣе уйти въ другое состояніе, то лучше водворить на его мѣсто другаго благонадежнѣйшаго еврея. Въ учрежденіи хозяйственной фермы присутствіе не видѣло пользы, такъ какъ евреи были еще слишкомъ малосвѣдущи въ сельскомъ хозяйствѣ, но для занятія подростковъ обоего пола и тѣхъ взрослыхъ, которые за проступки присуждались къ общественнымъ работамъ, присутствіе предпочитало учредить общественную запашку, изъ многочисленныхъ семействъ отдавать мальчиковъ для обученія ремесламъ, а сиротъ на существовавшія казенныя фермы.

Вообще общее присутствіе, состоявшее изъ вице-директора и 10 начальниковъ отдѣленій, нашло, что предположенія соотвѣтствовали существу замѣчаній г. Ислявина, а потому пола-

гало привести ихъ въ исполненіе, а о распоряженіяхъ довести до свѣдѣнія совѣта министра. На журналѣ присутствія Ганъ, какъ директоръ департамента, написалъ, что «отчетъ г. Ислявина ведетъ къ самому утѣшительному заключенію, что по управленію евреями сдѣлано весьма много, не смотря на чрезвычайную трудность»; вносить же заключенія присутствія въ совѣтъ министерства счелъ лишнимъ, потому что этимъ заключеніемъ ничего не создавалось, а только «указывалось на необходимость упорядочить дѣло, что принадлежало къ предметамъ вѣдомства самого департамента. Оттого Ганъ велѣлъ все исполнить.

Въ числѣ вопросовъ, возбужденныхъ г. Ислявинымъ, былъ, какъ читатели помнятъ, вопросъ о раздѣленіи хозяевъ-евреевъ на 4 разряда въ хозяйственномъ отношеніи, примѣняясь къ 1458 ст. IX т. Св. Зак. о сост., по которой требовалась спеціальная инструкція. Вопросъ этотъ, выдѣленный изъ прочихъ, правда, надолго затянулся, но какъ онъ вытекалъ изъ ревизіи г. Ислявина, а къ ней возвращаться намъ впослѣдствіи не придется, то мы полагаемъ здѣсь же прослѣдить и означенный вопросъ до конца.

Первый департаментъ, находя, что мѣстному начальству еврейскихъ колоній необходимо дать въ руководство опредѣлительную инструкцію, предписалъ Комитету составить и представить министерству проектъ инструкціи о раздѣленіи хозяевъ-евреевъ на разряды, сообразивъ при томъ возможно ли учредить, согласно указанію Киселева, усиленную общественную запашку для евреевъ-земледѣльцевъ двухъ послѣднихъ разрядовъ.

Въ это время началась уже Крымская война, при чемъ весь югъ Россіи превратился въ сплошной ратный станъ; сельскія занятія всѣ прекратились, а мѣстныя гражданскія власти поступили въ полное распоряженіе военачальниковъ, поручавшихъ, напр., палатамъ государственныхъ имуществъ и Комитету размѣщать войска по квартирамъ, собирать для нихъ предметы продовольствія, фуража и проч. Комитету и немыслимо было, естественно, разрабатывать проектъ инструкціи. На полученное имъ изъ департамента первое напоминаніе—онъ про-

молчалъ, на второе—отозвался, что собираетъ свѣдѣнія, а послѣ третьяго просилъ и получилъ отсрочку именно по случаю войны; но и по ея окончаніи департаментъ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, счетомъ 9 разъ напоминалъ Комитету о проектѣ, который онъ наконецъ-таки представилъ къ 1860 г., когда по Россіи уже парилъ духъ обновленія устарѣвшихъ формъ правленія.

Тѣмъ не менѣе, Комитетъ продолжалъ еще держаться издавна господствовавшаго взгляда принуждать евреевъ работать подъ страхомъ взысканія. Съ этою цѣлію онъ полагалъ, для возбужденія между евреями-земледѣльцами соревнованія въ устройствѣ хозяйствъ, раздѣлить ихъ на четыре разряда, по степени хозяйственнаго ихъ устройства и нравственности, при чемъ причислялъ:

Къ *первому разряду*—хозяевъ: а) имѣвшихъ не менѣе двухъ паръ рабочихъ воловъ или трехъ лошадей, полъ плуга, двѣ бороны, рало, двѣ воловыя повозки, или одну нѣмецкую, окованную желѣзомъ, располагавшихъ земледѣльческими орудіями въ надлежащей исправности, гулевымъ скотомъ, коровами улучшенной породы и кормившихъ скотъ по методѣ нѣмецкихъ колонистовъ черезъ рѣшетчатыя ясли, для сбереженія корма и чистоты; б) занимавшихся землепашествомъ безъ принужденія и засѣвавшихъ не менѣе $8^1/_2$ десятинъ разнаго рода хлѣбомъ и $1^1/_2$ десятины огородными овощами и картофелемъ; в) заготовлявшихъ для своего скота полуторагодовую пропорцію сѣна и соломы, такъ чтобы всегда оставалось на слѣдующій годъ по крайней мѣрѣ полугодовая пропорція, на случай неурожая; г) имѣвшихъ, для рабочаго скота и склада земледѣльческихъ орудій, конюшню и сарай и содержавшихъ эти строенія въ исправности и чистотѣ; д) содержавшихъ свои дома, надворныя строенія, палисадники при домахъ въ должномъ порядкѣ и наблюдавшихъ въ одеждѣ, жилыхъ комнатахъ, на дворахъ и на улицѣ предъ домами чистоту и опрятность; е) имѣвшихъ въ палисадникахъ предъ домами не менѣе 15 деревъ или крупныхъ кустовъ; ж) отличавшихся хорошимъ поведеніемъ, послушаніемъ и точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній начальства; з) постоянно жившихъ въ колоніи, отлучавшихся въ случаѣ нужды не иначе, какъ съ дозволенія начальства и возвращавшихся на мѣсто въ назначенный срокъ; и) вносившихъ въ свое время и безъ всякихъ настаиваній всѣ подати, сборы и безотложно исполнявшихъ натуральныя повинности по наряду.

Ко *второму разряду*—причислялъ хозяевъ: а) имѣвшихъ не менѣе одной пары воловъ или двухъ лошадей, $^1/_4$ плуга, борону, $^1/_2$ рала и одинъ возъ или нѣмецкую повозку, содержавшихъ все въ надлежащей исправности и старавшихся имѣть гулевой скотъ, коровъ, и кормить ихъ также по нѣмецкой методѣ; б) занимавшихся хлѣбопашествомъ безъ принужденія, засѣвавшихъ не менѣе 6 десятинъ разнаго рода хлѣбомъ и 1

десятину картофелемъ и огородными овощами; в) заготовлявшихъ для скота сѣна и соломы по крайней мѣрѣ годовую пропорцію; г) имѣвшихъ для скота конюшню или навѣсъ, а для храненія земледѣльческихъ орудій сарай; д) содержавшихъ дома, надворныя строенія въ исправности, соблюдавшихъ въ жильяхъ, одеждѣ, во дворѣ и на улицахъ чистоту и опрятность; е) имѣвшихъ въ палисадникахъ не менѣе 10 деревъ; ж) отличавшихся хорошимъ поведеніемъ и послушаніемъ начальству; з) отлучавшихся изъ колоній только по билетамъ на заработки, для усиленія способовъ къ лучшему устройству хозяйства и возвращавшихся на мѣсто въ опредѣленный срокъ и и) вносившихъ подати и сборы сполна въ свое время и безъ понужденія мѣстнаго начальства.

Къ *третьему разряду* причислялъ хозяевъ: а) имѣвшихъ пару воловъ или одну лошадь, 1/4 плуга, борону, возъ и содержавшихъ таковые въ надлежащей исправности; б) обработывавшихъ не менѣе четырехъ десятинъ земли для посѣва хлѣбомъ и отъ четверти до половины десятины засѣвавшихъ картофелемъ и огородными овощами; в) неимѣвшихъ для скота надлежащихъ конюшенъ и сараевъ; г) поддерживавшихъ дома и дворы свои, если имѣли ихъ, въ надлежащей исправности и чистотѣ; д) неимѣвшихъ при домахъ палисадниковъ; е) одобренныхъ въ поведеніи, незамѣченныхъ въ отлучкахъ изъ колоній безъ письменныхъ видовъ, законныхъ причинъ и вносившихъ подати и сборы безъ особыхъ побужденій мѣстнаго начальства.

Къ *четвертому разряду* причислялъ: а) неимѣвшихъ положеннаго для 3-го разряда количества рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, или хотя и имѣвшихъ, но не содержавшихъ ихъ въ исправности по нерадѣнію и лѣности; б) нерадивыхъ и незанимавшихся хлѣбопашествомъ; в) неимѣвшихъ домовъ, если это происходило по собственной ихъ винѣ, или хотя и имѣвшихъ дома, но не державшихъ таковые въ надлежащей исправности и не наблюдавшихъ въ домахъ и внѣ ихъ чистоты и опрятности; г) отлучавшихся изъ колоній безъ дозволенія начальства и письменныхъ видовъ, замѣченныхъ въ просрочкѣ паспортовъ, выдаваемыхъ для отлучки изъ колоній для заработковъ; д) людей грубыхъ, дерзкихъ и ослушныхъ противъ мѣстнаго начальства; е) не платившихъ исправно податей и сборовъ при всѣхъ мѣрахъ, принимавшихся къ тому начальствомъ. Къ этому же разряду причислялись не только тѣ, которые имѣли всѣ исчисленные пороки и недостатки, но и тѣ, которые замѣчались въ одномъ изъ этихъ недостатковъ, хотя-бы и соотвѣтствовали прочимъ условіямъ, требуемымъ для 3-го разряда, а равно въ видѣ исправительнаго наказанія, младшіе члены семействъ первыхъ двухъ разрядовъ, которые, впавъ въ пороки или нерадѣніе къ хозяйству, за сдѣланными имъ внушеніями, не исправлялись.

Права и обязанности земледѣльцевъ раздѣлялись проектомъ также по разрядамъ, при этомъ лица первыхъ двухъ разрядовъ, обязанныя во всемъ служить примѣромъ для двухъ низшихъ разрядовъ, не только не должны

были защищать и укрывать отъ взысканія людей строптивыхъ, грубыхъ, непослушныхъ, нерадивыхъ къ хозяйству и ведущихъ бродячую жизнь, но, напротивъ—указывать таковыхъ начальству и добрыми совѣтами и убѣжденіями вести ихъ къ исправленію, а людей, не подававшихъ надежды послѣ нѣсколькихъ принимавшихся къ ихъ исправленію мѣръ, стараться удалять изъ общества, дабы не давать поблажки къ нерадѣнію и своеволію другимъ хозяевамъ, а тѣмъ болѣе молодымъ людямъ. На хозяевъ первыхъ двухъ разрядовъ возлагалась обязанность входить въ разсмотрѣніе общественныхъ нуждъ колоній, просить о назначеніи мірскихъ сходовъ сельскій приказъ, который долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о приглашеніи на сходъ и хозяевъ третьяго разряда, имѣющихъ право голоса наравнѣ съ хозяевами 1-го и 2-го разрядовъ. Въ общественныя должности шульцевъ и бейзицеровъ проектировалось избирать только хозяевъ первыхъ двухъ разрядовъ. Хозяева же 3 разряда могли назначаться десятскими и счетчиками для повѣрки прихода и расхода общественныхъ суммъ и хлѣба и проч. Земледѣльцы 4-го разряда не только не могли быть выбираемы ни въ какія общественныя должности, не имѣли даже права голоса и участія въ мірскихъ сходахъ, ибо «большая часть безпорядковъ въ колоніяхъ происходила отъ весьма вреднаго вмѣшательства въ обсужденіе общественныхъ вопросовъ 4 разрядныхъ, многіе изъ коихъ принадлежали къ числу начитавшихся библейскихъ толкованій и потому пользовавшихся нѣкоторымъ уваженіемъ общества, подстрекательствомъ постоянно противодѣйствовали всѣмъ благимъ начинаніямъ хорошихъ хозяевъ и мѣстнаго начальства».

Для расширенія и улучшенія между земледѣльцами скотоводства, хозяевамъ 1-го разряда дозволялось безплатно пасти на общественныхъ пастбищахъ рогатый скотъ и лошадей до 20 и овецъ до 60 штукъ; это право распространялось и на хозяевъ 2-го разряда лишь для 15 штукъ рогатаго скота и лошадей и для 45 овецъ. Хозяевамъ первыхъ двухъ разрядовъ, при обработкѣ значительнаго количества земли и при маломъ числѣ рабочихъ рукъ, а равно при обильномъ урожаѣ, дозволялось нанимать работниковъ изъ евреевъ же земледѣльцевъ; хозяева же 3-го и 4-го разрядовъ должны были непремѣнно сами со всѣми своими работать въ полѣ. Вообще хозяева первыхъ 3-хъ разрядовъ обязывались вести себя такъ исправно и заниматься хозяйствомъ съ такимъ усердіемъ, чтобы, по истеченіи пяти лѣтъ со времени утвержденія проекта, хозяева 1-го разряда, кромѣ исполненія въ строгомъ смыслѣ всего того, что указано для ихъ разряда, имѣли бы каждый свой плугъ и всѣ прочія земледѣльческія орудія и не менѣе 4-хъ лошадей и 3-хъ паръ воловъ, рабочаго скота, а равно обработывали въ сложности подъ хлѣбопашество, огородничество и посѣвы льна не менѣе 15 десятинъ; второй разрядъ долженъ былъ имѣть тогда и исполнять все то, что полагалось для перваго, а третій—что полагалось для 2-го разряда. Каждый хозяинъ 1-го и 2-го разрядовъ, производившій высѣвы въ теченіи 5 лѣтъ хлѣба и огородныхъ растеній не

менѣе шести десятинъ, имѣвшій собственный плугъ съ волами или лошадьми, производившій посѣвы конопли и льна, разведшій около дома болѣе 50 деревъ, имѣвшій болѣе 20 штукъ скота и не менѣе 100 овецъ, устроившій домъ и другія строенія прочно и содержавшій оные въ исправности, пріобрѣталъ право быть представленнымъ къ награжденію медалью.

Дабы родители съ малолѣтства пріучали дѣтей мужескаго и женскаго пола къ земледѣлію и хозяйству, проектомъ «возбранялось разрѣшать вступленіе въ бракъ молодымъ евреямъ и еврейкамъ, доколѣ они не будутъ достаточно свѣдущи въ полевыхъ работахъ и не докажутъ сего на дѣлѣ, а какъ молодые земледѣльцы могли вступить въ бракъ съ лицами въ другихъ колоніяхъ, или внѣ оныхъ, безъ вѣдома мѣстнаго начальства, то никакой бракъ не долженъ былъ быть заключенъ безъ письменныхъ дозволительныхъ свидѣтельствъ мѣстнаго начальства тѣхъ селеній, къ которымъ желавшіе сочетаться бракомъ принадлежали». Главы семействъ первыхъ двухъ разрядовъ за неисполненіе по хозяйству, не смотря на напоминаніе начальства, какихъ либо условій, для нихъ предписанныхъ, подлежали переводу въ третій разрядъ; если же по истеченіи года не исправлялись, то въ наказаніе переводились въ 4 разрядъ. Хозяева же 3-го разряда за невыполненіе предписанныхъ имъ условій, а равно младшіе члены семействъ хозяевъ первыхъ двухъ разрядовъ, замѣченные въ лѣности и нерадѣніи къ хозяйству, если увѣщаніе и убѣжденіе на нихъ не дѣйствовали, переводились въ 4 разрядъ до совершеннаго исправленія. Ежели поименованныя въ предъидущемъ параграфѣ лица сверхъ нерадѣнія и лѣности оказывали ослушаніе и неуваженіе къ мѣстному начальству, то при переводѣ ихъ въ 4 разрядъ подвергались строгому аресту отъ одного до 3 дней, или тѣлесному наказанію отъ 10 до 20 ударовъ розгами, по опредѣленію сельскихъ начальствъ обще съ сельскимъ приказомъ. За грубости и буйства противу сельскихъ старшинъ и сельскаго начальника виновные подвергались, къ какому бы разряду ни принадлежали, за первый разъ—строгому аресту отъ 2 до 5 дней, за второй—тѣлесному наказанію отъ 20 до 30 ударовъ розгами и переводу въ 4 разрядъ. Хозяева 4-го разряда отдавались проектомъ въ ближайшее распоряженіе сельскихъ начальниковъ, которые причисляли ихъ къ рабочей упряжи, отъ которой освобождались только съ разрѣшенія попечительства, по удостовѣренію сельскихъ начальниковъ о ихъ исправленіи, успѣхѣ и усердіи къ работамъ, но не прежде, какъ чрезъ годъ. Всѣ причисленные къ рабочей упряжи, безъ вѣдома сельскаго начальства, не могли никуда отлучаться, а за нерадѣніе и упорство—подвергались, по усмотрѣнію сельскаго начальника, назначенію въ общественныя работы, аресту отъ 1 до 3 дней, или даже тѣлесному наказанію отъ 5 до 20 ударовъ розгами. За бродяжество евреи, по возвращеніи въ колонію, подвергались суду сельской расправы и взысканію по закону, а по приведеніи наказанія въ исполненіе, причислялись къ рабочей упряжи. Оштрафованные за побѣгъ изъ колоніи въ 3-й разъ отдавались: годные—въ военную службу, а негодные—отправлялись

въ ссылку. Семейства или отдѣльныя лица, которыхъ бѣдность происходила по причинамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, т. е., по сиротству, увѣчью, болѣзни, дряхлости, малочисленности семейства и несчастнымъ случаямъ, подчинялись проектомъ особому попеченію сельскихъ начальниковъ, сельскихъ приказовъ и выборныхъ изъ лучшихъ хозяевъ перваго разряда, обязанныхъ содѣйствовать имъ въ пріисканіи занятій и имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы наемная цѣна была имъ уплачиваема всегда сполна и своевременно. Сироты, имѣвшія болѣе 14 лѣтъ и были крѣпкаго тѣлосложенія, отдавались проектомъ благонадежнымъ мастерамъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ для обученія разнымъ мастерствамъ: кузнечному, колесному, дѣланію плуговъ, фургоновъ и для изученія садоводства, а сироты малоспособныя къ ремесламъ подлежали отдачѣ въ работники земледѣльцамъ первыхъ двухъ разрядовъ и деньги, получаемыя по условіямъ, за отчисленіемъ на необходимые для нихъ расходы и на уплату за нихъ податей и повинностей, обращались въ сберегательную кассу для приращенія процентами, а по достиженіи сиротами совершеннолѣтія, на собранныя деньги для нихъ устраивались хозяйства, а сами они включаются въ разряды по числу рабочаго скота и по устройству хозяйства вообще. Люди старые, дряхлые, одержимые хроническими болѣзнями, не имѣвшіе семействъ, которыя могли бы ихъ содержать,—оставались на попеченіи ихъ семействъ (?), а ежели отыскивали службу у городскихъ жителей, то снабжались безпрепятственно билетами для заработковъ. Такіе же немощные и безсемейные оставлялись на попеченіе обществъ. Изъ семействъ нерадивыхъ, гдѣ было болѣе чѣмъ нужно для рабочей упряжи рукъ, сельскіе начальники, по своему усмотрѣнію, отдавали одного или болѣе членовъ въ наемъ, какъ работниковъ, къ состоятельнымъ хозяевамъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы они въ рабочее время употреблялись въ земледѣльческія работы.

Распредѣленіе земледѣльцевъ по разрядамъ предоставлялось мѣстному начальству колоніи, по подробномъ разсмотрѣніи ихъ нравственныхъ качествъ и состоянія ихъ хозяйствъ, а вначалѣ каждаго года сельскій начальникъ, при содѣйствіи коммисіи изъ 6-ти или по крайней мѣрѣ 4-хъ лучшихъ и благонадежнѣйшихъ хозяевъ 1-го разряда и мѣстнаго сельскаго приказа, составляли новое распредѣленіе по разрядамъ, сообразно степени успѣха ихъ въ земледѣліи и хозяйствѣ. О хозяевахъ, улучшавшихъ свои хозяйства и исправлявшихся въ нравственномъ отношеніи, а равно о хозяевахъ, не выполнявшихъ условій, требовавшихся разрядомъ, въ коемъ состояли, сельскій начальникъ обязывался отмѣчать въ спискахъ и представлять ихъ въ Попечительство съ надлежащимъ объясненіемъ о причинахъ, побуждавшихъ къ повышенію или пониженію хозяевъ по разрядамъ. Попечитель, по разсмотрѣніи разрядныхъ списковъ, утверждалъ ихъ или отмѣнялъ, если находилъ препятствія.

Проектъ этотъ, сущность котораго мы изложили, переданъ былъ на заключеніе министерскаго ученаго комитета, а комитетъ поручилъ предварительно разсмотрѣть его одному изъ своихъ чле-

новъ, надворному совѣтнику С. П. Щепкину, который отозвался, что хотя проектъ инструкціи о раздѣленіи евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственномъ отношеніи на разряды и составленъ въ примѣненіи къ существующимъ о евреяхъ-земледѣльцахъ законоположеніямъ, но они имѣли цѣлію *понуждать* евреевъ, разъ изъявившихъ желаніе заниматься земледѣліемъ, — не измѣнять своихъ занятій. Способы понужденія состояли по мнѣнію г. Щепкина: съ одной стороны—въ разнаго рода льготахъ, а съ другой—въ строгихъ взысканіяхъ. Между тѣмъ законоположенія эти, сколько было извѣстно г. Щепкину, почти не достигали цѣли, ибо евреи изъявляли желаніе заниматься земледѣліемъ ради льготъ и въ надеждѣ смягченія взысканій. Если эти постановленія, говорилъ г. Щепкинъ, будутъ сохранены, то и инструкція о раздѣленіи ихъ на разряды въ хозяйственномъ отношеніи могла быть одобрена; но рѣзкости, которыя существовали въ законахъ о евреяхъ земледѣльцахъ, въ инструкціи о раздѣленіи ихъ на разряды—становились, по словамъ г. Щепкина, гораздо сильнѣе: по закону, продолжалъ г. Щепкинъ, евреи, не доведшіе своего хозяйства до требуемой степени,—отдавались въ рекруты или исключались изъ сельскаго сословія; а въ инструкціи проектировалось, воспрещеніе вступленія въ бракъ молодымъ евреямъ и еврейкамъ, доколѣ они не будутъ достаточно свѣдущи въ полевыхъ работахъ и не докажутъ этого на дѣлѣ. Далѣе г. Щепкинъ замѣтилъ, что инструкція расходится съ законами: всякое еврейское семейство, поселенное на казенныхъ земляхъ, по закону на другой годъ своего поселенія обязывалось завести огородъ, обработать и засѣять не менѣе десятины въ полѣ; въ четвертый годъ имѣть огородъ и по двѣ десятины въ полѣ, а въ шестой годъ — имѣть огородъ, по три десятины въ полѣ обработанной земли и хозяйственныя принадлежности по инвентарю, по которому, между прочимъ, требовалось скота: три штуки рабочаго и двѣ дойныя коровы, а по инструкціи къ первому разряду относились тѣ хозяева, которые имѣли не менѣе двухъ паръ рабочихъ воловъ или трехъ лошадей, засѣвали не менѣе $8^1/_2$ десят. хлѣбомъ, $1^1/_2$ десят. огородными овощами и картофелемъ. Если правительство довольствовалось меньшими условіями, то г. Щепкинъ

не видѣлъ повода увеличивать ихъ въ инструкціи, тѣмъ болѣе, что со времени изданія закона (1847 г.) земледѣліе между евреями едва-ли такъ развилось, чтобы нужно было увеличивать требованія и не причислять къ первому разряду тѣхъ хозяевъ, которые выполнили свои обязанности по закону. Ко второму разряду по инструкціи отнесены были хозяева, имѣющіе не менѣе пары воловъ или двухъ лошадей, засѣвающіе, при другихъ условіяхъ, безъ принужденія, не менѣе шести десятинъ разнаго рода хлѣбомъ, 1 десят. картофелемъ и огородными овощами, слѣдовательно къ этому разряду нельзя было, по словамъ г. Щепкина, относить семейство, которое, относительно правительства, на четвертый годъ по водвореніи, исполнило свои обязанности. Къ третьему разряду причислялись хозяева, имѣвшіе двѣ пары воловъ или одну лошадь и, при другихъ условіяхъ, обработывающіе не менѣе 4 десятинъ земли для посѣва хлѣба, отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ десятины засѣвающіе картофелемъ и огородными овощами, тогда какъ къ этому разряду подходили, по доводамъ г. Щепкина, только семейства, на 4 годъ своего поселенія исполнившія обязательство передъ правительствомъ, а такія семейства, по истеченіи 2 лѣтъ, не могли еще быть причислены къ третьему разряду по инструкціи, а только къ 4-му; къ которому же, спрашивалъ г. Щепкинъ, разряду относились люди, неимѣвшіе посѣвовъ? Разобравъ проектъ, С. П. Щепкинъ считалъ необходимымъ раздѣленіе евреевъ-земледѣльцевъ на разряды согласовать лишь съ требованіями закона, для чего и желалъ измѣнить инструкцію, если «потребность въ ней еще не прекратилась».

Ученый комитетъ согласился съ Щепкинымъ въ томъ, что законоположенія, послужившія основаніемъ для составленія инструкціи, не привели къ предположенной цѣли. Евреи, какъ показывали факты, переходили въ земледѣльцы единственно ради льготъ, имъ предоставлявшихся, а не изъ желанія дѣйствительно заняться хлѣбопашествомъ. Получивъ землю для обработки, они не заботились о развитіи своего хозяйства, а только старались различными способами избѣгать взысканій за неисполненіе обязанности. Такимъ образомъ, по мнѣнію Комитета, ни льготы, ни взысканія за нерадивость — не возбуждали въ

евреяхъ любви и охоты къ земледѣльческимъ занятіямъ, отчего и постановленія по этому предмету и впередъ не будутъ имѣть болѣе удовлетворительные результаты. Эти обстоятельства привели комитетъ къ вопросу о томъ, не полезнѣе ли было бы пересмотрѣть самыя законоположенія о евреяхъ-земледѣльцахъ? Комитетъ питалъ увѣренность, что лишь безпристрастное разсмотрѣніе положенія еврейскихъ колоній и причинъ, препятствовавшихъ успѣхамъ ихъ основанія, могли бы указать измѣненія, какія слѣдовало бы ввести въ законоположенія, дабы «цѣль образованія сословія евреевъ-земледѣльцевъ достигалась дѣйствительнымъ улучшеніемъ ихъ быта и развитіемъ у нихъ земледѣлія, а не однимъ только числомъ ихъ». Обсужденіе фактовъ, представляемыхъ еврейскими поселеніями, и сличеніе ихъ съ узаконеніями, уяснили бы, по убѣжденію Комитета, «самую даже степень усилій, которыя правительство должно употреблять для водворенія евреевъ на земляхъ государственныхъ, а сообразно съ этимъ и мѣру даруемыхъ имъ льготъ, коими слѣдовало добиваться сей цѣли». «Но, продолжалъ комитетъ, если пересмотръ положеній о евреяхъ-земледѣльцахъ, по административнымъ или другимъ причинамъ, будетъ признанъ преждевременнымъ, то отъ усиленія понудительныхъ мѣръ, принятыхъ законами, и отъ подраздѣленія наказаній на разныя степени, какъ сдѣлано въ инструкціи,—для развитія хозяйства между евреями во всякомъ случаѣ нельзя ожидать большой пользы, ибо если предоставленныя имъ преимущества недостаточно побуждали ихъ къ усовершенствованію хозяйства, то принужденія еще менѣе будутъ содѣйствовать этому, а скорѣе остановятъ переходъ евреевъ въ земледѣльцы, чѣмъ окажутъ благотворное вліяніе на ихъ хозяйственный бытъ». Поэтому комитетъ полагалъ, что «строгость взысканія съ евреевъ за нерадивость въ хозяйствѣ не должна, по крайней мѣрѣ, превышать мѣръ, уже установленныхъ съ этою цѣлью узаконеніями, отступленія отъ которыхъ указаны С. П. Щепкинымъ» *.

---

6 По документамъ отъ 10 декабря 1851 г.; 13 августа, 17 сентября и 21 декаря 1853 г.; 8 и 30 апрѣля и 20 мая 1854 г.; 21 іюля 1856 г.; 28 января и 31 декабря 1857 г.; 28 февраля, 14 августа и 16 декабря 1858 г.; 28 апрѣля, 15 іюля, 16 октября и 15 декабря 1859 г.; 18 января и 28 апрѣля 1860 г.

Къ тому времени, когда г. Щепкинъ и комитетъ возстали противъ инструкціи—уже проектировались освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и отмѣна тѣлеснаго наказанія; поэтому и суровая инструкція была отвергнута, какъ противорѣчившая благимъ начинаніямъ правительства.

В. Никитинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗЕМЛЯКАМЪ-УКРАИНЦАМЪ.

Братъ-украинецъ, вѣками,
За врага считалъ еврея,
Проявлялъ дурныя чувства
Часто, гнѣвомъ пламенѣя...

Но теперь, во дни прогресса,
Въ каждомъ ближнемъ *человѣка*
Свято чтить должны мы, дѣти
Девятнадцатаго вѣка!

Пусть, какъ тучи, налетали
Безобразные порывы:
Все-же въ душахъ малорусскихъ
Божьи искры были живы!

Пусть на родинѣ „погромы“
Видѣлъ я, печали полный
(По родному югу бурно
Пронеслися эти волны!):

Все-жъ землякъ не пролилъ крови,—
Не покрылъ себя позоромъ,
Запятнавъ убійствомъ руки
Съ изступленно-дикимъ взоромъ!...

Разрушалъ дома народъ мой...
Но простятъ, конечно, внуки
Въ день, когда взойдетъ надъ ними
„Солнце правды и науки!“

Я-жъ—простилъ уже, узнавши,
Что другіе совершали:
Жертвъ невинныхъ вопли слыша
Изъ чужой, угрюмой дали...

С. Бердяевъ.

Кіевъ.
Іюнь 1884 г.

ЕВРЕИ ВЪ АВСТРІИ СЪ 1848 ДО 1883 ГОДА *.

> Прежде я не имѣлъ особенно высокаго понятія о моемъ „*драгоцѣнномъ я*“. Но теперь я чувствую нѣсколько большее уваженіе къ самому себѣ, не потому, чтобы я полагалъ, будто я сдѣлался лучше, но потому, что міръ сдѣлался хуже.
>
> Просперъ Мериме.

Достаточно будетъ немногихъ штриховъ, чтобъ обозначить тотъ путь, по которому шло политическое развитіе евреевъ въ Австріи и Венгріи съ 1848 года. Тѣмъ, что было добыто въ означенномъ году, воспользовались и они, хотя и прошло еще около двадцати лѣтъ прежде, чѣмъ, по превращеніи Австріи въ конституціонное государство, послѣдовало допущеніе и евреевъ къ неограниченному пользованію гражданскими правами.

---

* Извѣстная нѣмецкая книгопродавческая фирма Карла Прохацкаго предприняла въ высшей степени полезное и интересное изданіе подъ названіемъ: „Народы Австро-Венгріи. Этнографическіе и культурно-историческіе очерки“. (Die Völker Oesterreich-Ungarns. Ethnographische und culturhistorische Schilderungen). Каждой народности посвященъ отдѣльный томъ, написанный выдающимся спеціалистомъ и знатокомъ этой народности. Седьмой томъ этого изданія посвященъ евреямъ и написанъ профессоромъ г. Вольфомъ. Впослѣдствіи мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ этого въ высшей степени замѣчательнаго сочиненія. Пока же приводимъ заключительную статью, написанную извѣстнымъ нѣмецкимъ публицистомъ Вильгельмомъ Голодбаумомъ, такъ какъ она какъ разъ подходитъ къ нашему времени вообще, къ современному состоянію такъ называемаго еврейскаго вопроса. *Ред.*

Реакція эпохи конкордата тяжелымъ гнетомъ лежала и на нихъ, но въ этомъ отношеніи они ничѣмъ не отличались отъ всѣхъ другихъ гражданъ. Послѣ непродолжительнаго разсвѣта снова наступила тьма, и притомъ для всѣхъ безъ исключенія, а не для однихъ только тѣхъ, обычный удѣлъ которыхъ составляетъ тьма. Евреи не могли жаловаться ни на что, на что не имѣли бы одинаковаго права жаловаться и другіе; а если имъ, какъ и прежде, приходилось терпѣть больше, чѣмъ другимъ, то происходило это оттого, что, по самой природѣ вещей, всякое реакціонное движеніе обрушивалось прежде всего на нихъ, какъ на относительно слабѣйшихъ членахъ государства, и что вслѣдствіе закоренѣлыхъ предразсудковъ имъ предоставлялось только право на терпимость, тамъ, гдѣ имъ принадлежало бы право на справедливость.

Сущность еврейскаго вопроса постоянно остается тожественною съ сущностью вопроса о свободѣ. Дѣло заключается въ томъ, можно ли признавать за евреями право предъявлять извѣстныя требованія къ государству, или же имъ, какъ части цѣлаго, слѣдуетъ отказать въ томъ существованіи, которое предоставлено другимъ, смотря по мѣрѣ прогрессивнаго развитія. Вопросъ не въ томъ, сколько имъ даютъ или сколько у нихъ отнимаютъ, а въ томъ, можно ли вообще давать и отнимать по произволу тамъ, гдѣ права принципіально опредѣлены и гарантированы конституціей?

Съ того самаго момента, какъ Австрія сдѣлалась государствомъ конституціоннымъ, какъ по сю, такъ и по ту стороны Лейты принципіально были устранены тѣ преграды, которыя воздвигло невѣжественное прошлое, въ законодательствѣ и на практикѣ, между извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ и пользованіемъ гражданскими правами. Эмансипація евреевъ сдѣлалась фактомъ совершившимся, отъ Пассау до Землина и отъ Каттаро до Боденбаха. Но принципіально признанный фактъ—еще далеко не осуществившійся на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не проведена ясная и опредѣленная граница между властями законодательной и исполнительной. Даже всѣ наиболѣе вѣрныя конституціи министерства, начиная отъ Шмерлинга до Ауэршпер-

га, не свободны отъ упрека въ томъ, что онѣ оставили эту грань болѣе эластичною, чѣмъ то допускала объявленная въ законѣ равноправность сословій и исповѣданій; тѣмъ болѣе понятно, что другія министерства, болѣе реакціонныя по склонностямъ и взглядамъ, какъ, напр., министерства Белькреди и Гогенварта, не сочли нужнымъ пополнить то, что было упущено первыми. Одинаковые для всѣхъ исповѣданій законы о свободѣ школы были, правда, фактомъ; но тѣмъ не менѣе они разрѣшали вопросъ только на половину до тѣхъ поръ, пока не былъ установленъ гражданскій бракъ; они имѣли немало слабыхъ сторонъ, которыми удобно могла воспользоваться будущая реакція, и только этими пробѣлами ихъ и можно объяснить то, что въ самое послѣднее время вновь поднялась буря противъ общихъ, безъ различія вѣроисповѣданій, школъ, и что вопросъ о вѣроисповѣданіи снова угрожаетъ сдѣлаться рѣшающимъ въ совмѣстной жизни гражданъ одного и того же государства.

Не легко будетъ отстранить эту грозу, поднятую противъ цивилизаціи и справедливости, отъ высшихъ слоевъ до самыхъ низшихъ, частью вслѣдствіе довольно сомнительнаго свойства политическихъ соображеній, частью вслѣдствіе грубой и невѣжественной нетерпимости. Мотивы эти ясно обнаружились въ залѣ засѣданій Нійрегигазскаго суда, и они продолжаютъ дѣйствовать втихомолку. Они являются результатомъ того ложнаго предположенія, будто можно предотвратить опасности соціальнаго движенія, направивъ его противъ зажиточныхъ евреевъ и дѣлая его, этимъ путемъ, неопаснымъ для господствующихъ классовъ. Вполнѣ признавая громадное и неожиданное развитіе могущества Германіи за послѣднія два десятилѣтія, нисколько не умаляя заслугъ главнаго виновника его, мы должны, однако, признать въ то же время, что движеніе, называющееся антисемитическимъ, прежде всего пустило корни среди „народа философовъ и поэтовъ“. Именно въ Германіи въ послѣднее время были вновь формулированы, согласно старинному діалектическимъ преданіямъ, догматы племенной и религіозной ненависти. И при этомъ оттуда, гдѣ сосредоточивается высшая власть, не раздалось ни малѣйшаго слова неодобренія по поводу этихъ

безобразій, изъ чего не трудно было вывести заключеніе, что послѣднія подходятъ къ системѣ, направленной къ ожесточенной борьбѣ противъ либерализма. А между тѣмъ либерализмъ, хотя онъ и допускаетъ возможность существованія еврейскаго вопроса, далеко не придаетъ ему того значенія, которое придается ему въ программѣ реакціонеровъ. Еврейскій вопросъ является оселкомъ, какъ для либераловъ, такъ и для противниковъ ихъ. Гейне въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій сравниваетъ евреевъ съ скороходомъ, котораго онъ видѣлъ въ то время, когда онъ былъ студентомъ въ Геттингенѣ. „Мои предки“,—говоритъ онъ.—„принадлежали не къ гонявшимъ, а скорѣе къ гонимымъ... Слава Богу, времена эти уже прошли! Если теперь охотнику вздумается снова погнаться за человѣкомъ, то ему слѣдуетъ заплатить за то, какъ, напримѣръ, тому скороходу, котораго я два года тому назадъ видѣлъ въ Геттингенѣ. Бѣдняга уже порядочно-таки утомился, бѣгая по солнопеку, какъ вдругъ нѣсколько ганноверскихъ дворянчиковъ, якобы слушавшихъ лекціи въ Геттингенѣ, предложили ему нѣсколько талеровъ за то, чтобъ онъ пробѣжалъ еще столько же; и онъ побѣжалъ, съ смертельною блѣдностью на лицѣ, въ своей красной курткѣ, а позади него скакали галопомъ упитанные, благородные юноши, и переднія копыта ихъ коней порою задѣвали по ногамъ бѣднаго скорохода,—а вѣдь это былъ человѣкъ!“—Это было написано въ 1826 году, но, увы! времена эти не миновали и до сихъ поръ; съ тою только разницею, что теперь дворянчикъ, гоняя еврея, нашелъ себѣ товарищей въ богословахъ, философахъ, политикахъ, и что за ними, крича и гогоча, бѣжитъ, какъ дикая стая, невѣжественная чернь. И эта бѣдная чернь сама не вѣдаетъ того, для кого она работаетъ. Для нея погромы евреевъ представляются цѣлью сами по себѣ; она совершаетъ ихъ съ тою же дикою безсознательностью, какъ и всякія другія насилія. Но для тѣхъ, въ рукахъ которыхъ эта чернь является лишь слѣпымъ орудіемъ, еврейскіе погромы являются только средствомъ для борьбы противъ политическихъ враговъ, не-евреевъ, и поэтому у нихъ вмѣсто дикой грубости является извѣстная утонченность. Они самымъ безсовѣстнымъ об-

новъ, надворному совѣтнику С. П. Щепкину, который отозвался, что хотя проектъ инструкціи о раздѣленіи евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственномъ отношеніи на разряды и составленъ въ примѣненіи къ существующимъ о евреяхъ-земледѣльцахъ законоположеніямъ, но они имѣли цѣлію *понуждать* евреевъ, разъ изъявившихъ желаніе заниматься земледѣліемъ, — не измѣнять своихъ занятій. Способы понужденія состояли по мнѣнію г. Щепкина: съ одной стороны—въ разнаго рода льготахъ, а съ другой—въ строгихъ взысканіяхъ. Между тѣмъ законоположенія эти, сколько было извѣстно г. Щепкину, почти не достигали цѣли, ибо евреи изъявляли желаніе заниматься земледѣліемъ ради льготъ и въ надеждѣ смягченія взысканій. Если эти постановленія, говорилъ г. Щепкинъ, будутъ сохранены, то и инструкція о раздѣленіи ихъ на разряды въ хозяйственномъ отношеніи могла быть одобрена; но рѣзкости, которыя существовали въ законахъ о евреяхъ земледѣльцахъ, въ инструкціи о раздѣленіи ихъ на разряды—становились, по словамъ г. Щепкина, гораздо сильнѣе: по закону, продолжалъ г. Щепкинъ, евреи, не доведшіе своего хозяйства до требуемой степени,—отдавались въ рекруты или исключались изъ сельскаго сословія; а въ инструкціи проектировалось, воспрещеніе вступленія въ бракъ молодымъ евреямъ и еврейкамъ, доколѣ они не будутъ достаточно свѣдущи въ полевыхъ работахъ и не докажутъ этого на дѣлѣ. Далѣе г. Щепкинъ замѣтилъ, что инструкція расходится съ законами: всякое еврейское семейство, поселенное на казенныхъ земляхъ, по закону на другой годъ своего поселенія обязывалось завести огородъ, обработать и засѣять не менѣе десятины въ полѣ; въ четвертый годъ имѣть огородъ и по двѣ десятины въ полѣ, а въ шестой годъ — имѣть огородъ, по три десятины въ полѣ обработанной земли и хозяйственныя принадлежности по инвентарю, по которому, между прочимъ, требовалось скота: три штуки рабочаго и двѣ дойныя коровы, а по инструкціи къ первому разряду относились тѣ хозяева, которые имѣли не менѣе двухъ паръ рабочихъ воловъ или трехъ лошадей, засѣвали не менѣе 8½ десят. хлѣбомъ, 1½ десят. огородными овощами и картофелемъ. Если правительство довольствовалось меньшими условіями, то г. Щепкинъ

не видѣлъ повода увеличивать ихъ въ инструкціи, тѣмъ болѣе, что со времени изданія закона (1847 г.) земледѣліе между евреями едва-ли такъ развилось, чтобы нужно было увеличивать требованія и не причислять къ первому разряду тѣхъ хозяевъ, которые выполнили свои обязанности по закону. Ко второму разряду по инструкціи отнесены были хозяева, имѣющіе не менѣе пары воловъ или двухъ лошадей, засѣвающіе, при другихъ условіяхъ, безъ принужденія, не менѣе шести десятинъ разнаго рода хлѣбомъ, 1 десят. картофелемъ и огородными овощами, слѣдовательно къ этому разряду нельзя было, по словамъ г. Щепкина, относить семейство, которое, относительно правительства, на четвертый годъ по водвореніи, исполнило свои обязанности. Къ третьему разряду причислялись хозяева, имѣвшіе двѣ пары воловъ или одну лошадь и, при другихъ условіяхъ, обработывающіе не менѣе 4 десятинъ земли для посѣва хлѣба, отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ десятины засѣвающіе картофелемъ и огородными овощами, тогда какъ къ этому разряду подходили, по доводамъ г. Щепкина, только семейства, на 4 годъ своего поселенія исполнившія обязательство передъ правительствомъ, а такія семейства, по истеченіи 2 лѣтъ, не могли еще быть причислены къ третьему разряду по инструкціи, а только къ 4-му; къ которому же, спрашивалъ г. Щепкинъ, разряду относились люди, неимѣвшіе посѣвовъ? Разобравъ проектъ, С. П. Щепкинъ считалъ необходимымъ раздѣленіе евреевъ-земледѣльцевъ на разряды согласовать лишь съ требованіями закона, для чего и желалъ измѣнить инструкцію, если «потребность въ ней еще не прекратилась».

Ученый комитетъ согласился съ Щепкинымъ въ томъ, что законоположенія, послужившія основаніемъ для составленія инструкціи, не привели къ предположенной цѣли. Евреи, какъ показывали факты, переходили въ земледѣльцы единственно ради льготъ, имъ предоставлявшихся, а не изъ желанія дѣйствительно заняться хлѣбопашествомъ. Получивъ землю для обработки, они не заботились о развитіи своего хозяйства, а только старались различными способами избѣгать взысканій за неисполненіе обязанности. Такимъ образомъ, по мнѣнію Комитета, ни льготы, ни взысканія за нерадивость — не возбуждали въ

евреяхъ любви и охоты къ земледѣльческимъ занятіямъ, отчего и постановленія по этому предмету и впередъ не будутъ имѣть болѣе удовлетворительные результаты. Эти обстоятельства привели комитетъ къ вопросу о томъ, не полезнѣе ли было бы пересмотрѣть самыя законоположенія о евреяхъ-земледѣльцахъ? Комитетъ питалъ увѣренность, что лишь безпристрастное разсмотрѣніе положенія еврейскихъ колоній и причинъ, препятствовавшихъ успѣхамъ ихъ основанія, могли бы указать измѣненія, какія слѣдовало бы ввести въ законоположенія, дабы «цѣль образованія сословія евреевъ-земледѣльцевъ достигалась дѣйствительнымъ улучшеніемъ ихъ быта и развитіемъ у нихъ земледѣлія, а не однимъ только числомъ ихъ». Обсужденіе фактовъ, представляемыхъ еврейскими поселеніями, и сличеніе ихъ съ узаконеніями, уяснили бы, по убѣжденію Комитета, «самую даже степень усилій, которыя правительство должно употреблять для водворенія евреевъ на земляхъ государственныхъ, а сообразно съ этимъ и мѣру даруемыхъ имъ льготъ, коими слѣдовало добиваться сей цѣли». «Но, продолжалъ комитетъ, если пересмотръ положеній о евреяхъ-земледѣльцахъ, по административнымъ или другимъ причинамъ, будетъ признанъ преждевременнымъ, то отъ усиленія понудительныхъ мѣръ, принятыхъ законами, и отъ подраздѣленія наказаній на разныя степени, какъ сдѣлано въ инструкціи,—для развитія хозяйства между евреями во всякомъ случаѣ нельзя ожидать большой пользы, ибо если предоставленныя имъ преимущества недостаточно побуждали ихъ къ усовершенствованію хозяйства, то принужденія еще менѣе будутъ содѣйствовать этому, а скорѣе остановятъ переходъ евреевъ въ земледѣльцы, чѣмъ окажутъ благотворное вліяніе на ихъ хозяйственный бытъ». Поэтому комитетъ полагалъ, что «строгость взысканія съ евреевъ за нерадивость въ хозяйствѣ не должна, по крайней мѣрѣ, превышать мѣръ, уже установленныхъ съ этою цѣлью узаконеніями, отступленія отъ которыхъ указаны С. П. Щепкинымъ» *.

б По документамъ отъ 10 декабря 1851 г.; 13 августа, 17 сентября и 21 декаря 1853 г.; 8 и 30 апрѣля и 20 мая 1854 г.; 21 іюля 1856 г.; 28 января и 31 декабря 1857 г.; 28 февраля, 14 августа и 16 декабря 1858 г.; 28 апрѣля, 15 іюля, 16 октября и 15 декабря 1859 г.; 18 января и 28 апрѣля 1860 г.

Къ тому времени, когда г. Щепкинъ и комитетъ возстали противъ инструкціи—уже проектировались освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и отмѣна тѣлеснаго наказанія; поэтому и суровая инструкція была отвергнута, какъ противорѣчившая благимъ начинаніямъ правительства.

В. Никитинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗЕМЛЯКАМЪ-УКРАИНЦАМЪ.

Братъ-украинецъ, вѣками,
За врага считалъ еврея,
Проявлялъ дурныя чувства
Часто, гнѣвомъ пламенѣя...

Но теперь, во дни прогресса,
Въ каждомъ ближнемъ *человѣка*
Свято чтить должны мы, дѣти
Девятнадцатаго вѣка!

Пусть, какъ тучи, налетали
Безобразные порывы:
Все-же въ душахъ малорусскихъ
Божьи искры были живы!

Пусть на родинѣ „погромы“
Видѣлъ я, печали полный
(По родному югу бурно
Пронеслися эти волны!):

Все-жъ землякъ не пролилъ крови,—
Не покрылъ себя позоромъ,
Запятнавъ убійствомъ руки
Съ изступленно-дикимъ взоромъ!...

Разрушалъ дома народъ мой...
Но простятъ, конечно, внуки
Въ день, когда взойдетъ надъ ними
„Солнце правды и науки!“

Я-жъ—простилъ уже, узнавши,
Что другіе совершали:
Жертвъ невинныхъ вопли слыша
Изъ чужой, угрюмой дали...

С. Бердяевъ.

Кіевъ.
Іюнь 1884 г.

ЕВРЕИ ВЪ АВСТРІИ СЪ 1848 ДО 1883 ГОДА *.

Прежде я не имѣлъ особенно высокаго понятія о моемъ „*драгоцѣнномъ я*“. Но теперь я чувствую нѣсколько большее уваженіе къ самому себѣ, не потому, чтобы я полагалъ, будто я сдѣлался лучше, но потому, что міръ сдѣлался хуже.

Проспферъ Мериме.

Достаточно будетъ немногихъ штриховъ, чтобъ обозначить тотъ путь, по которому шло политическое развитіе евреевъ въ Австріи и Венгріи съ 1848 года. Тѣмъ, что было добыто въ означенномъ году, воспользовались и они, хотя и прошло еще около двадцати лѣтъ прежде, чѣмъ, по превращеніи Австріи въ конституціонное государство, послѣдовало допущеніе и евреевъ къ неограниченному пользованію гражданскими правами.

---

* Извѣстная нѣмецкая книгопродавческая фирма Карла Прохацкаго предприняла въ высшей степени полезное и интересное изданіе подъ названіемъ: „Народы Австро-Венгріи. Этнографическіе и культурно-историческіе очерки“. (Die Völker Oesterreich-Ungarns. Ethnographische und culturhistorische Schilderungen). Каждой народности посвященъ отдѣльный томъ, написанный выдающимся спеціалистомъ и знатокомъ этой народности. Седьмой томъ этого изданія посвященъ евреямъ и написанъ профессоромъ г. Вольфомъ. Впослѣдствіи мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ этого въ высшей степени замѣчательнаго сочиненія. Пока же приводимъ заключительную статью, написанную извѣстнымъ нѣмецкимъ публицистомъ Вильгельмомъ Голодбаумомъ, такъ какъ она какъ разъ подходитъ къ нашему времени вообще, къ современному состоянію такъ называемаго еврейскаго вопроса. *Ред.*

Реакція эпохи конкордата тяжелымъ гнетомъ лежала и на нихъ, но въ этомъ отношеніи они ничѣмъ не отличались отъ всѣхъ другихъ гражданъ. Послѣ непродолжительнаго разсвѣта снова наступила тьма, и притомъ для всѣхъ безъ исключенія, а не для однихъ только тѣхъ, обычный удѣлъ которыхъ составляетъ тьма. Евреи не могли жаловаться ни на что, на что не имѣли бы одинаковаго права жаловаться и другіе; а если имъ, какъ и прежде, приходилось терпѣть больше, чѣмъ другимъ, то происходило это оттого, что, по самой природѣ вещей, всякое реакціонное движеніе обрушивалось прежде всего на нихъ, какъ на относительно слабѣйшихъ членахъ государства, и что вслѣдствіе закоренѣлыхъ предразсудковъ имъ предоставлялось только право на терпимость, тамъ, гдѣ имъ принадлежало бы право на справедливость.

Сущность еврейскаго вопроса постоянно остается тожественною съ сущностью вопроса о свободѣ. Дѣло заключается въ томъ, можно ли признавать за евреями право предъявлять извѣстныя требованія къ государству, или же имъ, какъ части цѣлаго, слѣдуетъ отказать въ томъ существованіи, которое предоставлено другимъ, смотря по мѣрѣ прогрессивнаго развитія. Вопросъ не въ томъ, сколько имъ даютъ или сколько у нихъ отнимаютъ, а въ томъ, можно ли вообще давать и отнимать по произволу тамъ, гдѣ права принципіально опредѣлены и гарантированы конституціей?

Съ того самаго момента, какъ Австрія сдѣлалась государствомъ конституціоннымъ, какъ по сю, такъ и по ту стороны Лейты принципіально были устранены тѣ преграды, которыя воздвигло невѣжественное прошлое, въ законодательствѣ и на практикѣ, между извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ и пользованіемъ гражданскими правами. Эмансипація евреевъ сдѣлалась фактомъ совершившимся, отъ Пассау до Землина и отъ Каттаро до Боденбаха. Но принципіально признанный фактъ—еще далеко не осуществившійся на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не проведена ясная и опредѣленная граница между властями законодательной и исполнительной. Даже всѣ наиболѣе вѣрныя конституціи министерства, начиная отъ Шмерлинга до Ауэршпер-

га, не свободны отъ упрека въ томъ, что онѣ оставили эту грань болѣе эластичною, чѣмъ то допускала объявленная въ законѣ равноправность сословій и исповѣданій; тѣмъ болѣе понятно, что другія министерства, болѣе реакціонныя по склонностямъ и взглядамъ, какъ, напр., министерства Белькреди и Гогенварта, не сочли нужнымъ пополнить то, что было упущено первыми. Одинаковые для всѣхъ исповѣданій законы о свободѣ школы были, правда, фактомъ; но тѣмъ не менѣе они разрѣшали вопросъ только на половину до тѣхъ поръ, пока не былъ установленъ гражданскій бракъ; они имѣли немало слабыхъ сторонъ, которыми удобно могла воспользоваться будущая реакція, и только этими пробѣлами ихъ и можно объяснить то, что въ самое послѣднее время вновь поднялась буря противъ общихъ, безъ различія вѣроисповѣданій, школъ, и что вопросъ о вѣроисповѣданіи снова угрожаетъ сдѣлаться рѣшающимъ въ совмѣстной жизни гражданъ одного и того же государства.

Не легко будетъ отстранить эту грозу, поднятую противъ цивилизаціи и справедливости, отъ высшихъ слоевъ до самыхъ низшихъ, частью вслѣдствіе довольно сомнительнаго свойства политическихъ соображеній, частью вслѣдствіе грубой и невѣжественной нетерпимости. Мотивы эти ясно обнаружились въ залѣ засѣданій Нійрегигазскаго суда, и они продолжаютъ дѣйствовать втихомолку. Они являются результатомъ того ложнаго предположенія, будто можно предотвратить опасности соціальнаго движенія, направивъ его противъ зажиточныхъ евреевъ и дѣлая его, этимъ путемъ, неопаснымъ для господствующихъ классовъ. Вполнѣ признавая громадное и неожиданное развитіе могущества Германіи за послѣднія два десятилѣтія, нисколько не умаляя заслугъ главнаго виновника его, мы должны, однако, признать въ то же время, что движеніе, называющееся антисемитическимъ, прежде всего пустило корни среди „народа философовъ и поэтовъ“. Именно въ Германіи въ послѣднее время были вновь формулированы, согласно старинным діалектическимъ преданіямъ, догматы племенной и религіозной ненависти. И при этомъ оттуда, гдѣ сосредоточивается высшая власть, не раздалось ни малѣйшаго слова неодобренія по поводу этихъ

безобразій, изъ чего не трудно было вывести заключеніе, что послѣднія подходятъ къ системѣ, направленной къ ожесточенной борьбѣ противъ либерализма. А между тѣмъ либерализмъ, хотя онъ и допускаетъ возможность существованія еврейскаго вопроса, далеко не придаетъ ему того значенія, которое придается ему въ программѣ реакціонеровъ. Еврейскій вопросъ является оселкомъ, какъ для либераловъ, такъ и для противниковъ ихъ. Гейне въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій сравниваетъ евреевъ съ скороходомъ, котораго онъ видѣлъ въ то время, когда онъ былъ студентомъ въ Геттингенѣ. „Мои предки“,—говоритъ онъ.—„принадлежали не къ гонявшимъ, а скорѣе къ гонимымъ... Слава Богу, времена эти уже прошли! Если теперь охотнику вздумается снова погнаться за человѣкомъ, то ему слѣдуетъ заплатить за то, какъ, напримѣръ, тому скороходу, котораго я два года тому назадъ видѣлъ въ Геттингенѣ. Бѣдняга уже порядочно-таки утомился, бѣгая по солнопеку, какъ вдругъ нѣсколько ганноверскихъ дворянчиковъ, якобы слушавшихъ лекціи въ Геттингенѣ, предложили ему нѣсколько талеровъ за то, чтобъ онъ пробѣжалъ еще столько же; и онъ побѣжалъ, съ смертельною блѣдностью на лицѣ, въ своей красной курткѣ, а позади него скакали галопомъ упитанные, благородные юноши, и переднія копыта ихъ коней порою задѣвали по ногамъ бѣднаго скорохода,—а вѣдь это былъ человѣкъ!“—Это было написано въ 1826 году, но, увы! времена эти не миновали и до сихъ поръ; съ тою только разницею, что теперь дворянчикъ, гоняя еврея, нашелъ себѣ товарищей въ богословахъ, философахъ, политикахъ, и что за ними, крича и гогоча, бѣжитъ, какъ дикая стая, невѣжественная чернь. И эта бѣдная чернь сама не вѣдаетъ того, для кого она работаетъ. Для нея погромы евреевъ представляются цѣлью сами по себѣ; она совершаетъ ихъ съ тою же дикою безсознательностью, какъ и всякія другія насилія. Но для тѣхъ, въ рукахъ которыхъ эта чернь является лишь слѣпымъ орудіемъ, еврейскіе погромы являются только средствомъ для борьбы противъ политическихъ враговъ, не-евреевъ, и поэтому у нихъ вмѣсто дикой грубости является извѣстная утонченность. Они самымъ безсовѣстнымъ об-

разомъ подъискиваютъ въ оправданіе себя мотивы, хотя бы и мотивы самые позорные и никуда не годные. Вѣдь не лѣзть же за мотивами въ карманъ!

Когда въ Германіи, съ церковной и съ профессорской каѳедры, впервые раздались науськиванія противъ евреевъ, причемъ имѣлось въ виду поднять, для борьбы противъ либерализма, якобы популярный флагъ, когда при графѣ Игнатьевѣ въ погромахъ евреевъ видѣли подъемъ народнаго духа, тогда въ Австро-Венгріи многіе съ гордостью указывали на то, что здѣсь подобный позоръ немыслимъ. Въ Цислейтаніи какъ разъ въ то время занимались „примиреніемъ“, а въ Транслейтаніи евреи являются однимъ изъ элементовъ, на который опирается нынѣшнее венгерское правительство. Но это торжество было непродолжительно: въ Тисса-Эсларѣ ему нанесенъ былъ окончательный ударъ. Разумныя движенія можно направлять разумными средствами, но противъ дурныхъ инстинктовъ человѣкъ безсиленъ: они заразительны, какъ эпидемія, и противъ нихъ невозможны никакіе карантины. Двадцатилѣтняя политическая работа пошла прахомъ въ тотъ день, въ который исчезла Эсеирь Солимосси, и никогда не удастся Венгріи смыть съ себя тотъ позоръ, что въ 1883 году въ странѣ мадьяровъ потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ судебнаго разбирательства, для того, чтобъ опровергнуть нелѣпую басню о ритуальныхъ убійствахъ.

Разумный политикъ стоитъ растерянный возлѣ могилы самыхъ лучшихъ надеждъ своихъ. Онъ напоминаетъ въ этомъ отношеніи архитектора, который довелъ строеніе до самаго купола и вдругъ замѣчаетъ въ самомъ фундаментѣ расщелины и трещины, угрожающія паденіемъ всему, возведенному имъ, зданію. Къ чему послужили ему всѣ его старанія и усилія, вся его долголѣтняя борьба, вся его преданность дѣлу своего народа, если вдругъ изъ какой-то темной бездны встаютъ какія-то чудовища, которыя самымъ позорнымъ образомъ разрушаютъ все его созданіе? Они придумали для себя кличку: „антисемиты“, они проповѣдуютъ грубое ученіе о неравноправности племенъ, они возводятъ грубую силу въ роль фактора въ современномъ государствѣ. И евреямъ сужде-

но сдѣлаться объектомъ для примѣненія этого новаго ученія. Но вопросъ тутъ не въ евреяхъ. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы побороть ихъ силою, то антисемитизмъ являлся бы только гнусною трусливостью, представлялъ бы собою возмутительную борьбу великана противъ карлика. Но тутъ вопросъ идетъ о другомъ. Дѣло въ томъ, что если у евреевъ можно отнять то, что гарантировано имъ конституціей, т. е. личную безопасность, одинаковыя съ другими гражданами права и обязанности относительно государства, то кстати можно отнять все это и у остальныхъ гражданъ, которымъ права эти равнымъ образомъ гарантированы конституціей. И отъ этого-то упаси Господи! Антисемиты составляютъ авангардъ реакціи. Все, что они толкуютъ о капитализмѣ, о національмѣ, о патріотизмѣ,—все это ложь, и одна только ложь! Капитализмъ не представляетъ собою ничего исключительно-еврейскаго, а тѣмъ паче ничего само по себѣ вреднаго; національмъ, въ исключительности своей, является бѣдствіемъ для государства, которому его хотятъ навязать въ видѣ руководящаго принципа; патріотизмъ есть общее достояніе всѣхъ живущихъ въ извѣстной странѣ, и онъ не знаетъ ни племеннаго происхожденія, ни различія вѣроисповѣданій. А въ особенности не должно быть обо всемъ этомъ рѣчи въ Австріи, если только не желаютъ возвращенія того времени, когда Австрія считалась образцомъ политической реакціи.

Въ томъ самомъ году, въ которомъ въ Австріи введены были конституціонныя учрежденія, въ Россіи послѣдовала отмѣна крѣпостнаго состоянія. Этотъ фактъ представляется въ высшей степени поучительнымъ, если сопоставить его съ тѣмъ, что 22 года спустя и въ Австріи, и въ Россіи сдѣлались возможными еврейскіе погромы. Что же случилось и тамъ, и здѣсь въ теченіе этихъ двадцати двухъ лѣтъ? Въ Россіи началось глухое броженіе, принявшее самыя прискорбныя и безобразныя формы. Въ Австріи же царили спокойствіе, благосостояніе, политическая жизнь текла совершенно правильно. И все же одновременно начались еврейскіе погромы и на Тейсѣ и на Днѣстрѣ. Неужели въ Вѣнѣ напрасно стояли у кормила правленія Шмерлинги, Гаснеры, Герб-

сты и Глазеры? Неужели въ Пештѣ высшая государственная власть напрасно досталась въ руки Тиссы? Если Австрія, при новыхъ порядкахъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій не сдѣлала бо̀льшихъ успѣховъ въ политическомъ развитіи, чѣмъ Россія за то же время при старыхъ, если послѣ манифеста 1861-го года объ освобожденіи крестьянъ оказались столь же возможными кіевскія безобразія, какъ и судебный процессъ въ Нійрегигазѣ послѣ февральской конституціи, то къ чему же послужили Австріи ея конституція, ея либерализмъ, отдѣленіе церкви отъ государства! Все это были, значитъ, однѣ только фразы, одни только клочки бумаги! Значитъ, и такъ называемый австрійскій либерализмъ былъ только кажущимся либерализмомъ, виляющимъ и идущимъ на сдѣлку; значитъ, имя ему не либерализмъ, а „оппортюнизмъ“. И подобно тому, какъ онъ далъ оттѣснить себя въ Германіи шагъ за шагомъ, такъ онъ и въ Австріи не съумѣлъ воспользоваться эпохой господства своего, для того, чтобы сдѣлать позицію свою неприступною, только на половину улучшивъ брачные законы, только отчасти преобразовавъ законы о печати, и не воздвигнувъ никакой прочной плотины на случай возможнаго возвышенія волнъ реакціи. Теперь же, послѣ того какъ его пригнули къ землѣ, вдругъ заходитъ рѣчь о „примиреніи“ съ нимъ.

И при такомъ-то неопредѣленномъ положеніи дѣлъ на сцену выступаетъ мрачный призракъ еврейскаго вопроса. Но какія права на существованіе имѣетъ онъ въ Австріи?

Въ такомъ національномъ государствѣ, какъ Германія, можно еще вводить въ заблужденіе глупцовъ такъ называемымъ „подъемомъ народнаго духа“; но Австрія уже отнюдь не національное государство, а государство весьма разноплеменное, и евреи, не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ поляки или словенцы, сербы или румыны, могутъ гордиться тѣмъ, что ими сдѣлано для Австро-Венгріи,—если только на нихъ смотрѣть, какъ на обособленную національность. Они никогда не стремились къ внѣ-государственной самостоятельности, они посвящали свои способности, свой трудъ, свои средства на служеніе государству. Если уже пускаться на довольно безплодныя сами по себѣ сравненія и взвѣшива-

нія, то, быть можетъ, окажется довольно странная пропорція между тѣмъ, какія услуги оказали австрійскому государству, внутри и извнѣ, какой-нибудь Унгеръ или Глазеръ, или какой-нибудь Ригеръ или Смолка.

Повторяемъ, такъ называемый еврейскій вопросъ является лишь одною изъ излюбленныхъ формулъ реакціи, лишенной всякаго экономическаго, соціальнаго или политическаго ядра. Онъ былъ выставленъ во время борьбы партій, какъ средство для дискредитированія либерализма, понятно, принявшаго евреевъ подъ свое покровительство. При такомъ положеніи дѣлъ является совершенно безразличнымъ, станутъ-ли венгерскіе евреи мадъяризироваться, или перейдутъ-ли цислейтанскіе евреи по принужденію въ христіанскую вѣру. Вѣрно только то, что они всюду найдутъ спасеніе только въ высшемъ образованіи, и кромѣ того въ Венгріи въ союзѣ съ мадьярскими, а въ Австріи — въ союзѣ съ нѣмецкими либералами. Истинному образованію ничего не извѣстно о томъ, что различіе племеннаго происхожденія должно яко бы имѣть логическимъ результатомъ различіе въ политическихъ правахъ; для него символъ вѣры не является политическимъ критеріемъ. Кто-то выразился, и притомъ довольно неудачно, что всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ. Какимъ же это образомъ? Вѣдь и вѣнскій еврей, и еврей тарнопольскій и станиславовскій — евреи, а между тѣмъ между ихъ нравами и между ихъ степенью образованія — громадная разница; но и тотъ, и другой — евреи австрійскіе. Или же вообще предполагается, что въ государственномъ положеніи евреевъ, въ положеніи ихъ передъ закономъ, слѣдуетъ дѣлать принципіальное различіе между образованнымъ и необразованнымъ евреемъ? Нѣтъ, государство и законъ въ этомъ отношеніи не должны дѣлать никакого различія, и развѣ только общество можетъ позволить себѣ роскошь — быть въ этомъ отношеніи нѣсколько разборчивымъ; только оно можетъ, пожалуй, не посягая на политическую равноправность, предпочитать фракъ длиннополому кафтану.

Но здѣсь политикъ долженъ уступить право слова историку, ибо

общество, съ его симпатіями и предразсудками, стоитъ внѣ той рамы, изъ которой не долженъ выходить тотъ, кто пишетъ исторію дня или сравнительно непродолжительной эпохи. Трудъ простаго историка— трудъ синтетическій, трудъ же историка культуры — трудъ аналитическій; тотъ старается изслѣдовать законы, этотъ—подмѣтить и объяснить явленія; и не подлежитъ сомнѣнію, что разнообразіе явленій, обиліе образовъ одѣлается по-истинѣ поразительнымъ, если, свернувъ съ дороги политики и исторіи, мы станемъ разсматривать евреевъ Австро-Венгріи въ культурно-историческомъ отношеніи.

Линія проходитъ отъ Гогенэмса до Садагуры. Западною конечною точкою своею она спускается въ швабское море, восточную конечную точку ея обвѣваетъ вѣтеръ русскихъ степей. Направо и налѣво, до подножія Рудныхъ горъ и до того пункта на Иллирійскомъ побережьи, съ котораго глазъ различаетъ очертанія Іоническихъ острововъ, среди различныхъ племенъ и національностей, среди нарѣчій самаго разнообразнаго происхожденія и среди самыхъ разнородныхъ обычаевъ, разсѣяны евреи, всего приблизительно до полутора милліона, а именно: 95,058 въ Нижней Австріи, 93,622 въ Богеміи, 44,175 въ Моравіи, 8,580 въ Силезіи, 687,592 въ Галиціи, 553 въ Тріестской области, 182 въ Форарльбергѣ, 1,056 въ Верхней Австріи, 1,782 въ Штиріи, 301 въ Герцѣ и Градишкѣ, 115 въ Зальцбургѣ, 360 въ Тиролѣ, 283 въ Далмаціи, 114 въ Каринтіи, 81 въ Истріи, 96 въ Краинѣ *, 552,000 въ земляхъ короны Св. Стефана.

Но какъ ни разнообразна и многоразлична окружающая ихъ среда, какъ ни разнится между собою степень образованности населенія на всей этой линіи, начиная отъ бѣдныхъ, неграмотныхъ русиновъ и кончая сильнымъ форарльбергскимъ алеманомъ—разница между евреемъ Гогенэмса и его единовѣрцемъ въ Садагорѣ еще значительнѣе, и между ними только и есть общаго, что вѣроисповѣданіе. Впрочемъ даже и вѣ—

* Относительно Цислейтаніи цифры заимствованы изъ сочиненія Г. А. Шимера: „Евреи въ Австріи по переписи 31-го декабря 1880-го года“.

роисповѣданіе это представляется въ иномъ видѣ въ старинной форарльбергской еврейской общинѣ и въ грязномъ хасидическомъ гнѣздѣ Буковины. Цивилизація, направляющаяся съ запада къ востоку, совершила свою освобождающую и смягчающую нравы задачу лишь до середины этой линіи, и если говорятъ, что Пресбургъ составляетъ границу между Европой и Азіей, то къ этому можно еще прибавить,—насколько вообще допустимы такіе парадоксы,—что тамъ же проходитъ и граница между европейскими и азіятскими евреями. Ибо еврей до того умѣетъ приноровиться къ обстановкѣ, до того отчетливо отражаются на немъ вліянія, которымъ онъ подвергается, что онъ отличается отъ той среды, въ которой живетъ, развѣ религіей и нравами, но никогда не достигнутой имъ степенью образованія.

Этого факта отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду. Онъ служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ нелѣпыхъ разглагольствованій антисемитовъ о томъ, будто еврей всюду является чужеземцемъ, который высокомѣрно держится въ сторонѣ, лишенъ всякаго стремленія къ общественности, для котораго эксплоатированіе его согражданина-христіанина составляетъ будто бы нѣчто въ родѣ религіознаго догмата. Этимъ фактомъ опровергается также нелѣпое увѣреніе, будто евреи считаютъ себя особою націей и будто они поэтому, вольно или невольно, никогда не могутъ слиться или даже сблизиться съ народами, съ которыми они находятся въ политической связи. Евреи ни въ какомъ случаѣ не составляютъ націи, ибо они не связаны между собою никакими изъ тѣхъ узъ, которыя считаются признаками національнаго единства. Въ такомъ случаѣ съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно было бы считать чужеземцами германскихъ католиковъ, такъ какъ они, будучи несомнѣнно нѣмцами, въ борьбѣ между римской куріей и своимъ отечествомъ, стоятъ на сторонѣ первой, являющейся не только духовной, но и свѣтско-политической властью. Евреи не увлекаются, подобно полякамъ, фантасмагоріей имѣющаго быть возстановленнымъ обособленнаго государства ихъ, они не требуютъ автономіи, подобно чехамъ или словенцамъ. Ихъ сближаетъ между собою антипатія, съ кото-

рою къ нимъ относятся, недовѣріе, которое они всюду встрѣчаютъ, загородки, которыя всюду возводятся передъ ними. „Ихъ связываетъ не любовь Мардохея, а ненависть Гаманна“. Пусть кто-нибудь попробуетъ найти что нибудь общее между вѣнскимъ финансистомъ-евреемъ и восточно-галиційскимъ хассидомъ, и онъ долженъ будетъ сознаться, что между ними обоими лежитъ по крайней мѣрѣ такая же глубокая бездна, какъ напр., между протестантомъ-негоціантомъ и іезуитскимъ патеромъ.

Это различіе сказывается еще сильнѣе въ еврейской литературѣ, нашедшей, понятно, въ Австріи благодарную почву. Какая громадная разница между рисуемыми Леопольдомъ Компертомъ картинами богемско-еврейскаго быта и рисуемыми Эмилемъ Францозомъ картинами быта галиційски-еврейскаго! Компертъ, подобно изображаемымъ имъ героямъ, мягокъ, чуждъ всякаго фанатизма, съ цивилизованными наклонностями; онъ ходитъ „между развалинъ“ *, изъ которыхъ только духъ новаго времени можетъ пробудить новую жизнь, и жалуется на то, что евреямъ такъ затрудняютъ сліяніе съ другими гражданами; онъ свѣтуетъ, что австрійскія палаты упустили удобное время для достиженія полной эманципаціи евреевъ введеніемъ обязательнаго гражданскаго брака; онъ старается сблизить враждующихъ братьевъ и сердце его содрогается при видѣ того, что „моральная болѣзнь“ коснулась не только евреевъ, но и христіанъ. Эмиль Францозъ, съ другой стороны, изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы представить галиційскаго еврея въ каррикатурномъ видѣ; онъ рѣзокъ и неумолимъ, какъ и изображаемыя имъ фигуры, онъ грубой рукой прикасается къ лежащему передъ нимъ сырому матеріалу, и желаетъ насильно навязать своимъ галиційскимъ соплеменникамъ германизирующія свои тенденціи, причемъ скорѣе казнитъ ихъ, чѣмъ объективно относится къ нимъ.

Это два совершенно различныхъ міра. Совершенно особнякомъ стоитъ, съ другой стороны, венгерскій еврей, а вѣнскій еврей, въ свою очередь, составляетъ рѣзкій контрастъ венгерскому еврею. Контрастъ этотъ

* Такъ называется одна изъ повѣстей Компертa, по нѣмецки—„Zwischen Ruinen“. *Ред.*

можно бы было назвать полнымъ, если бы нѣкоторымъ связующимъ звеномъ не являлась общность исповѣданій. Интересно было бы знать, чей острый глазъ въ состояніи былъ бы открыть между всѣми ними такую опасную для государства или для общества солидарность, которая не существовала бы между г. Виндгорстомъ и патеромъ Грейтеромъ? Патеръ, проповѣдующій въ Тиролѣ о единствѣ вѣры, дѣлаетъ въ сущности то же самое, что дѣлаетъ и ортодоксальный раввинъ въ восточной Галиціи, т. е. онъ старается удержать общину свою при обычаяхъ и взглядахъ своего исповѣданія, съ тою лишь разницей, что патеръ желалъ бы распространить это единство вѣры на все государство, между тѣмъ какъ раввинъ довольствуется тѣмъ, что старается удержать въ немъ одну только общину свою. И тирольскій патеръ „тоже былъ въ Египтѣ"!

То, что̀ отличаетъ еврея отъ еврея,—это степень образованія; то, что связываетъ ихъ между собою, — это исторія ихъ религіи, и эту исторію они въ теченіе послѣднихъ восемнадцати столѣтій не дѣлали, а претерпѣвали. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что они не чувствуютъ склонности къ земледѣлію и ремесламъ, а занимаются преимущественно торговлей, легко дающей барыши. Но вѣдь не прошло еще и тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ разрѣшено заниматься въ Австріи земледѣліемъ, а пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ еврейскій ремесленникъ могъ работать только на своихъ единовѣрцевъ, такъ какъ иновѣрецъ не далъ бы ему даже подбить подметки къ своимъ сапогамъ. Неужели же отъ еврея можно требовать, чтобъ онъ совершилъ настоящее чудо, и въ теченіе тридцати лѣтъ достигъ того, на что другимъ потребовалось тысячелѣтіе! Да и то мы видимъ теперь евреевъ-земледѣльцевъ, виноградарей, техниковъ, инженеровъ и химиковъ, они несутъ въ Австріи и Венгріи на своихъ плечахъ немалую часть мануфактурной промышленности, а это что-нибудь да значитъ, въ особенности если принять въ соображеніе то, что еврей постоянно подвергается опасности—что во всемъ, за что̀ онъ ни примется, увидятъ стремленіе къ наживѣ и къ эксплуатаціи. А много-ли можно найти такихъ евреевъ, которые съ такимъ ис-

кусствомъ занимались бы ростовщичествомъ, хищеніемъ и присвоеніемъ чужой собственности, какъ пресловутая Адель Шницедеръ, которая была, однако, не еврейкой, а чистокровной нѣмкой и доброй католичкой?

Было бы странно прикрашивать то, что некрасиво, оправдывать то, что достойно осужденія. Садагорскій „цадикъ", передъ которымъ фанатическая еврейская чернь благоговѣйно преклоняетъ колѣна, когда онъ обѣщаетъ ей, за небольшую мзду, исцѣленіе отъ ея тѣлесныхъ недуговъ и просвѣтлѣніе отъ ея религіозной тьмы; галиційскій еврей-ростовщикъ, пускающій свои деньги въ оборотъ подъ высокіе проценты, а самъ сидящій сложа руки въ бетчамидрашѣ; венгерскій еврей-шинкарь, обдѣлывающій сообща дѣлишки съ мадьяромъ-конокрадомъ,—всѣ они представляютъ собою типы, достойные, конечно, полнѣйшаго осужденія. Но если наклонность къ пріобрѣтенію порою можетъ вступить на ложный путь и сдѣлаться порокомъ, то она же, будучи ограничена извѣстными предѣлами, представляетъ и хорошія стороны, и именно земледѣльческая часть Австріи имѣетъ полное основаніе спросить себя, не отстала ли бы она далеко на международномъ денежномъ рынкѣ и среди большихъ промышленныхъ государствъ Европы, еслибъ она не имѣла евреевъ, которое дали ей возможность конкурировать въ этомъ отношеніи. Очень нетрудно привязываться къ извѣстнымъ словамъ и въ патетическомъ самоопьянѣніи разглагольствовать о презрѣнныхъ деньгахъ, о вредѣ стяжанія и ростовщичества и дѣлать „еврейскихъ торгашей" отвѣтственными за то, что германскій народъ и по достиженіи желаннаго политическаго единства не сдѣлался вполнѣ доволенъ и счастливъ. Но міровая исторія смотритъ на дѣло совершенно иначе, чѣмъ антисемитизмъ. Она выяснила современному поколѣнію принципъ „борьбы за существованіе" и борьбу эту ведутъ не племена, какъ таковыя, а отдѣльныя личности, ее ведутъ государства, и накопленныя богатства являются средствомъ къ сохраненію, безразлично отъ того, чьи руки наконили ихъ. Благосостояніе отдѣльной личности представляетъ собою ячейку всеобщаго благосостоянія. Ротшильды платятъ соотвѣт—

ствующія подати съ своихъ богатствъ, и если кричатъ по поводу богатствъ вѣнскихъ евреевъ-биржевиковъ, то при этомъ забываютъ, что они платятъ въ пользу государства не меньшій процентъ съ своихъ богатствъ, чѣмъ еслибъ они были капиталисты-христіане. Достаточно будетъ указать на то, что баронъ Кенигсвартеръ состоитъ членомъ австрійской верхней палаты и что недавно-умершій баронъ Винтерштейнъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ прекраснымъ докладчикомъ по бюджету въ той же палатѣ,—чтобы доказать, какъ мало основанія проводить рѣзкую грань между гражданиномъ и евреемъ.

При этомъ невольно вспоминается исторія о Фридрихѣ Великомъ и о мельникѣ въ Санъ-Суси. Мельникъ владѣетъ маленькимъ пространствомъ, которое могущественный король хочетъ пріобрѣсти для себя. Король обращается въ камеральный судъ, но послѣдній отстаиваетъ права мельника. Поэтому еще и сегодня говорятъ: „Есть еще судьи въ Берлинѣ!“ (Il y a de juges à Berlin!).

Но если капиталу не хотятъ уже простить того, что онъ имѣетъ извѣстную слабость къ евреямъ-собственникамъ, если на еврея, разъѣзжающаго въ собственномъ своемъ экипажѣ, смотрятъ, какъ на какого-то узурпатора, то не слѣдовало бы упускать изъ виду и того, что еврей чувствуетъ влеченіе не къ одному только накопленію денегъ, но и къ образованію и къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи цифры говорятъ краснорѣчивѣе всего: * съ 1850-го года до 1880-го пропорціональное отношеніе еврейскихъ учениковъ въ австрійскихъ среднихъ школахъ увеличилось съ 5% до 14%, а въ университетахъ — съ 6% до 16%. При этомъ не слѣдуетъ еще упускать изъ виду того обстоятельства, что въ 1879|80 учебномъ году пропорціональное отношеніе евреевъ-гимназистовъ къ евреямъ-реалистамъ составляло 72% и 27%. Какимъ образомъ можно связать этотъ фактъ съ мнимой наклонностью евреевъ къ торговлѣ?

---

* Бертольдъ Виндтъ: «Евреи въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи съ 1850-го года».

И снова является тутъ исторія съ мельникомъ въ Санъ-Суси и Фридрихомъ Великимъ.

Профессоръ Бильротъ недавно жаловался на то, что изъ Галиціи и Венгріи прибываютъ въ вѣнскій университетъ очень много студентовъ-евреевъ, мотивируя эту жалобу тѣмъ, что евреи поступаютъ въ университетъ безъ достаточной степени подготовки. Интересно бы знать, что желалъ этимъ доказать ученый профессоръ? То-ли, что слѣдуетъ затруднить доступъ въ университетъ евреямъ вообще, или же только евреямъ съ недостаточной подготовкой? Первое требованіе было бы явной насмѣшкой надъ словомъ „университетъ“ (Universitas), второе же является упрекомъ не столько противъ евреевъ, сколько противъ австрійскаго вѣдомства народнаго просвѣщенія вообще, ибо венгерскія и галиційскія гимназіи должны отвѣчать за каждаго ученика, которому онѣ выдаютъ аттестатъ безъ достиженія имъ извѣстной степени зрѣлости; наконецъ, не трудно было бы доказать съ помощью цифръ, что ученики-евреи—далеко не худшіе. Къ тому же послѣдніе являются въ университетъ хоть съ какимъ-нибудь знаніемъ нѣмецкаго языка, между тѣмъ какъ студенты-поляки, мадьяры, чехи слушаютъ профессора съ затаенной злобой по поводу того, что онъ говоритъ не на ихъ родномъ языкѣ, и вспоминаютъ о томъ, что у нихъ на родинѣ если и нѣтъ науки, то есть за то родной имъ языкъ. Евреи же умѣютъ цѣнить нѣмецкую науку, они говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ — хотя и на испорченномъ—во всѣхъ земляхъ австрійской короны—и въ Венгріи, и въ Галиціи, и въ Буковинѣ. Они, вмѣстѣ съ своей религіей, пронесли международное горе сквозь всю свою исторію, но это же горе дало имъ способность національзироваться, отождествляться въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, и если бы ихъ спросить, какимъ образомъ они могутъ быть нѣмцами, будучи пришлецами, то они имѣли бы полное право отвѣтить, что они въ этомъ отношеніи похожи на рѣку Рейнъ, истоки и устья которой находятся не на германской почвѣ, и которая тѣмъ не менѣе называется „нѣмецкою рѣкою“.

Самый завзятый антисемитъ не можетъ не остановиться передъ

тѣмъ фактомъ, что евреи ревностно и успѣшно занимаются наукой, что они принимаютъ самое дѣятельное участіе въ прессѣ. И если можно насчитать не одну дюжину выдающихся профессоровъ-евреевъ въ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если весьма значительная часть австрійскихъ журналистовъ, — и притомъ независимыхъ, а не оффиціозныхъ,—выходитъ изъ рядовъ евреевъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что, еслибъ исполнились желанія антисемитовъ, государство, общество и наука лишились бы превосходнаго, весьма полезнаго для общихъ интересовъ, матеріала. Что касается печати, то, конечно, въ этомъ отношеніи враги евреевъ будутъ утверждать противное, такъ какъ печать вообще не любятъ тамъ, гдѣ не могутъ выносить свободы, гласности. Но какъ бы велики ни были прегрѣшенія, въ которыхъ упрекаютъ печать, несомнѣнно, что несравненно значительнѣе приносимая ею польза, толчекъ, который она даетъ, контроль, который она производитъ; и въ особенности Вѣна можетъ похвалиться тѣмъ, что обладаетъ органами общественнаго мнѣнія, которые, не только по своей полнотѣ и дѣльности, но и по своей политической честности, могутъ служить примѣромъ всѣмъ другимъ нѣмецкимъ газетамъ. Быть можетъ, еврей особенно способенъ къ борьбѣ перомъ. Во всякомъ случаѣ полемическія способности являются несомнѣнно у всѣхъ угнетенныхъ, которымъ приходится бороться за свои права, а современнымъ евреямъ довелось видѣть два міра — одинъ, покрытый глубочайшимъ мракомъ, другой—освѣщенный яркимъ свѣтомъ новѣйшаго духа времени. Когда въ старинное гетто проникли лучи солнца, они освѣтили исконныя бѣдствія и явились предвозвѣстниками новаго счастія.

Въ Австріи врядъ-ли удастся воскресить старинныя гетто. Блеску, красотѣ, прелестямъ Вѣны подобныя попытки нанесли бы чувствительный ударъ, а, что бы ни говорили господа чешскіе и польскіе сепаратисты—Вѣна все же та же Австрія. Вѣнскій еврей — еврей особаго рода, подвижный, способный, впечатлительный, вѣнскія еврейки—красивы, граціозны, миловидны. Вѣнскій еврей среди австро-венгерскихъ евреевъ то же, что Вѣна среди австро-венгерскихъ городовъ. Нельзя

себѣ представить современную Вѣну безъ еврея, и горе Австріи, если бы можно было представить себѣ Австрію безъ Вѣны. Еслибъ антисемиты обладали большей долей политическаго разумѣнія, они не стали бы воображать, будто можно вышвырнуть изъ государства евреевъ, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными ими правами, не нанося ему тяжелаго ущерба, а еслибъ австрійскіе народы имѣли понятіе объ урокахъ исторіи, то они остереглись бы колебать главенство Вѣны среди другихъ городовъ Габсбургской монархіи. Каждая мѣстность имѣетъ своего собственнаго генія. Начиная съ Марка Аврелія и до нашихъ дней геній Вѣны былъ добрымъ геніемъ, а это врядъ-ли когда-нибудь будутъ имѣть право сказать о себѣ Прага, Львовъ, Лайбахъ.

* * *

Читатель началъ читать разсужденіе, и въ концѣ наткнулся на апологію. И, читая эту апологію, онъ спрашиваетъ себя: „Развѣ было что-нибудь такое, что требовало бы защиты, оправданія, извиненія?“ — „Пусть онъ докажетъ, что солнце свѣтитъ, что огонь горитъ“, — говоритъ Бенъ-Акиба, съ удивленіемъ покачивая сѣдою головою. Исторія шла по извѣстному теченію, создавала и ниспровергала государства, и въ государствахъ этихъ народы шли и впередъ, и назадъ, смотря по тому, какъ угодно было судьбѣ, и въ числѣ ихъ и евреи, также, какъ угодно было судьбѣ, ибо они не властны надъ исторіей. И вдругъ теперь оказывается необходимымъ просить за нихъ прощенія въ томъ, что они существуютъ, приводить въ пользу ихъ смягчающія обстоятельства, хотя за ними не числится никакихъ другихъ преступленій, кромѣ развѣ того, что они жили и старались поддерживать свое существованіе въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ это имъ дозволялось. Насколько безсмысленъ самый тотъ фактъ, что другъ противъ друга стоятъ и обвинители, и защитники, тамъ, гдѣ собственно не въ чемъ ни обвинять, ни оправдывать!

Въ море впадаетъ большая рѣка, и воды ея еще на довольно большое пространство текутъ среди морскихъ волнъ, причемъ ихъ весьма

легко отличить отъ послѣднихъ, пока наконецъ слѣдъ ихъ не теряется окончательно въ безконечной пучинѣ океана. Неужели кто-нибудь позавидуетъ тому, что этой полоскѣ воды дозволено еще продолжать нѣкоторое время свое существованіе среди водъ безбрежнаго океана?

Всякій народъ, самый большой, какъ и самый маленькій, походитъ на эту рѣку: для него наступаетъ часъ, когда онъ существуетъ въ океанѣ исторіи лишь въ видѣ узкой полоски и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Еврейскій народъ давно уже представляетъ собою лишь такую полоску, между тѣмъ какъ другіе народы—широкія, полноводныя рѣки.

Такъ оставьте же этой полоскѣ ея скромное существованіе! Она нисколько не мѣшаетъ вашему теченію и волна океана относится къ ней безъ ревности. Вѣдь полоска эта—простой еврей!

Вильгельмъ Гольдбаумъ.

Нордернеи, Августъ 1883 г.

**
*

Когда про горе вспомнишь ты,
Про тѣ страданія и муки,
Позора, рабства, нищеты,
Что̀ наложили вражьи руки
На наше племя... о, мой другъ,
Молись ты теплою душою
Тому, чей бодрствуетъ духъ
Надъ многогрѣшною землею...

Молись, но не за тѣхъ людей,
Которыхъ губитъ раззоренье:
Они при помощи твоей
Найдутъ себѣ опять спасенье;
Молись за тѣхъ, въ которыхъ лучъ
Той свѣтлой вѣры угасаетъ,
Что̀ гонитъ мракъ нависшихъ тучъ
И грезы сердца оживляетъ...

С. Варгафтигъ.

НАШЕ ЕВРЕЙСКОЕ МІРОѢДСТВО И ЕГО ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА.

ואיש בשר רעהו יאכלו
במצור ובמצק אשר יציקו להם איביהם
ומבקשי נפשם
ירמיה יט"ט.

Отовсюду стали раздаваться стоны нашей массы, подвергающейся, помимо вандальскихъ драгоннадъ, претерпѣваемыхъ ею извнѣ, ужасной эксплоатаціи со стороны своихъ же, и недавно, въ 7-мъ № «Нед. Хр.» раздался, наконецъ, благородный голосъ въ защиту этой угнетенной еврейской массы. Безъискусственная, правдивая картина, нарисованная г. Ц. въ его небольшой статьѣ «Наши внутренніе враги», можетъ потрясти всякое сердце, которое еще не разучилось биться за попранныхъ страдальцевъ. И дѣйствительно, есть отчего прійти въ содроганіе, когда видишь, какъ братъ съ жадностью шакала накидывается на изувѣченный трупъ брата, чтобы высосать оставшіеся еще въ немъ соки, допить и вылизать невысохшія еще на его ранахъ капли крови...

Г. Ц. считаетъ причиной всѣхъ бѣдствій нашей массы ея заправителей, гласныхъ, старостъ и т. д.

Съ этимъ однако нельзя вполнѣ согласиться. Правда, всѣ эти хищники пользуются своей властью для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. Но должна же быть какая нибудь причина, почему народъ такъ терпѣливо переноситъ всѣхъ этихъ паразитовъ, съѣдающихъ его тѣло. Должна быть также причина тому, что всегда почти въ заправители попадаютъ именно эти отвратительные паразиты. Видѣть эти причины въ неразвитости самой массы, непонимающей будто своихъ интересовъ, какъ это дѣ-

лаетъ г. Ц., рѣшительно нельзя. Я знаю захолустную жизнь, всегда сталкивался очень близко съ еврейскою массою, и всегда меня поражалъ тотъ фактъ, что наша еврейская масса даже слишкомъ ясно понимаетъ и сознаетъ свое бѣдственное положеніе. Но знать свое бѣдственное положеніе — одно, а найти изъ него исходъ— другое. Больной, хорошо знающій свою болѣзнь, еще этимъ не спасенъ. Напротивъ того, это знаніе часто влечетъ за собою гораздо худшія послѣдствія, чѣмъ совершенное невѣдѣніе. Читатель сейчасъ увидитъ, что все это—не одно голословное утвержденіе.

Всѣ знаютъ, что евреи—по преимуществу торговый народъ, и никто, конечно, не станетъ это оспаривать. Извѣстно также, что торговый человѣкъ, даже при хорошемъ достаткѣ и при совершенной матеріальной независимости, находится почти всегда въ большой нравственной зависимости отъ той сферы, съ которой ему приходится имѣть дѣловыя сношенія. Отъ этой нравственной зависимости не освободились еще торговые люди въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ. Но если тамъ она значительно смягчена и ограничена взаимнымъ обмѣномъ визитовъ, обязательныхъ приглашеній на обѣды и другими разными любезностями и приличіями, у насъ эта зависимость часто становится невыносимымъ давленіемъ и даже гнетомъ. У евреевъ же, особенно захолустныхъ, гдѣ взаимный контроль болѣе легокъ, гдѣ есть свободный доступъ въ душу и горшокъ своего ближняго, зависимость торговаго люда должна была достигнуть, такъ сказать, своего кульминаціоннаго пункта. Близко знакомые съ еврейской жизнью знаютъ очень хорошо, какою малою дозою свободы пользуется еврейскій купецъ даже въ своей внутренней жизни, какъ онъ долженъ быть либераломъ и даже атеистомъ, если его кліенты состоятъ таковыми, или же посылать на «пидьонъ» мѣстному обществу, если такое имѣется у его кліентовъ, отчаянно раскачивать свое тѣло во время молитвы, «стоять» цѣлые часы «шемонаэсре» и т. д., если все это выдѣлывается тѣми, съ которыми онъ имѣетъ «дѣло».

Это все относится къ матеріально-независимому купцу, судьбу котораго мы однако не станемъ еще горько оплакивать, ибо вольно же ему продать себя въ рабство и коверкать себя на раз-

ные лады въ угоду всякому за извѣстное, правда, можетъ быть, очень жирное вознагражденіе.

Перейдемъ теперь къ голому люду, который силою тяжелыхъ обстоятельствъ поставленъ въ необходимость добывать кусокъ хлѣба посредствомъ торговли. Этого люда среди евреевъ, къ ихъ несчастію, много, слишкомъ много. Загляните въ захолустный еврейскій городокъ любой губерніи, и васъ поразитъ необычайное количество лавчонокъ и кабаковъ. Можно воскликнуть вмѣстѣ съ пророкомъ, перефразируя его слова: «Число домовъ твоихъ, Израиль, есть число твоихъ лавчонокъ».

Какъ бы ни была ничтожна стоимость товаровъ въ этихъ лавчонкахъ, часто не превосходящая суммы и тридцати—пятидесяти рублей, но вѣдь и эти деньги нужно имѣть, и можно положительно утверждать, что изъ ста обладателей этихъ лавчонокъ добрая половина не имѣетъ этой суммы. Какимъ же образомъ устраивается торговля? Очень просто. Деньги на торговлю берутся въ заемъ у мѣстныхъ гвировъ, которые на столько мягкосердечны, что въ рѣдкихъ случаяхъ отказываютъ, развѣ уже залогъ слишкомъ плохъ, или вообще гарантіи очень слабы. Большей частью дѣло происходитъ такъ. Повѣнчается новая парочка и начинаетъ думать о заработкѣ. Думать долго нечего, ибо выборъ не особенно богатый, или такого выбора вовсе не существуетъ. И останавливаются новобрачные на мысли о торговлѣ. Денегъ, само собою, или вовсе нѣтъ, такъ какъ приданое «*обѣщано*» (а кто не знаетъ, чѣмъ кончаются всѣ обѣщанія, обѣщанія же приданаго, въ особенности), такъ денегъ, говорю я, или вовсе нѣтъ, или же ихъ весьма недостаточно для открытія проектируемой торговли. И вотъ юная парочка или родители этой парочки начинаютъ обивать пороги, «переговаривать» съ мѣстными крезами, чтобы добыть кредиту. Кончается тѣмъ, что по большей части новобрачному, или новобрачной, или обоимъ вмѣстѣ приходится разстаться съ своими лучшими вѣнчальными украшеніями, которыя переходятъ въ большіе сундуки благодѣтеля на долгіе годы, а очень часто—чтобы оттуда никогда не возвратиться. Вѣнчальный пиръ, съ его душу сжимающимъ веселіемъ, блестящія одѣянія, яркій свѣтъ, звуки музыки—все это мимолетнымъ сномъ промелькнуло мимо молодой пары, чтобы навѣки погрузить ихъ потомъ

въ самую тяжелую, горькую прозу. Недаромъ же въ самый моментъ, когда надо вести невѣсту къ вѣнцу, свадебный покой оглашается раздирающимъ плачемъ женщинъ, преимущественно же матерей молодыхъ.

Ихъ женское любящее сердце предчувствуетъ, какая судьба готовится ихъ дѣтямъ. Существуетъ у нашей массы поговорка въ видѣ діалога, которая въ шуточной формѣ характеризуетъ весь глубокій трагизмъ еврейской жизни:

— Почему при погребеніи употребляютъ два полѣна, а при вѣнчаніи цѣлыхъ четыре?

— А потому, что въ первомъ случаѣ хоронятъ одного только человѣка, а въ послѣднемъ хоронятъ двухъ.

Мѣткость этой поговорки показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наша масса очень ясно видитъ и понимаетъ свое бѣдственное положеніе, на которое она словно махнула рукою. Сколько жизненной горечи надо испытать, чтобы дойти до такого мрачнаго, но потрясающаго взгляда на бракъ! Не надо забывать при этомъ глубокихъ семейныхъ чувствъ еврея, не видящаго никогда въ семьѣ того бремени, которое видитъ въ ней всякій другой, которому она мѣшаетъ идти въ кабакъ и оставить тамъ весь заработокъ, или стѣсняетъ въ другомъ какомъ либо отношеніи. Всего этого еврей не знаетъ; я конечно говорю о массовомъ евреѣ. И если это воплощеніе семейной любви и домашняго счастья могло дойти до того, чтобы самое свое идеальное будущее разсматривать, какъ вѣчную могилу, то это значитъ, что жизнь его уже слишкомъ горька и безпросвѣтна.

Описываемымъ ли выше путемъ, или всякимъ другимъ образомъ совершается заемъ, какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что огромное большинство нашей массы состоитъ должниками и почти вѣчными должниками своихъ гвировъ, къ которымъ горькая нужда заставляетъ ее прибѣгать каждый разъ. Въ любомъ еврейскомъ городкѣ большинство евреевъ «дѣлаютъ дѣла» исключительно деньгами богачей, и это—фактъ общеизвѣстный. И вотъ тутъ-то источникъ всей той страшной эксплоатаціи, предметомъ которой бываетъ рѣшительно вездѣ бѣдный еврейскій людъ, всѣ плоды труда котораго достаются нѣсколькимъ, лишеннымъ всякаго человѣческаго чувства, кровопійцамъ. Многіе изъ такъ называемой

интеллигенціи часто льютъ горькія слезы о кабалѣ, въ которой находится русскій мужичекъ, къ которому они лѣзутъ въ спасители, не смотря на то, что онъ отъ нихъ отплевывается съ отвращеніемъ. Какъ заговоришь съ этими народными плакальщицами о бѣдствіяхъ евреевъ, они тебѣ сейчасъ пустятъ жидкую слезинку о еще болѣе ужасныхъ бѣдствіяхъ всѣми обираемаго мужичка. Выходитъ будто бы, что евреи страдаютъ только отъ «нѣкоторыхъ стѣсненій» и что во всемъ прочемъ они живутъ припѣваючи. Почти всѣ забываютъ, что еврей, именно какъ торговый человѣкъ, находится въ гораздо болѣе тяжелой зависимости отъ денежнаго люда, чѣмъ мужикъ. Никто не станетъ утверждать, что мужику хорошо или даже сносно живется. Но всякій, кто присматривается къ жизни нашей еврейской массы, легко убѣдится, что *помимо всякихъ правовыхъ стѣсненій, помимо своего положенія безправнаго и беззащитнаго* передъ закономъ, помимо всякихъ драгоннадъ, устраиваемыхъ на нихъ въ послѣдніе годы, помимо этихъ хищническихъ разбойничьихъ набѣговъ,—*помимо всего этого, еврейскій бѣдный людъ находится въ несравненно болѣе бѣдственномъ положеніи и гораздо больше страдаетъ отъ эксплоатаціи, чѣмъ всѣ оплакиваемые мужички?* Какъ бы ни была велика вообще нужда этихъ послѣднихъ, ихъ нужда непосредственно въ однѣхъ деньгахъ сводится къ очень малому: деньгамъ на его незатѣйливую одежду, на покупку всякихъ необходимыхъ для хозяйства дополнительныхъ припасовъ, какъ соль, свѣчи и т. д. и очень рѣдко на посѣвъ, на покупку скота и т. д. Еврей же, какъ торговый человѣкъ *всею своею жизнью зависитъ исключительно отъ однѣхъ денегъ и непосредственно отъ нихъ*. Что бы онъ ни предпринялъ, за что бы ни взялся, для всего нужны деньги, безъ которыхъ шагу не сдѣлаешь. Но не одинъ только торговый классъ евреевъ нуждается въ деньгахъ. Въ нихъ нуждается и другой, многочисленный классъ ремесленниковъ. За исключеніемъ весьма небольшаго числа ремеслъ, всѣ остальные требуютъ извѣстнаго обзаведенія, извѣстнаго матеріала, безъ котораго ничего нельзя начать. И вотъ весь этотъ многочисленный людъ, составляющій больше половины всего еврейскаго населенія, попадаетъ въ вѣчную, часто пожизненную кабалу къ своимъ единовѣрцамъ кулакамъ. Я право не знаю болѣе порабощеннаго, бо-

лѣе несчастнаго положенія, чѣмъ положеніе этого бѣднаго еврейскаго люда, который буквально тѣломъ и душою зависитъ отъ нѣсколькихъ открытыхъ грабителей, противъ которыхъ законъ совершенно безсиленъ, если еще онъ имъ не благопріятствуетъ.

Надо знать, какіе огромные проценты платитъ весь этотъ людъ, чтобы содрогнуться отъ ужаса. Платить восемь рублей въ мѣсяцъ за сто—это самое обыкновенное явленіе. Но даже и этотъ страшный процентъ блѣднѣетъ передъ многими другими способами выжиманія жалкихъ соковъ у несчастнаго голяка. Есть одна система отдаванія денегъ на проценты, на такъ называемые «вохеры» *—система, которая больше всего практикуется среди евреевъ въ виду ея заманчивости для бѣднаго люда, не вникающаго съ перваго раза во всю гнусность ея. Она состоитъ въ томъ, что платежъ совершается малыми суммами еженедѣльно, и этимъ именно она является заманчивою для бѣдняковъ. Я теперь не могу припомнить всѣ подробности этой системы. Знаю только, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я старался вычислить—какой именно процентъ платится по этой системѣ, но онъ не давался никакимъ формуламъ сложныхъ процентовъ. Приблизительно же я его вычислилъ *въ 200%*. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ, или приблизительно такъ: беретъ бѣднякъ, положимъ, 70 рублей, за которые обязуется уплатить сто рублей въ теченіе сорока недѣль, положимъ, платя по 2 р. 50 к. въ недѣлю.

Конечно, всѣ эти ужасающіе проценты платитъ уже самый горькій бѣднякъ, но не надо забывать, что горькихъ бѣдняковъ среди евреевъ всегда преобладающее количество. Какъ ни ужасна система «вохеровъ», но есть еще болѣе ужасная система, которая, правда, практикуется рѣже, преимущественно въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Одессѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ есть огромное количество разносчиковъ мелкихъ товаровъ и фруктовъ. Все это—пришлый людъ, являющійся туда на заработки, преимущественно изъ западныхъ и сѣверозападныхъ губерній, а также изъ губерній ближайшихъ, особенно подольской. Между

---

* Вѣроятно, отъ нѣмецкаго Wucher, Wucherei—проценты. Однако, подъ этимъ значеніемъ это слово евреямъ почти неизвѣстно, и они его смѣшиваютъ со словомъ Woch (по нѣмецки Woche—недѣля).

ними есть не мало женщинъ. Очень многіе изъ этого люда берутся за самыя тяжелыя работы—нагрузчиковъ при пароходахъ и вокзалахъ, ломовыхъ извощиковъ и такъ называемыхъ биндюжниковъ, носильщиковъ тяжестей, «сѣяльщиковъ» и мѣрщиковъ пшеницы, «лопатниковъ», т. е., перебрасывающихъ пшеницу въ магазинахъ, и т. д. Но, какъ я уже сказалъ, есть между ними не малое число разносчиковъ мелкихъ галантерейныхъ товаровъ, папиросной бумаги и спичекъ, фруктовъ, овощей и т. д. Но для этой разноски нужны деньги, а людъ этотъ является въ Одессу безъ мѣднаго гроша. И вотъ, находятся и тутъ добрые люди, которые выручаютъ. Это—по большей части мѣнялы и, рѣже, базарные торговцы, которые каждый день рано утромъ, или же наканунѣ вечеромъ, распредѣляютъ займы между этими разносчиками. Займы небольшіе, отъ одного до трехъ рублей «на корзину», всего только на одинъ день. Вечеромъ же разносчики являются къ своимъ кредиторамъ для уплаты долга съ процентами. Проценты эти—страшно выговорить,—минимумъ пять копѣекъ въ день; но до этого минимума доходятъ позже, когда разносчикъ зарекомендовалъ себя своею честностью. Вначалѣ же онъ часто платитъ *десять копѣекъ* въ день, т, е., *три рубля въ мѣсяцъ за одинъ рубль!* И эта-то прямая зависимость, которая уже сама по себѣ достаточна, чтобы разорять бѣдняковъ и не давать имъ никогда подняться на ноги, влечетъ за собою и тысячи косвенныхъ, не менѣе ужасныхъ послѣдствій, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго характера.

Если, какъ мы видѣли выше, даже торговый человѣкъ, совершенно независимый матеріально, является часто рабомъ окружающей его среды, то можно себѣ представить, до какого нравственнаго порабощенія долженъ дойти бѣднякъ. И дѣйствительно, весь бѣдный людъ лишенъ рѣшительно своей воли, не имѣетъ права слѣдовать своимъ желаніямъ ни въ частной, ни особенно въ общественной жизни. Какъ ему поднять голосъ противъ богача, который однимъ движеніемъ руки можетъ раздавить его съ семьею? И это-то страшное сознаніе своей зависимости отъ богача, а не неразвитость и непониманіе своихъ интересовъ, заставляетъ бѣдный еврейскій людъ молча переносить всѣ подлѣйшія продѣлки общественныхъ представителей, которые суть въ то же время кредиторы бѣдняковъ. Лишитъ онъ кредита—и бѣднякъ долженъ

пасть среди улицы со всей своею семьею. И почти всегда, когда при видѣ какого нибудь возмутительнаго мошенничества представителя, вы обратитесь къ массѣ съ вопросомъ или упрекомъ: «чего же вы молчите?» вы неизмѣнно получите одинъ и тотъ же отвѣтъ: «кто же хочетъ зарѣзать свою жену и дѣтей»! И передъ этимъ страшнымъ доводомъ всѣ разсужденія и доказательства безсильны и ничтожны. Знаетъ превосходно наша масса, кто ея враги, знаетъ она отлично, кто до захлебыванія пьетъ ея кровь, и не иначе называетъ она своихъ представителей, какъ «койлерами» и «блитцаперами» (убійцами и кровопійцами); но знаетъ она также, слишкомъ даже ясно знаетъ, что она безсильна противъ нихъ, ибо она зависитъ отъ нихъ совершенно, а освободиться отъ этой зависимости нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, одна кабала влечетъ за собою другую, одна зависимость создаетъ цѣлую систему зависимости и порабощенія. Въ силу именно своей безвыходной нищеты народъ нашъ поставленъ въ необходимость быть предметомъ самой безпримѣрной эксплоатаціи во всѣхъ сферахъ жизни частной и общественной.

Теперь, я полагаю, читателямъ станетъ ясно, что наша масса терпитъ именно вслѣдствіе слишкомъ яснаго сознанія своего бѣдственнаго положенія, изъ котораго она не можетъ найти исхода. Станетъ также теперь понятнымъ, почему въ представители попадаютъ именно самые безнравственные элементы, люди безъ сердца, безъ души, безъ совѣсти. Въ силу этихъ своихъ качествъ они стремятся завладѣть всѣмъ, сожрать все помощью частной и общественной «дѣятельности»; въ силу этихъ же ихъ хищническихъ стремленій народъ долженъ молча давать себя сосать и выносить на своемъ тощемъ тѣлѣ всѣхъ этихъ паразитовъ, ибо къ такимъ именно паразитамъ они и попадаютъ въ кабалу.

Спрашивается теперь, что тутъ можетъ сдѣлать еврейская печать, къ чему могутъ повести разныя изобличенія, указанія и т. д.? Разъяснять надо народу, говоритъ г. Ц., что онъ не обязанъ терпѣть отъ своихъ представителей. Но мы ясно видѣли, что онъ и самъ это хорошо понимаетъ, а еслибы и не понималъ, то и разъясненіе это ни къ чему не поведетъ. Отъ этого сознанія ему ничуть легче не станетъ, напротивъ, еще горьше терпѣть при ясномъ сознаніи, что терпѣть *ты не обязанъ*, а между тѣмъ *дол-*

женъ терпѣть въ силу разныхъ обстоятельствъ. Къ несчастію, и это горькое сознаніе примѣшивается къ тяжкой долѣ еврейскаго массоваго человѣка.

Мы также видѣли, что не въ однихъ представителяхъ дѣло, что есть другое, коренное зло, пускающее столько гибельныхъ корней во всю жизнь еврейскаго бѣдняка, порождающее всю эту возмутительную систему эксплоатаціи.—И не надо однако же думать, что еврейская масса такъ уже совсѣмъ безропотно переноситъ все, что угодно надъ нею выдѣлывать разнымъ Деруновымъ. Въ каждомъ даже самомъ захолустномъ городкѣ всегда находится нѣсколько смѣльчаковъ, преимущественно среди ремесленниковъ, которые смѣло и безбоязненно выступаютъ противъ общественныхъ кровопійцъ, уличая ихъ публично, на площади, на базарѣ и въ синагогѣ, въ подлости и грабежѣ. Это такъ называемые «штутъ-шкуцимъ» (дерзающіе за весь городъ), которые особенно бросаются въ глаза своею дѣятельною агитаціей передъ выборами и во время выборовъ. Наканунѣ большихъ праздниковъ ихъ можно видѣть шныряющими около рѣзницъ, гдѣ бѣдныя женщины обливаются потомъ и кровью, пока добьются фунта костей на праздникъ. Они часто говорятъ пламенныя рѣчи толпѣ, побуждая ее сбросить иго своихъ безсовѣстныхъ заправителей. Это люди, на которыхъ всѣ смотрятъ, какъ на отпѣтыхъ, ибо они совсѣмъ забываютъ свои личные интересы ради общественныхъ. И почти безъ исключенія эти смѣльчаки являются самыми горькими бѣдняками, которымъ за ихъ «дерзость» отказываютъ въ поддержкѣ.

Нерѣдко случается, что особенно женщины, выведенныя изъ терпѣнія цѣлымъ рядомъ грабежей, бросаются на дома представителей, выбиваютъ тамъ стекла, а иногда и самого представителя бьютъ.

Все это доказываетъ, что при всемъ горькомъ сознаніи безвыходности своего положенія, и масса часто выходитъ изъ терпѣнія, зная хорошо, что терпѣть она не обязана.

Но развѣ отъ всего этого можно ждать какихъ нибудь прочныхъ практическихъ результатовъ?

Большою также наивностью будетъ—думать, что оглашеніями и изобличеніями можно удержать и обуздать хищничество общественныхъ дѣятелей. Еще какъ нибудь въ отдѣльныхъ случаяхъ

оно конечно можетъ оказать нравственное давленіе, ибо еврей дѣйствительно очень чувствителенъ къ общественному мнѣнію, которымъ дорожитъ, хотя не всегда. Очень многіе изъ еврейскихъ Колупаевыхъ ужъ на столько обрусѣли, что и имъ знакомо это широкое «наплевать», когда они чувствуютъ достаточную карманную силу, дающую у насъ всегда и законную силу.

Нѣтъ, одними обличеніями ничего или очень мало можно сдѣлать. Вѣдь еврейская жаргонная литература, самая полезная народу, ибо она для него самая доступная, этими изобличеніями занималась всегда довольно дѣятельно и энергично. Въ этой литературѣ есть очень много въ высшей степени талантливыхъ произведеній, посвященныхъ исключительно изобличенію общественныхъ золъ. Какъ на примѣръ, можно указать особенно на драматическія произведенія г. Аксенфельда и преимущественно на его прекрасную драму «שפראנטע», гдѣ онъ выставляетъ одного мученика общественныхъ интересовъ * и рельефно рисуетъ всѣ гнусности коробкосодержателей и бѣдственныя ихъ послѣдствія для бѣднаго еврейскаго люда. Что же касается древне-еврейской литературы, то ее тоже нельзя обвинять въ пассивности къ этимъ вопросамъ. Можно особенно указать на превосходное произведеніе нашего лучшаго современнаго публициста и беллетриста, любимца еврей-

---

* Это, впрочемъ, не созданный, а дѣйствительно существовавшій герой, котораго публицистъ М. Г. Моргулисъ лично зналъ и о которомъ онъ говоритъ въ своей статьѣ о коробочномъ сборѣ въ VI книгѣ „Еврейской Библіотеки“.

Кромѣ драмъ г. Аксенфельда, можно еще указать на много жаргонныхъ произведеній, гдѣ съ большою силою бичуются разные общественные дѣятели и вообще жестокость къ бѣдному люду со стороны безсердечныхъ богачей. Я помню особенно замѣчательное „письмо съ того свѣта“, напечатаное въ издававшемся гг. Линецкимъ и Гольдфаденомъ „Исрулекѣ“. Письмо это принадлежало талантливому перу одного изъ редакторовъ и произвело такое потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, что о немъ говорили въ Одессѣ даже среди интеллигенціи, обыкновенно очень надменно относящейся къ жаргонной литературѣ, которой она и знать не хочетъ. Послѣ этого письма „Исрулекъ“ исчезъ, какъ говорили тогда всѣ, по старанію нѣкоего туза, А. Б., котораго оно сильно задѣло, ибо въ купцѣ, доведшемъ своего приказчика до смерти (отъ этого послѣдняго и было письмо), онъ узналъ себя и свои дѣянія. Вообще рѣдко есть какая-нибудь жаргонная книжка, которая бы не трактовала о злодѣйствахъ содержателей коробочнаго сбора, непосредственно пьющихъ ведрами еврейскую кровь, а также и о другихъ общественныхъ представителяхъ.

ской публики, г. Лиліенблюма, именно на его сатиру קהל רעים, такъ что въ этомъ отношеніи особенно жаловаться нельзя.

Что касается русско-еврейской печати, то она дѣйствительно слишкомъ часто пренебрегала самыми важными вопросами внутренней еврейской жизни. Но она имѣетъ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что она была вызвана къ жизни именно для борьбы съ *внѣшнимъ* врагомъ, съ тупыми предразсудками противъ евреевъ, свирѣпствующими среди всѣхъ слоевъ русскаго общества. Этой борьбѣ и еще теперь наша русско-еврейская печать отводитъ слишкомъ много мѣста, хотя она замѣтно уже начинаетъ уступать новому давленію. И я думаю, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше она станетъ отдавать предпочтеніе разработкѣ вопросовъ внутренней еврейской жизни во всѣхъ ея сферахъ—духовной, матеріальной и экономической. Она должна убѣдиться наконецъ, что одного отраженія внѣшняго врага, если бы оно было даже вполнѣ успѣшно, еще очень мало, если съ нимъ рядомъ не идетъ и внутреннее укрѣпленіе посредствомъ постепеннаго измѣненія многихъ тормозящихъ условій и освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ нашего національнаго бытія.

Мы перейдемъ теперь къ интеллигенціи, къ которой г. Ц. особенно взываетъ и отъ которой, по его мнѣнію, должно прійти все спасеніе для нашей массы. Нѣтъ ничего естественнѣе и законнѣе, какъ аппелировать къ развитой части общества при видѣ жестокихъ несправедливостей, которымъ подвергается цѣлый классъ людей.

Возмущающійся несправедливостью, самъ на столько справедливъ, на столько сочувствуетъ обиженному, что онъ противуположныя чувства и поступки другого считаетъ прямымъ слѣдствіемъ его невѣжества, влекущаго за собою, по его мнѣнію, всѣ пороки, и онъ увѣренъ, что всякій видящій и понимающій также, какъ и онъ самъ, непремѣнно также долженъ возмущаться даннымъ явленіемъ и бороться противъ него. Кто изъ насъ не переживалъ того періода, когда онъ считалъ окружавшую его среду клоакой всѣхъ пороковъ и гнусностей и жилъ съ твердой, непоколебимой увѣренностью, что тамъ, дальше, за этой чертой ежедневныхъ уличныхъ молитвъ, разныхъ омовеній и другихъ обрядностей, тамъ, въ томъ волшебномъ мірѣ, гдѣ сидятъ безъ шапки, носятъ

платокъ въ субботу, не говорятъ длиннаго Вегу-Рахема и даже, можетъ быть, и короткаго, гдѣ стригутъ себѣ пейсы и спускаютъ панталоны сверхъ голенищъ и позволяютъ себѣ имѣть «щель позади» (т. е., разрѣзъ въ сюртукѣ)--что тамъ царствуютъ всѣ добродѣтели, а о порокахъ вовсе знать не знаютъ; что тамъ только можно встрѣтить равенство, братство, любовь; словомъ, что всѣ величайшіе идеалы человѣчества осуществились и ненарушимо торжествуютъ въ этой новой безпейсой Аркадіи. Эта твердая вѣра была такъ велика, что она даже сообщалась самымъ ярымъ врагамъ этихъ добродѣтельныхъ безпейсыхъ пастушковъ, и сами ярые ортодоксы вѣрили въ честность людей со «щелью позади», въ прямодушіе «нѣмцевъ». Тѣ, которые вмѣстѣ со мною пережили этотъ періодъ, знаютъ хорошо, что я тутъ нисколько не преувеличиваю.

Это было, безспорно, чудное, прекрасное время, обаятельная, благоухающая весна просвѣщенія, первый медовый мѣсяцъ съ новой возлюбленной—знаніемъ; свѣтлое утро пробужденія отъ глубокаго, продолжительнаго сна, когда протиравшему глаза виднѣлся вдали ясный лазуревый горизонтъ, откуда яркіе лучи поднимавшагося все выше солнца направлялись ему прямо въ лицо и ласкали своимъ теплымъ свѣтомъ.

Но послѣ этой прекрасной весны, поочередно наступили знойное, все сжигающее лѣто, ненастная, грязная осень и жестокая, суровая зима.

Новая же весна до сихъ поръ все не является.

Не смотря однако на всѣ эти пережитые суровые опыты, у многихъ до сихъ поръ еще сохранилась эта прежняя вѣра въ «нѣмца», теперь уже извѣстнаго подъ разными другими названіями, такъ какъ «щель» уже перестала быть его неотъемлемымъ признакомъ.

Разсмотримъ же поближе, насколько эта старая вѣра можетъ оправдаться, и чего именно должно ждать отъ «интеллигенціи». Я не безъ цѣли вызвалъ передъ читателемъ картину добраго стараго времени. Я этимъ хотѣлъ показать, какъ связь прежняго нѣмца съ теперешнимъ «интеллигентнымъ» евреемъ, такъ и то, что теперь еще, по старой доброй памяти, этого послѣдняго противопоставляютъ ортодоксу, т. е., человѣку съ бородою и пейсами, до сихъ поръ еще неутомившемуся читать свой безконечный «Вегу

Рахемъ», ибо онъ, какъ видно, еще нисколько не поколебался въ своей вѣрѣ, что Онъ — рахумъ (милосердъ), такъ какъ другихъ рахумовъ онъ еще не встрѣтилъ нигдѣ.

Прежде всего подъ рубрику «интеллигентный» въ указанномъ смыслѣ подходятъ безспорно наши казенные раввины—люди, получившіе все-таки болѣе или менѣе систематическое образованіе въ раввинскихъ училищахъ. И какъ бы ни было недостаточно это образованіе, всякій согласится, что, рядомъ съ абсолютно-невѣжественнымъ въ свѣтскихъ наукахъ ортодоксомъ, окончившій раввинское училище можетъ считаться полнымъ представителемъ просвѣщенія. Но станетъ ли кто спорить, что эти раввины своимъ хищничествомъ превосходятъ всѣхъ невѣжественныхъ ортодоксовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Самъ г. Ц. первый въ этомъ согласенъ, такъ какъ съ благороднымъ негодованіемъ говоритъ объ этихъ грабителяхъ. Но я нахожу, что г. Ц. еще мало сказалъ о нихъ. Если уже говорить о язвахъ, то надо уже все говорить, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Да, дѣянія казенныхъ раввиновъ, за весьма рѣдкими исключеніями, далеко превосходятъ тѣ предѣлы, о которыхъ говоритъ г. Ц. Они не только являются безнравственными въ исполненіи своей должности, не только деруть, какъ должностныя лица, но весьма часто являются даже ростовщиками и эксплуататорами и въ частной сферѣ, гдѣ они однако сильнѣе другихъ—благодаря своей должности.

Пускай читатель не говоритъ о преувеличеніяхъ. Я лично знаю около десяти раввиновъ, въ числѣ которыхъ есть и очень парадный нѣмецкій раввинъ—и между ними я нашелъ всего одного честнаго человѣка. За то въ числѣ этихъ раввиновъ есть три ростовщика самаго мелкаго пошиба.

Неужели же я такъ несчастенъ, что мнѣ все приходится наталкиваться на негодяевъ и рѣдко на честнаго человѣка! Не думаю, чтобы это было простою случайностью.

Надо обратить вниманіе на то, что многіе изъ знакомыхъ мнѣ раввиновъ имѣли возможность практиковать свои добродѣтели въ самыхъ крупныхъ городахъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Одессѣ, а не гдѣ нибудь въ захолустьѣ, гдѣ нѣтъ контроля. Тамъ же, въ этихъ послѣднихъ пунктахъ, они просто чудеса выдѣлываютъ и даже доносы пишутъ на свою милую паству. Одинъ, напримѣръ,

раввинъ просилъ у губернатора «полномочія», въ виду того, что онъ будто бы предвидитъ большое количество уклоненій отъ воинской повинности въ томъ году. Полномочія не получилось, а уклоненій не было, какъ ихъ никогда не бываетъ въ томъ городкѣ. «Полномочіемъ» же раввинъ думалъ «вязать и разрѣшать» за извѣстную сумму. Тотъ же раввинъ регулярно дѣлалъ и, вѣроятно, еще и понынѣ дѣлаетъ набѣги вмѣстѣ съ приставомъ на деревни въ мѣсяцъ элулъ, такъ какъ евреи совершаютъ въ этотъ періодъ времени ужасныя беззаконія: молятся и плачутъ о своемъ безъисходномъ горѣ безъ разрѣшенія квартальнаго. Онъ старается попасть какъ разъ наканунѣ Рошъ-Гашаны или Іомъ-Кипура, когда уже деревенскому люду нѣтъ никакой возможности собраться въ городъ, и тогда деретъ, сколько ему вздумается, и дѣлится съ оффиціальнымъ представителемъ русскаго закона.

Нѣкоторые раввины соглашаются «терпѣть» цадиковъ за извѣстное годовое вознагражденіе и, кромѣ того, еще устраиваютъ экстраординарные поборы съ нихъ, для чего совершаютъ частые набѣги. Словомъ, это самые настоящіе баскаки.

Одинъ раввинъ, занимавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и адвокатурой, устроилъ такую сдѣлку съ цадикомъ. Онъ отмѣнитъ свою угрозу донести на этого цадика, дозволитъ ему безпрепятственно снимать оставшуюся послѣ его собственной стрижки шерсть съ своего стада, съ однимъ условіемъ: цадикъ долженъ, по возвращеніи въ свою резиденцію, разглашать славу а—скаго адвоката (дѣло происходило въ городкѣ А—вѣ) и рекомендовать его всѣмъ поклонникамъ *. Поставьте, любезный читатель, рядомъ съ этимъ «интеллигентнымъ» бандитомъ всѣхъ невѣжественныхъ духовныхъ нашихъ раввиновъ, которыхъ называютъ «хищными волками», поставьте рядомъ этого «свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ» вольнодумца и упорнаго, «закоренѣлаго въ своемъ фанатизмѣ» раввина-обскуранта—сравните и судите.

---

* Господа раввины, которые узнаютъ себя въ описаніяхъ, должны помнить, что:

Judex ergo quum sedebit
Quidquid latet, ad parebit
Nihil multum remanebit.

Нѣтъ, настоящіе хищные волки суть именно многопросвѣщенные раввины, и къ этимъ послѣднимъ вполнѣ подходятъ пламенныя слова пророка Іезекіиля: «О, горе пастухамъ Израиля! Не они овецъ пасли, а сами паслись овцами. Жиръ ихъ они сожрали, шерстью ихъ одѣлись, все, что было лучшаго, они зарѣзали. Овецъ же они не пасли, слабыхъ изъ нихъ не укрѣпляли, больныхъ не лечили, раненыхъ не перевязывали, заблудшихъ не возвращали, потерявшихся не отыскивали и только жестоко надъ ними владычествовали и отягчали ихъ. И разсѣялись они повсюду и стали добычею всѣхъ хищныхъ звѣрей»...

Достоинъ особенно вниманія одинъ поразительный фактъ. Всѣмъ извѣстно, что просвѣтительное движеніе и борьба противъ него стараго направленія до сихъ поръ продолжаются почти вездѣ еще среди еврейства, исключая очень ограниченное число раіоновъ. И вотъ мы не знаемъ ни одного почти случая, чтобы казенный раввинъ сталъ во главѣ этого движенія и, вообще, служилъ центромъ, вокругъ котораго группировалось бы все, стремящееся къ новой жизни. А между тѣмъ, что было бы естественнѣе, какъ руководство передовымъ движеніемъ со стороны человѣка, являющагося очень часто самымъ образованнымъ, если не единственнымъ образованнымъ въ своей сферѣ. Эти господа «казенные» никогда не идутъ противъ теченія. О томъ же, чтобы они выступили въ защиту ограбленной массы, и рѣчи быть не можетъ. Даже лучшіе и честнѣйшіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи остаются пассивными, ибо боятся нажить себѣ враговъ среди сильныхъ. Но хоть бы оставались они пассивными всегда—и за то имъ можно бы быть благодарными. Къ несчастію, они всегда активно помогаютъ и поддерживаютъ высасывателей народной крови, съ которыми всегда идутъ рука объ руку. Если же случается, что они когда нибудь заигрываютъ съ массой, то это показываетъ только, что они въ данномъ случаѣ чуютъ въ ней могущественную выборную силу. Впрочемъ, и это заигрываніе никогда не выражается какимъ нибудь крупнымъ актомъ отстаиванія ея интересовъ, а въ большинствѣ случаевъ сводится къ опаиванію самыхъ бурныхъ элементовъ въ средѣ ремесленниковъ, которыхъ доводятъ изобильной выпивкой до неспособности различать между

Мордехаемъ и Гаманомъ, и которые потому поддерживаютъ и благословляютъ послѣдняго.

Но и помимо казенныхъ раввиновъ, среди евреевъ, особенно въ послѣднее время, даже въ глуши есть не мало образованныхъ людей, среди купечества, выписывающихъ либеральные журналы и газеты отрекшихся отъ всякихъ еврейскихъ обрядностей и живущихъ вполнѣ «европейцами». Люди эти, къ тому, въ большинствѣ случаевъ, очень состоятельные, часто же это даже крупные богачи. И тутъ никто не станетъ спорить, что, какъ бы ни было недостаточно образованіе этихъ господъ, они все-таки, рядомъ съ незнакомымъ даже съ русской грамотой ортодоксомъ, являются людьми, сравнительно, очень развитыми и передовыми, нестѣсненными никакими предразсудками, ни религіозными, ни національными. Этотъ классъ людей часто является дѣйствительно начитаннымъ, съ которымъ можете даже съ удовольствіемъ разсуждать о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Ужъ, кажется, кого противоставить закоренѣлымъ фанатикамъ, какъ не этихъ европейцевъ! И кому, если не имъ, выступать въ защиту бѣднаго люда, тѣмъ болѣе, что, въ большинствѣ случаевъ, это—все отчаянные либералы! Если казенный раввинъ является человѣкомъ подневольнымъ, зависящимъ отъ денежныхъ людей, то эти господа въ этомъ отношеніи совершенно вольные и независимые люди. И эти «европейцы», дѣйствительно, не отказались бы выступить въ защиту угнетенныхъ и обираемыхъ. Только одно обстоятельство ихъ останавливаетъ,—то, что если всѣ эти «угнетенные братья» перестанутъ быть предметомъ обдиранія и выжимательства, то вѣдь тогда ихъ европеизму прійдетъ конецъ. Что станется тогда съ богатыми салонами, фортепіанами, либеральными журналами и прочими принадлежностями истиннаго просвѣщенія и прогресса! И вотъ, конечно, «послѣ долгой внутренней борьбы» (какъ же безъ этого у культурнаго человѣка), либеральные европейцы рѣшаютъ, что уже лучше милліону-другому «еврейчиковъ» въ теченіе короткаго періода своего земнаго странствія отказываться отъ нѣкоторыхъ жизненныхъ удобствъ, въ родѣ мяса, хлѣба, теплой и сухой квартиры и тому подобныхъ суетныхъ вещей, чѣмъ давать гибнуть прогрессу. Шутка ли—прогрессъ! Вѣдь онъ обнимаетъ весь міръ. И что значитъ рядомъ съ нимъ два-три милліона гибнущихъ

съ голоду евреевъ. Какое человѣческое движеніе обходится безъ жертвъ!

Потерпите же малость, голые, дрожащіе отъ голоду и холоду братья наши (о, вы—наши братья, мы отъ васъ не отрекаемся), потерпите же малость въ своихъ конурахъ безъ крышъ, съ насквозь промокшими стѣнами. Прогрессъ захватываетъ все больше и больше пространства, и еще три, четыре вѣка, и всѣ люди будутъ жить счастливо. Надо только упорно терпѣть и переносить всѣ лишенія во имя будущаго освобожденія... И наша жизнь не сладка, и мы часто льемъ горькія слезы надъ чтеніемъ «Нана»...

Да, что касается выжиманія бѣднаго еврейскаго люда, то наши любезнѣйшіе «европейцы» не только не уступаютъ пейсатымъ фанатикамъ, но далеко ихъ превосходятъ въ этомъ отношеніи. Да оно и понятно. Сравните потребности противника прогресса съ потребностями его пламенныхъ адептовъ въ лицѣ нашихъ еврейскихъ культурныхъ Колупаевыхъ, и вы увидите, что они превосходятъ въ десятки и сотни разъ потребности перваго. Что же касается нравственной щекотливости, то она у послѣднихъ если не гораздо слабѣе, то уже далеко не сильнѣе, чѣмъ у перваго, т. е. у ортодокса.

Живодеръ-ортодоксъ все-таки, что называется, имѣетъ Бога въ сердцѣ, и если не всегда, то все-таки, сравнительно часто, его религіозное чувство и его *еврейское* сердце удерживаетъ его отъ уже слишкомъ крупныхъ несправедливостей. Онъ, кромѣ того, ближе къ положенію имъ обираемаго, стоитъ съ нимъ болѣе или менѣе въ условіяхъ равенства, ибо онъ все-таки знаетъ, что евреи всѣ равны, всѣ братья. Въ случаѣ, когда онъ это уже слишкомъ забываетъ, обиженный не побоится это ему напомнить. При очень уже крупномъ грабежѣ ортодоксальнаго или «простаго» еврея, обиженный кинется къ обидчику въ домъ съ женою и дѣтьми и станетъ ему дѣлать указанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Ребъ Мойше, что вы со мною дѣлаете, хотите меня зарѣзать съ женою и дѣтьми! Или вы не еврей, и у васъ нѣтъ Бога въ сердцѣ? Не забудьте, что мы всѣ имѣемъ одного Бога, который судитъ справедливо, который все видитъ. Онъ и мои горькія слезы увидитъ, и всѣ ваши дѣянія будутъ вамъ засчитаны и припомнятся вамъ въ

день суда. Мы всѣ у Бога въ рукахъ, и кто знаетъ, кому принадлежитъ завтрашній день!»

И отъ этихъ словъ ребъ Мойше, какъ бы ни были велики его жадные инстинкты, ужаснется и остановится. Если же онъ самъ уже на столько жестокъ, что все это на него не подѣйствуетъ, что почти невозможно допустить, то присутствующая при этомъ жена уже не дастъ ему покою ни днемъ, ни ночью, пока онъ не уступитъ. Кромѣ того, некультурный еврей-кулакъ еще сохранилъ множество предубѣжденій и предразсудковъ, не дозволяющихъ ему перейти извѣстныя границы. Онъ, напр., остановится съ ужасомъ передъ мыслію о томъ, чтобы «отнять у еврея кусокъ хлѣба», «оторвать еврея отъ парнусы». Совсѣмъ другое дѣло прогрессистъ-европеецъ, который, какъ человѣкъ передовой и просвѣщенный, смѣется надъ всѣми этими глупыми предразсудками. Его не устрашишь судомъ Господнимъ и карами небесными. Да съ нимъ и не дойдешь до какихъ бы то ни было объясненій. Онъ слишкомъ высоко стоитъ надъ всей этой невѣжественной массою рабовъ, чтобы позволить всякому голодному оборвышу препираться съ нимъ. И если ограбленный бѣднякъ уже слишкомъ забудется, то дальше передней его протестъ не пойдетъ, да и тамъ уймутъ его подзатыльники кучера или дворника. И въ то время, какъ обѣдъ или сонъ ребъ Мойше или ребъ Нухима могутъ быть совершенно разстроены ворвавшимся вдругъ безъ всякихъ церемоній голякомъ, потерявшимъ наконецъ всякую силу терпѣть,—Абрамы Мироновичи и Мироны Абрамовичи преспокойно пожираютъ и перевариваютъ чужую кровь за чтеніемъ либеральныхъ газетъ и журналовъ и за еще болѣе либеральной бесѣдой о великомъ шествіи прогресса. И такъ какъ это шествіе прогресса чего нибудь да стоитъ, то тамъ, гдѣ разные ребъ Мойше сдерутъ рубль, Абрамы Мироновичи ихъ сдерутъ цѣлую сотню и даже тысячу, и тамъ, гдѣ ребъ Нухимы выпьютъ нѣсколько капель крови своего ближняго, Мироны Абрамовичи его сожрутъ съ костьми. Да и какъ тутъ быть иначе, когда гардины надъ каждымъ окномъ стоятъ Мирону Абрамовичу по двѣсти рублей, а меблировка салона въ десять тысячъ обходится, между тѣмъ какъ у ребъ Нухима всѣ то мебель состоитъ изъ ларя, деревяннаго некрашеннаго стола и такихъ же стульевъ. Ребъ Нухимъ возьметъ для своей до-

чери въ мужья воложинскаго ешиботника, которому много, много дастъ пятьсотъ—тысячу рублей, Миронъ же Абрамовичъ возьметъ для той же цѣли доктора или юриста, которому цѣна—отъ десяти до тридцати тысячъ.

Вотъ къ чему сводится вся разница между кровопійцей—ортодоксомъ и кровопійцей—прогрессистомъ.

Нельзя однако, разъ заговоривъ объ этомъ крайне уродливомъ явленіи, обойти его безъ нѣкотораго хоть разъясненія.

Я здѣсь не могу касаться общихъ причинъ, почему рядомъ съ развитіемъ у насъ нѣкоторой культуры стали развиваться въ несравненно большей степени самые грубые шкурные инстинкты. Это — явленіе слишкомъ обширное и слишкомъ коренится въ общемъ ходѣ европейской цивилизаціи, въ общемъ строѣ государственной и общественной жизни, чтобы здѣсь о немъ говорить. Я только хочу указать на то обстоятельство, почему *наши* «европейцы» не сдѣлали никакихъ пріобрѣтеній въ области нравственности. Я нахожу причину этого печальнаго явленія въ самомъ ходѣ нашего еврейскаго просвѣщенія, которое въ самомъ началѣ своего зарожденія является только *антирелигіознымъ*, *антибрядовымъ*, между тѣмъ какъ всѣ другія стороны жизни были совершенно оставлены безъ вниманія. Всѣ громы нашихъ первыхъ просвѣтителей направлялись только противъ религіозныхъ предразсудковъ, противъ внѣшностей въ родѣ ношенія ермолки, длиннаго капота, пейсовъ и т. д. Идеаломъ же являлось все противуположное этимъ внѣшнимъ формамъ. Отказаться же отъ внѣшности не особенно трудно или дѣйствительно развитому человѣку, или людямъ легкомысленнымъ, поверхностнымъ, для которыхъ эта внѣшность ни съ чѣмъ внутреннимъ не связана и не является никакимъ выраженіемъ болѣе глубокихъ духовныхъ сторонъ ихъ жизни, вовсе имъ не знакомыхъ. Отказаться же отъ того, чѣмъ нисколько не дорожишь, да еще къ тому попасть въ прогрессисты и даже въ борцы и герои — это уже совсѣмъ заманчиво, и можетъ вскружить голову хоть кому. И вотъ среди очень небольшаго числа съ истинно просвѣщенными взглядами и искренними стремленіями къ образованію, очутилась огромная масса самыхъ скверныхъ элементовъ, которые однако считаютъ себя куда выше всей еврейской массы, на которую смотрѣли не только свысока и

съ презрѣніемъ, но и крайне враждебно. Остригши пейсы и бороду, укоротивъ сюртукъ, они уже *eo ipso* стали причисляться къ «нѣмцамъ» и «москалямъ» (просвѣщеннымъ), между тѣмъ какъ въ сущности оставались грубѣйшими невѣждами и во всѣхъ отношеніяхъ стояли куда ниже самаго фанатичнаго ортодокса. Сбросивъ иго религіи и общественнаго мнѣнія и не пріобрѣвши ничего взамѣнъ всего этого, эти безпейсые прогрессисты не знали больше никакихъ границъ для своихъ животныхъ инстинктовъ, которымъ и дали полную волю, такъ какъ по ихъ понятіямъ прогрессъ и просвѣщеніе сводились къ слѣдующему простѣйшему выраженію: нѣтъ ничего запрещеннаго, все можно. Да и какъ имъ было понять иначе этотъ прогрессъ, когда они видѣли, что представители этого послѣдняго объявили непримиримую войну этому страшному «нельзя»!

«Ergo—все можно» заключили новые адепты просвѣщенія. И вотъ, съ одной стороны, волчій аппетитъ, все болѣе и болѣе разгорающійся по мѣрѣ вкушенія сладости «прогресса», и не ограждаемый никакой совѣстью, никакой ни нравственностью, ни религіею; съ другой—«фанатическая» масса еврейская, презираемая новоиспеченнымъ «нѣмцемъ» за ея предразсудки, за ея страсть къ соблюденію религіозныхъ предписаній. Какже не сосать этихъ враговъ просвѣщенія, какъ не заставлять ихъ отдавать всѣ свои крохи жрецамъ свѣта, апостоламъ истины! Вѣдь это—просто святое дѣло. Легко понять, какіе страшные результаты все это должно было дать. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ несчастная масса дѣлается все больше и больше жертвою этихъ ненасытныхъ кровопійцъ, которые къ тому и во многихъ другихъ отношеніяхъ накостятъ и вредятъ ей всевозможными способами. Цинизмъ этихъ пошляковъ часто доходилъ до того, что самымъ лучшимъ наслажденіемъ многихъ изъ нихъ было—какъ можно больше оскорблять религіозное чувство евреевъ. Одинъ явится въ Іомъ-Кипуръ передъ синагогой верхомъ и съ сигарой во рту; другой во время еврейской Пасхи откроетъ всѣ свои окна и двери, чтобы показать, что у него за столомъ хлѣбъ и свинина. Одинъ даже накормилъ цѣлый уѣздъ свинымъ саломъ, которое всѣмъ продавалъ, какъ гусиное сало. Я уже не говорю о томъ, какъ они чернили евреевъ передъ всякими «панами», передъ которыми сгибались въ

семь погибелей, заискивая ихъ милости и дружбы, клевеща въ угоду имъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти на еврейскую массу.

Вотъ этотъ-то типъ прогрессистовъ и выродился въ современныхъ намъ европейцевъ. Онъ же оставилъ и много другихъ неизгладимыхъ слѣдовъ въ нашей еврейской жизни. Но больше всего ихъ просвѣтительная дѣятельность обнаружилась въ окончательномъ разореніи нашей несчастной массы, которой кровь они продолжаютъ пить цѣлыми ведрами. Такова въ общихъ чертахъ исторія происхожденія нашихъ Деруновыхъ, на разорительную дѣятельность которыхъ не мало вліяли примѣры настоящихъ Деруновыхъ. Кто не знаетъ, что при возникновеніи нашего просвѣщенія образцомъ и идеаломъ всѣхъ стремленій былъ Иванъ? Кто не помнитъ этой стереотипной фразы нашихъ первыхъ просвѣтителей: вотъ посмотрите, какъ у Ивана: вѣдь у него просто танугъ (наслажденіе). Такъ какъ евреямъ Иванъ былъ извѣстенъ своими первобытными нравами, то этотъ Ивановскій танугъ большинствомъ былъ понятъ, какъ свобода отъ всякихъ обязанностей, прежде всего религіозныхъ, а потомъ уже нравственныхъ. И вотъ, величайшимъ честолюбіемъ для многихъ стало—достигнуть того совершенства, какаго достигъ и Иванъ, это идеальное воплощеніе всевозможныхъ свободъ.

Здѣсь не мѣсто больше распространяться объ этомъ крайне интересномъ явленіи, которое стоитъ того, чтобы стать предметомъ спеціальнаго изученія, какъ одна изъ самыхъ выдающихся чертъ нашего просвѣтительнаго движенія, давшая этому послѣднему своеобразную окраску и направленіе *.

Бенъ-Ами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* Намъ, кажется однако, что авторъ уже чрезъ чуръ обобщаетъ тѣ единичныя явленія, которыя онъ наблюдалъ въ той средѣ, которую онъ называетъ интеллигенціей. На сколько общеизвѣстные факты свидѣтельствуютъ, слѣдуетъ, напротивъ, думать, что по отношенію къ выжиманію бѣднаго класса еврейскаго населенія, наши ортодоксы, вѣрнѣе наши фанатики и ханжи, куда какъ далеко оставляютъ за собою не только дѣйствительно образованныхъ, но даже и полуобразованныхъ. Гораздо дѣльнѣе предложенія автора, которыя появятся въ слѣдующей книжкѣ. *Ред.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Наше время не только разрабатываетъ и усовершенствуетъ тѣ науки, которыми занимались въ древнее время и средніе вѣка, но создало нѣсколько и совершенно новыхъ наукъ, такихъ, о какихъ ученымъ прежней поры и не снилось. Самыя молодыя изъ этихъ наукъ статистика и изслѣдованіе сказокъ и легендъ—двѣ, столь противоположныя, даже повидимому враждебныя другъ другу области знанія. Съ одной стороны сухія, неумолимыя цифры, съ другой—яркія, воздушныя созданія фантазіи. Тамъ все считаютъ, мѣрятъ и взвѣшиваютъ, здѣсь все расплывается въ неосязаемыхъ и неизмѣряемыхъ фантастическихъ образахъ. Медленно, почти не отрываясь отъ земли, подвигается впередъ осторожная статистика; смѣло паритъ вверхъ, проносится по разнымъ странамъ и вѣкамъ, на волшебномъ конѣ воображенія, изслѣдованіе сказочнаго міра...

Одна изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ задачъ такого изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы прослѣдить путь сказки отъ народа къ народу, отъ столѣтія въ столѣтіе. Но рѣдко удается ему опредѣлить такой путь съ точностью и вѣрностью, потому что сказка любитъ путешествовать инкогнито, какъ важный господинъ, и принимаетъ языкъ, одежду и нравы туземцевъ той страны, гдѣ ей заблагоразсудится остановиться.

Поэтому изслѣдователю часто приходится ограничиваться констатированіемъ существованія одной и той же сказки въ различныхъ мѣстахъ, или, при устраненіи всего наноснаго, установленіемъ тождества двухъ, мало похожихъ одна на другую, сказокъ,

не имѣя при этомъ однако возможности сказать, какая изъ нихъ первобытнѣе и какимъ путемъ она перешла изъ Азіи въ Европу или изъ Европы въ Азію.

Такія трудности представляетъ въ особенно значительной степени недавно попавшееся мнѣ въ руки собраніе еврейскихъ сказокъ изъ Палестины. Это—крайне любопытная маленькая книжка на еврейскомъ языкѣ, нѣчто въ родѣ «Бедекера» для еврейскихъ путешественниковъ въ Палестину, десятую главу которой и составляютъ эти сказки, подъ заглавіемъ: «Преданія страны» *.

Въ средніе вѣка евреи, какъ извѣстно, очень много способствовали распространенію сказокъ, басень и притчъ. Благодаря евреямъ, познакомилась Европа съ двумя индійскими сборниками разсказовъ «Калила» и «Димно» и сочиненіемъ «Семь Мудрецовъ»; Петръ Альфонсъ, крещеный арагонскій еврей, перевелъ арабскіе разсказы на латинскій языкъ, а въ еврейскихъ комментаріяхъ на библію, относящихся къ ранней порѣ среднихъ вѣковъ, находимъ мы повѣствованія, напоминающія исторію Гризельды и легенду о вейнсбергскихъ женщинахъ. Одинъ изъ современныхъ писателей прямо говоритъ, что евреи, наряду съ арабами, были главными распространителями этой области литературы въ Европѣ **. Но евреи не только переводили на еврейскій и латинскій языкъ арабскія оригинальныя произведенія и арабскіе же переводы, но и кромѣ того, странствуя всюду сами, какъ странствуетъ сказка, распространили многое передачею устною. При этомъ они въ свою очередь заимствовали для себя не мало у европейскихъ народовъ, и большая часть сказочной сокровищницы нѣмцевъ существуетъ до сихъ поръ у польскихъ евреевъ на ихъ туземномъ діалектѣ. Поэтому, встрѣчаясь теперь съ этимъ собраніемъ палестинскихъ сказокъ и легендъ, мы тотчасъ же задаемъ себѣ вопросъ: «Что тутъ истинно восточнаго или спеціально еврейскаго, и что занесено евреями изъ Польши и Россіи, Испаніи и Португаліи

---

* Schaare Jeruschelaim соч. М. Рейшера.

** «Le peuple cosmopolite par excellence et le seul qui le fut au moyen-âge; orientaux eux-mêmes d'esprit et de tradition, qui seuls savaient l'arabe et qui seuls pouvaient le traduire en latin. (Montaiglon, Recueil général et complet des fabliaux. Paris. 1872).

или другихъ странъ, и приноровлено къ мѣстнымъ нравамъ и традиціямъ?»

Къ сожалѣнію, г. Рейшеръ передаетъ намъ сказки на своемъ ново-еврейскомъ нарѣчіи, въ которомъ кромѣ того встрѣчается много галлицизмовъ. Передай онъ намъ эти разсказы въ томъ видѣ, какъ слышалъ ихъ изъ устъ народа—на польско-нѣмецко-еврейскомъ діалектѣ или на lingua franca потомковъ изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ, которые, по свидѣтельству историка испанской литературы, до сихъ поръ еще говорятъ на языкѣ Альфонса Мудраго *—мы получили бы тогда точку опоры для опредѣленія источника этихъ произведеній.

Но такъ какъ г. Рейшеръ этого не сдѣлалъ, то осторожный и добросовѣстный изслѣдователь поколеблется дать положительный отвѣтъ на вышеприведенные вопросы. Онъ долженъ ограничиться указаніемъ на то, что̀ есть въ этихъ разсказахъ схожаго съ европейскими, т. е. христіанскими, легендами и сказками, и только касательно нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣшиться высказать догадку о ихъ происхожденіи.

Но сказки эти такъ интересны и пересказаны такъ прекрасно, что я считаю нужнымъ привести здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ нихъ, будучи убѣжденъ, что доставлю этимъ удовольствіе даже не спеціалистамъ-читателямъ; при этомъ, надѣюсь, не будутъ сочтены лишними и мои краткія замѣчанія.

Въ четвертой сказкѣ повѣствуется о богатомъ молодомъ купцѣ изъ Іерусалима, который, странствуя по свѣту, заѣхалъ между прочимъ и въ Константинополь. Тамъ на площади увидѣлъ онъ повѣшенный желѣзный сундукъ, который охранялся часовымъ. На вопросъ его, подкрѣпленный взяткою, ему сообщили, что тутъ находится трупъ придворнаго казначея, еврея, который былъ обвиненъ своими врагами въ утайкѣ казенныхъ суммъ. Такъ какъ онъ, не смотря на то, что былъ человѣкъ честный, не могъ предста-

* На счетъ этого языка, до сихъ поръ употребляемаго евреями въ Турціи и кое-гдѣ такъ называемыми турецкими евреями въ Вѣнѣ, Паскаль де Гайангосъ, въ добавленіяхъ къ своему переводу Тикноровой „Исторіи испанской литературы“, говоритъ: «Въ Константинополѣ выходитъ въ настоящее время журналъ: «Aor Isrаël» на испанскомъ языкѣ, печатающійся еврейскимъ шрифтомъ, который по своему стилю могъ бы издаваться во времена Альфонса Мудраго.

вить отчетъ въ своемъ двадцатилѣтнемъ управленіи дѣлами, то султанъ приказалъ его казнить, и выставивъ всенародно въ сундукѣ, держать тутъ до тѣхъ поръ, пока евреи не выплатятъ ту громадную сумму, въ израсходованіи которой отчетъ не былъ имъ представленъ. Молодой путешественникъ счелъ за самое лучшее удовлетворить этому требованію турецкаго казначейства и вслѣдъ затѣмъ устроилъ для освобожденнаго трупа торжественныя похороны, на которыя, по приказанію султана, явились всѣ жители Константинополя. Спустя много времени, молодой человѣкъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и былъ выброшенъ волнами на голый скалистый берегъ. Ему уже представлялась неизбѣжною смерть отъ голода, когда появился колоссальный бѣлый орелъ, посадившій его на себя и въ нѣсколько минутъ перенесшій его въ Іерусалимъ. Въ слѣдующую затѣмъ ночь явился къ нему духъ нѣкогда освобожденнаго и погребеннаго имъ придворнаго казначея, объявившій, что это онъ былъ тотъ бѣлый орелъ, который перенесъ его черезъ море, и пообѣщавшій своему избавителю, что на томъ свѣтѣ онъ получитъ еще болѣе блистательную награду.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма распространенною сказкой «о благодарномъ мертвецѣ», которую изслѣдуетъ К. Зимрокъ въ своемъ сочиненіи: «Добрый Герардъ и благодарные мертвецы» (Боннъ, 1856 г.). Древнее суевѣріе представляло себѣ непогребенныхъ покойниковъ блуждающими на чужбинѣ существами, которыя могли только въ могилѣ найти себѣ спокойную родину. Погребеніе мертвыхъ и освобожденіе заключенныхъ въ тюрьмѣ принадлежали къ тѣмъ добрымъ дѣламъ, награда за которыя начинала получаться отчасти уже въ земной жизни. Въ еврейскомъ молитвенникѣ перечисляются различныя добрыя дѣянія, проценты съ которыхъ получаются уже въ этомъ мірѣ, капиталъ же будетъ выплаченъ только на томъ свѣтѣ; къ нимъ принадлежатъ между прочимъ—гостепріимство, ухаживаніе за больными и участіе въ похоронахъ. Поэтому вышеприведенная сказка, очень похожая на нѣмецкую «благодарность мертвеца» не можетъ быть признаваема за оригинально-еврейскую. Нѣтъ въ Европѣ народа, у котораго не встрѣчались бы одинъ или нѣсколько варіантовъ ея; кажется, она была извѣстна даже въ древности, судя по тому, что въ одной греческой эпиграммѣ говорится:

«Того мертвеца, котораго Симонидъ Косскій нашелъ здѣсь убитымъ и непогребеннымъ, положилъ онъ въ гробъ. За это благочестивое дѣло мертвецъ оказалъ благодарность ему, живому, предостерегши его во снѣ отъ печальной участи, грозившей кораблю, на которомъ онъ намѣревался пуститься въ путь».

Въ формѣ историческаго анекдота встрѣчается эта сказка въ Польшѣ. По разсказу Эдуарда Рачинскаго въ его примѣчаніяхъ къ письмамъ короля Яна Собѣскаго, великій маршалъ королевства Польскаго, князь Станиславъ Любомирскій, началъ было писать сочиненіе противъ безсмертія души. Но однажды онъ встрѣтилъ непогребенный трупъ одной женщины и похоронилъ его на свой счетъ. Въ слѣдующую ночь благодарный духъ этой женщины явился къ нему и неопровержимо доказалъ безсмертіе души, вслѣдствіе чего маршалъ оставилъ начатое сочиненіе неоконченнымъ. Сказка соприкасается здѣсь съ обширнымъ цикломъ легендъ о сообщеніяхъ и предостереженіяхъ, получаемыхъ изъ загробнаго міра—легендъ, любопытный образчикъ которыхъ представляетъ намъ девятнадцатая сказка въ сборникѣ Рейшера.

Къ неменѣе широкому циклу—сказаній о чудесныхъ поѣздкахъ—принадлежитъ сказка десятая:

Сто двадцать лѣтъ назадъ іерусалимскіе евреи отправили одного набожнаго раввина въ Европу для сбора пожертвованій. Такъ какъ ему приходилось совершать путь по пустынѣ цѣлыхъ двѣнадцать дней, а въ субботу онъ ѣздить не хотѣлъ, то онъ заключилъ съ начальникомъ каравана условіе, что въ субботу они будутъ отдыхать. Начальникъ потребовалъ за это и получилъ впередъ дополнительную плату; когда же наступилъ вечеръ пятницы, онъ не захотѣлъ сдержать данное слово и объявилъ, что долженъ ѣхать дальше. Тутъ нашъ бѣдный раввинъ очутился въ большомъ затрудненіи: нарушить ли ему святость субботы ѣздою, или остаться одному въ пустынѣ? Послѣ нѣкотораго размышленія сообразилъ онъ, что оставаясь одинъ въ степи, онъ рискуетъ только быть пожраннымъ дикими звѣрьми и лишиться земной жизни, тогда какъ осквернѣніе субботы повлечетъ за собой несомнѣнно погибель его душевнаго спасенія. Поэтому онъ рѣшился остаться, слѣзъ съ мула, взялъ свой узелокъ и предоставилъ каравану двинуться въ дорогу.

Изъ спутниковъ его одни смѣялись надъ нимъ, другіе жалѣли о немъ, всѣ были убѣждены, что онъ человѣкъ погибшій.

Не успѣлъ раввинъ окончить свою вечернюю молитву и свой скромный ужинъ, какъ передъ нимъ явился страшный левъ. Набожный старикъ сперва испугался, но скоро успокоился, увидѣвъ, какъ вѣжливо и дружелюбно левъ обошелся съ нимъ. Весь субботній день провелъ онъ въ сообществѣ царя пустыни, и когда наступила ночь, левъ сталъ приглашать его къ себѣ на спину такими привѣтливыми и выразительными движеніями, что раввинъ рѣшился, взобрался на него и крѣпко ухватился за гриву. Добродушный левъ нагрузилъ себя и багажомъ своего пріятеля и затѣмъ пустился въ путь. Галопомъ понесся онъ по пустынѣ, сопровождаемый воемъ гіенъ и другихъ звѣрей; но они не осмѣливались приблизиться къ своему повелителю—и въ воскресенье на разсвѣтѣ левъ и его всадникъ нагнали караванъ. Левъ опустился на землю, для того, чтобы раввинъ могъ удобно сойти съ него, послѣ того испустилъ радостное рычаніе, ударилъ хвостомъ по степному песку и помчался обратно, не ожидая благодарности раввина, у котораго испуганный начальникъ каравана сталъ униженно просить прощенія. Съ тѣхъ поръ набожнаго старика прозвали Аріелемъ (левъ божій), и его потомки, до сихъ поръ сохранившіе это названіе, составляютъ одно изъ почетнѣйшихъ семействъ въ Іерусалимѣ.

Цезарь Гейстербахъ, монахъ 13-го столѣтія, разсказываетъ въ своемъ Dialogus Miraculorum объ одномъ *христіанскомъ* пилигримѣ, который не хотѣлъ пуститься въ дорогу изъ Іерусалима къ себѣ на родину въ первый день Пасхи, чтобы не пропустить богослуженія. Когда же на слѣдующій день онъ отправился одинъ, то передъ нимъ появился незнакомецъ почтенной наружности, который посадилъ его къ себѣ на лошадь и въ одинъ день доставилъ его изъ Іерусалима домой—въ окрестности Люттиха. Такимъ образомъ путешествіе совершилось еще быстрѣе, чѣмъ на львѣ, и можно почти подумать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ іерусалимскою мѣстною легендой.

Но мнѣ кажется, что эта сказка—еврейскаго происхожденія, такъ какъ ѣздить въ субботу или праздники считается большимъ грѣхомъ только у евреевъ. Притомъ же уже въ талмудѣ разска-

зывается подобный случай. Тутъ передъ нами цѣлый сонмъ равиновъ, которыхъ демонъ, конечно по приказанію свыше, уноситъ по воздуху, къ величайшему негодованію императора Діоклитіана, желавшаго казнить ихъ за неповиновеніе ему *.

Четырнадцатая сказка напоминаетъ циклъ Кифгейзерскихъ легендъ. Тутъ на сценѣ еврей, ведущій навьюченнаго мѣшками съ мукою осла и котораго девять старцевъ приглашаютъ въ пещеру рабби Симеона-бенъ-Іохаи въ качествѣ «десятаго» при ихъ вечерней молитвѣ, такъ какъ для полноты молитвы или богослуженія необходимо присутствіе десяти евреевъ. Въ награду за это старцы дѣлаютъ мучной мѣшокъ «десятаго» неистощимымъ, и такимъ образомъ онъ становится богатымъ человѣкомъ. Когда же по настоянію своихъ друзей онъ выдаетъ тайну своего посѣщенія пещеры, его немедленно постигаетъ смерть. Рейшеръ подробно разсказываетъ намъ, какъ онъ самъ былъ въ этой пещерѣ, тамъ совершилъ молитву и цѣловалъ стѣну. На обратномъ пути одна старая аравитянка разсказала ему вышеприведенную легенду. Въ pendant къ ней служитъ осьмая сказка: Евреи въ Хевронѣ были однажды, наканунѣ суднаго дня, въ большомъ затрудненіи, такъ какъ ихъ собралось всего девять человѣкъ. Вдругъ неожиданно появился бѣдный странникъ, который назвалъ себя Авраамомъ и, какъ десятый, помогъ имъ совершить богослуженіе. Но оказалось, что это былъ ни больше, не меньше, какъ праотецъ Авраамъ, ради нихъ оставившій свою могилу!

Въ высшей степени странною представляется среди этихъ легендъ и сказокъ пятнадцатая глава, заключающая въ себѣ подробное изложеніе событій въ Ливанѣ въ 1860 г. Кто не интересуется сказками, быть можетъ, прослушаетъ съ удовольствіемъ разсказъ еврея о борьбѣ между друзами и моронитами. Онъ называетъ моронитовъ просто христіанами и вообще не дѣлаетъ, повидимому, никакого различія между разными христіанскими вѣроисповѣданіями.

---

* Сказку о поѣздкѣ на львѣ слышалъ въ Палестинѣ и Л. А. Франкль, пересказавшій ее въ Европѣ уже задолго до Рейшера подъ заглавіемъ: «Легенда Пустыни» (Jahrbuch für Israeliten. Wien. 1858).

Но за то онъ проводитъ рѣзкое отличіе между турками, друзами (которыхъ на своемъ еврейскомъ языкѣ называетъ филистимлянами) и бедуинами. Что о различныхъ еврейскихъ общинахъ онъ распространяется очень подробно — это понятно само собою.

М. Л.

БАЛТІЙСКІЕ ОЧЕРКИ *.

VI.

Извѣстный нѣмецкій писатель А. фонъ-Штернбергъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о пребываніи въ балтійскомъ краѣ“ (Erinnerungsblätter) слѣдующій романтическій эпизодъ: „По прибытіи въ Гапсаль, мой братъ и я стали изслѣдовать развалины древняго мѣстнаго замка, бывшей резиденціи воинственныхъ средневѣковыхъ епископовъ и рыцарей, причемъ намъ удалось сдѣлать весьма странное и замѣчательное открытіе. Мы нашли въ одной стѣнѣ замурованную дверь и разбили ее. Войдя въ маленькую овальную комнату, мы увидѣли сидящій у дубоваго стола человѣческій скелетъ, на костяхъ котораго еще видны были остатки желѣзнаго панцыря. По всей вѣроятности, этотъ несчастный за какое нибудь преступленіе былъ приговоренъ быть заживо замурованнымъ. Такіе случаи были нерѣдки въ тѣ варварскія времена. Я сѣлъ къ столу, прямо напротивъ этого молчаливаго обитателя келіи, который сидѣлъ здѣсь и мечталъ въ то время, какъ буря вѣковъ пролетѣла надъ его головою, какъ ураганъ времени сломалъ самыя крѣпкія стѣны“.

Это мѣсто изъ весьма интереснаго сочиненія знаменитаго нѣмецкаго писателя приходитъ мнѣ въ память, когда я вижу все еще существующіе здѣсь средневѣковые порядки. Окаменѣлые древніе обычаи и установленія напоминаютъ несчастнаго узника въ развалинахъ гапсальскаго замка. Отжившія свой вѣкъ привиллегіи, утратившія всякое значеніе прерогативы, находящіяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ духомъ времени и его требованіями преимущества, вредящія жизненнымъ интересамъ льготы, подтачивающія народное благосостояніе феодальныя права—всѣ эти обломки от-

* Первыя пять очерковъ были помѣщены въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода“ въ №№ 24—27. *Ред.*

даленнаго прошлаго, которые съ негодованіемъ давно бросили самые консервативные народы, не исключая нѣмцевъ, сохранились еще въ нашихъ балтійскихъ окраинахъ и защищаются съ доходящею до самоотверженія энергіею, достойною гораздо лучшаго дѣла.

Съ этимъ скелетомъ, сохранившимъ остатки желѣзнаго панцыря на костяхъ, мнѣ приходится встрѣчаться здѣсь на каждомъ шагу, и нерѣдко я садился противъ этого грознаго призрака и спрашивалъ его: несчастный, что ты дѣлаешь на землѣ? Зачѣмъ ты продолжаешь свое пребываніе въ средѣ живыхъ людей, отравляешь ихъ радостное настоящее постояннымъ напоминаніемъ грустнаго прошлаго? Ты жилъ въ то блаженное время, когда благочестивые христіанскіе рыцари во имя Бога любви еще жарили несчастныхъ евреевъ, придумывали различные новые способы болѣе адскаго мученія: заставляли ихъ носить остроконечныя высокія желтыя шляпы и желтый знакъ на спинѣ; дозволяли всѣмъ плевать евреямъ въ лицо; разрѣшали мальчикамъ подставлять палку еврею и повелительно кричать ему: Spring, Jude, her! ограничивали кругъ дѣятельности этихъ несчастныхъ, грабили и убивали ихъ. Ты былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ ужасовъ отвратительнаго варварскаго, мрачнаго прошлаго и дерзаешь осквернять своимъ присутствіемъ болѣе свѣтлое культурное настоящее! Долой призракъ!

Но молчаливый скелетъ древнихъ привиллегій и феодальныхъ льготъ только скалитъ зубы и не обращаетъ вниманія на заклинанія. Мертвый продолжаетъ жить въ средѣ живыхъ, не въ замурованной келіи, а на открытомъ воздухѣ, и на каждомъ шагу сталкиваешься съ этимъ отвратительнымъ привидѣніемъ.

Понятно, что этотъ призракъ отдаленнаго прошлаго не могъ не дѣйствовать также на положеніе евреевъ въ остзейскомъ краѣ. Пока устарѣвшія привиллегіи, отжившія свой вѣкъ прерогативы пользовались здѣсь неограниченною властью, балтійскимъ евреямъ жилось ужасно плохо. Съ одной стороны, гордые бароны, съ другой—заносчивые бюргеры, далѣе жадное купечество и невѣжественная чернь—словомъ, доставалось несчастнымъ евреямъ порядкомъ. Ихъ тѣснили и гнали, лишали всяческихъ правъ и такъ систематически держали въ черномъ тѣлѣ, что нельзя не удивляться, что вообще въ настоящее время здѣсь существуютъ еще потомки этихъ злосчастныхъ жертвъ, что племя Израиля здѣсь не совсѣмъ вымерло. Это по истинѣ грандіозное, достойное удивленія зрѣлище и жизненность іудаизма обнаруживается тутъ въ полномъ блескѣ. Народъ, продолжающій

жить при такихъ условіяхъ, и не только жить, но и развиваться, призванъ къ чему нибудь лучшему.

Не касаясь здѣсь подробно исторіи балтійскихъ евреевъ (о чемъ я поговорю спеціально другой разъ), я могу только сказать, что съ подчиненіемъ балтійскихъ провинцій русскому владычеству участь евреевъ мало улучшилась, если вообще объ улучшеніи могла быть рѣчь. Въ капитуляціяхъ рыцарство выговорило себѣ не только сохраненіе старыхъ привиллегій, но и присоединеніе новыхъ, да евреи и вообще не могли возложить большихъ надеждъ на замѣну шведскаго режима русскимъ. Петръ I былъ такъ восхищенъ пріобрѣтеніемъ Ревеля и Риги, благодаря которымъ онъ подвинулъ Россію къ морю и началъ задуманную имъ великую задачу прорубить окно въ Европу, что не много торговался со своими новыми подданными и даровалъ имъ даже такія льготы, которыя шли даже прямо въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами. Преемникамъ великаго царя многія изъ этихъ льготъ показались страшнымъ бременемъ (чѣмъ они были въ дѣйствительности), но отмѣнить ихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ, и борьба эта ведется уже около полутораста лѣтъ и до сихъ поръ еще не окончена, хотя нельзя отрицать, что много сдѣлано за этотъ періодъ времени. Но съ другой стороны безспорно, что остается еще много дѣлать.

Завязалась борьба между русскимъ правительствомъ и балтійскимъ рыцарствомъ (преимущественно лифляндскимъ), которое ссылалось на дарованія имъ особыя права капитуляціи, какъ Шейлокъ ссылается на росписку, дающую ему право вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла своего кредитора. Напрасно говорятъ Шейлоку, что это невозможно: онъ стоитъ на своемъ. Тщетно убѣждаютъ рыцарей, что дарованныя имъ когда-то привиллегіи не мирятся съ духомъ времени, съ культурою, даже съ гуманными ученіями христіанства; они слышать и знать ничего не хотятъ. A pound of flesh!—твердитъ шекспировскій Шейлокъ. Unsere Privilegien!—твердятъ лифляндскіе рыцари...

Въ добавокъ, лица, явившіяся въ балтійскій край въ качествѣ піонеровъ новыхъ порядковъ, не всегда соотвѣтствовали высокой роли, которую они взялись разыгрывать, не сдѣлали эти порядки особенно симпатичными. Издающійся въ Ригѣ на русскомъ языкѣ органъ гласности также, повидимому, не понялъ своей задачи. Это единственная во всемъ краѣ русская газета оказалась зараженною юдофобіей, и нѣмцы злобно посмѣялись надъ

тѣми евреями, которые возложили столь большія надежды на торжество русской государственной идеи въ балтійской окраинѣ.

Но время шло. Положеніе евреевъ въ прошлое царствованіе нѣсколько улучшилось и тяготѣвшее надъ ними такъ долго феодальное иго было сброшено. Нѣмцы вынуждены были отступиться отъ многихъ своихъ древнихъ привиллегій и въ томъ числѣ отъ привиллегіи считать еврея собакою. Еще задолго до знаменитаго отнынѣ изреченія г. нижегородскаго губернатора, признано было, что жидъ не собака, хотя „Рижскій Вѣстникъ" и теперь еще нерѣдко забываетъ это основное правило.

Къ крайнему моему прискорбію, я долженъ здѣсь констатировать, что въ то время, какъ нѣмецкая печать балтійскихъ провинцій стала относиться къ евреямъ, если не съ особенно нѣжною любовью, то, по крайней мѣрѣ, прилично, единственная русская газета тамъ заражалась постепенно антисемитизмомъ, и въ то время, какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ остзейскихъ губерній не дѣлали почти никакого различія между христіанскими и еврейскими воспитанниками, въ русскихъ училищахъ, которыя начали тамъ учреждаться, духъ нетерпимости проявился, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро и въ довольно безобразной формѣ. И поэтому неудивительно, если нѣмцы злорадостно говорятъ евреямъ: „Вотъ порядки, отъ которыхъ вы ожидали столь многаго, вотъ люди, на которыхъ вы возлагали такія радужныя надежды! Вы жаловались на насъ, были недовольны нашими порядками—вотъ теперь лучше!»

Надо сознаться, что въ этихъ словахъ нѣмцевъ заключается извѣстная, и даже очень большая, доля истины. Нельзя сказать, чтобы всѣ представители русской интеллигенціи въ балтійскомъ краѣ отличались тѣми качествами, которыхъ въ правѣ были бы, кажется, ожидать отъ нихъ. Рядомъ съ весьма просвѣщенными и гуманными людьми, встрѣчаются какія-то темныя личности, не дѣлающія чести русскому имени и попирающія національное знамя, которое они призваны высоко держать. Антисемитизмъ ихъ проявляется иногда въ очень рѣзкой формѣ, и именно тамъ, гдѣ это злосчастное, выдуманное нѣмцами, слово должно было бы, кажется, быть совершенно незнакомо, т. е. въ школѣ. Казалось бы, что племенная рознь и религіозная нетерпимость не должны были проникнуть въ эти разсадники просвѣщенія и что сердца отроковъ должны быть тщательно предохраняемы отъ расовыхъ предубѣжденій. Но оказывается, что иногда Менторы не только не предохраняютъ ввѣренныхъ ихъ попеченію Телемаковъ отъ этой заразы, ложащейся темнымъ пятномъ на куль-

«Того мертвеца, котораго Симонидъ Косскій нашелъ здѣсь убитымъ и непогребеннымъ, положилъ онъ въ гробъ. За это благочестивое дѣло мертвецъ оказалъ благодарность ему, живому, предостерегши его во снѣ отъ печальной участи, грозившей кораблю, на которомъ онъ намѣревался пуститься въ путь».

Въ формѣ историческаго анекдота встрѣчается эта сказка въ Польшѣ. По разсказу Эдуарда Рачинскаго въ его примѣчаніяхъ къ письмамъ короля Яна Собѣскаго, великій маршалъ королевства Польскаго, князь Станиславъ Любомирскій, началъ было писать сочиненіе противъ безсмертія души. Но однажды онъ встрѣтилъ непогребенный трупъ одной женщины и похоронилъ его на свой счетъ. Въ слѣдующую ночь благодарный духъ этой женщины явился къ нему и неопровержимо доказалъ безсмертіе души, вслѣдствіе чего маршалъ оставилъ начатое сочиненіе неоконченнымъ. Сказка соприкасается здѣсь съ обширнымъ цикломъ легендъ о сообщеніяхъ и предостереженіяхъ, получаемыхъ изъ загробнаго міра—легендъ, любопытный образчикъ которыхъ представляетъ намъ девятнадцатая сказка въ сборникѣ Рейшера.

Къ неменѣе широкому циклу—сказаній о чудесныхъ поѣздкахъ—принадлежитъ сказка десятая:

Сто двадцать лѣтъ назадъ іерусалимскіе евреи отправили одного набожнаго раввина въ Европу для сбора пожертвованій. Такъ какъ ему приходилось совершать путь по пустынѣ цѣлыхъ двѣнадцать дней, а въ субботу онъ ѣздить не хотѣлъ, то онъ заключилъ съ начальникомъ каравана условіе, что въ субботу они будутъ отдыхать. Начальникъ потребовалъ за это и получилъ впередъ дополнительную плату; когда же наступилъ вечеръ пятницы, онъ не захотѣлъ сдержать данное слово и объявилъ, что долженъ ѣхать дальше. Тутъ нашъ бѣдный раввинъ очутился въ большомъ затрудненіи: нарушить ли ему святость субботы ѣздою, или остаться одному въ пустынѣ? Послѣ нѣкотораго размышленія сообразилъ онъ, что оставаясь одинъ въ степи, онъ рискуетъ только быть пожраннымъ дикими звѣрьми и лишиться земной жизни, тогда какъ осквернѣніе субботы повлечетъ за собой несомнѣнно погибель его душевнаго спасенія. Поэтому онъ рѣшился остаться, слѣзъ съ мула, взялъ свой узелокъ и предоставилъ каравану двинуться въ дорогу.

Изъ спутниковъ его одни смѣялись надъ нимъ, другіе жалѣли о немъ, всѣ были убѣждены, что онъ человѣкъ погибшій.

Не успѣлъ раввинъ окончить свою вечернюю молитву и свой скромный ужинъ, какъ передъ нимъ явился страшный левъ. Набожный старикъ сперва испугался, но скоро успокоился, увидѣвъ, какъ вѣжливо и дружелюбно левъ обошелся съ нимъ. Весь субботній день провелъ онъ въ сообществѣ царя пустыни, и когда наступила ночь, левъ сталъ приглашать его къ себѣ на спину такими привѣтливыми и выразительными движеніями, что раввинъ рѣшился, взобрался на него и крѣпко ухватился за гриву. Добродушный левъ нагрузилъ себя и багажемъ своего пріятеля и затѣмъ пустился въ путь. Галономъ понесся онъ по пустынѣ, сопровождаемый воемъ гіенъ и другихъ звѣрей; но они не осмѣливались приблизиться къ своему повелителю—и въ воскресенье на разсвѣтѣ левъ и его всадникъ нагнали караванъ. Левъ опустился на землю, для того, чтобы раввинъ могъ удобно сойти съ него, послѣ того испустилъ радостное рычаніе, ударилъ хвостомъ по степному песку и помчался обратно, не ожидая благодарности раввина, у котораго испуганный начальникъ каравана сталъ униженно просить прощенія. Съ тѣхъ поръ набожнаго старика прозвали Аріелемъ (левъ божій), и его потомки, до сихъ поръ сохранившіе это названіе, составляютъ одно изъ почетнѣйшихъ семействъ въ Іерусалимѣ.

Цезарь Гейстербахъ, монахъ 13-го столѣтія, разсказываетъ въ своемъ Dialogus Miraculorum объ одномъ *христіанскомъ* пилигримѣ, который не хотѣлъ пуститься въ дорогу изъ Іерусалима къ себѣ на родину въ первый день Пасхи, чтобы не пропустить богослуженія. Когда же на слѣдующій день онъ отправился одинъ, то передъ нимъ появился незнакомецъ почтенной наружности, который посадилъ его къ себѣ на лошадь и въ одинъ день доставилъ его изъ Іерусалима домой—въ окрестности Люттиха. Такимъ образомъ путешествіе совершилось еще быстрѣе, чѣмъ на львѣ, и можно почти подумать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ іерусалимскою мѣстною легендой.

Но мнѣ кажется, что эта сказка—еврейскаго происхожденія, такъ какъ ѣздить въ субботу или праздники считается большимъ грѣхомъ только у евреевъ. Притомъ же уже въ талмудѣ разска-

ется подобный случай. Тутъ передъ нами цѣлый сонмъ равиновъ, которыхъ демонъ, конечно по приказанію свыше, умоетъ по воздуху, къ величайшему негодованію императора Діоклиана, желавшаго казнить ихъ за неповиновеніе ему *.

Четырнадцатая сказка напоминаетъ циклъ Кифгейзерскихъ легендъ. Тутъ на сценѣ еврей, ведущій навьюченнаго мѣшками съ мукою осла и котораго девять старцевъ приглашаютъ въ пещеру рабби Симеона-бенъ-Іохаи въ качествѣ «десятаго» при ихъ вечерней молитвѣ, такъ какъ для полноты молитвы или богослуженія необходимо присутствіе десяти евреевъ. Въ награду за это старцы дѣлаютъ мучной мѣшокъ «десятаго» неистощимымъ, и такимъ образомъ онъ становится богатымъ человѣкомъ. Когда же по настоянію своихъ друзей онъ выдаетъ тайну своего посѣщенія пещеры, его немедленно постигаетъ смерть. Рейшеръ подробно разсказываетъ намъ, какъ онъ самъ былъ въ этой пещерѣ, тамъ совершилъ молитву и цѣловалъ стѣну. На обратномъ пути одна старая аравитянка разсказала ему вышеприведенную легенду. Въ pendant къ ней служитъ осьмая сказка: Евреи въ Хевронѣ были однажды, наканунѣ суднаго дня, въ большомъ затрудненіи, такъ какъ ихъ собралось всего девять человѣкъ. Вдругъ неожиданно появился бѣдный странникъ, который назвалъ себя Авраамомъ и, какъ десятый, помогъ имъ совершить богослуженіе. Но оказалось, что это былъ ни больше, не меньше, какъ праотецъ Авраамъ, ради имъ оставившій свою могилу!

Въ высшей степени странною представляется среди этихъ легендъ и сказокъ пятнадцатая глава, заключающая въ себѣ подробное изложеніе событій въ Ливанѣ въ 1860 г. Кто не интересуется сказками, быть можетъ, прослушаетъ съ удовольствіемъ разсказъ еврея о борьбѣ между друзами и моронитами. Онъ называетъ моронитовъ просто христіанами и вообще не дѣлаетъ, повидимому, никакого различія между разными христіанскими вѣроисповѣданіями.

---

* Сказку о поѣздкѣ на львѣ слышалъ въ Палестинѣ и Л. А. Франкль, пересказавшій ее въ Европѣ уже задолго до Рейшера подъ заглавіемъ: «Легенда Пустыни» (Jahrbuch für Israeliten. Wien. 1858).

Но за то онъ проводитъ рѣзкое отличіе между турками, друзами (которыхъ на своемъ еврейскомъ языкѣ называетъ филистимлянами) и бедуинами. Что о различныхъ еврейскихъ общинахъ онъ распространяется очень подробно — это понятно само собою.

М. Л.

БАЛТІЙСКІЕ ОЧЕРКИ *.

VI.

Извѣстный нѣмецкій писатель А. фонъ-Штернбергъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о пребываніи въ балтійскомъ краѣ“ (Erinnerungsblätter) слѣдующій романтическій эпизодъ: „По прибытіи въ Гапсаль, мой братъ и я стали изслѣдовать развалины древняго мѣстнаго замка, бывшей резиденціи воинственныхъ средневѣковыхъ епископовъ и рыцарей, причемъ намъ удалось сдѣлать весьма странное и замѣчательное открытіе. Мы нашли въ одной стѣнѣ замурованную дверь и разбили ее. Войдя въ маленькую овальную комнату, мы увидѣли сидящій у дубоваго стола человѣческій скелетъ, на костяхъ котораго еще видны были остатки желѣзнаго панцыря. По всей вѣроятности, этотъ несчастный за какое нибудь преступленіе былъ приговоренъ быть заживо замурованнымъ. Такіе случаи были нерѣдки въ тѣ варварскія времена. Я сѣлъ къ столу, прямо напротивъ этого молчаливаго обитателя келіи, который сидѣлъ здѣсь и мечталъ въ то время, какъ буря вѣковъ пролетѣла надъ его головою, какъ ураганъ времени сломалъ самыя крѣпкія стѣны“.

Это мѣсто изъ весьма интереснаго сочиненія знаменитаго нѣмецкаго писателя приходитъ мнѣ въ память, когда я вижу все еще существующіе здѣсь средневѣковые порядки. Окаменѣлые древніе обычаи и установленія напоминаютъ несчастнаго узника въ развалинахъ гапсальскаго замка. Отжившія свой вѣкъ привиллегіи, утратившія всякое значеніе прерогативы, находящіяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ духомъ времени и его требованіями преимущества, вредящія жизненнымъ интересамъ льготы, подтачивающія народное благосостояніе феодальныя права—всѣ эти обломки от-

* Первыя пять очерковъ были помѣщены въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода“ въ №№ 24—27. *Ред.*

далекаго прошлаго, которые съ негодованіемъ давно бросили самые консервативные народы, не исключая нѣмцевъ, сохранились еще въ нашихъ балтійскихъ окраинахъ и защищаются съ доходящею до самоотверженія энергіею, достойною гораздо лучшаго дѣла.

Съ этимъ скелетомъ, сохранившимъ остатки желѣзнаго панцыря на костяхъ, мнѣ приходится встрѣчаться здѣсь на каждомъ шагу, и нерѣдко я садился противъ этого грознаго призрака и спрашивалъ его: несчастный, что ты дѣлаешь на землѣ? Зачѣмъ ты продолжаешь свое пребываніе въ средѣ живыхъ людей, отравляешь имъ радостное настоящее постояннымъ напоминаніемъ грустнаго прошлаго? Ты жилъ въ то блаженное время, когда благочестивые христіанскіе рыцари во имя Бога любви еще жарили несчастныхъ евреевъ, придумывали различные новые способы болѣе адскаго мученія: заставляли ихъ носить остроконечныя высокія желтыя шляпы и желтый знакъ на спинѣ; дозволяли всѣмъ плевать евреямъ въ лицо; разрѣшали мальчикамъ подставлять палку еврею и повелительно кричать ему: Spring, Jude, hep! ограничивали кругъ дѣятельности этихъ несчастныхъ, грабили и убивали ихъ. Ты былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ ужасовъ отвратительнаго варварскаго, мрачнаго прошлаго и дерзаешь осквернять своимъ присутствіемъ болѣе свѣтлое культурное настоящее! Долой призракъ!

Но молчаливый скелетъ древнихъ привиллегій и феодальныхъ льготъ только скалитъ зубы и не обращаетъ вниманія на заклинанія. Мертвый продолжаетъ жить въ средѣ живыхъ, не въ замурованной келіи, а на открытомъ воздухѣ, и на каждомъ шагу сталкиваешься съ этимъ отвратительнымъ привидѣніемъ.

Понятно, что этотъ призракъ отдаленнаго прошлаго не могъ не дѣйствовать также на положеніе евреевъ въ остзейскомъ краѣ. Пока устарѣвшія привиллегіи, отжившія свой вѣкъ прерогативы пользовались здѣсь неограниченною властью, балтійскимъ евреямъ жилось ужасно плохо. Съ одной стороны, гордые бароны, съ другой—заносчивые бюргеры, далѣе жадное купечество и невѣжественная чернь—словомъ, доставалось несчастнымъ евреямъ порядкомъ. Ихъ тѣснили и гнали, лишали всяческихъ правъ и такъ систематически держали въ черномъ тѣлѣ, что нельзя не удивляться, что вообще въ настоящее время здѣсь существуютъ еще потомки этихъ злосчастныхъ жертвъ, что племя Израиля здѣсь не совсѣмъ вымерло. Это по истинѣ грандіозное, достойное удивленія зрѣлище и жизненность іудаизма обнаруживается тутъ въ полномъ блескѣ. Народъ, продолжающій

жить при такихъ условіяхъ, и не только жить, но и развиваться, призванъ къ чему нибудь лучшему.

Не касаясь здѣсь подробно исторіи балтійскихъ евреевъ (о чемъ я поговорю спеціально другой разъ), я могу только сказать, что съ подчиненіемъ балтійскихъ провинцій русскому владычеству участь евреевъ мало улучшилась, если вообще объ улучшеніи могла быть рѣчь. Въ капитуляціяхъ рыцарство выговорило себѣ не только сохраненіе старыхъ привиллегій, но и присоединеніе новыхъ, да евреи и вообще не могли возложить большихъ надеждъ на замѣну шведскаго режима русскимъ. Петръ I былъ такъ восхищенъ пріобрѣтеніемъ Ревеля и Риги, благодаря которымъ онъ подвинулъ Россію къ морю и началъ задуманную имъ великую задачу прорубить окно въ Европу, что не много торговался со своими новыми подданными и даровалъ имъ даже такія льготы, которыя шли даже прямо въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами. Преемникамъ великаго царя многія изъ этихъ льготъ показались страшнымъ бременемъ (чѣмъ они были въ дѣйствительности), но отмѣнить ихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ, и борьба эта ведется уже около полутораста лѣтъ и до сихъ поръ еще не окончена, хотя нельзя отрицать, что много сдѣлано за этотъ періодъ времени. Но съ другой стороны безспорно, что остается еще много дѣлать.

Завязалась борьба между русскимъ правительствомъ и балтійскимъ рыцарствомъ (преимущественно лифляндскимъ), которое ссылалось на дарованія имъ особыя права капитуляціи, какъ Шейлокъ ссылается на роспиську, дающую ему право вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла своего кредитора. Напрасно говорятъ Шейлоку, что это невозможно: онъ стоитъ на своемъ. Тщетно убѣждаютъ рыцарей, что дарованныя имъ когда-то привиллегіи не мирятся съ духомъ времени, съ культурою, даже съ гуманными ученіями христіанства; они слышать и знать ничего не хотятъ. A pound of flesh!—твердитъ шекспировскій Шейлокъ. Unsere Privilegien!—твердятъ лифляндскіе рыцари...

Въ добавокъ, лица, явившіяся въ балтійскій край въ качествѣ піонеровъ новыхъ порядковъ, не всегда соотвѣтствовали высокой роли, которую они взялись разыгрывать, не сдѣлали эти порядки особенно симпатичными. Издающійся въ Ригѣ на русскомъ языкѣ органъ гласности также, повидимому, не понялъ своей задачи. Это единственная во всемъ краѣ русская газета оказалась зараженною юдофобіей, и нѣмцы злобно посмѣялись надъ

тѣми евреями, которые возложили столь большія надежды на торжество русской государственной идеи въ балтійской окраинѣ.

Но время шло. Положеніе евреевъ въ прошлое царствованіе нѣсколько улучшилось и тяготѣвшее надъ ними такъ долго феодальное иго было сброшено. Нѣмцы вынуждены были отступиться отъ многихъ своихъ древнихъ привиллегій и въ томъ числѣ отъ привиллегіи считать еврея собакою. Еще задолго до знаменитаго отнынѣ изреченія г. нижегородскаго губернатора, признано было, что жидъ не собака, хотя „Рижскій Вѣстникъ“ и теперь еще нерѣдко забываетъ это основное правило.

Къ крайнему моему прискорбію, я долженъ здѣсь констатировать, что въ то время, какъ нѣмецкая печать балтійскихъ провинцій стала относиться къ евреямъ, если не съ особенно нѣжною любовью, то, по крайней мѣрѣ, прилично, единственная русская газета тамъ заражалась постепенно антисемитизмомъ, и въ то время, какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ остзейскихъ губерній не дѣлали почти никакого различія между христіанскими и еврейскими воспитанниками, въ русскихъ училищахъ, которыя начали тамъ учреждаться, духъ нетерпимости проявился, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро и въ довольно безобразной формѣ. И поэтому неудивительно, если нѣмцы злорадостно говорятъ евреямъ: „Вотъ порядки, отъ которыхъ вы ожидали столь многаго, вотъ люди, на которыхъ вы возлагали такія радужныя надежды! Вы жаловались на насъ, были недовольны нашими порядками—вотъ теперь лучше!»

Надо сознаться, что въ этихъ словахъ нѣмцевъ заключается извѣстная, и даже очень большая, доля истины. Нельзя сказать, чтобы всѣ представители русской интеллигенціи въ балтійскомъ краѣ отличались тѣми качествами, которыхъ въ правѣ были бы, кажется, ожидать отъ нихъ. Рядомъ съ весьма просвѣщенными и гуманными людьми, встрѣчаются какія-то темныя личности, не дѣлающія чести русскому имени и попирающія національное знамя, которое они призваны высоко держать. Антисемитизмъ ихъ проявляется иногда въ очень рѣзкой формѣ, и именно тамъ, гдѣ это злосчастное, выдуманное нѣмцами, слово должно было бы, кажется, быть совершенно незнакомо, т. е. въ школѣ. Казалось бы, что племенная рознь и религіозная нетерпимость не должны были проникнуть въ эти разсадники просвѣщенія и что сердца отроковъ должны быть тщательно предохраняемы отъ расовыхъ предубѣжденій. Но оказывается, что иногда Менторы не только не предохраняютъ ввѣренныхъ ихъ попеченію Телемаковъ отъ этой заразы, лежащейся темнымъ пятномъ на куль-

туру второй половины девятнадцатаго вѣка, но, напротивъ, сами усердно прививаютъ юнымъ умамъ зародыши эпидеміи...

Знаменитый французскій ученый Пастеръ открылъ средство прививать водобоязнь съ цѣлью предохраненія людей отъ ужасныхъ послѣдствій укушенія бѣшеною собакою. Нѣкоторые русскіе менторы дѣйствуютъ въ совершенно противуположномъ этой филантропической цѣли смыслѣ. Они прививаютъ своимъ питомцамъ бактеріи антисемитизма не съ цѣлью предохранить ихъ отъ заразы, но съ тѣмъ именно, чтобы вызвать эту болѣзнь въ организмѣ. Если-бы французскій ученый, заботящійся объ исцѣленіи физическихъ недуговъ человѣчества, достигъ своимъ новымъ открытіемъ такихъ же блистательныхъ результатовъ, какихъ добились нѣкоторые русскіе педагоги въ дѣлѣ отравленія умовъ юношества, то онъ могъ бы быть совершенно доволенъ.

Племенная рознь обнаруживаются въ средѣ учащагося юношества въ такой рѣзкой формѣ, что внушаетъ серьезныя опасенія за ближайшее будущее. Каковыми окажутся эти юноши, воспитанные въ такомъ духѣ, когда они вступятъ въ жизнь—легко догадаться. Какъ примѣнитъ зрѣлый мужъ всасываемыя имъ въ школѣ теоріи? — не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. И если этотъ мужъ займетъ выдающееся положеніе въ государственной іерархіи, если онъ будетъ пользоваться вліяніемъ, если отъ его взглядовъ на еврейскій вопросъ будетъ зависѣть рѣшеніе этого роковаго, проклятаго вопроса—тогда горе намъ! Роковыя теоріи, проповѣдуемыя съ учительской каѳедры въ школахъ, будутъ уже считаться зрѣлымъ плодомъ собственнаго опыта, и вопросъ нерѣдко будетъ рѣшенъ на основаніи этихъ пагубныхъ ученій, выслушанныхъ еще на школьной скамьѣ и принятыхъ съ дѣтскою наивностью за догматы вѣры.

Въ нѣмецкихъ школахъ балтійскаго края антисемитизмъ почти отсутствуетъ, проявляется лишь изрѣдка, но и тогда въ облагороженной формѣ. Но за то юдофобія свирѣпствуетъ въ нѣкоторыхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учителя нерѣдко позволяютъ себѣ самыя возмутительныя выходки въ отношеніи къ своимъ еврейскимъ ученикамъ. Есть, конечно, русскіе учителя, отличающіеся гуманностью и терпимостью, но, къ несчастью, они въ меньшинствѣ.

Недавно происходилъ въ одномъ изъ русскихъ казенныхъ заведеній слѣдующій случай, надѣлавшій не мало шума. Въ числѣ окончившихъ курсъ учениковъ было и нѣсколько евреевъ, перетерпѣвшихъ много отъ одного изъ власть имущихъ въ школѣ, отличавшагося антисемитизмомъ и

не пропускавшаго случая, чтобы не уколоть еврейскихъ воспитанниковъ ихъ происхожденіемъ и вообще относившагося къ нимъ очень враждебно. Когда прочитанъ былъ списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ, то оказалось, что большинство ихъ не явилось, а присутствовали лишь нѣкоторые. Къ одному изъ нихъ, еврею, подошло вышеупомянутое лицо и, протянувъ ему руку, поздравило его съ окончаніемъ курса. Тотъ, болѣзненный юноша, нервный до нельзя, изнуренный продолжительнымъ экзаменомъ, а можетъ быть, и лишеніями (жизненный путь еврейскаго учащагося юношества рѣдко посыпанъ розами), счелъ это поздравленіе со стороны лица, всегда относившагося враждебно ко всему еврейству, за насмѣшку и отвернулся, не принявъ протянутой ему начальствомъ руки. Изъ-за этого инцидента заварилась каша, расхлебать которую пришлось несчастному еврейскому юношѣ.

Я готовъ допустить, что такое пренебреженіе къ начальству ни въ какомъ случаѣ одобрять нельзя, хотя въ данномъ случаѣ это можно извинить вышеприведенными причинами. Ученикъ былъ виноватъ, и оскорбленное имъ лицо имѣло право требовать его наказанія. Правда, черезъ полчаса несчастный юноша, постигшій значеніе своего поступка, а быть можетъ, и испугавшись послѣдствій, извинился предъ оскорбленнымъ имъ лицомъ, объясняя свое обращеніе сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ, и въ доказательство представилъ рецепты, прописанные ему врачомъ. Но „лицо“ не удовлетворилось этимъ извиненіемъ, и дѣлу данъ былъ надлежащій ходъ.

На происходившемъ по поводу вышеупомянутаго прискорбнаго инцидента педагогическомъ совѣтѣ, „лицо“ прочитало нѣчто въ родѣ profession de foi, произнеся антисемитскую аллокуцію въ духѣ Штеккера и Оноди. Обобщая отдѣльный фактъ, лицо категорически заявило, что всѣ евреи унижаются и раболѣпствуютъ, пока чувствуютъ власть надъ собою, но становятся нахалами, какъ только сознаютъ, что не подчиняются болѣе этой власти, и пр. Словомъ, поступокъ одного еврейскаго мальчика послужилъ „лицу“ поводомъ къ крестовому походу противъ всѣхъ евреевъ.

Я не коснусь дальнѣйшаго хода этого въ высшей степени прискорбнаго дѣла. „Лицо“ пожелало мстить, жестоко мстить нарушившему школьную дисциплину воспитаннику, хотя нѣкоторые изъ членовъ совѣта, не одобряя поступка, полагали однако, что можно ограничиться легкимъ наказаніемъ; одинъ даже нашелъ, что тутъ никакого вообще проступка нѣтъ, такъ какъ молодой человѣкъ, наканунѣ кончившій курсъ, въ моментъ нанесенія оскорбленія не былъ уже болѣе воспитанникомъ заведенія и, слѣдовательно,

«Того мертвеца, котораго Самонидъ Косскій нашелъ здѣсь убитымъ и непогребеннымъ, положилъ онъ въ гробъ. За это благочестивое дѣло мертвецъ оказалъ благодарность ему, живому, предостерегши его во снѣ отъ печальной участи, грозившей кораблю, на которомъ онъ намѣревался пуститься въ путь».

Въ формѣ историческаго анекдота встрѣчается эта сказка въ Польшѣ. По разсказу Эдуарда Рачинскаго въ его примѣчаніяхъ къ письмамъ короля Яна Собѣскаго, великій маршалъ королевства Польскаго, князь Станиславъ Любомирскій, началъ было писать сочиненіе противъ безсмертія души. Но однажды онъ встрѣтилъ непогребенный трупъ одной женщины и похоронилъ его на свой счетъ. Въ слѣдующую ночь благодарный духъ этой женщины явился къ нему и неопровержимо доказалъ безсмертіе души, вслѣдствіе чего маршалъ оставилъ начатое сочиненіе неоконченнымъ. Сказка соприкасается здѣсь съ обширнымъ цикломъ легендъ о сообщеніяхъ и предостереженіяхъ, получаемыхъ изъ загробнаго міра—легендъ, любопытный образчикъ которыхъ представляетъ намъ девятнадцатая сказка въ сборникѣ Рейшера.

Къ неменѣе широкому циклу—сказаній о чудесныхъ поѣздкахъ—принадлежитъ сказка десятая:

Сто двадцать лѣтъ назадъ іерусалимскіе евреи отправили одного набожнаго раввина въ Европу для сбора пожертвованій. Такъ какъ ему приходилось совершать путь по пустынѣ цѣлыхъ двѣнадцать дней, а въ субботу онъ ѣздить не хотѣлъ, то онъ заключилъ съ начальникомъ каравана условіе, что въ субботу они будутъ отдыхать. Начальникъ потребовалъ за это и получилъ впередъ дополнительную плату; когда же наступилъ вечеръ пятницы, онъ не захотѣлъ сдержать данное слово и объявилъ, что долженъ ѣхать дальше. Тутъ нашъ бѣдный раввинъ очутился въ большомъ затрудненіи: нарушить ли ему святость субботы ѣздою, или остаться одному въ пустынѣ? Послѣ нѣкотораго размышленія сообразилъ онъ, что оставаясь одинъ въ степи, онъ рискуетъ только быть пожраннымъ дикими звѣрьми и лишиться земной жизни, тогда какъ осквернѣніе субботы повлечетъ за собой несомнѣнно погибель его душевнаго спасенія. Поэтому онъ рѣшился остаться, слѣзъ съ мула, взялъ свой узелокъ и предоставилъ каравану двинуться въ дорогу.

Изъ спутниковъ его одни смѣялись надъ нимъ, другіе жалѣли о немъ, всѣ были убѣждены, что онъ человѣкъ погибшій.

Не успѣлъ раввинъ окончить свою вечернюю молитву и свой скромный ужинъ, какъ передъ нимъ явился страшный левъ. Набожный старикъ сперва испугался, но скоро успокоился, увидѣвъ, какъ вѣжливо и дружелюбно левъ обошелся съ нимъ. Весь субботній день провелъ онъ въ сообществѣ царя пустыни, и когда наступила ночь, левъ сталъ приглашать его къ себѣ на спину такими привѣтливыми и выразительными движеніями, что раввинъ рѣшился, взобрался на него и крѣпко ухватился за гриву. Добродушный левъ нагрузилъ себя и багажомъ своего пріятеля и затѣмъ пустился въ путь. Галономъ понесся онъ по пустынѣ, сопровождаемый воемъ гіенъ и другихъ звѣрей; но они не осмѣливались приблизиться къ своему повелителю—и въ воскресенье на разсвѣтѣ левъ и его всадникъ нагнали караванъ. Левъ опустился на землю, для того, чтобы раввинъ могъ удобно сойти съ него, послѣ того испустилъ радостное рычаніе, ударилъ хвостомъ по степному песку и помчался обратно, не ожидая благодарности раввина, у котораго испуганный начальникъ каравана сталъ униженно просить прощенія. Съ тѣхъ поръ набожнаго старика прозвали Аріелемъ (левъ божій), и его потомки, до сихъ поръ сохранившіе это названіе, составляютъ одно изъ почетнѣйшихъ семействъ въ Іерусалимѣ.

Цезарь Гейстербахъ, монахъ 13-го столѣтія, разсказываетъ въ своемъ Dialogus Miraculorum объ одномъ *христіанскомъ* пилигримѣ, который не хотѣлъ пуститься въ дорогу изъ Іерусалима къ себѣ на родину въ первый день Пасхи, чтобы не пропустить богослуженія. Когда же на слѣдующій день онъ отправился одинъ, то передъ нимъ появился незнакомецъ почтенной наружности, который посадилъ его къ себѣ на лошадь и въ одинъ день доставилъ его изъ Іерусалима домой—въ окрестности Люттиха. Такимъ образомъ путешествіе совершилось еще быстрѣе, чѣмъ на львѣ, и можно почти подумать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ іерусалимскою мѣстною легендой.

Но мнѣ кажется, что эта сказка—еврейскаго происхожденія, такъ какъ ѣздить въ субботу или праздники считается большимъ грѣхомъ только у евреевъ. Притомъ же уже въ талмудѣ разска-

зывается подобный случай. Тутъ передъ нами цѣлый сонмъ равиновъ, которыхъ демонъ, конечно по приказанію свыше, уноситъ по воздуху, къ величайшему негодованію императора Діоклитіана, желавшаго казнить ихъ за неповиновеніе ему *.

Четырнадцатая сказка напоминаетъ циклъ Кифгейзерскихъ легендъ. Тутъ на сценѣ еврей, ведущій навьюченнаго мѣшками съ мукою осла и котораго девять старцевъ приглашаютъ въ пещеру рабби Симеона-бенъ-Іохаи въ качествѣ «десятаго» при ихъ вечерней молитвѣ, такъ какъ для полноты молитвы или богослуженія необходимо присутствіе десяти евреевъ. Въ награду за это старцы дѣлаютъ мучной мѣшокъ «десятаго» неистощимымъ, и такимъ образомъ онъ становится богатымъ человѣкомъ. Когда же по настоянію своихъ друзей онъ выдаетъ тайну своего посѣщенія пещеры, его немедленно постигаетъ смерть. Рейшеръ подробно разсказываетъ намъ, какъ онъ самъ былъ въ этой пещерѣ, тамъ совершилъ молитву и цѣловалъ стѣну. На обратномъ пути одна старая аравитянка разсказала ему вышеприведенную легенду. Въ pendant къ ней служитъ осьмая сказка: Евреи въ Хевронѣ были однажды, наканунѣ суднаго дня, въ большомъ затрудненіи, такъ какъ ихъ собралось всего девять человѣкъ. Вдругъ неожиданно появился бѣдный странникъ, который назвалъ себя Авраамомъ и, какъ десятый, помогъ имъ совершить богослуженіе. Но оказалось, что это былъ ни больше, не меньше, какъ праотецъ Авраамъ, ради нихъ оставившій свою могилу!

Въ высшей степени странною представляется среди этихъ легендъ и сказокъ пятнадцатая глава, заключающая въ себѣ подробное изложеніе событій въ Ливанѣ въ 1860 г. Кто не интересуется сказками, быть можетъ, прослушаетъ съ удовольствіемъ разсказъ еврея о борьбѣ между друзами и моронитами. Онъ называетъ моронитовъ просто христіанами и вообще не дѣлаетъ, повидимому, никакого различія между разными христіанскими вѣроисповѣданіями.

---

* Сказку о поѣздкѣ на львѣ слышалъ въ Палестинѣ и Л. А. Франкль, пересказавшій ее въ Европѣ уже задолго до Рейшера подъ заглавіемъ: «Легенда Пустыни» (Jahrbuch für Israeliten. Wien. 1858).

Но за то онъ проводитъ рѣзкое отличіе между турками, друзами (которыхъ на своемъ еврейскомъ языкѣ называетъ филистимлянами) и бедуинами. Что о различныхъ еврейскихъ общинахъ онъ распространяется очень подробно — это понятно само собою.

М. Л.

БАЛТІЙСКІЕ ОЧЕРКИ *.

VI.

Извѣстный нѣмецкій писатель А. фонъ-Штернбергъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о пребываніи въ балтійскомъ краѣ“ (Erinnerungsblätter) слѣдующій романтическій эпизодъ: „По прибытіи въ Гапсаль, мой братъ и я стали изслѣдовать развалины древняго мѣстнаго замка, бывшей резиденціи воинственныхъ средневѣковыхъ епископовъ и рыцарей, причемъ намъ удалось сдѣлать весьма странное и замѣчательное открытіе. Мы нашли въ одной стѣнѣ замурованную дверь и разбили ее. Войдя въ маленькую овальную комнату, мы увидѣли сидящій у дубоваго стола человѣческій скелетъ, на костяхъ котораго еще видны были остатки желѣзнаго панцыря. По всей вѣроятности, этотъ несчастный за какое нибудь преступленіе былъ приговоренъ быть заживо замурованнымъ. Такіе случаи были нерѣдки въ тѣ варварскія времена. Я сѣлъ къ столу, прямо напротивъ этого молчаливаго обитателя келіи, который сидѣлъ здѣсь и мечталъ въ то время, какъ буря вѣковъ пролетѣла надъ его головою, какъ ураганъ времени сломалъ самыя крѣпкія стѣны“.

Это мѣсто изъ весьма интереснаго сочиненія знаменитаго нѣмецкаго писателя приходитъ мнѣ въ память, когда я вижу все еще существующіе здѣсь средневѣковые порядки. Окаменѣлые древніе обычаи и установленія напоминаютъ несчастнаго узника въ развалинахъ гапсальскаго замка. Отжившія свой вѣкъ привиллегіи, утратившія всякое значеніе прерогативы, находящіяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ духомъ времени и его требованіями преимущества, вредящія жизненнымъ интересамъ льготы, подтачивающія народное благосостояніе феодальныя права—всѣ эти обломки от-

* Первыя пять очерковъ были помѣщены въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода“ въ №№ 24—27. *Ред.*

даленнаго прошлаго, которые съ негодованіемъ давно бросили самые консервативные народы, не исключая нѣмцевъ, сохранились еще въ нашихъ балтійскихъ окраинахъ и защищаются съ доходящею до самоотверженія энергіею, достойною гораздо лучшаго дѣла.

Съ этимъ скелетомъ, сохранившимъ остатки желѣзнаго панцыря на костяхъ, мнѣ приходится встрѣчаться здѣсь на каждомъ шагу, и нерѣдко я садился противъ этого грознаго призрака и спрашивалъ его: несчастный, что ты дѣлаешь на землѣ? Зачѣмъ ты продолжаешь свое пребываніе въ средѣ живыхъ людей, отравляешь ихъ радостное настоящее постояннымъ напоминаніемъ грустнаго прошлаго? Ты жилъ въ то блаженное время, когда благочестивые христіанскіе рыцари во имя Бога любви еще жарили несчастныхъ евреевъ, придумывали различные новые способы болѣе адскаго мученія: заставляли ихъ носить остроконечныя высокія желтыя шляпы и желтый знакъ на спинѣ; дозволяли всѣмъ плевать евреямъ въ лицо; разрѣшали мальчикамъ подставлять палку еврею и повелительно кричать ему: Spring, Jude, her! ограничивали кругъ дѣятельности этихъ несчастныхъ, грабили и убивали ихъ. Ты былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ ужасовъ отвратительнаго варварскаго, мрачнаго прошлаго и дерзаешь осквернять своимъ присутствіемъ болѣе свѣтлое культурное настоящее! Долой призракъ!

Но молчаливый скелетъ древнихъ привиллегій и феодальныхъ льготъ только скалитъ зубы и не обращаетъ вниманія на заклинанія. Мертвый продолжаетъ жить въ средѣ живыхъ, не въ замурованной келіи, а на открытомъ воздухѣ, и на каждомъ шагу сталкиваешься съ этимъ отвратительнымъ привидѣніемъ.

Понятно, что этотъ призракъ отдаленнаго прошлаго не могъ не дѣйствовать также на положеніе евреевъ въ остзейскомъ краѣ. Пока устарѣвшія привиллегіи, отжившія свой вѣкъ прерогативы пользовались здѣсь неограниченною властью, балтійскимъ евреямъ жилось ужасно плохо. Съ одной стороны, гордые бароны, съ другой—заносчивые бюргеры, далѣе жадное купечество и невѣжественная чернь—словомъ, доставалось несчастнымъ евреямъ порядкомъ. Ихъ тѣснили и гнали, лишали всяческихъ правъ и такъ систематически держали въ черномъ тѣлѣ, что нельзя не удивляться, что вообще въ настоящее время здѣсь существуютъ еще потомки этихъ злосчастныхъ жертвъ, что племя Израиля здѣсь не совсѣмъ вымерло. Это по истинѣ грандіозное, достойное удивленія зрѣлище и жизненность іудаизма обнаруживается тутъ въ полномъ блескѣ. Народъ, продолжающій

жить при такихъ условіяхъ, и не только жить, но и развиваться, призванъ къ чему нибудь лучшему.

Не касаясь здѣсь подробно исторіи балтійскихъ евреевъ (о чемъ я поговорю спеціально другой разъ), я могу только сказать, что съ подчиненіемъ балтійскихъ провинцій русскому владычеству участь евреевъ мало улучшилась, если вообще объ улучшеніи могла быть рѣчь. Въ капитуляціяхъ рыцарство выговорило себѣ не только сохраненіе старыхъ привиллегій, но и присоединеніе новыхъ, да евреи и вообще не могли возложить большихъ надеждъ на замѣну шведскаго режима русскимъ. Петръ I былъ такъ восхищенъ пріобрѣтеніемъ Ревеля и Риги, благодаря которымъ онъ подвинулъ Россію къ морю и началъ задуманную имъ великую задачу прорубить окно въ Европу, что не много торговался со своими новыми подданными и даровалъ имъ даже такія льготы, которыя шли даже прямо въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами. Преемникамъ великаго царя многія изъ этихъ льготъ показались страшнымъ бременемъ (чѣмъ они были въ дѣйствительности), но отмѣнить ихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ, и борьба эта ведется уже около полутораста лѣтъ и до сихъ поръ еще не окончена, хотя нельзя отрицать, что много сдѣлано за этотъ періодъ времени. Но съ другой стороны безспорно, что остается еще много дѣлать.

Завязалась борьба между русскимъ правительствомъ и балтійскимъ рыцарствомъ (преимущественно лифляндскимъ), которое ссылалось на даровавшія имъ особыя права капитуляціи, какъ Шейлокъ ссылается на росписку, дающую ему право вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла своего кредитора. Напрасно говорятъ Шейлоку, что это невозможно: онъ стоитъ на своемъ. Тщетно убѣждаютъ рыцарей, что дарованныя имъ когда-то привиллегіи не мирятся съ духомъ времени, съ культурою, даже съ гуманными ученіями христіанства; они слышать и знать ничего не хотятъ. A pound of flesh!—твердитъ шекспировскій Шейлокъ. Unsere Privilegien!—твердятъ лифляндскіе рыцари...

Въ добавокъ, лица, явившіяся въ балтійскій край въ качествѣ піонеровъ новыхъ порядковъ, не всегда соотвѣтствовали высокой роли, которую они взялись разыгрывать, не сдѣлали эти порядки особенно симпатичными. Издающійся въ Ригѣ на русскомъ языкѣ органъ гласности также, повидимому, не понялъ своей задачи. Это единственная во всемъ краѣ русская газета оказалась зараженною юдофобіей, и нѣмцы злобно посмѣялись надъ

тѣми евреями, которые возложили столь большія надежды на торжество русской государственной идеи въ балтійской окраинѣ.

Но время шло. Положеніе евреевъ въ прошлое царствованіе нѣсколько улучшилось и тяготѣвшее надъ ними такъ долго феодальное иго было сброшено. Нѣмцы вынуждены были отступиться отъ многихъ своихъ древнихъ привиллегій и въ томъ числѣ отъ привиллегіи считать еврея собакою. Еще задолго до знаменитаго отнынѣ изреченія г. нижегородскаго губернатора, признано было, что жидъ не собака, хотя „Рижскій Вѣстникъ“ и теперь еще нерѣдко забываетъ это основное правило.

Къ крайнему моему прискорбію, я долженъ здѣсь констатировать, что въ то время, какъ нѣмецкая печать балтійскихъ провинцій стала относиться къ евреямъ, если не съ особенно нѣжною любовью, то, по крайней мѣрѣ, прилично, единственная русская газета тамъ заражалась постепенно антисемитизмомъ, и въ то время, какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ остзейскихъ губерній не дѣлали почти никакого различія между христіанскими и еврейскими воспитанниками, въ русскихъ училищахъ, которыя начали тамъ учреждаться, духъ нетерпимости проявился, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро и въ довольно безобразной формѣ. И поэтому неудивительно, если нѣмцы злорадостно говорятъ евреямъ: „Вотъ порядки, отъ которыхъ вы ожидали столь многаго, вотъ люди, на которыхъ вы возлагали такія радужныя надежды! Вы жаловались на насъ, были недовольны нашими порядками—вотъ теперь лучше!»

Надо сознаться, что въ этихъ словахъ нѣмцевъ заключается извѣстная, и даже очень большая, доля истины. Нельзя сказать, чтобы всѣ представители русской интеллигенціи въ балтійскомъ краѣ отличались тѣми качествами, которыхъ въ правѣ были бы, кажется, ожидать отъ нихъ. Рядомъ съ весьма просвѣщенными и гуманными людьми, встрѣчаются какія-то темныя личности, не дѣлающія чести русскому имени и попирающія національное знамя, которое они призваны высоко держать. Антисемитизмъ ихъ проявляется иногда въ очень рѣзкой формѣ, и именно тамъ, гдѣ это злосчастное, выдуманное нѣмцами, слово должно было бы, кажется, быть совершенно незнакомо, т. е. въ школѣ. Казалось бы, что племенная рознь и религіозная нетерпимость не должны были проникнуть въ эти разсадники просвѣщенія и что сердца отроковъ должны быть тщательно предохраняемы отъ расовыхъ предубѣжденій. Но оказывается, что иногда Менторы не только не предохраняютъ ввѣренныхъ ихъ попеченію Телемаковъ отъ этой заразы, лежащейся темнымъ пятномъ на куль-

туру второй половины девятнадцатаго вѣка, но, напротивъ, сами усердно прививаютъ юнымъ умамъ зародыши эпидеміи...

Знаменитый французскій ученый Пастеръ открылъ средство прививать водобоязнь съ цѣлью предохраненія людей отъ ужасныхъ послѣдствій укушенія бѣшеною собакою. Нѣкоторые русскіе менторы дѣйствуютъ въ совершенно противуположномъ этой филантропической цѣли смыслѣ. Они прививаютъ своимъ питомцамъ бактеріи антисемитизма не съ цѣлью предохранить ихъ отъ заразы, но съ тѣмъ именно, чтобы вызвать эту болѣзнь въ организмѣ. Если-бы французскій ученый, заботящійся объ исцѣленіи физическихъ недуговъ человѣчества, достигъ своимъ новымъ открытіемъ такихъ же блистательныхъ результатовъ, какихъ добились нѣкоторые русскіе педагоги въ дѣлѣ отравленія умовъ юношества, то онъ могъ бы быть совершенно доволенъ.

Племенная рознь обнаруживаются въ средѣ учащагося юношества въ такой рѣзкой формѣ, что внушаетъ серьезныя опасенія за ближайшее будущее. Каковыми окажутся эти юноши, воспитанные въ такомъ духѣ, когда они вступятъ въ жизнь—легко догадаться. Какъ примѣнитъ зрѣлый мужъ всасываемыя имъ въ школѣ теоріи? — не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. И если этотъ мужъ займетъ выдающееся положеніе въ государственной іерархіи, если онъ будетъ пользоваться вліяніемъ, если отъ его взглядовъ на еврейскій вопросъ будетъ зависѣть рѣшеніе этого роковаго, проклятаго вопроса—тогда горе намъ! Роковыя теоріи, проповѣдуемыя съ учительской каѳедры въ школахъ, будутъ уже считаться зрѣлымъ плодомъ собственнаго опыта, и вопросъ нерѣдко будетъ рѣшенъ на основаніи этихъ пагубныхъ ученій, выслушанныхъ еще на школьной скамьѣ и принятыхъ съ дѣтскою наивностью за догматы вѣры.

Въ нѣмецкихъ школахъ балтійскаго края антисемитизмъ почти отсутствуетъ, проявляется лишь изрѣдка, но и тогда въ облагороженной формѣ. Но за то юдофобія свирѣпствуетъ въ нѣкоторыхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учителя нерѣдко позволяютъ себѣ самыя возмутительныя выходки въ отношеніи къ своимъ еврейскимъ ученикамъ. Есть, конечно, русскіе учителя, отличающіеся гуманностью и терпимостью, но, къ несчастью, они въ меньшинствѣ.

Недавно происходилъ въ одномъ изъ русскихъ казенныхъ заведеній слѣдующій случай, надѣлавшій не мало шума. Въ числѣ окончившихъ курсъ учениковъ было и нѣсколько евреевъ, перетерпѣвшихъ много отъ одного изъ власть имущихъ въ школѣ, отличавшагося антисемитизмомъ и

не пропускавшаго случая, чтобы не уколоть еврейскихъ воспитанниковъ ихъ происхожденіемъ и вообще относившагося къ нимъ очень враждебно. Когда прочитанъ былъ списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ, то оказалось, что большинство ихъ не явилось, а присутствовали лишь нѣкоторые. Къ одному изъ нихъ, еврею, подошло вышеупомянутое лицо и, протянувъ ему руку, поздравило его съ окончаніемъ курса. Тотъ, болѣзненный юноша, нервный до нельзя, изнуренный продолжительнымъ экзаменомъ, а можетъ быть, и лишеніями (жизненный путь еврейскаго учащагося юношества рѣдко посыпанъ розами), счелъ это поздравленіе со стороны лица, всегда относившагося враждебно ко всему еврейству, за насмѣшку и отвернулся, не принявъ протянутой ему начальствомъ руки. Изъ-за этого инцидента заварилась каша, расхлебать которую пришлось несчастному еврейскому юношѣ.

Я готовъ допустить, что такое пренебреженіе къ начальству ни въ какомъ случаѣ одобрять нельзя, хотя въ данномъ случаѣ это можно извинить вышеприведенными причинами. Ученикъ былъ виноватъ, и оскорбленное имъ лицо имѣло право требовать его наказанія. Правда, черезъ полчаса несчастный юноша, постигшій значеніе своего поступка, а быть можетъ, и испугавшись послѣдствій, извинился предъ оскорбленнымъ имъ лицомъ, объясняя свое обращеніе сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ, и въ доказательство представилъ рецепты, прописанные ему врачомъ. Но „лицо“ не удовлетворилось этимъ извиненіемъ, и дѣлу данъ былъ надлежащій ходъ.

На происходившемъ по поводу вышеупомянутаго прискорбнаго инцидента педагогическомъ совѣтѣ, „лицо“ прочитало нѣчто въ родѣ profession de foi, произнеся антисемитскую аллокуцію въ духѣ Штеккера и Оноди. Обобщая отдѣльный фактъ, лицо категорически заявило, что всѣ евреи унижаются и раболѣпствуютъ, пока чувствуютъ власть надъ собою, но становятся нахалами, какъ только сознаютъ, что не подчиняются болѣе этой власти, и пр. Словомъ, поступокъ одного еврейскаго мальчика послужилъ „лицу“ поводомъ къ крестовому походу противъ всѣхъ евреевъ.

Я не коснусь дальнѣйшаго хода этого въ высшей степени прискорбнаго дѣла. „Лицо“ пожелало мстить, жестоко мстить нарушившему школьную дисциплину воспитаннику, хотя нѣкоторые изъ членовъ совѣта, не одобряя поступка, полагали однако, что можно ограничиться легкимъ наказаніемъ; одинъ даже нашелъ, что тутъ никакого вообще проступка нѣтъ, такъ какъ молодой человѣкъ, наканунѣ кончившій курсъ, въ моментъ нанесенія оскорбленія не былъ уже болѣе воспитанникомъ заведенія и, слѣдовательно,

совѣтъ не въ правѣ судить его. Но я не буду говорить о томъ, что за дѣтскую шалость оскорбленный начальникъ хотѣлъ пресѣчь несчастному юношѣ всѣ пути къ дальнѣйшему развитію; что за моментъ нервнаго возбужденія желали заставить виновника поплатиться цѣлою жизнью лишеній. Не въ томъ дѣло. Оскорбленный былъ съ своей точки зрѣнія правъ, и очень можетъ быть, что школьная дисциплина требуетъ террора; не даромъ же нѣкоторые члены педагогическаго совѣта предложили лишить провинившагося совсѣмъ атестата, т. е. лишить его плода восьмилѣтняго труда, результата, добытаго необыкновенными усиліями и страшными лишеніями.

Но я возмущенъ тѣмъ, что оскорбленный воспользовался отдѣльнымъ случаемъ, чтобы втоптать въ грязь всѣхъ евреевъ, возвести на все еврейское юношество тяжкое обвиненіе. Чѣмъ же виновато все еврейство, все учащееся юношество, что одинъ изъ его среды провинился!.. И брошенное обвиненіе падетъ, несомнѣнно, на благодарную почву и дастъ обильный урожай ненависти, гоненій и преслѣдованія. Это фактъ, достойный сожалѣнія.

Впрочемъ, не мѣшаетъ сообщить читателямъ и финалъ инцидента. Лицо потребовало, чтобы провинившемуся предъ нимъ воспитаннику поставили „тройку“ за поведеніе, чѣмъ закрывается доступъ въ высшія учебныя заведенія, гдѣ не принимаютъ съ такимъ „волчьимъ паспортомъ“, набрасывающимъ тѣнь на всю прошлую жизнь воспитанника. (Въ данномъ случаѣ означенный воспитанникъ во все время своего пребыванія въ школѣ имѣлъ пять за поведеніе, и одинъ необдуманный поступокъ долженъ былъ какъ бы вычеркнуть всю его восьмилѣтнюю порядочность). Но высшая власть, на разсмотрѣніе которой поступило это дѣло, убѣдясь изъ протокола засѣданія педагогическаго совѣта, что не всѣ члены его смотрѣли такъ безжалостно строго на мальчишескую выходку, постановила: въ интересахъ школьной дисциплины оставить поступокъ совершенно безнаказаннымъ нельзя; но отрѣзать юношѣ всѣ пути къ дальнѣйшему образованію было бы непомѣрно строгимъ наказаніемъ, и поэтому ограничиться тѣмъ, чтобы замѣнить въ аттестатѣ пятерку за поведеніе—четверкою, вмѣсто «отлично» поставить «хорошо». Нельзя не сочувствовать такому справедливому приговору,

VII.

Civis romanum sum! Я римскій гражданинъ! говорилъ нѣкогда съ понятною гордостью римлянинъ, и такъ какъ Римъ господствовалъ тогда

чуть не надъ всѣмъ древнимъ міромъ, то званіе римскаго гражданина считалось дѣйствительно весьма почетнымъ и обладало такимъ магическимъ значеніемъ, такою волшебною силою, что счастливый владѣлецъ этого титула могъ, безъ всякихъ опасеній для своей жизни и имущества, такъ какъ онъ повсюду находился подъ могучимъ покровительствомъ римскаго орла, совершать поѣздки въ варварскія тогда Германію и Галлію, въ Африку и Азію.

Ich bin ein rigascher Bürger! Я рижскій гражданинъ! говорилъ съ не меньшею, если не большею гордостью рижанинъ феодальныхъ временъ, и дѣйствительно, права, которыя предоставили сами себѣ граждане города Риги, были до того обширны, до того выгодны и прибыльны, что они имѣли полное право гордиться ими. Въ рукахъ рижскихъ гражданъ была прежде сосредоточена вся внутренняя и внѣшняя торговля этого порта, пользовавшагося уже извѣстностью въ XIII столѣтіи, когда германскіе купцы, случайно забредшіе изъ Висби (въ Готландіи) къ устьямъ Двины, вступили въ торговыя сношенія съ ливонцами.

Чтобы сдѣлаться рижскимъ гражданиномъ требовалось представить доказательства, что кандидатъ на это высокое званіе — «свободнаго и честнаго происхожденія», что онъ изучилъ торговлю или какое нибудь ремесло, что онъ во все время своего пребыванія въ ученіи велъ себя безупречно честно, что онъ обладаетъ капиталомъ въ 500 талеровъ или, по крайней мѣрѣ, пользуется кредитомъ на такую же сумму.

Понятно, что евреи не могли выполнить ни одного изъ этихъ условій, такъ какъ на нихъ смотрѣли, какъ на существа низшей породы, на илотовъ, не могущихъ хвастаться «свободнымъ и честнымъ происхожденіемъ». Лишь въ 1842 году они добились этого права и то не вполнѣ. Нѣмецкіе, рижане называются «Bürger und Brüder», чтобы этимъ званіемъ доказать, что всѣ они братья. Когда, уступая повелительнымъ требованіямъ времени и давленію свыше, рижане вынуждены были допустить въ свою гражданскую среду не только русскихъ и латышей, но, увы! даже евреевъ, то за этими, вновь поступающими членами, было признано только названіе «гражданина» (Bürger), но «братомъ» (Bruder) его не признали.

Положимъ, евреи не много потеряли отъ того, что ихъ такимъ образомъ лишили «брудершафта», точно такъ, какъ они только выиграли отъ того, что на основаніи устарѣлой, но, слава Богу, до сихъ поръ еще не отмѣненной привиллегіи, евреямъ запрещено содержать въ Ригѣ шинки, кабаки и портерныя. Я говорю «слава Богу», потому что, какъ извѣстно,

«шинокъ» служилъ исходною точкою постигавшихъ еврея въ юго-западномъ краѣ бѣдствій, и кабакъ былъ началомъ погрома. Еврейскій кабатчикъ считался эксплоататоромъ, пьявкою и развратителемъ сельскаго населенія.

Желательно было бы, конечно, чтобы евреи вовсе не промышляли ни водкою, ни проституціею. Пользованія дурными страстями человѣчества для того, чтобы набить себѣ карманъ — ни въ какомъ случаѣ одобрить нельзя. Но что дѣлать, когда евреи, доведенные ограничительными законами до отчаянія, видя предъ собой закрытыми почти всѣ пути къ честному добыванію себѣ куска хлѣба, бросились на такія занятія, которыми они, быть можетъ, сами сначала брезгали и которыми имъ теперь колятъ глаза!

Слава Богу, что рижскіе евреи вынуждены были избрать себѣ болѣе приличныя занятія. Правда, имъ приходилось часто весьма жутко, но за то они были избавлены отъ развращающаго дѣйствія шинкарства, и ихъ по крайней мѣрѣ въ этомъ упрекать нельзя. Благодаря этому обстоятельству, въ Ригѣ и нѣтъ рѣчи объ еврейской эксплоатаціи; хотя нѣмцы очень не любятъ еврея, но тѣмъ не менѣе охотно съ нимъ имѣютъ дѣла. Еврей трезвъ, скроменъ, умѣренъ, воздержанъ въ образѣ жизни, такъ что притязанія, предъявляемыя имъ къ жизни, гораздо меньше претензій нѣмца. Нѣмецъ любитъ пожить хорошо, поѣсть сладко, попить здорово, покурить много и поспать мягко. Еврей ограничивается малымъ и поэтому довольствуется гораздо меньшимъ барышомъ. Эта конкурренція еврея бѣситъ ремесленника и торговца, но буржуа очень доволенъ. Онъ дружелюбно относится къ еврею, но готовъ возненавидѣть его, какъ только еврей стремится къ образованію. Все, что угодно, только не образованіе!—вотъ девизъ нѣмца въ отношеніи къ еврею.

Еврей въ длинноломъ балахонѣ, съ роскошными пейсами и замасленною ермолкою, приходится по вкусу балтійскому нѣмцу, охотно вступающему съ нимъ въ близкія дѣловыя сношенія, имѣющія даже нѣсколько дружескій оттѣнокъ, точно также какъ хозяинъ ласково обходится со своею услужливою собакою, или плантаторъ южныхъ штатовъ Америки — съ негромъ, съумѣвшимъ заслужить его расположеніе, при чемъ однако никогда не забывается пропасть, отдѣляющая гордаго хозяина отъ низкаго раба, человѣка отъ собаки.

Съ евреемъ стараго закала нѣмецъ близко сходится; онъ смѣется надъ его отвратительнымъ жаргономъ, и при видѣ этого самоуниженія, этого жалкаго, сгорбленнаго въ почтительномъ молчаніи парія, браминъ чувству-

етъ свое превосходство, захлебывается отъ восторга по поводу своей собственной культуры и даже благодаренъ еврею, доставившему ему случай сдѣлать такое выгодное для себя сравненіе.

Но горе образованному еврею, говорящему правильно на какомъ либо языкѣ, одѣтому по европейски; горе еврею, получившему высшее образованіе, если онъ будетъ нуждаться въ нѣмцѣ. Съ нимъ нѣмецъ будетъ суровъ, неприступенъ и заносчивъ, такъ какъ его не покидаетъ болѣзненное подозрѣніе, что дерзкій образованный еврей осмѣливается воображать, что онъ равный патрицію, что при случаѣ онъ даже предъявитъ права на это равенство, дерзнетъ сѣсть въ присутствіи барона и даже—o tempora, o mores!—закурить при немъ сигару. Одна мысль о такой возможности, такой профанаціи приводитъ нѣмца въ ярость, и вотъ почему онъ тщательно избѣгаетъ общества образованнаго еврея, а если этого уже избѣжать нельзя, то онъ обходится съ нимъ заносчиво, смотритъ на него съ высоты своей дворянской грамоты или купеческаго сознанія и старается уничтожить въ зародышѣ всякую фамильярность.

А балтійскіе евреи нисколько не обижаются этимъ и льнутъ къ третирующимъ ихъ en canaille нѣмцамъ, лѣзутъ на ихъ балы, гдѣ еврейскихъ дѣвицъ и дамъ, какъ бы красивы, изящны онѣ ни были, никто изъ христіанскихъ кавалеровъ танцовать не приглашаетъ, въ то время какъ христіанская дама или дѣвица уничтожаетъ своимъ взглядомъ еврейскаго кавалера, дерзающаго ее пригласить на кадриль.

На гуляньѣ въ паркѣ дуббельнскаго акціенгауза, еврейскія дамы и дѣвицы нерѣдко становятся предметомъ насмѣшекъ со стороны публики. Въ особенности нѣмцы негодуютъ, если еврейскія женщины говорятъ по русски, французски или по англійски. Это ихъ коробитъ. «Отчего вы не говорите на вашемъ жаргонѣ?» слышатся нерѣдко возгласы. Бывали даже случаи такаго оскорбленія, что дѣло доходило до судебнаго разбирательства.

Надо однако сознаться, что балтійскіе евреи нерѣдко сами подаютъ поводъ къ презрительнымъ насмѣшкамъ. Дамы уже черезчуръ щеголяютъ своими роскошными туалетами, уже слишкомъ усердно выставляютъ на показъ свои драгоцѣнности. Мужчины-евреи также не всегда ведутъ себя безупречно, что́ вообще непростительно. Евреи находятся въ осадномъ положеніи и поэтому должны быть на-сторожѣ; они должны строго контролировать свои слова и дѣйствія и избѣгать всякаго повода къ столкновеніямъ. Самоуниженіе столь же предосудительно, какъ и самохвальство, но дерзость

вреднѣе покорности. И въ этомъ отношеніи здѣшніе евреи далеко не безупречны, и нѣмцы справедливо дѣлаютъ ихъ предметомъ насмѣшекъ.

Вотъ инцидентъ, случившійся при мнѣ. Недавно губернскія власти сдѣлали распоряженіе взимать съ пріѣзжающихъ на морскія купанья гостей по 50 к. съ персоны на содержаніе полиціи и еще на кое-какіе расходы. И вотъ одинъ состоятельный еврей пользуясь тѣмъ, что прислуга не подлежитъ оплатѣ сбора, выдалъ всѣхъ членовъ своего семейства — жену, сыновей и дочерей, племянниковъ и племянницъ, старуху тещу и старика отца, всего 17 человѣкъ — за лицъ, состоящихъ у него въ услуженіи. Понятно, что въ полиціи раскусили этотъ гадкій фортель и побудили экономнаго еврея разжаловать большую часть своей мнимой прислуги. Нѣмцы не замедлили воспользоваться этимъ отдѣльнымъ фактомъ, чтобы поднять шумъ о еврейской скупости и жадности, о свойственномъ всѣмъ евреямъ корыстолюбіи; «Rigasche Zeitung» подхватила эту исторію, и на сцену выступилъ «das goldene Kalb», вокругъ котораго предки дуббельнскаго еврея танцовали въ пустынѣ и пр. и пр.

Быть можетъ и христіане продѣлывали подобную штуку, чтобы избѣжать уплаты лишняго полтинника (нѣмцы поклоняются золотому тельцу не хуже евреевъ въ аравійской пустынѣ и въ дуббельнскомъ паркѣ), но никто объ этомъ не заговорилъ, а если заговорили бы, то посмѣялись бы, какъ надъ ловкимъ маневромъ, въ особенности если бы онъ удался. Но какъ только рѣчь зашла о евреѣ, то на скамью подсудимыхъ притянули чуть не весь еврейскій народъ и исчислили еврейскіе грѣхи чуть не со второго дня сотворенія міра. Къ нашему несчастію это уже такъ принято, и спокоинъ вѣку уже установился какой-то фантастическій и фаталистическій паніудейскій брудершафтъ, такъ что всѣ евреи отвѣчаютъ за каждаго изъ нихъ. Поэтому евреи, въ виду такого исключительнаго, созданнаго помимо нашей воли положенія, должны относиться очень строго къ себѣ и ни когда не упускать изъ виду, что за дѣйствія отдѣльнаго лица приходится нерѣдко отвѣчать всему народу.

Истина это въ особенности бросалась мнѣ въ глаза при посѣщеніи Риги, куда я часто отправлялся въ поискахъ за данными для составленія исторіи рижскихъ евреевъ со времени ихъ перваго появленія въ средѣ воинственныхъ ливонцевъ. Поиски мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ и я собралъ весьма цѣнный матеріалъ, съ которымъ, послѣ обработки, вскорѣ ознакомлю читателей «Восхода». Мнѣ стоило не мало труда добыть эти матеріалы, такъ какъ приходилось рыться въ старыхъ архивахъ и въ

массѣ стараго хлама отыскивать историческія жемчужины. Но за то трудъ будетъ очень интересенъ, такъ какъ онъ основывается на документальныхъ данныхъ, никому неизвѣстныхъ и тлѣвшихъ въ пыли архива.

Проходя мимо площади близъ Domkirche, я замѣтилъ весьма значительную толпу евреевъ, разбившуюся на многочисленныя группы, члены которыхъ галдѣли и жестикулировали со свойственными семитскому племени энергіею и экспрессіею. То были большею частью ортодоксальные евреи въ традиціонномъ костюмѣ (какъ извѣстно, вовсе не національномъ, а позаимствованномъ у поляковъ) и говорящіе на чистѣйшемъ бердичево-шкловскомъ нарѣчіи. Собраніе это было очень шумное и многолюдное, и я узналъ, что это ни болѣе ни менѣе какъ «жидовская биржа», находящаяся не на далекомъ разстояніи отъ монументальнаго зданія настоящей биржи.

На этой «жидовской биржѣ» собираются ежедневно въ извѣстные часы—отъ 11 до 1 часа по полудни—еврейскіе торговцы и промышленники и, какъ мнѣ говорили, обдѣлываютъ иногда громадныя дѣла. Такъ какъ на общей биржѣ они не пользуются такою неограниченною свободою слова и дѣйствій, то и избрали себѣ это мѣсто, какъ наиболѣе центральное. Но жители окрестныхъ домовъ вовсе не были восхищены такою близостью еврейской биржи, благодаря которой утромъ на площади стоялъ настоящій содомъ, и они обратились къ полиціи съ просьбою очистить мѣсто отъ непрошенныхъ гостей. Но исполненіе этой задачи оказалось далеко не легкимъ. Полиція просила евреевъ разойтись, тѣ расходились и опять сходились. Ихъ стали гнать—ничего не помогло. Искоренить еврейскую биржу оказалось невозможнымъ. Прекрасный Іосифъ, подружившись съ полицейскимъ фараономъ, мѣшалъ всякимъ дѣйствительнымъ энергическимъ мѣропріятіямъ. Но прекрасный Іосифъ умеръ или уѣхалъ въ Питеръ, воцарился новый поляцейскій фараонъ, никогда не слыхавшій о Іосифѣ и его услугахъ, оказанныхъ Египту, и онъ сразу положилъ конецъ многолѣтней упорной войнѣ между домовладѣльцами площади и еврейскою биржею. Городовымъ велѣно было брать за шиворотъ всякаго еврея на означенной площади. Для этихъ нисшихъ агентовъ святой Германдады началась тогда золотая эра, или скорѣе эра двугривенниковъ. Городовые брали за шиворотъ не только толпившихся на жидовской биржѣ евреевъ, не только мирно и безъ всякаго злого умысла проходившихъ по этой площади сыновъ Израиля, но даже хватали и таскали въ полицію семитовъ на другихъ улицахъ, лишь бы заработать лишніе двугривенные за освобожденіе плѣнныхъ. Евреи стонали и охали подъ этимъ терроромъ городовыхъ и мно-

жество двугривенниковъ было принесено въ жертву. Наконецъ терпѣнье евреевъ лопнуло, и видъ веселыхъ и разжирѣвшихъ городовыхъ, осклаблявшихся при видѣ еврея, производился на нихъ такое впечатлѣніе, что они рѣшили положить конецъ этой эксплоатаціи и собираться въ закрытомъ помѣщеньи. Но такъ какъ добиться разрѣшенія на открытіе такой отдѣльной биржи не было никакой надежды, то стали собираться въ какомъ-то кабинетѣ для чтенія. Но и это не длилось долго. Ихъ опять прогнали. Тогда поручили бывшему служителю биржи (христіанину) открыть Bierhalle (портерную) спеціально для семитскихъ биржевиковъ. И такъ они собираются ежедневно. Но такъ какъ долго пребывать въ закрытомъ заведеніи для подвижныхъ еврейскихъ торговцевъ невозможно, и такъ какъ для нихъ необходимо соприкосновеніе съ жизнью улицъ, то они и высыпаютъ на площадь, и полиція смотритъ на это снисходительно, сквозь пальцы. Вообще прежнія суровыя времена миновали. Теперь пребываніе евреевъ, права которыхъ—жить и умереть внѣ черты осѣдлости, подлежитъ еще сильному сомнѣнію, если они вообще существуютъ, не встрѣчаетъ болѣе затрудненій. Полиція сдѣлалась уступчивѣе и снисходительнѣе, и даже падкіе на двугривенные городовые какъ-то ласково посматриваютъ на евреевъ, которые стали теперь силою. Однихъ осѣдлыхъ евреевъ считается въ Ригѣ 22,000, временно пребывающихъ столько же; при населеніи въ 180,000—это довольно значительный процентъ.

Рига, въ особенности московскій форштадтъ, имѣетъ дѣйствительно еврейскій характеръ. Вотъ нѣсколько наглядныхъ цифръ, убѣдительно говорящихъ о приростѣ населенія. Въ 1828 г., коробочный сборъ далъ 358 р. 65 к., въ 1829—1,765 р. 50 к.; нынѣ же откупщикъ коробочнаго сбора платитъ въ годъ 54,000 руб. Въ 1840 году считалось въ Ригѣ 583 евреевъ осѣдлыхъ (280 мужчинъ и 303 женщины); нынѣ ихъ болѣе 22,000.

Въ 1870 году рижскіе евреи выстроили синагогу, стоившую 72,000 руб. Это прекрасное зданіе въ стилѣ Rennaissance, служащее дѣйствительнымъ украшеніемъ города. Три прекрасныхъ подъѣзда (изъ коихъ двое-боковыхъ, предназначенныхъ для женщинъ) ведутъ изъ окаймленнаго роскошною зеленью двора во внутренность храма, поражающаго своею грандіозностью и величіемъ. Рядъ бѣлыхъ колоннъ поддерживаютъ предназначенные для женщинъ хоры. Кіотъ изъ рѣзнаго съ богатою позолотою дерева. Два громадныхъ серебряныхъ канделябра и изящный осьмирожковый подсвѣчникъ для зажиганія свѣчей въ Ханука. Сидѣніе и пюпитры

для молящихся изъ стараго дуба. Прекрасно разрисованныя стекла оконъ пропускаютъ въ обширную залу фантастическій свѣтъ и придаютъ синагогѣ характеръ чего-то таинственнаго, смѣшаннаго съ величественнымъ. По обѣимъ сторонамъ кіота въ стѣнѣ вдѣланы въ богатой золотой рамѣ памятныя доски съ соотвѣтствующими изъ священнаго писанія цитатами. Это въ память скончавшагося въ Каирѣ доктора медицины Жана Шейнесона, рижанина по происхожденію.

Я зналъ этого молодаго многообѣщавшаго ученаго. Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ и очень заинтересовался имъ. То былъ идеалистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и онъ никакъ не могъ ужиться въ прозаической средѣ Бѣлокаменной. Его тянуло въ германскіе университеты. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ онъ уже прежде слушалъ лекціи. По окончаніи курса онъ посвятилъ себя своей спеціальности со свойственною всѣмъ его дѣйствіямъ горячностью и любовью. Страданія легкихъ вынудили его бросить родину и переселиться въ Египетъ. Климатъ Каира иногда чудотворно дѣйствуетъ на чахоточныхъ. Но увы! для молодаго ученаго было уже поздно.

Недалеко отъ описанной мною здѣсь синагоги находится другое, еще неоконченное зданіе, предназначенное служить молельнею для проживающихъ или временно пребывающихъ въ Ригѣ бѣлорусскихъ евреевъ (reussische Juden, какъ ихъ съ пренебреженіемъ называютъ балтійскіе евреи, почему-то считающіе ихъ низшею расою), принадлежащихъ къ сектѣ хассидовъ. До сихъ поръ хассиды имѣли только свой «миньенъ», помѣщеніе до нельзя тѣсное и грязное и вовсе не соотвѣтствующее даже самымъ скромнымъ понятіямъ о храмѣ. Послѣ переговоровъ, длившихся много лѣтъ, пришли къ рѣшенію выстроить для хассидовъ приличную синагогу, и такъ какъ бѣлорусскіе евреи въ Ригѣ участвуютъ во многихъ расходахъ и налогахъ еврейской общины, то рижскій кагалъ нашелъ справедливымъ отпустить на постройку синаноги для хассидовъ, въ видѣ единовременнаго пособія—15,000 рублей. Остальная потребовавшаяся для сооруженія зданія сумма (около 25,000 р.) собрана была добровольною подпискою между самими хассидами.

Молельня эта очень красивое зданіе, имѣетъ нововведеніе, котораго не было въ прежнихъ хассидскихъ молельняхъ; а именно: отведено помѣщеніе для женщинъ на устроенныхъ для этой цѣли хорахъ. Хассиды, какъ первоклассные пуристы, не терпятъ присутствія женщинъ въ храмѣ. Я не знаю, вездѣ ли это такъ, но по крайней мѣрѣ въ Ригѣ въ молельнѣ хасси-

довъ не было помѣщенія для женщинъ, такъ что прекрасный полъ секты хассидовъ вынужденъ былъ посѣщать синагогу миснагдовъ, чѣмъ многія хассидскія дамы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя достигли извѣстнаго возраста (т. е. перешедшія роковую грань, опредѣленную Бальзакомъ въ своемъ знаменитомъ романѣ La femme de quarante ans), остались крайне недовольны, такъ какъ молиться въ обществѣ „еретическихъ" супругъ рижскихъ миснагдовъ казалось имъ профанаціею. Молодыя же женщины были отъ этого въ восторгѣ, такъ какъ посѣщеніе синагоги давало юнымъ кокетливымъ дщерямъ Евы возможность блистать туалетомъ и учиться вкусу у своихъ, болѣе цивилизованныхъ балтійскихъ сестеръ. Будутъ ли онѣ рады устройству женскихъ хоровъ въ новой хассидистской молельнѣ—судить я не берусь.

Между рижскими миснагдами и бѣлорусскими хассидами обнаруживается рознь, доходящая нерѣдко до открытой вражды. Рознь эта вызвана не религіозными догматами, ни нѣкоторымъ отличіемъ въ обрядности и молитвахъ, а другими мелкими причинами, не дѣлающими чести рижскимъ евреямъ. Балтійскіе евреи большею частью отличаются весьма трогательнымъ невѣжествомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся религіозной и бытовой стороны юдаизма. За весьма немногими исключеніями, они не знакомы ни съ еврейскою литературою, ни съ древне-еврейскимъ языкомъ и набожность ихъ выражается лишь въ соблюденіи чисто внѣшнихъ обрядовъ и правилъ коширной кухни. Такое почти поголовное невѣжество объясняется отчасти бѣдностью большинства рижскихъ евреевъ, по крайней мѣрѣ въ прошломъ (хотя и настоящее въ этомъ отношеніи не представляется въ особенно отрадномъ видѣ), отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что рижскіе евреи были, такъ сказать, отрѣзаннымъ ломтемъ русскаго еврейства, съ которымъ они не имѣли почти никакого соприкосновенія. Совершенно изолированные въ средѣ христіанско-германско-латышскаго населенія, они онѣмечились и мало заботились о сохраненіи связи съ традиціями великаго прошлаго. Тѣмъ не менѣе (или, быть можетъ, именно потому) они относятся съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ пріѣзжимъ бѣлорусскимъ евреямъ, сохранившимъ традиціонный костюмъ, носящимъ пейсы и говорящимъ на отвратительномъ жаргонѣ. Балтійскій еврей гордится тѣмъ, что онъ уже давно носитъ нѣмецкій сюртукъ, давно бритъ бороду, срѣзалъ пейсы и говоритъ на правильномъ нѣмецкомъ языкѣ, хотя эта правильность и вообще методъ произношенія оставляетъ желать еще очень многаго.

Балтійскій еврей находитъ возможнымъ смотрѣть свысока на бѣлорусскаго своего соплеменника, хотя тотъ несомнѣнно гораздо смышленнѣе и развитѣе. Если первый гордится привитою столѣтнею германскою культурою и то не Богъ вѣсть какой высокой пробы, то послѣдній въ правѣ былъ гораздо болѣе гордиться тысячелѣтнею еврейскою культурою, которая не чета ни нѣмецко-еврейской культурѣ, ни германско-латышской цивилизаціи Остзейскаго края. Бѣлорусскій еврей, изучившій талмудъ, во всякомъ случаѣ выше стоитъ въ культурномъ отношеніи балтійскаго еврея, читавшаго Шиллера. Какъ бы прекрасны и благозвучны ни были стихи великаго германскаго поэта, но несомнѣнно, что тезисъ мишны гораздо болѣе способенъ развить умъ, расширить кругозоръ, вызвать способность самостоятельнаго мышленія и самопознанія.

Положимъ, что балтійскій еврей пріобрѣлъ нѣкоторый лоскъ паркетной цивилизаціи (и то не ахти какой), что онъ даже куритъ сигару въ субботу и иногда въ своемъ просвѣщеніи доходитъ до такого совершенства, что не сморщившись и безъ всякихъ угрызеній совѣсти уплетаетъ котлетку изъ теленка, въ предсмертной своей агоніи не познакомившагося съ коширнымъ ножомъ привиллегированнаго шохета. Положимъ, что балтійскій еврей посѣщаетъ театры и концерты и танцуетъ французскую кадриль и Polka tremblante съ прекрасною дѣвицею и что бѣлорусскій еврей, хассидъ, на все это неспособенъ, такъ какъ танцовать съ женщиною, будь она сама распрекрасная Елена или кипрская Елена въ натурѣ, ему кажется такою же профанаціею собственнаго достоинства, какъ курить въ субботу, или какъ скушать трефную котлетку онъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ. Но все-таки балтійскій еврей не имѣетъ никакого основательнаго повода чваниться предъ евреемъ бѣлорусскимъ, хотя бы послѣдній и носилъ засаленную ермолку, тщательно завитые пейсы, длиннополый балахонъ, не совсѣмъ разсчесанную длинную бороду, туфли и бѣлье сомнительнаго достоинства, хотя бы онъ говорилъ на отвратительномъ жаргонѣ и не умѣлъ кокетничать съ кисейными барышнями. Въ бѣлорусскомъ евреѣ кроется душевная сила, которою еврей балтійскій хвастаться не можетъ. Лучшіе изъ людей еврейства вышли изъ этой среды, а балтійскіе евреи пока, на сколько мнѣ извѣстно, не дали намъ ни одного выдающагося дѣятеля (за исключеніемъ нѣкоторыхъ медиковъ и юристовъ, впрочемъ, ничѣмъ особеннымъ не заявившихъ себя) ни въ общеевропейской, ни въ спеціально еврейской сферѣ наукъ.

Я допускаю, что виноваты въ томъ не люди, а обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ этотъ фактъ не оправдываетъ высокаго мнѣнія, которое балтійскіе евреи имѣютъ о себѣ, а еще менѣе—того высокомѣрнаго пренебреженія, съ которымъ онъ взираетъ на своего бѣлорусскаго соплеменника только потому, что тотъ не успѣлъ еще освоиться съ лоскомъ паркетной культуры.

Р.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА.

АНГЛІЙСКІЕ МИССІОНЕРЫ.

I.

Еслибы возможно было найти какое нибудь примиреніе между іудаизмомъ и христіанствомъ, то, по всей вѣроятности, англичане первые стали бы его проповѣдниками. И въ настоящее время, право, трудно съ положительностью сказать, что они больше читаютъ, что на нихъ сильнѣе и глубже вліяетъ—Ветхій или Новый Завѣтъ. Мало того, вѣроятно еще до сихъ поръ извѣстная ихъ часть полагаетъ, что англійскій народъ чисто израильскаго происхожденія, прямой потомокъ колѣна Ефраимова! По крайней мѣрѣ, въ 1844—45 гг. ежемѣсячный журналъ, издаваемый однимъ пасторомъ, Mr. John Wilson of Meltenham, и цѣлая литература защищали это на основаніи какихъ-то пророчествъ, и еще въ 1866 г. этотъ же г. Вильсонъ издавалъ подобный же журналъ «The Watchman of Ephraim» *.

* Мнѣ, можетъ быть, еще придется говорить объ этой курьезной претензіи англичанъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же я считаю нелишнимъ и небезъинтереснымъ просто привести заглавія нѣкоторыхъ относящихся сюда изданій. Самый журналъ носилъ такое длинное названіе: „The Time of the End, or prophetic witness recognizing the Israelitish origin of the English nation and advocating the premillenial coming of our Lord and ressurection of the saints, and their blessed reign over all nations". Главное сочиненіе Вильсона — это: „The Book of inheritance; and witness of the Prophets respecting Ephraim, and the raising of Israel (London, 1846, 8°)"; затѣмъ остается указать на его другое сочиненіе: „Our Israelitich origin" и на отвѣтъ Mr. Bickersteth: „Objections to Our Israelitish origin". Какъ видно, дѣло не обошлось безъ полемики. Вообще же этотъ въ высшей степени курьезный вопросъ объ израильскомъ происхожденіи англійскаго народа имѣетъ свою литературу и можетъ служить одной изъ лучшихъ характеристикъ извѣстной оригинальности англичанъ. Во всякомъ случаѣ, евреи не могутъ жаловаться на такое неожиданное и непрошенное родство.

Къ тому еще, если бы какой нибудь изъ нашихъ добрыхъ хассидовъ волею судебъ очутился въ церкви Salvation-Army, то онъ несомнѣнно нашелъ бы себѣ не мало товарищей по части усерднѣйшаго воздыманія глазъ къ самому небу, подпрыгиванія и прочихъ столь же богоугодныхъ священнодѣйствій и—о, ужасъ!—можетъ быть, призналъ бы самого генерала Booth своимъ цадикомъ.

Спасъ-ли бы онъ при такой перемѣнѣ свою скачущую душу или нѣтъ—на это, не имѣя рѣшительно никакихъ связей съ неземнымъ міромъ, не могу даже приблизительно отвѣтить; во всякомъ случаѣ, произошло бы простое перемѣщеніе сумасброда, отъ чего англичане ничего бы не выиграли, такъ какъ они имѣютъ и своихъ въ достаточномъ числѣ.

Не слѣдуетъ однако обманываться этой внѣшностью, особенно еврею. При всемъ своемъ увлеченіи библіей, англичанинъ все-таки считаетъ, что евреи глубоко заблуждаются и грѣшатъ, не признавая Новаго Завѣта и пр. Его библейность только дѣлаетъ то, что ему въ высшей степени жаль, что народъ, избранный Богомъ для оповѣщенія міру духовной истины и игравшій такую великую и святую роль въ прошедшемъ, отказывается теперь отъ этой истины и, стало быть, коснѣетъ въ грѣхахъ. Англичанину поэтому очень сильно хочется обратить заблудшуюся божью коровку на путь истинный, и въ этомъ-то кроется главная причина той ревности, которую онъ проявляетъ, когда дѣло идетъ объ обращеніи евреевъ въ христіанство.

Затѣмъ онъ очень религіозенъ и обладаетъ довольно сильнымъ духомъ прозелитизма, хотя все это нисколько не мѣшаетъ ему быть замѣчательно практичнымъ. Какъ это въ немъ совмѣщается, какимъ образомъ тотъ же англичанинъ, который въ воскресенье поетъ псалмы и витаетъ, можно сказать, въ небесныхъ пространствахъ, въ понедѣльникъ кричитъ и поетъ уже: «время — деньги; я—номеръ первый, все остальное—номеръ второй» — это другой вопросъ, и, признаюсь, не совсѣмъ объяснимый для меня. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, важно только то, что по отношенію къ прозелитизму и, собственно говоря, миссіонерству, практическій духъ англичанъ какъ нельзя болѣе кстати. Въ силу этой практичности и умѣнія пользоваться обстоятельствами, ан-

глійскіе миссіонеры наиболѣе и наилучше успѣваютъ въ распространеніи христіанства.

Крѣпкій и упорный Джонъ Буль при томъ еще ужасно любитъ образовывать разнаго рода общества и ассоціаціи. Это даже его страсть, и она ведетъ его, съ одной стороны, къ удивительному сектанству и, съ другой — къ составленію обществъ всевозможныхъ названій и цѣлей. Онъ одинаково обязательно причисляетъ себя къ клубу, какъ къ какой нибудь изъ безсчетнаго числа маленькихъ чеплсъ (капеллы). Если онъ не пьетъ спиртныхъ напитковъ, то почти неизбѣжно состоитъ членомъ обширнаго здѣсь общества титотлеровъ; если онъ носитъ на себѣ или, правильнѣе, въ себѣ внушительное число фунтовъ жиру, то его уже не трудно будетъ найти въ обществѣ толстяковъ; если онъ любитель пѣнія, музыки, игръ, спорта и пр., то онъ обязательно обрѣтается въ соотвѣтствующемъ обществѣ. Всѣ стороны человѣческой жизни, всякое общественное явленіе способны почти во всякое время вызывать образованіе обществъ. Трудно сказать, сколько въ одномъ Лондонѣ имѣется такихъ обществъ разнообразнѣйшихъ наименованій—одно перечисленіе ихъ заняло бы, пожалуй, книгу; но еще труднѣе иностранцу представить себѣ, съ какою легкостью и по какимъ нерѣдко пустымъ и смѣшнымъ поводамъ англичане ихъ составляютъ (между прочимъ, здѣсь существуетъ такъ называемое «Зететическое общество», отрицающее вращеніе земли вокругъ солнца и пр.), и безъ преувеличенія можно утверждать, что, еслибы, напримѣръ, кому нибудь пришло въ голову проповѣдывать англичанамъ, чтобы они сидѣли непремѣнно на вѣнскихъ стульяхъ, то, того и гляди, черезъ нѣкоторое время появилось бы и подходящее общество.

Особенно же эта ревность англичанъ къ составленію клубовъ и обществъ проявляется въ религіозной сферѣ. Этотъ родъ обществъ обыкновенно очень богатъ и силенъ. Каждое изъ нихъ издаетъ брошюры на свой счетъ, содержитъ ораторовъ, созываетъ митинги и пр. (теперь наиболѣе дѣятельны сектанты Арміи Спасенія; въ одномъ Лондонѣ, кажется, ихъ до 60,000; въ короткое время они удивительно успѣли и теперь располагаютъ огромной движимой и недвижимой собственностью), словомъ, располагаетъ значительными денежными фондами. Но наиболѣе богаты и наиболь-

шее число членовъ имѣютъ тѣ религіозныя общества, которыя преслѣдуютъ миссіонерскія цѣли. Это, впрочемъ, само по себѣ слѣдуетъ изъ всего только что сказаннаго.

Неудивительно поэтому, что знаменитое «Лондонское библейское общество» (British and Foreign Bible Society), основанное нѣсколькими лицами въ 1804 г., теперь распоряжается громаднымъ бюджетомъ и имѣетъ развѣтвленія и отдѣленія по всему земному шару *. Это, безспорно, одно изъ наиболѣе сильныхъ, если не самое сильное изъ частныхъ политическихъ или религіозныхъ обществъ міра. Оно теперь имѣетъ цѣлую армію миссіонеровъ и полумиссіонеровъ и, располагая огромными средствами, оказываетъ значительное вліяніе на нехристіанскій міръ. Но, помимо его, здѣсь существуетъ еще множество чисто миссіонерскихъ обществъ всякаго рода, которыя также очень богаты и усердно поддерживаются англичанами.

Полное и подробное изслѣдованіе всѣхъ этихъ миссіонерскихъ обществъ было бы очень интересно и поучительно, но оно, конечно, не можетъ найти мѣста въ еврейскомъ журналѣ. Въ своихъ письмахъ я только буду говорить о тѣхъ изъ англійскихъ миссіонерскихъ обществахъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ евреямъ. Это именно: «London Society for promoting Christianity among the Jews», «Mission to foreigners in London» и

---

* По послѣднему отчету, который я имѣлъ въ рукахъ (отчетъ 1854 г.), бюджетъ общества былъ такой: обыкновенный доходъ—125,666 ф. стерлинговъ, подписка въ пользу юбилейнаго фонда—60,507 ф. ст., на печатаніе милліона библій на китайскомъ языкѣ—30,485 ф. ст.; расходы были—119,257 ф. ст. Пожертвованія, кромѣ указанныхъ на юбилейный фондъ и китайскія библіи, дошли до 4,057 ф. ст.; наслѣдства—до 15,781 ф. ст. За одинъ этотъ годъ общество распространило 1.367,528 библій; общій же ихъ расходъ со времени основанія общества простирался до 27.938,681. Отдѣленій оно имѣло въ одной только Англіи 3,315; митинговъ же въ Англіи оно устроило за этотъ годъ 2,402. Въ настоящее время его средства, по всей вѣроятности, удвоились, если не утроились; но, во всякомъ случаѣ, какъ ничтоженъ кажется въ сравненіи съ этимъ «Всемірный еврейскій союзъ», о силѣ и значеніи котораго жидоѣды такъ много кричатъ! А вѣдь этотъ союзъ имѣетъ гораздо болѣе обширное поле дѣятельности и самыя широкія и разнообразныя цѣли. Гдѣ же эти столь хваленыя сплоченность и единодушіе евреевъ, гдѣ же ихъ пресловутыя богатства? По моему, все это находится у англичанъ.

затѣмъ вообще missionaries, по скольку они входятъ въ соприкосновеніе съ евреями, временно или постоянно.

Въ настоящемъ письмѣ, однако, я считаю нужнымъ поговорить объ одномъ лондонскомъ обществѣ, которое, повидимому, не имѣло ничего общаго съ миссіонерствомъ и образовалось съ чисто филантропической цѣлью. Это — «Ассоціація для заселенія Сиріи (Syrian Colonisation Association)». Теперь, можетъ быть, она уже не существуетъ, о чемъ нечего сожалѣть, но ея жертвы, къ крайнему сожалѣнію, до сихъ поръ бѣдствуютъ на нездоровомъ островѣ Кипрѣ и находятся въ безвыходномъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, какъ ея образованіе, такъ и ея образъ дѣйствія за все время ея существованія представляютъ очень много интереснаго для евреевъ и могутъ служить хорошей иллюстраціей миссіонерскихъ хитростей и происковъ.

Она основана была въ 1882 г., во время достопамятныхъ митинговъ въ Меншенъ-Гаузѣ. Первые россійскіе погромы произвели, какъ извѣстно, очень сильное впечатлѣніе на спокойныхъ англичанъ,—уже слишкомъ рѣзко поражали они чувства цивилизованныхъ людей. Англичане поэтому очень желали помогать, по мѣрѣ возможности, несчастнымъ и гонимымъ русскимъ евреямъ. Послѣднихъ же къ этому времени было очень много въ Лондонѣ, и они сильно бѣдствовали. Въ числѣ ихъ былъ нѣкій Фр., сынъ одного раввина. Этотъ Фр. находился въ очень плачевномъ положеніи и сталъ ходить къ миссіонерамъ. Отъ нихъ онъ получилъ рекомендацію къ миссіонеркѣ, г-жѣ Финнъ (по происхожденію, она русская еврейка; ея мужъ былъ миссіонеромъ), которая и предложила ему разузнать, согласны ли русскіе эмигранты поѣхать въ Палестину на счетъ одного христіанскаго общества.

Никто изъ эмигрантовъ не зналъ, что Фр. вступилъ въ довольно близкія сношенія съ миссіонерами, и ему тѣмъ болѣе довѣряли, что онъ сынъ раввина и велъ себя очень набожно. Многіе поэтому записались въ число желающихъ ѣхать въ Палестину и получали въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ по 3 шиллинга въ недѣлю. Никакихъ особенныхъ обязательствъ имъ не ставили, миссіонеры и не являлись къ нимъ, такъ что они были очень спокойны и довѣрчиво относились ко всему этому дѣлу, хотя не знали, кто, собственно, заботится о нихъ и помогаетъ имъ.

За это время г-жа Финнъ усердно старалась образовать новое общество, что̀ ей и удалось. Нѣсколько богатыхъ и въ религіи ревностныхъ англичанъ стали его членами, и извѣстный лордъ Шефтсбери, общій президентъ миссіонерскихъ обществъ, сдѣлался его президентомъ *. Сама г-жа Финнъ исполняла должность секретаря, а Фр. сдѣлался руководителемъ эмигрантовъ, и оба до сихъ поръ получаютъ свое опредѣленное жалованье, чѣмъ, собственно, теперь выражается вся дѣятельность общества.

Въ августѣ 1882 г. оно послало 40 еврейскихъ семействъ въ Сирію, именно въ мѣстечко Латакію, недалеко отъ Бейрута. Тамъ ихъ около года совершенно напрасно продержали. Землю можно было очень легко и дешево купить, но, повидимому, оно объ этомъ и не думало. Вся его дѣятельность ограничивалась выдачей пособій эмигрантамъ (сначала выдавали по 4 пенса въ день на душу, но потомъ, когда это оказалось слишкомъ недостаточнымъ, стали выдавать по 6 пенсовъ); но оно нисколько даже не пыталось пристроить и обезпечить безпомощныхъ эмигрантовъ.

Дѣло, однако, такъ не могло долго продолжаться, и вотъ ихъ переправляютъ на островъ Кипръ, гдѣ покровительство англійской королевы нисколько не спасаетъ ихъ отъ увеличенія болѣзней и смертности подъ вліяніемъ весьма нездоровыхъ климатическихъ условій. Здѣсь опять-таки можно было бы купить удобную и хорошую землю очень дешево, но общество предпочло обратиться къ помощи англійскаго правительства, хотя извѣстно было, что послѣднее не имѣетъ въ своемъ распоряженіи удобной для обработки земли. Правительство, дѣйствительно, и дало холмистую мѣстность въ 4,000 акровъ, изъ которыхъ около 50 акровъ были годны для обработки (это вполнѣ было признано агентомъ общества, Mr. Londhorne). Къ тому еще недостаточно было воды. Три мѣсяца, однако, эмигранты работали, очищали землю отъ кустарниковъ и камней, искали воды, но это былъ напрасный

* Этотъ богатый лордъ извѣстенъ своею религіозною ревностью. Хотя онъ могъ бы быть пэромъ, но отказался отъ политики, чтобы окончательно предаться своимъ религіозно-филантропическимъ дѣламъ. Онъ всегда возвышалъ свой голосъ противъ преслѣдованій евреевъ и принималъ очень горячее участіе въ памятныхъ менменъ-гаузскихъ митингахъ. Онъ и любитъ особенно обращать евреевъ въ христіанство.

трудъ: невозможно было устроить колонію на такой землѣ. Съ первыхъ же дней своего пребыванія на островѣ они не переставали жаловаться на негодность отведенной имъ земли для земледѣлія и скоро, когда неудачныя попытки еще болѣе убѣдили ихъ въ этомъ, они обратились съ просьбой къ лорду Шефтсбери—либо дать имъ новой земли, либо переправить ихъ на родину. Имъ даже не отвѣтили, и они въ началѣ настоящаго года еще болѣе рѣшительно повторили свою просьбу. На этотъ разъ имъ вмѣсто отвѣта поднесли жестокій ультиматумъ: или обработывать quand même данныя имъ горы, или убраться, куда имъ заблагоразсудится. Общество отказывалось признать справедливыя заявленія эмигрантовъ и требовало одного *подчиненія,* обѣщаясь за это чуть ли не безсрочно поддерживать ихъ. Когда же они, желая выйти изъ своей тягостной зависимости и не видя никакой цѣли въ вѣчныхъ подачкахъ, отказались отъ обработки данной имъ земли, то хладнокровные англичане прехладнокровнѣйшимъ манеромъ бросили ихъ на произволъ судьбы, прекративъ выдачу пособій и отказавшись даже дать имъ возможность выѣхать изъ острова, гдѣ имъ нечего было дѣлать.

Несчастные эмигранты сразу оказались въ такомъ безвыходномъ и тягостномъ положеніи, что даже само правительство острова сочло нужнымъ явиться имъ на помощь; но оно выдавало имъ только по маленькому хлѣбцу въ день. Въ это-то время они обратились съ воззваніемъ къ евреямъ, умоляя своихъ единовѣрцевъ помочь имъ возвратиться на родину. Это воззваніе было напечатано въ «Jewish Chronicle», гдѣ еще раньше велась полемика между двумя возвратившимися въ Лондонъ кипрскими эмигрантами и г-жею Финнъ, и побудило лондонскихъ евреевъ вмѣшаться въ это крайне запутанное и темное дѣло. Представители здѣшней общины собрались, чтобы обсудить, что имъ остается тутъ дѣлать, но изъ нежеланія открыто выступить противъ миссіонеровъ и лорда Шефтсбери, рѣшенія ихъ не были преданы гласности. Надобно, однако, полагать, что они рѣшили вывезти на свои средства эмигрантовъ изъ Кипра. Дѣйствительно, многіе изъ послѣднихъ уже разъѣхались, кто куда могъ и хотѣлъ (большинство уѣхало въ Россію). но еще до сихъ поръ на островѣ остается слишкомъ 100 душъ, которыя тѣмъ болѣе мучатся, что имъ просто

некуда дѣться. Г-нъ же Фр. все-таки тамъ еще остается и уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ жаловаться на скупость общества и миссіонеровъ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія этого своеобразнаго колонизаціоннаго общества и почти трехлѣтнихъ страданій и странствій несчастныхъ эмигрантовъ. По общему мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ ней, это общество было только хитрой затѣей миссіонеровъ. Иначе, впрочемъ, нельзя себѣ объяснить, какимъ образомъ богатые, практичные и привычные къ устройству колоній англичане безъ толку три года водили за носъ множество бѣдныхъ людей и позорно отступились отъ дѣла, за которое взялись. Что касается до лорда Шефтсбери и прочихъ благочестивыхъ филантроповъ, то они, конечно, желали помочь гонимымъ евреямъ, но, можетъ быть, не взялись-бы за трудное дѣло колонизаціи на Востокѣ, еслибы не надѣялись такимъ путемъ лучше удовлетворить своей религіозной ревности. Во всякомъ случаѣ, безспорно то, что тутъ и иниціатива принадлежала миссіонерамъ, и все дѣло, собственно, велось ими, а для нихъ, очевидно, устройство колоній было только предлогомъ. Разъ они увидѣли, что ихъ планы обращенія не могутъ осуществиться, они должны были только стараться, какъ бы скорѣе и удобнѣе отвязаться отъ эмигрантовъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы они нашли удачную и ловкую развязку и благородно покончили со своей тонкой затѣей.

Но ихъ это очень мало можетъ трогать; они теперь, по всей вѣроятности, выдумываютъ кое-что другое, чтобы держать въ своихъ рукахъ нѣсколько несчастныхъ евреевъ, заманивая ихъ своей якобы безкорыстной благотворительностью. По крайней мѣрѣ, г-жа Финнъ, по иниціативѣ которой и составилось «Общество для колонизаціи Сиріи», очень изобрѣтательна. Недавно она выкинула такую штуку. Въ Whitechapel стало извѣстно, что образовалось общество или имѣются спеціальные фонды для вспомоществованія старымъ еврейкамъ. Въ Лондонѣ достаточно бѣдныхъ евреевъ и евреекъ, такъ что охотницъ нашлось немало, хотя извѣстно было, что раздаватели пособій—миссіонеры. Сначала все шло спокойно и хорошо. Первыя недѣли однѣ старыя еврейки получали пособія, но мало по малу стали приходить и молодыя, и вообще всѣхъ возрастовъ. Миссіонеры почти никому не отказы-

вали, не заикались о христіанствѣ и, словомъ, выжидали. Имъ прежде всего нужно было пріучить толпу женщинъ довѣрчиво относиться къ нимъ и регулярно посѣщать ихъ миссіонерскій домъ. Черезъ нѣсколько недѣль, однако, еврейкамъ предложили оставаться въ домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ предъ выдачей пособій и что-нибудь шить, шить такъ себѣ, для развлеченія или для того, чтобы пособія не казались прямой милостыней. На слѣдующей недѣлѣ шитье стало уже почти обязательно, затѣмъ ненарокомъ появились миссіонеры и миссіонерки, начинались собесѣдованія, перешедшія скоро въ хитроумныя проповѣди, и, въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что евреекъ хотѣли было заставить падать на колѣни... Разумѣется, онѣ тогда подняли гвалтъ и разбѣжались; но, точно также разумѣется, миссіонеры нисколько не унываютъ: не въ первый разъ они напрасно тратятъ свой, невысокаго качества порохъ, а гордые сыны Альбіона достаточно оригинальны, чтобы дорого расплачиваться за всѣ свои благомерзости. Г-жѣ Финнъ, такъ тонко руководившей всей этой трагикомедіей, остается только сказать: гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, но этотъ случай, который я здѣсь только мимоходомъ привелъ, ясно показываетъ, до чего доходятъ гг. миссіонеры для достиженія своихъ божественныхъ цѣлей, и рельефно рисуетъ ихъ тактику. Она начинается и кончается возбужденіемъ личныхъ интересовъ, эгоизма бѣдныхъ и полуголодныхъ людей, и потому особенно опасна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи живутъ въ сильной нуждѣ, неустойчиво и разрозненно. Если она вообще разлагаетъ людей и приводитъ какъ разъ къ результатамъ, совершенно обратнымъ чистой христіанской морали, то по отношенію къ миссіонерамъ для евреевъ, т. е. къ крещеннымъ евреямъ, должно сказать, что она доводится ими до безобразія. Но объ этомъ мнѣ еще придется говорить въ слѣдующихъ письмахъ.

Теперь-же, обращаясь къ «Обществу для колонизаціи Сиріи», приходится только сказать, что миссіонеры тутъ такъ ловко обработали свое дѣло и такъ мастерски скрыли концы, что обыкновенными средствами ихъ и найти трудно. Какія спеціальныя цѣли тутъ имѣлись въ виду, трудно опредѣлить, но присутствіе миссіонеровъ тутъ несомнѣнно, да оно и неизбѣжно во всѣхъ

дѣйствіяхъ англійскихъ благотворительныхъ обществъ въ пользу евреевъ. Особенно же это вѣрно относительно тѣхъ изъ этихъ обществъ, которыя имѣютъ какія нибудь цѣли и стремленія въ Палестинѣ, или вообще когда дѣло идетъ о Святой землѣ. Holy Land очень сильно занимаетъ и интересуетъ англичанина. Помимо общерелигіозныхъ причинъ, вопросъ тутъ имѣетъ свои собственныя, и очень свѣтскія. Это именно географическое положеніе Палестины между Средиземнымъ моремъ и Индіей. Англичанинъ сознаетъ, что при извѣстныхъ и весьма возможныхъ обстоятельствахъ протекторатъ надъ Палестиной, подобный тому, какой Англія имѣетъ надъ островомъ Кипромъ, можетъ оказаться ему въ высшей степени необходимымъ и полезнымъ для защиты Индіи, и потому онъ старается разными подходящими путями тамъ утвердиться и получить вліяніе *.

Считая самыми главными и существенными изъ этихъ путей миссіонерство и филантропію въ Палестинѣ, англичане образуютъ разныя общества, мужскія и женскія, и тратятъ огромныя деньги на миссіонерскія предпріятія. Успѣваютъ ли они тутъ или нѣтъ—это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ, спасители-миссіонеры только то и дѣлаютъ, что ищутъ евреевъ для «обращенія» и для полученія круглыхъ фунтовъ въ благодарность. Въ этомъ отношеніи заграничный хроникеръ «Восхода» совершенно правъ, указывая (см. № 19) на опасность со стороны миссіонеровъ для евреевъ, живущихъ въ Палестинѣ, и для колонизаціи въ частности. Опасность эта выражается не въ томъ, что они могутъ окрестить двухъ-трехъ бѣдняковъ въ теченіи года, а въ томъ, что они могутъ страшно *мѣшать* правильному развитію еврейскаго элемента въ Палестинѣ. Обладая обширными матеріальными средствами и

* Это сознаніе проявляется во всѣхъ книгахъ англичанъ, трактующихъ о современномъ состояніи Палестины. Авторъ прекраснаго сочиненія: «Tent. Work in Palestine», Mr. C. R. Conder, доказывая, что все зло современнаго положенія Святой земли происходитъ вслѣдствіе запустѣнія и главнымъ образомъ вслѣдствіе невозможнаго правительства, прямо и говоритъ, что только европейцы могутъ тутъ помочь бѣдѣ и что именно англичане должны быть этими благодѣтелями. Не лишне еще замѣтить, что г. Кондеръ былъ начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія Палестины, посланной обществомъ «Palestine Exploration Fund» въ 1869 т., и что его книга—только сокращенное изложеніе общаго отчета экспедиціи.

чувствуя себя очень прочно и независимо подъ защитой англійскаго правительства, они имѣютъ тѣмъ болѣе легкую возможность поддерживать раздоры евреевъ и вносить разстройство въ еврейскую среду, что они сами изъ евреевъ и вообще знакомы съ условіями палестинской жизни. И очевидно, они не могутъ иначе дѣйствовать, такъ какъ ихъ прямая задача — какъ можно болѣе держать евреевъ въ изолированномъ и экономически зависимомъ положеніи. Они, впрочемъ, такъ и поступаютъ на самомъ дѣлѣ, гдѣ только представляется благопріятный случай.

Не думаю однако, чтобы они могли сильно вредить дѣлу колонизаціи Палестины, разумѣется, если послѣднее будетъ вестись сколько-нибудь правильно, по болѣе или менѣе опредѣленному плану. Но къ крайнему сожалѣнію, подобной правильности до сихъ поръ не было, да и наврядъ-ли она возможна въ будущемъ при чрезвычайной трудности самой такой колонизаціи и особенно при враждебныхъ отношеніяхъ къ ней большинства еврейскаго народа. Впрочемъ, никакой еврейской колонизаціи Палестины еще и не было, если не считать трехъ-четырехъ колоній, существующихъ благодаря доброму желанію Ротшильда.

Во всякомъ случаѣ, еслибы всѣ трудности колонизаціи ограничивались однимъ противодѣйствіемъ миссіонеровъ, то намъ, преслѣдуемымъ и гонимымъ евреямъ, оставалось-бы только прыгать отъ радости и хлопать въ ладоши.

Къ глубокому несчастію, самая главная и рѣшительная тутъ трудность — это напрасное сопротивленіе самихъ евреевъ, сопротивленіе въ силу ли религіозныхъ вѣрованій, простой инерціи или уже слишкомъ мудрыхъ и тонкихъ политическихъ разсчетовъ. Еслибы они проявляли хоть какую-нибудь рѣшимость и желаніе устраивать земледѣльческія колоніи въ Палестинѣ, то, не смотря на противодѣйствіе Турціи и пр. и что бы тамъ ни говорили, они бы навѣрно имѣли такія-же колоніи, какъ и вюртембергскіе піэтисты *. Палестина, въ самомъ дѣлѣ, не клиномъ сошлась. По

* Исторія нѣмецкихъ колоній въ Палестинѣ доказываетъ заразъ, какъ трудно и тяжело ихъ тамъ устраивать и какъ опредѣленная воля можетъ все это въ два-три года пересилить. Изъ книги: «Palestina als Ziel und Boden germanischer Auswanderung und Kolonisation», гдѣ добродушный нѣмецъ признаетъ Палестину весьма лакомымъ кусочкомъ для фатерланда, мы узнаемъ, что пер-

общему признанію ученыхъ и серьезныхъ ея изслѣдователей, ея климатическія и вообще физическія условія не измѣнились съ того времени, когда она была обѣтованной землей Израиля:—она бы теперь была страной меда и млека, еслибы несчастное стеченіе историческихъ условій не превратило ее чуть-ли не въ пустыню. Побольше людей при сносномъ правительствѣ—и все это скоро станетъ такимъ же воспоминаніемъ, какъ и счастливая библейская Палестина.

Евреи же сами по себѣ могутъ оказаться такими-же хорошими колонистами въ Палестинѣ, какъ и въ Америкѣ, гдѣ, по общему признанію, они хорошо работаютъ и недурно устроились. Я думаю даже, что еслибы палестинскимъ колонистамъ и поселенцамъ оказывали такую же поддержку, какъ американскимъ, то результаты въ обоихъ случаяхъ получились бы одинаковые. Но здѣсь, собственно, не мѣсто вдаваться въ разсужденія объ этомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ. Единственно, что я хочу выставить на видъ и что само по себѣ ясно—хотя это, къ сожалѣнію, обыкновенно забываютъ, — это то, что. организованная и правильная колонизація Палестины — вопросъ совершенно самостоятельный, мирный, очень важный и благотворный по своимъ послѣдствіямъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ быть поддержанъ людьми безъ различія партій, даже такими, которые руками и ногами открещиваются отъ политическаго палестинофильства.

Что-же касается до сирійско-кипрскихъ эмигрантовъ, то ихъ полную неудачу ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать ни дѣйствительной трудности колонизировать востокъ, ни воззваніямъ ни въ чемъ не повинныхъ тутъ горячихъ палестинцевъ. При тѣхъ усло-

---

вые поселенцы, посланные піэтистами общества «Temple», умерли отъ болѣзней или возвратились обратно и что первая устроенная тѣмъ же обществомъ колонія скоро успѣла потому, что она *раньше нѣсколько лѣтъ приготовлялась и существовала недалеко отъ Штуттгарта* на подаренной ей принцемъ землѣ. Очевидно, что и евреи могли бы не хуже успѣть, еслибы они имѣли предварительно модель-колонію гдѣ нибудь въ Россіи или Германіи и отправлялись въ Палестину не поодиночкѣ, а группами. Но и этого не нужно, разъ уже существуетъ нѣсколько колоній въ самой Палестинѣ; единственно, что нужно теперь—это правильная поддержка толковыхъ и порядочныхъ колонистовъ. Много подробностей о нѣмецко-палестинскихъ колоніяхъ можно найти въ уже указанной превосходной книгѣ г. Кондера: «Tent Work in Palestine».

віяхъ, въ какія, какъ мы это видѣли, милостью миссіонеровъ были поставлены сорокъ несчастныхъ русско-еврейскихъ семействъ, искавшихъ спасенія и успокоенія въ Лондонѣ, навѣрно можно сказать, что никакіе нѣмцы и наилучшіе колонисты не могли бы тутъ успѣть. Пусть лучше евреи широко и правильно поддерживаютъ другъ друга, пусть они дѣйствительно такъ крѣпко сплотятся и единодушно дѣйствуютъ, какъ это имъ теперь приписываютъ новомодные и стародикіе жидоѣды,—тогда и Палестину возможно будетъ колонизировать, и они побѣдятъ всѣ настоящія и будущія трудности и препятствія, какъ немало побѣждали ихъ въ своемъ ужасномъ прошломъ, за весь безконечный періодъ своихъ двухтысячелѣтнихъ страданій и бѣдствій.... *

Я. Ромбро.

Лондонъ,
18-го іюля 1884 года.

---

* Становясь даже на точку зрѣнія нашего почтеннаго корреспондента, мы все таки не видимъ надобности тратить безполезно силы и средства на колонизацію Палестины, въ то время, когда съ гораздо меньшими усиліями и гораздо меньшими средствами—которыхъ у русскихъ евреевъ вообще очень мало — и къ тому же, при свободномъ, а не деспотическомъ правительствѣ и не подвергаясь козпямъ, интригамъ и препятствіямъ миссіонеровъ, можно колонизировать Америку.

Ред.

Stanford University Libraries
3 6105 012 115 080

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 15 2000
APR 1 2000